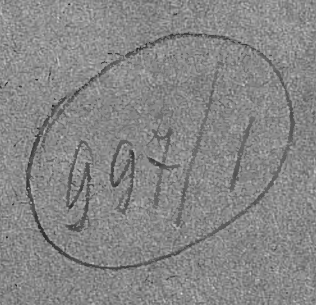

9
265
НЕ
КОПИРОВАТЬ!

Проф. М. В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО БЕЛОРУССИИ

1861—1914 г. г.

ИЗДАНИЕ ГОСПЛАНА БССР
МИНСК——1926

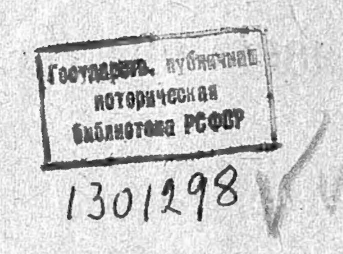
Проф. М. В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО БЕЛОРУССИИ

1861—1914 г. г.

ИЗДАНИЕ ГОСПЛАНА БССР
МИНСК — 1926

Главлитбел № 15207. (2000 экз.)

Минск, 2 типлит БГИ № 1201.

Настоящая книга посвящена хозяйству довоенной Белоруссии. Белоруссия рассматривается здесь в составе 6-ти губерний, т. е. в том составе, в каком большинство ученых рассматривали этот район в довоенное время. Этот район 6-ти губерний представляет собою экономически единый тип хозяйства, в общем покоящийся на единстве естественно-исторических и экономических условий. Эта территория приблизительно совпадает с территорией этнографической. Поэтому и в прежней статистике его большей частью называли Белорусским, иногда Западным. Настоящая книга делает попытку впервые изучить экономику довоенной Белоруссии. Это одно уже может служить извинением тех недостатков, которые, несомненно, ей присущи. Изучить хозяйство Белоруссии, в прошлом—задача трудная, ибо прежде всего, приходится начинать сначала за отсутствием предшествующей научной литературы. Мало того, этот район не имел своей земской статистики, не имел специальных обследований, поэтому на очень многие вопросы нельзя ответить. Тяжелая гнетущая рука царского правительства не позволяла здесь создаться научному центру, разгоняла интеллигентных работников, сгоняла обрусителей, интересуясь краем только с полицейской точки зрения, так что даже наши губернские центры в научном и общественном отношениях далеко уступали многим губернским центрам Украины или Великороссии. Таким образом, настояшая книга является попыткой изучить экономику района, весьма слабо обставленного в смысле источников изучения. В ней затронуты важнейшие стороны хозяйственной жизни в надежде на то, что дальнейшее изучение края в его прошлом и настоящем пойдет убыстренным темпом при современных условиях широко развитой научной мысли. Эта книга охватывает довоенное прошлое в масштабе, который не соответствует современным границам БССР. Тем не менее она может быть полезна для уяснения хозяйства БССР в настоящее время, т. к. дает отправные точки уклонов его развития в прошлом.

Автор считает своим долгом выразить глубокую признательность Госплану БССР в лице его председателя т. С. Б. Карпа, давшему возможность этой книге появиться в печати. Кроме того, с глубокой благодарностью отмечаю тот тяжелый труд черновой работы, который, в процессе составления книги, пришлось понести моей жене Надежде Маркиановне.

I. Наследие крепостной эпохи.

Народное хозяйство Белоруссии послекрепостного периода долгое время носит на себе глубокие следы не только крепостной эпохи в обычном смысле этого слова, но вместе с тем и эпохи глубокого упадка экономической жизни. В этом отношении белорусское хозяйство значительно отличается от хозяйства своей восточной соседки, Великороссии. Там крепостное право тоже привносило все свойственные ему ужасы. Но дело в том, что конец 18-го и первой половины 19 века здесь были эпохой первичного накопления капитала. В этих условиях известная часть великорусского крестьянства, конечно, относительно небольшая, имела возможность заработка в городах (развитие отхожих промыслов) и даже накопления капитала (крестьянская—фабрика). Когда крестьянство получило свободу, известная часть его могла найти работу в развивающихся городах, на фабриках и заводах, имея кстати для городских и фабричных промыслов навыки, приобретенные в крепостную эпоху. Земли великорусский крестьянин получил хорошей очень немного, а плохой формально достаточное количество. Но недостаток качества и количества земли сослужил великорусскому крестьянину на первое время довольно хорошую службу: не привязанный к своему тощему наделу, он потек на юг и на восток—туда, где начинала бурлить промышленная и торговая жизнь.

Белорусский крестьянин был освобожден в эпоху, отражавшую на себе все признаки глубокого упадка хозяйственной жизни страны. Корни этого упадка уходили далеко назад, они имеют завязь в 17-18 веках, т. е. еще в период, когда Белоруссия была составной частью Речи Посполитой Польской, Белорусской и Литовской. Это обстоятельство заставляет нас несколько остановиться на эпохе, предшествовавшей 60-м годам. Эпоха развития „золотой вольности“ была в то же время эпохой падения хозяйственной жизни страны. Классовые отношения в Белоруссии и Литве сложились таким образом, что небольшая группа в 25-30 панов фактически владела государством. Непосредственно под ней стоял многочисленный класс рядовой шляхты, гордившийся своим юридическим конституционным равенством с магнатами и фактически находившийся в полном повиновении у последних. Эти классовые соотношения сложились таким образом, что всею тяжестью своею они легли на крестьянство и на многочисленный городской класс. Обеднение крестьянства, выражавшееся в уменьшении наделов пахотной земли, в увеличении безлошадных и безкоровных дворов, в появлении довольно многочисленного класса сельских батраков,— вот та довольно печальная картина, которая в общем наблюдается в Белоруссии к исходу политической свободы Речи Посполитой.

В 16-м и частью в 17-м веках можно было наблюдать быстрый рост вывоза и не только грубого сырья (хлеба, леса), но и обработанных изделий. Можно наметить некоторые районы (Слуцкий, Могилевский, Вилен-

ский), где переработка сырья для экспорта в Германию, повидимому, занимала довольно видное место. Но грубая и близорукая политика господствующего класса привела страну в состояние крайнего обеднения. Развивавшаяся роскошь панских дворов всей тяжестью легла на крестьянский класс, отягченный податями и повинностями. Шляхтич с завистью смотрел на всякое проявление зажиточности городского класса. Конституции первой половины 17 в. даже запрещают мещанам ношение шелковых одеяний, дорогих мехов и пр. Политика твердых цен и другие способы регулирования торговли, наряду с высокими торговыми пошлинами, разрушительно отзывались на городской торговле. К этому надо прибавить фактическое бесправие городского класса, несмотря на то, что города продолжали обладать пышными Магдебургскими привилеями. Городской класс беднел и обладатели капитала сотнями, а по некоторым данным тысячами, уходили в города России. К этому надо прибавить плохое состояние путей сообщения, массу мелких поборов и перед нами предстанет бледная картина фона хозяйственной жизни тогдашней Белоруссии. Бедное, угнетенное, разоренное крестьянство. Многочисленные города, но с уменьшающимся количеством населения. Среди нескольких хат стояли корчмы, перед которыми в определенные дни продают метлы, решета и горшки. Вот картина белорусского местечка и даже города в конце 18 века. И рядом с городом—местечком стоит замок с венецианскими стеклами. Внутри замок разукрашен турецкой и итальянской работой, хорошей дубовой мебелью, обитой шелком, снабжен дорогой иноземной посудой. Роскошь панского двора приобретает угрожающий для хозяйства страны характер. Доходы с крестьян и мещан уже часто не покрывают прихоти пана. Тогда он не стесняется продавать свою отчизну пруссакам, австриякам или русским: продает дипломатические тайны, устраивает конфедарации и пр.

Правда, к исходу Речи Посполитой начали раздаваться отрезвляющие голоса. Увлечение иностранными товарами, падение промышленности, убогий хлоп, томящийся беспрерывной работой, погрязший в пьянстве и лени, не знающий потребностей, связанных с рынком, все это на фоне роскоши и расточительности начинало приводить некоторую часть мыслящей шляхты к сознанию необходимости реформы.

Отрезвляющие голоса, деятельность отдельных лиц и затем постановления Четырехлетнего Сейма как будто клали начало новой экономической политике, политике раскрепощения промышленности и торговли и даже появлялись штрихи сознания необходимости улучшения положения крестьян.

Вот несколько моментов фактического характера из истории этой любопытной эпохи.

Параллельно тому, как в Варшаве зарождались идеи насаждения промышленности и улучшения путей сообщения, ту же тенденцию мы встречаем и в среде белорусских деятелей. Матвей Бутримович, впоследствии посол на 4-х летний Сейм, проявляет кипучую деятельность в Полесьи по проведению благоустроенных дорог. Слоним через Логичин соединяется с Пинском, а из Пинска дорога пошла на Волынь. Вильна и Минск соединяются дорогами с Брестом и Варшавой. Тут уже сказывается деятельность известного гетмана Огинского. На его же средства прорыт Огинский канал, соединивший Днепр с Неманом. Уже в эпоху Разделов закончен Днепровско-Бугский канал, по кото-

рому Матвей Бутримович провел первые 10 судов в Гданск. Немного позже появляется проект известного Фаддея Чацкого о соединении Днепра с Двиною посредством Березины (впоследствии Березинский канал).

Подскарбий надворный Литовский Антоний Тизенгаузен, староста Гродненский, огромные средства вкладывает для развития промышленности в Гродненщине. Он основал здесь несколько школ, даже Ботанический сад и целый ряд фабрик. Это были шелкоткацкие, суконные и другие фабрики под Брестом и под Гродно. Предместье г. Гродно Городница совершенно преобразилось; это стал благоустроенный городок с каменными и деревянными домами.

Но вся деятельность Тизенгаузена была по существу крепостнической затеей. Это была крепостническая фабрика. Класс рабочих создавался им искусственно и насильственно. Тизенгаузен брал крестьянских мальчиков и девочек, насильно заставлял их обучаться медицине, или хирургии или ставил к ткацкому станку. Английский путешественник Кокс насчитывал в предприятиях Тизенгаузена до 3-х тыс. рабочих. Все они имели одежду и пищу, лучшую чем крестьяне, но по его словам, выражение лиц этих рабочих было проникнуто „глубокой грустью" и на них больно было смотреть: легко было понять, что они работали по принуждению, а не по склонности.

Хотя предприятиями Тизенгаузена руководили опытные мастера, выписанные из Франции и Германии, однако эта помещичья затея, столь нашумевшая, кончилась многомиллионным дефицитом. Она имела только один положительный результат, сказавшийся несколько позже, именно в том, что, повидимому, задержала некоторое количество немецких мастеров в Гродненщине и создала некоторый контингент местных мастеров. Все это впоследствии сказалось на возрождении текстильной промышленности в этом районе. Надо впрочем помнить, что в пределах той же Гродненщины развивал промышленность не один Тизенгаузен. Канцлер литовский Сапега устраивает в своем имении Рожанне в Слонимском повете суконную, бумажную и полотенную фабрики, его брат Казимир—в Кодне суконную, княгиня Анна Яблоновская в Семятичах—селитренный и котельный заводы. Появляются очаги фабричной промышленности и в других местах Белоруссии: в Смолкове появляется фабрика глиняных изделий, в Кореличах—шпалерная, в Несвиже у Радзивиллов работает ковровая фабрика, а в Слуцке—знаменитая фабрика поясов.

Вся эта эпоха конца 18 в. нас интересует с двух точек зрения. Прежде всего, здесь мы встречаемся с обычным типом искусственного насаждения крепостной фабрики, действующей под руководством иноземных мастеров. Цель фабрики—удовлетворить вкусам панского двора, заменить дорогие привозные материи, стекло и т. д. Это была панская затея, увлечение, частью заносного происхождения. И в то же время эти затеи служили отражением нарождавшегося капитализма; но это был не белорусский капитализм, а польский, центром которого была Варшава. В эпоху падения Речи Посполитой как раз зарождалась польская промышленность и польский капитал. С другой стороны, такое же явление наблюдается далеко на Востоке, вокруг Москвы и Петербурга.

Когда началась эпоха Разделов, Белоруссия оказалась в тисках обоих очагов нарождавшегося капитализма. Но сама она была очень

слаба естественными рессурсами и капиталами. Эпоха Разделов на хозяйстве Белоруссии сказалась гораздо сильнее, чем на хозяйстве Польши, и Белоруссии оказалась под влиянием 2-х соседних рынков. К этому надо прибавить нарождавшуюся прусскую промышленность, которая в свою очередь давила на польскую.

В эпоху Разделов Пруссия целым рядом нажимов, угроз, даже чеканкой фальшивых талеров, старается повернуть польскую и, главным образом, белорусскую торговлю в прусское русло в целях перехвата сырья, потребность в котором тогда начала возрастать на западноевропейском рынке.

С другой стороны, русское правительство было не менее заинтересовано в охвате белорусскаго рынка своим капиталом Для украинских частей Речи Посполитой оно открывало богатые виды для вывоза хлеба в черноморские порты, а грубое белорусское сырье притягивало к Риге. Заключенный сейчас, после первого Раздела, торговый трактат с Польшей 1775 г. давал целый ряд льгот польским, т. е. по существу белорусским товарам, для привлечения их на новую русскую территорию, т. е. к Подвинью. Русское правительство весьма предусмотрительно ввело ряд льготных статей для той части Белоруссии, которая еще оставалась в единстве с Польшей. Этими статьями предоставлялась свободная торговля по Двине. Рижская торговля солью освобождена от всякого рода таможенных сборов и монополий. Наконец, вообще Рижский порт об'явлен был в особо привилегированном положении. С другой стороны занятие Россией южных степей, появление русского торгового флота в Дарданеллах весьма оживило польскую торговлю, оттянув часть ее товаров на юг, что подняло торговлю и северной части б. Речи Посполитой. Напр. обороты Витебска быстро поднялись. Тогда как в половине 18 в. число судов, приходивших в Ригу за товаром, колебалось от 300 до 600. с 70 годов оно быстро возрастает и на рубеже 18—19 веков Рижский порт принимает в своих водах около 1000 судов в год. Конечно, тут уже была часть и русских товаров, но, разумеется, на долю Белоруссии приходилась наибольшая часть их.

Белорусские купцы быстро освоились с новым расширением рынка и уже в последние годы 18 в. и в первые годы 19 в. Витебск находится в широких деловых сношениях с Смоленском, Харьковом, Петербургом. Москвой, Воронежем, Херсоном, Якобштадтом, Липецком и др. И эти сношения, между прочим, отличаются широким кредитом, которым пользовались Витебские купцы в этих городах. По сохранившимся записям протестованных векселей можно видеть, что напр. в 1801 г. было протестовано на 245 тыс. руб. векселей, выданных в Витебске. В сделках принимают участие, главным образом, купцы и мещане и очень редко шляхта. Даже 10 проц. годовых, принятых в то время, можно считать невысоким процентом, указывающим на то, что кредит делается частым явлением.

В последующее время рынки восточной Белоруссии стали наполняться произведениями московских фабрик. Опорным пунктом московского капитализма делается Витебск, где оседают русские купцы с красным товаром, пушным, медным, галантерейным, чаем, рыбой, икрой. Они захватывают рижскую торговлю. Двина становится путем, по которому города Белый и Поречье, тогда очень бойкие торговые

центры, имевшие связь с внутренними частями России, провозят свои товары. Таким образом, зарождающийся Московский капитализм стремился захватить белорусский рынок.

Но с другой стороны, с Запада, к тому же рынку тянется польский капитал Падение политической самостоятельности Польши, как это хорошо выяснено в научной литературе, весьма благоприятно отразилось на развитии ее промышленности. Но для этой промышленности нужен был рынок. Конкурирующая суконной мануфактурой Пруссия не могла быть таким рынком, да и вообще на Западе Польша встречалась с развитой английской промышленностью. По существу обе конкурирующие промышленности, прусская и польская, стремятся к одному и тому же рынку—к русскому рынку, а за ним к азиатскому (Кяхтинская торговля сукнами). При такой ситуации Белоруссия оказалась в весьма невыгодном положении. Великорусский капитал охотно потянулся в богатую Украину и здесь появились очаги суконной промышленности (в Черниговщине, Подолии и на Волыни), частью сюда же на Волынь потянулся польский капитал. Следовательно здесь, наряду с привозным московским товаром нарождалось и местное производство, обрисовывались условия поднятия и местного капитала. Развитие свеклосахарной промышленности имело то же значение.

Белоруссия, напротив, сделалась ареной международной политики. Как известно, с конца 18 века прусские сукна имели широкий доступ в Китай, проходя через белорусскую территорию. Тариф 1810 года значительно задержал развитие этой транзитной торговли. Но одна из статей Венского конгресса 1815 года устанавливала свободный оборот товаров между всеми бывшими частями Речи Посполитой и этим самым отдавала белорусско-литовский рынок наплыву промышленных произведений из Польши.

Указ 1819 г. о слиянии Империи и Царства в одно целое в таможенном отношении поставил Польшу в особенно благоприятные условия Он отделил ее таможенной чертой от Пруссии и от Познани и в то же время предоставлял ей возможность развития на Востоке. Правда, с 1819 г. по 1850 г. между Царством и Империей была установлена погранично-таможенная черта. Но польские изделия, сравнительно с Прусскими, при ввозе пользовались большими льготами. Это представляло угрозу русскому капитализму, потому что польское сукно удачно конкурировало с московским и в Западных областях и в Кяхте. Восстание 1830 года помогло русским промышленникам частью затормозить повышенными пошлинами доступ польских произведений на русский рынок Это отразилось на падении польского ввоза. Но не надо забывать, что этот ввоз имел все же широкий рынок, а с 1850 г. польская промышленность могла свободно конкурировать с московской.

Условия такого межиумочного географического положения делали Белоруссию ареной борьбы 2-х капиталов. Положительной стороной этой борьбы было только возрождение Гродненской промышленности, которое относится, главным образом, к началу 30-х годов, когда немецкие капиталисты и мастера, работавшие в Польше, почувствовав тяжесть нового таможенного тарифа, перенесли производство на соседнюю территорию, не огражденную таможенным барьером от остальной России. Если к этому нажиму польского и русского капиталов прибавить и то соображение, что на месте не было торгового капи-

тала, и что даже крупное землевладение, пользовавшееся большими доходами, уносило большую часть последних в Варшаву, Париж или Петербург, проживая их там или пуская их там же в оборот, то мы уясним себе сущность того бледного фона, который носила вся хозяйственная структура Белоруссии в эпоху между Разделами и 60-ми годами. Вообще, единственный капитал, земля, в руках помещиков был обременен долгами. В 50-х годах помещики бросились к дверям кредитных учреждений, но займы были прожиты. Накануне освобождения 60—70 проц. дворянских имуществ оказалось в залоге; только в Витебской губ. % заложенных имуществ был вдвое меньше. Все это говорит о бедности наличным капиталом даже дворянского класса. Неудивительно поэтому, что в результате мы видим не только слабость торгово-промышленного развития, но даже некоторое отставание его сравнительно с кратким периодом под'ема конца 18 и начала 19 века.

Показатель промышленности и торговли—города были многочисленны, но бедны населением. 79 городов всех 6-ти губерний, без многочисленных местечек, которые едва ли справедливо причислять к городам, заключали в себе около 400 тыс. жителей. Это дает от 7 до 10 проц. городского населения для отдельных губерний. Но при этом восьмая часть всего городского населения жила в Вильне.

Городское население питалось ремесленным трудом и мелочной торговлей. То, что в тогдашних статистических сведениях называется промышленностью—это были мелкие винокуренные заводики в помещичьих имениях. Вне этой промышленности встречаются только ремесленные мастерские, именуемые в статистических сборниках—заводами. Можно было бы указать разве на добычу железной руды в Виленской г., на Климовичский стекольный завод или на Чериковский—парусинный. Только в Гродненской губ. фабрично-заводская промышленность свила себе прочное гнездо. Одно местечко Супрасль с его ткацкими станками давало до 1½ мил. руб. В пределах Белостокской области перерабатывалось до 40 тыс. пуд. шерсти. Сукна шли частью в Россию, частью в Кяхту. Торговля велась, главным образом, по водным артериям. Сплав леса на Украину, в Ригу и в Кенигсберг был главным предметом отпуска. Кроме того, за пределы губерний шли: мочала, рогожа, частью пенька, льняное семя. Эти товары стягивались большею частью к Рижскому порту. На Немане крупным собирательным пунктом были Столбцы, Несвижского уезда, и Юрбургская таможня пропускала товаров на 4½—5 мил. рублей. Предметами ввоза служили частью предметы широкого потребления—хлеб, соль, сельди, частью предметы роскоши, особенно виноградное вино.

Эта справка указывает нам на крайнюю слабость экономического развития Белоруссии. В общем хозяйство носило натуральный характер, целиком опиравшийся на крестьянский подневольный труд. Для нашего очерка нет нужды давать подробные исчисления распределения земельной собственности, урожайности и пр., что характеризует положение сельского хозяйства. Это отчасти будет видно из последующего изложения. Для нас важно отметить, что само белорусское крестьянство в эту эпоху находилось в крайне тяжелом положении. Грустным показателем его экономического состояния служит падение прироста населения. В 1846 г. население белорусских губерний в крупных цифрах состояло из 5.360 тысяч жителей, а в 1858 году—из 5.513 тыс. Это относится, как к городскому, так и к сельскому населе-

нию, но собственно крепостное население, накануне раскрепощения, давало снижение своего состава, а не рост.

Современные наблюдатели описывают в весьма мрачных красках картину белорусской деревни. Техника земледелия здесь стояла ниже, нежели в таких же крепостных великорусских губерниях. Недостаток хлеба повсеместен и только отчасти покрывается картофелем. Вот сжатое изложение отзыва одного из многочисленных наблюдателей белорусской деревни, известного академика и статистика 40-х годов, Арсеньева. Он отмечает, что в этом крае преобладает хлебопашество, несмотря на неблагоприятную почву. Но почва плохо обрабатывается. Она не унаваживается, потому что количество лугов не соответствует размерам пашни. Здесь господствуют неурожаи и падежи скота. Впрочем скот очень плох. Промыслов здесь почти никаких. „Дома крестьянские здесь бедны, мрачны, без хозяйственных удобств, не отделены от жилья домашних скотов, крестьяне во многих местах не имеют даже порядочной, сытной пищи; хлеб их—смешение муки с непитательными растениями—так называемой пушной хлеб; платье и обувь крестьян не охраняют их достаточно от непогод и суровости воздуха, оттого видны всеобщее бессилие, уныние и бесчувственность ко всему; полевые орудия, ездовая сбруя и весь домашний скарб крестьянина—поразительная вывеска нищеты. Только Инфлянтские уезды выглядят лучше". И в Могилевской губ. тоже несоответствие между количеством полей и лугов, здесь отношение их как 10:1, почва здесь тощая и сырая, все же здесь урожай лучше. Виленская губерния, по словам того же наблюдателя, дает скудный урожай, страдает часто неурожаями и падежем скота. Не так грустно дело обстоит в Минской г., где наблюдается более нормальное соотношение полеводства и скотоводства, но крестьянское хозяйство все же отмечается скудностью, чему способствует и множество шинков.

К сожалению, этот отзыв—чистая реальность, ибо он подтверждается множеством наблюдений официальных и неофициальных. Даже сыны крепостной Великороссии, чиновники, присылаемые в Белоруссию, губернаторы и генерал-губернаторы, оставили потомству вороха архивных бумаг, описывающие ужасы крепостной белорусской деревни. Эти же официальные наблюдатели свидетельствуют о росте народного недовольства, направленного против панской власти.

Когда взвешиваешь все эти условия низкой хозяйственной структуры Белоруссии крепостной эпохи, отсутствие капиталов, бедность и приниженность деревни, роскошь панского двора, то начинаешь понимать причины медленного нарастания благосостояния в эпоху, последовавшую за раскрепощением. Белорусский народ получил возможность самостоятельно и для себя разрабатывать свою скудную землю в момент величайшего оскудения его хозяйства, в такой тяжелый момент своей хозяйственной жизни, в каком он, повидимому, никогда ранее не был и в каком одновременно не находились его южные и восточные собратья—украинцы и великороссы. Неудивительно отсюда некоторое отставание последующего хозяйственного развития Белоруссии от ее восточных и южных соседок.

В области промышленности это отставание прошло через весь изучаемый период. Но в области сельского хозяйства, более того, именно в области крестьянского хозяйства, белорусский народ сделал, как увидим, громадные успехи, обогнав своих восточных соседей. И

это указывает на здоровые силы, на мощь, заложенную в самой толще народной массы, на трудоспособность и гибкость ума белорусса-хлебороба. Он в конце концов, в короткий период, относительно высоко поставил свое хозяйство, несмотря на бедность природных условий и на то, что он вышел из необыкновенно трудных экономических условий крепостного хозяйства.

II. Население.

Крепостная эпоха была эпохой, дававшей замедленный прирост крестьянского населения. Эпоха после освобождения, как это легко ожидать, не имеет такой тенденции и рост населения зависит от обычных условий прироста. Сейчас после освобождения, по данным 1863 года (пользуемся цифрами Военно-Статистического сборника) общее количество населения 6-ти белорусских губерний выражалось в цифре 5633 т. д. об. п.

В общем, количественный прирост населения (обоего пола) в каждой губернии можно представить следующей таблицей (цифры Военно-Статистического сборника, „Влияния урожаев", Статистического Ежегодника):

	В тысячах						
	1863	1873	1883	1893	1897	1912	1914
Виленская	900	1057	1232	1434	1591	2020	2083
Витебская	777	943	1167	1416	1489	1896	1985
Гродненская	894	1058	1256	1462	1603	2020	2094
Минская	1001	1252	1550	1923	2147	2979	3071
Могилевская	924	989	1199	1497	1687	2351	2551
Смоленская	1137	1163	1281	1439	1525	2118	2210
	5633	6462	7685	9171	10042	13384	13994

Если принять 1863-й год за 100, то в последующие годы в каждой губернии рост населения будет выражаться так:

	1863	1873	1883	1893	1897	1912	1914
Виленская	100	120	140	161	178	225	231
Витебская	100	122	150	182	91	244	255
Гродненсквя	100	130	140	162	179	226	232
Минская	100	125	154	192	214	297	306
Могилевская	100	107	129	162	182	254	276
Смоленская	100	102	112	126	134	186	191
Итого	100	114	136	162	178	240	248

Эта табличка показывает, что наиболее успешный прирост населения наблюдается в Минской губернии, где население за 50 лет утроилось, затем в Могилевской губернии, где оно выросло в $2^3/_4$ раза, и наиболее слабый прирост отмечается в Смоленской губернии. В общем, однако, все население Белоруссии выросло на 148 проц.. За первые 30 лет население всех губерний выросло на 66% за последние 20 лет оно выросло на 41 проц.

При этом следует заметить, что наростание населения в последние 25—30 лет шло гораздо значительнее, нежели в предыдущие десятилетия: с 1897 года оно выражается в приросте в среднем по 219 тысяч в год, тогда, как с 1863 по 1897 год всего по 127 тысяч в год.

Это увеличение населения в общей массе является результатом естественного прироста, та́к как иммиграция в Белоруссию большого значения не имела. Правда, в данном отношении необходимо отличать чисто белорусские губернии от белорусско-литовских. В первую группу губерний наблюдается некоторый влив инорайонного населения уже в последнее десятилетие 19 века и таким образом действительный прирост населения превышает естественный приблизительно на 5 проц. в год, в белорусско-литовских же губерниях наблюдается примерно вдвое меньший отлив населения. Это значит, что в белорусские губернии ежегодно приливало по 11,6 тысяч небелорусского населения, а из литовско-белорусских губ. отливало 6,5 тыс. Это такой небольшой перелив населения, который не нарушает результатов естественного прироста, тем более, что, как мы увидим ниже, эмиграция уроженцев Белоруссии тоже имела место и, следовательно, общие результаты ее не могли влиять на измененения естественного прироста.

Рост населения Белоруссии, в сравнении с ростом населения других районов бывшей России, имеет следующие особенности: население центральной России в течение всего полустолетия, до конца 19 века, имело сильную тенденцию рассачиваться по окраинам. Происходил процесс усиленной колонизации окраин, причем сначала уплотнялся первый пояс колонизации, затем второй и, наконец, движение переходило в Сибирь, в Среднюю Азию и Закавказье, причем даже из колонизованных окраин замечалось передвижение. Поэтому Московская промышленная полоса, группа украинских губерний, группа губерний приуральских, средне-волжских и центрально-земледельческих давали не прирост, а убыль наличного населения. Зато группы колонизуемых районов давали действительный прирост населения выше естественного. Так например, Новороссийский район дал за последние 11 лет 19 века прирост на 35 проц., Юго-Западный район на 29 проц., белорусские губернии дали за тот же период прирост на 28 проц.

Таким образом они занимали 3-е место по росту населения, но как мы уже указали, этот прирост не был следствием иммиграции. В наш бедный край не стремились ни капиталисты, ни рабочие.

В XX веке ситуация общерусская меняется. Население старинных русских районов держится своих насиженных мест, так как развитие капитализма дает заработок, а ближние пояса колонизации заполнены. Кроме этого, наблюдается общая тенденция усиленного прироста населения. Отсюда, например, Московская промышленная область, дававшая в 1885—1897 год, прирост всего на 8 проц., в период 1897—1916 годов дала прирост в 30 проц. И в этот 2-й период белорусский район (4 губернии) выделяется по усиленному росту населения (43 проц.), занимая 2-е место после Новороссийского района, дававшего наибольший прирост. Губернии Гродненская и Виленская в значительной мере отстали от других белорусских, давши за период до 1914 года прирост в 28 проц., т. е. прирост меньше, чем Промышленный район и приближающийся к приросту Средне-волжских губерний.

Уже предыдущие таблицы говорят нам о различии прироста в различных белорусских губерниях. Если сравнивать 1914 г. с 1863 г., то наиболее сильный прирост дала Минская губерния, за ней Могилевская и наиболее слабый Смоленская; Виленская и Гродненская губернии отличаются более слабым приростом сравнительно с Могилевской, Минской и Витебской губерниями.

Однако, если рассматривать прирост населения за 2 периода, до 1897 года и за период от этого последнего до 1914 года, то в росте отдельных губерний наблюдаем некоторые отличия: Смоленская и Могилевская г. г. в последний период давали больший прирост за 15 лет, нежели за предыдущие 34 года, Гродненская, Витебская, Минская и Виленская г. г. относительно замедлили прирост. Все это можно видеть из приводимых ниже процентных соотношений:

Средний ежег. прирост за 1863—1893 в %:

Виленская	1,7
Витебская	1,9
Гродненская	1,7
Минская	2,3
Могилевская	1,8
Смоленская	0,9

Средний ежег. прирост за 1897—1914 в %:

Виленская	1,6
Витебская	1,7
Гродненская	1,6
Минская	2,1
Могилевская	2,4
Смоленская	2,0

До сих пор речь шла о действительном приросте населения. Но в вопросах движения населения громадное значение имеет естественный его прирост, потому что он является отражением экономического и культурного состояния населения. Если оставить в стороне уродливые явления современного капитализма на Западе, то в общем прирост населения отражает на себе материальную его обеспеченность и общий уклад культурной жизни. Но последнее условие относится преимущественно к городам, антисанитарные условия городских поселений привносят известный неблагоприятный коэффициент в ход роста населения. Но Белоруссия—страна, в которой условия жизни больших городов едва ли могут оказывать влияние на массовые цифры. Только условия жизни сельского населения отражаются в законах прироста населения. Насколько малейшее улучшение экономического и морального благосостояния населения влияет на его рост, можно судить по данным эпохи раскрепощения. 1858-9 годы дают остановку, или убыль населения. Уже 1861-2 годы восстанавливают перевес рождаемости над смертностью.

Благодаря работам В. Покровского и других, ряд разработанных таблиц дает возможность детально проследить погубернский естественный прирост населения с 70-х годов почти до конца столетия. Прежде всего, во всех губерниях прирост отличается неровностью, что указывает на то, что годы благополучия прерывались годами неблагополучия. В общем прирост населения велик, превосходя $1^1/_2$ проц. и доходя до 2 и даже до 2 с лишним, т.-е. это такой прирост, который в общем превышает средний прирост Европейской России. Но трудно говорить в общем обо всех Белорусских губерниях, т. к. каждая имеет свои отличительные особенности. Так в 3-х губерниях мы наблюдаем постепенное падение прироста населения, начиная с 70-х годов. Это губернии Виленская, Гродненская и Витебская. Однако, темп падения

у них не одинаков. Выделяется Витебская губерния: прирост ее населения в 70 годах был очень высок, держась примерно 2 проц. Затем он снизился примерно к 1¼ проц. к половине 90-х годов. Виленская и Гродненская губернии имеют первоначально прирост пониженный, сравнительно с другими (кроме Смоленской). Однако низким этот проц. нельзя назвать, т. к. в 70-х годах он в общем для Виленской колеблется в пределах 1,46—1,95, для Гродненской—1,54—1,88 с падением в 3-х случаях ниже 1 проц. Во всяком случае, проц. прироста в Виленской губернии снижается к полутора процентам, а в Гродненской снижение еще больше, колеблясь между 1,50 проц. и 1,27 проц. Таким образом во всех 3-х губерниях наблюдается некоторое падение прироста. Резкое повышение наблюдается в Смоленской губернии, прирост которой в 70-х годах был низок, падая до 0,22—0,41 проц., правда повышаясь иногда до 1,81—1,94.

К 90-м годам линия прироста этой губернии укрепляется и принимает устойчивость между 1,50 и 1,80. В Могилевской и Минской губерниях наблюдается, при высоком приросте в самом начале 70-х годов (для Минской—1,81 и для Могилевской—1,92), не только устойчивость высокого прироста, но и постепенное его повышение, так что в 90-х годах он переходит 2 проц., доходя, например, до такого максимума как 2,28 и даже как 2,49. По отношению к этим губерниям необходимо подчеркнуть почти полное отсутствие годов резкого падения прироста.

Этого нельзя сказать о других губерниях. Например, в Смоленской губернии при общем под'еме за 25 лет наблюдается опускание ниже 1 проц., в четырех случаях. В Гродненской губ. прирост ниже 1 проц.—семь раз за те же 25 лет. В Виленской—только 1 раз, но к этому надо прибавить—4-5 годов, когда прирост равняется одному с небольшими сотыми процента, т.-е. когда падение выражается, примерно, в 0,75 проц.

Менее резки колебания в Витебской губернии. В общем можно получить такой ряд средних:

	Вилен.	Гродн.	Витеб.	Смолен.	Мин.	Мог.
Ср. прирост на 100 жит.						
за 1870-79 г. .	1,77	1,45	1,96	1,11	1,92	1,77
Тоже за 1880-83 г. .	1,24	0,97	1,56	1,57	1,59	2,12
Тоже за 1884-90 г. .	1,52	1,37	1,75	1,45	1,95	2,23
Тоже за 1870-94 г. .	1,57	1,34	1,76	1,35	1,88	2,08

В конечном результате, следовательно, прирост Могилевской губернии является наиболее высоким. Рядом с ним стоит прирост Минской губернии, затем снижающийся прирост Витебской, далее тоже снижающийся прирост Виленской и Гродненской. Смоленская губерния от сниженного прироста переходит к повышению его, не достигая однако обще-русской средней. Весь этот ряд наблюдений хронологически идет до конца 19 века.

Пользуясь работами В. Михайловского и Солнцева, можно к тому же вопросу подойти иным способом и сопоставить движение населения наших губерний с фактами движения населения в остальной Европейской России. Так, если взять данные касательно рождаемости, то за период 1863-1897 г.г. мы наблюдаем постепенное падение рождаемости, как в группе белорусских, так и в группе литовских губерний, что выразилось в постепенном падении рождаемости в белорусских гу-

берниях с 5,22 на 100 жителей обоего пола в 60-х годах до 4,63 в конце 90-х годов, а в литовско-белорусских губерниях с 4,73 до 4,01.

Это совпадает с фактом некоторого падения рождаемости во всей России за этот период, кроме губерний северо-восточных, Новороссийских и Юго-восточных. Следовательно, только богатые окраины удержали и даже несколько превысили рождаемость за этот период, центральные же и давно населенные снизили. Исключение составляют только Юго-Западные губернии. При этом снижение рождаемости особенно резко сказалось в лит.-бел. губерниях, так что ниже их стоят только прибалтийские: равным образом и в белорусских губерниях снижение относительно очень ре ко, т. к. ниже их стоят кроме прибалтийских только северо-западные губернии. Зато в отношении смертности наблюдается за тот же период постепенное снижение ее. И это явление оказывается общерусским, почти не имеющим исключения в других районах Но в литовско-белорусских губерниях падение смертности чрезвычайно незначительно (с 2,63 на 100 до 2,56) за этот период и отличается большою неустойчивостью; в белорусских губерниях это снижение идет равномерно и является приблизительно средним для всей России (с 3,07 до 2,65). Оба явления сказались и на итогах естественного прироста населения, т. е. выразились в некотором снижении его: в литовско-белорусских губерниях с 2,10 на 100 до 1,45 и в белорусских—с 2,15 до 1,98. Таким образом естественный прирост в литовско-белорусских губерниях ока: ался несколько ниже общего прироста по всей России (1,56 для всей России).

До сих пор мы держались в пределах 19 века. Мы доказали, что в истекшие 40 лет в большинстве белорусских губерний прирост отличался высотою, сравнительно со многими районами России. Затем началось снижение прироста и отставание его, сравнительно с другими районами. Это нами уже отмечено на сравнительных фактах действительного увеличения населения.

В отношении естественного прироста девятисотые годы продолжают тот же процесс, который нами отмечен выше. В Смоленской губернии продолжается усиление прироста, хотя чрезвычайно прерывистое, в отдельные годы (1,65). Процесс снижения продолжается в Виленской (1,24), в Гродненской (1,26) и в Витебской (1,41); тот же процесс снижения намечается в Могилевской губернии (1,86), естественный прирост Минской остается без изменений (1,88). В 3-х губерниях прирост можно назвать все еще достаточно высоким (в Минской, Могилевской, Смоленской), в остальных трех падение уже можно считать резким. В общем, следовательно, для всех белорусских губерний надо отметить наличие некоторых неблагоприятных признаков.

Но дело в том, что прирост в Белоруссии стал отставать от общерусского прироста и в девятисотых годах это стало сказываться с большою резкостью. Так, в 1913 году средний естественный прирост по Европейской России дал 1,59, а в Белоруссии (1,50), в 1911—в Белоруссии—1,55, а во всей России—1,70, в 1910 году в Белоруссии—1,15, во всей России—1,41.

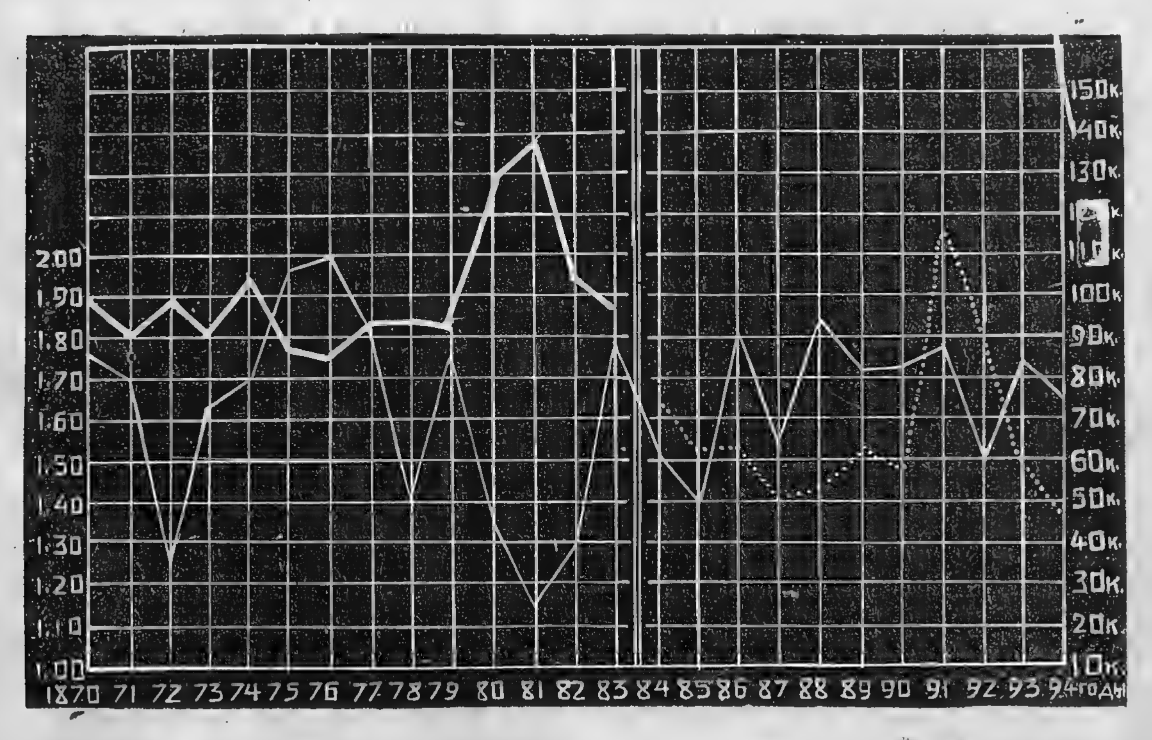
Это еще раз является раз'яснением того, на что мы уже указали, на отставание роста населения Белоруссии в 20 в. сравнительно с некоторыми другими районами России.

Рассмотренные данные в связи с вопросом о соотношении прироста населения, с приростом благосостояния уполномачивают повидимому, к следующим выводам. В 60-х годах население оправилось

после крепостной эпохи и в 70-х чувствовало себя экономически наиболее устойчивым, давая, несмотря на различие в отдельных губерниях, все же высокий прирост. К 90-м и в 90-х годах в части белорусских губерний сказываются признаки снижения благосостояния, что в 20-м столетии уже приложимо в большей или меньшей степени ко всем губерниям. Этот вывод соответствует истории хозяйственной структуры изучаемого периода Белоруссии, ибо последние 2 десятилетия являются периодом борьбы за обновление форм хозяйства ввиду того, что старые хозяйственные формы перестали соответствовать материальным потребностям населения. Усиленно работая над улучшением структуры хозяйства, население в то же время задерживало темп рождаемости в целях поддержания благосостояния наличных поколений.

Но к предыдущим выводам надо еще добавить, что в общем высокий прирост, повышение его, понижение в отдельных губерниях— все эти явления не обходились без резких колебаний, указывающих на столь же резкие моменты изменения степени благосостояния. По годам падения прироста можно рассчитать количество и качество неурожайных годов—надо только помнить, что падение будет сказываться не в неурожайный год, а в следующий за ним. Эти кадансы резко сказываются в отдельных губерниях и менее резки в общем. Но падение урожайности связано с ценами на хлеб, и, как общее правило, можно наблюдать, как падающая цена цена на хлеб подымает прирост, а повышающаяся—его снижает. Все это очень наглядно можно видеть на прилагаемой диаграмме, не требующей дальнейших об'яснений.

Естественное движение населения в сопоставлении с урожаем и ценами хлеба в губерниях: Витебской, Виленской, Минской, Гродненской и Ковенской (Ит. „Вл.ур.)".

Естественный прирост населения на 100 жит. в %

—— Прирост населения

—— Цена за 1 пуд ржаной муки за 1894 год

.... „ „ ржи за 1884—1894 года

Цена 1 ржн. муки и 1 п. ржи

Но кроме того, есть ряд условий, которые связывают хозяйственную структуру страны с теми или иными соотношениями роста и распределения населения. Среди этих условий приложение массы труда к земледелию имеет тесную связь с наличием мужского состава рабочих и с его соотношением к общему составу семьи. Более высокий состав мужского рабочего персонала в семье обеспечивает сельско-хозяйственному труду большие достижения.

Тесная связь количества рабочих мужского пола с улучшенным крестьянским хозяйством несколько раз уже отмечалась в нашей литературе. Она затронута была в одной из работ Каутского, а не так давно хорошо развита проф. Чаяновым на примере Ярославского хозяйства.

Конечно, в общей массе, соотношение количества мужского и женского населения в такой большой стране как Белоруссия, не дает вполне отчетливого ответа на поставленный вопрос. Однако в росте белорусского населения заметна тенденция к некоторому превышению женщин над количеством мужчин. Эта тенденция изучаемого периода несколько разнится от тех наблюдений, которые можно сделать относительно предыдущих эпох. Трудно сказать, нужно ли в этом видеть недостатки прежних статистических данных, или же здесь мы имеем дело с некоторыми физиологическими изменениями. Но во всяком случае, уже данные 60-х годов дают весьма небольшую разницу превышения женского населения над мужским. Так например. начало 60-х годов дает в Виленской губернии на 100 мужчин 102,6 женщин среди уездного населения. в Витебской губернии 103,3, в Могилевской—106,6, в Смоленской—106,2. Перепись 1897 года, отличающаяся большей точностью, дает для 2-х губерний меньшее число женщин, но почти равное количеству мужчин (для Минской губернии—98,2 женщин на 100 мужчин, для Виленской—99,5 женщин); для Гродненской дает значительную разницу в пользу мужского населения (92,4 женщин на 100 мужчин), для 2-х губерний почти равное соотношение, при некотором преобладании женщин, (а для Могилевской—102,8 женщин на 100 мужчин, а в Витебской 102,1) и только в одной Смоленской губернии значительное преобладание женщин над мужчинами (111,5 женщин на 100 мужчин).

Таким образом в Гродненской губернии мы наблюдаем благоприятный коэффициэнт, в Смоленской—неблагоприятный. Эти соотношения не являются случайными, они в общем повторяются и в последующие время. Так, и по данным 1914 года, в Смоленской губернии наблюдается преобладание женщин (105,6 женщин на 100 мужчин), в Гродненской—преобладание мужчин (97,0), в остальных нет почти никакой разницы.

И распределение возрастного состава дает несовсем выгодные соотношения. Нерабочий и полурабочий (до 20 лет) состав стремится дать процент больше общерусского (48,7 проц. в 4-х губерниях) и только в Виленской губернии (48,9 проц.), и в Гродненской (48,2 проц.) приближается к среднему. Зато наиболее прочный возраст (от 20 до 50 лет), дает, сравнительно с обще-русским (37,6 проц.) меньший проц. в 4-х губерниях (Могилевская губерния—34,1 проц., Смоленская —35,3 проц., Минская—36,1 проц., Витебская—36,9 проц.), кроме Виленской губернии—(37,7 проц.) и Гродненской (39,0 проц.). Иными словами получается известного рода не выгода в распределении рабочего состава, сравнительно с нерабочим и полурабочим.

Но это массовые цифры и притом цифры, оторванные от семейного состава. Все же они подсказывают, что наиболее культурная губерния Гродненская дает преобладающий состав мужских работников, а наиболее отсталая губерния Смоленская—женщин. Но вот более конкретный пример. Прекрасной иллюстрацией тесной связи зажиточности крестьянского хозяйства с размером семьи и—даже более того—с количеством мужского рабочего элемента и с количеством земли служат результаты обследований, произведенных в 1907 году по Витебской губернии по поручению местного земства.

В общем вырисовывается такое положение, что хозяйственная мощь крестьянской семьи самым тесным образом связана не только с размером земли, но и с количеством рабочих рук в семье. Крестьянская семья устойчиво держится, когда она обладает средне достаточным количеством рабочих рук, она богатеет, превращаясь в коллектив из большого числа рабочих, и падает, худеет по мере убавления в ней рабочей силы.

Данные обследования, на которые мы сейчас ссылаемся, охватывают 172 786 наличных крестьянских дворов, вошедших в обследование. Количество необследованных не велико. Если разделить по количеству посевной площади все крестьянство данной губернии на 10 разрядов, из которых первый будет охватывать беспосевные дворы, а последний—хозяйства с посевом от 20 до 30 десятин, то получится весьма последовательный ряд роста средней семьи и роста мужского населения в семье по мере увеличения в каждом хозяйстве посевной площади. В хозяйствах беспосевных наименьшая в среднем семья и наибольшее количество женщин в семье и дальше по мере роста в каждом хозяйстве посевной площади растет средний размер семьи и уменьшается количество в семье женщин.

Мы приведем данные, характеризующие размер посевной площади, процент крестьянских хозяйств каждой категории, средние размеры семьи и число женщин на 100 мужчин в каждой категории хозяйств. Получаем следующую любопытную таблицу:

№ групп по поряд.	Десятин посева.	% хозяйств данной группы.	Средний размер семьи.	Женщин на 100 мужчин.
1	Беспосев.	9.9	4.5	102.7
2	До 1 дес.	5.8	5.6	102 0
3	„ 1—2 „	15.2	5.8	100.1
4	„ 2—4 „	36 0	6.4	97.7
5	„ 5—6 „	19.1	7.1	94 1
6	„ 6—8 „	7.4	7.7	91.6
7	„ 8—10 „	3.2	8.2	90.9
8	„ 10—15 „	2.6	8 5	89 2
9	„ 15—20 „	0.5	9.7	89.0
10	„ 20—30 „	0.5	10.1	88.0

Ряд цифр идут с замечательной правильностью. Количество женщин в семье падает по мере укрупнения семьи и увеличения посевной площади.

Но как только от хозяйства маломощного, может быть, даже среднего (4—6 десятин), хозяйство переходит в стадию более зажиточного,

сразу наблюдается скачек к понижению количества женщин в хозяйстве и к укрупнению семьи.

Трудовая сила в крестьянских хозяйствах распределяется неравномерно.

Общим признаком, под который подходит половина хозяйств (50,2 проц.), является наличие в семье одного работника мужского пола, в четверти хозяйств (25,7 проц.) имеется 2 работника и у 18 проц. хозяйств—3 работника и более. Количество хозяйств, не имеющих работника мужского пола, как естественно ожидать, невелико, но все же составляет 5,1 проц. всех хозяйств. Но с другой стороны, распределение работников мужского пола среди различных посевных групп весьма неравномерно, и здесь сказывается тот же принцип, связывающий размер посева с наличием того или иного количества мужского рабочего элемента. В первой группе группа хозяйств без посева, 5-я часть хозяйств не имеет работников мужского пола (22 проц.), немного более половины хозяйств (55,7 проц.) имеют одного работника, затем в той же группе имеется уже небольшой проц. хозяйств, имеющих по 2 работника (15 2 проц.) и вдвое меньший проц., имеющих 3 и более работников. Очень возможно, что последние 2 категории являются такими хозяйствами, которые вовсе не базируют свое благосостояние на посеве. В самом деле, по мере того, как крепнет связь крестьянского хозяйства с землей, по мере, как увеличивающийся размер посева начинает указывать, что он составляет основное занятие данного типа хозяйств, благосостояние их явно начинает базироваться на наличии мужской рабочей силы в семье. В самом деле, в последней группе, засевающей от 20 до 50 десятин, более ½ хозяйств имеет 3 и более работников, приблизительно по ⅕ хозяйств имеют по 1 (20,6 проц.) и по 2 (23,8 проц.) работников, очевидно, совершенно случайно и, может быть, временно той же группе принадлежат несколько хозяйств без работников мужского пола (2,7 проц.). При этом наблюдается совершенно правильный рост мужской рабочей силы в каждой семье по мере роста посева в каждой группе и, напротив, также правильно уменьшается проц. посева тех хозяйств, которые не имеют мужских работников или имеют только 1 работника. Вот правильные ряды нисходящих и восходящих соотношений:

№№ групп по посеву.	% хоз. без. раб. муж. пола.	% хоз. с 1 работн.	% хоз. с 2 работн.	% хоз. с 3 и более раб.
1	22,0	55,7	1115,2	7,1
2	12,6	65,1	15,7	6,6
3	6,1	62,8	21,3	9,8
4	4,1	52,1	27,4	16,4
5	2,6	42.5	31,2	23,7
6	1,8	35,4	31,7	31,1
7	1,4	30,6	31,2	36,8
8	1,9	25,6	30 5	42,0
9	1,7	22,0	27,3	49,0
10	2,7	20,6	23,8	52,9

Ряды идут правильно. Они напоминают собою те ряды соотношений, которые выведены проф. А. Ф, Фортунатовым для взаимоотношений урожаев ржи и наличия мужской рабочей силы в семье: чем больше мужчин в семье, тем выше урожай ржи.

Ограничившись этими краткими указаниями на некоторые факторы, определяющие соотношение трудовой силы в хозяйстве, мы перейдем к одному из важнейших вопросов—вопросу о связи населения и занятой им площади, т. е. к вопросу о плотности населения.

Вопрос о плотности населения представляет разнообразный интерес. Это прежде всего интерес количественных соотношений. Прилагаемая картограмма дает на него исчерпывающий ответ. Она дает поуездный рост плотности населения. Она удовлетворит читателя в его стремлении сопоставить рост населения различных уездов на протяжении полустолетия. Плотность вычислена на 1 кв. версту. (см. стр. 18).

Поуездный масштаб—слишком дробный, поэтому для целей дальнейшего исследования мы приведем прежде всего в таблице данные о плотности населения в погубернском масштабе:

Жителей обоего пола на 1 кв. версту.

	1863 г.	1897 г.	1914 г.	1914 г. в % к 1863 пр. за 100
Виленская	24	43	57	237
Витебская	19	39	51	268
Гродненская	26	47	62	230
Минская	12	27	38	366
Могилевская	21	40	61	291
Смоленская	23	31	45	196
	20	37	49	245

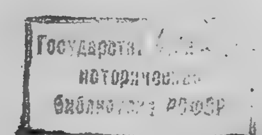
Эта таблица говорит другими цифрами ровно то же самое, что только что мы наблюдали. Уже в исходе крепостной эпохи Виленская, Гродненская и Смоленская губернии были при тогдашних примитивных формах хозяйства, при залежи, более др. губерний населены. Почему и % их прироста был слабее др. губерний, менее населенных. С улучшением форм техники хозяйства, Смоленская губерния усиливала прирост, который однако не дошел до прироста 2-х предыдущих губерний. Прирост же этих последних не мог усиливаться, ибо техника не поспевала за ним. Напротив, Могилевская и Минская губернии, занимавшие громадный простор, могли развивать прирост. Все это отражается и на процентах прироста 1914 года по отношению к 1863 году.

Тут еще есть другая сторона. При условии трехполья, как обыкновенно принято, предполагается максимальная плотность 50 человек на 1 кв. версту. Мы видим, что 4 губернии, кроме Минской и Смоленской, переросли этот предел.

Эта мерка, конечно, условная и относительная. По мнению профессора Огановского, трехполье выдерживает 50 человек сельского трудового населения на 1 кв. версту. Но эта поправка не принимает во внимание условий почвы.

Если взять соотношение к пространству собственно сельского населения, то получим следующие данные.

Прежде всего мы убедимся в том, что рост сельского населения решительно превалирует над ростом всего населения, т. е., главным образом, растет село. Нижеследующая табличка хорошо это доказывает:

ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
по
статистическим данным:
1863 г. (левый столбец)
и 1913 г. (правый столбец)
Условныя обозначения
граница губерний
" " уездов

ГУБЕРНИИ	1863 Общее число сельских жителей в тыс.	1863 В %/%	1897 Общее число сельск. жителей в тыс.	1897 В %/% к 1863 г., принятому за 100	1914 Уездное население в тыс.	1914 В %/% к 1863 г., принятому за 100	Рост всего населения превосходит сельское в % к 1863 г.
Виленская	806	100	1393	173	1793	222	+9
Витебская	676	100	1273	187	1642	243	+12
Гродненская	769	100	1349	175	1704	221	+11
Минская	899	100	1223	214	2765	308	—2
Могилевская	822	100	1540	185	2247	274	+2
Смоленская	1054	100	1409	131	1986	188	+3
ИТОГО	5027	100	8884	177	12136	241	+7

Таким образом, нарастающие поколения всею тяжестью своей падают на землю, должны держаться земледельческого промысла. Отсюда понятно, что и на одну квадратную версту падает наибольшее уплотнение, когда мы отделим сельских жителей от городских. Уплотнение на 1 квадратную версту сельского населения выражается таким темпом:

	1863 г.	1897 г.	1905 г.	1908 г.	1912 г.	1914 г.
Виленская	22	37,7	43	45	48	49
Витебская	17	33,2	38	40	42	42
Гродненская	23	40,2	46	37	49	50
Минская	11	24	29	31	34	34
Могилевская	19	37,0	41	47	51	53
Смоленская	21	29,1	33	35	38	40
	18	31,6				43

Если бы прилагать обычные мерки, то выходило бы, что при господствующем трехпольи сельское население Белоруссии только приближается и то далеко не во всех губерниях к цифрам в 50 человек на 1 кв. версту.

Но так как в Белоруссии сохранились еще большие лесные, болотные и водные пространства, то совершенно естественно было бы сравнивать конечные результаты роста населения не с общим пространством, а с площадью реального пользования, с тем, чем фактически располагает земледелие. Тогда получаются иные и более реальные соотношения. Вот эти соотношения, приводимые нами по расчетам профессора Челинцева:

Плотность на 1 кв. версту площади пользования:

Виленская	73
Витебская	78
Гродненская	74
Минская	73
Могилевская	86
Смоленская	76

Эти цифры об'ясняют нам целый ряд моментов в истории хозяйства. Они говорят об аграрной перенаселенности в стране и об'ясняют причины эмиграции, причины снижения прироста населения и, на-

конец, тот сдвиг в области техники сельского хозяйства, который наблюдается в последние десятилетия. Очевидно, старое трехполье должно отжить, или нарастающее население должно прилагать труд в городских промыслах.

Но капитализм в дореволюционной Белоруссии прививался слабо. Избыточествующее сельское население не могло в полной мере прилагать в нем своего труда. В общем рост наших городов шел слабым темпом. Правда, рост городского населения несколько превосходил рост сельского, что означает все же некоторый прилив в города деревенского избыточествующего или иммигрировавшего в страну населения, но темп этого роста представляется все же весьма слабым. Население в городах с 1863 года по 1914 год только утроилось, тогда как все население Белоруссии выросло в 2½ раза. Разница, как видим, не большая. При этом губернии Витебская и Гродненская, снижавшие прирост, дали наибольший прилив в города. Вот результаты роста населения в городах:

ГУБЕРНИИ	1863 г.		1897 г.		1914 г.	
	Общее число городских жителей в тыс.	В %%	Общее число городских жителей в тыс.	В % к 1863 г. принятому за 100	Городское насел. в тыс.	В % к 1863 г. принятому за 100
Виленская	94	100	198	211	291	290
Витебская	101	100	216	214	343	340
Гродненская	125	100	255	204	390	312
Минская	102	100	225	221	306	300
Могилевская	102	100	147	141	304	298
Смоленская	83	100	122	147	224	280
ИТОГО	607	100	1161	192	1859	306

Это рост такой незначительный, что совершенно не требует сопоставлений с ростом городов на Западе или даже с ростом южнорусских городов.

Слабость роста городского населения сказывается и на малой подвижности процентных соотношений городского населения ко всему населению.

За целые 40 лет города находились почти в неподвижном состоянии и только в предвоенные годы заметен некоторый прилив в города населения.

Это относится прежде всего к Гродненской, Витебской и Виленской губерниям, в меньшей мере к Могилевской и Смоленской, городское же население Минской осталось неподвижным, или даже дало некоторую относительную убыль. За 3 периода % городского населения к общему населению нарастал таким образом: в 1863 году он выражался в 12,1% ко всему населению, в 1897 году составлял даже 11,5% всего населения и только в 1914 году поднялся до 13,4%. По губернии данные представляют следующие соотношения: в %% городского населения ко всему населению:

	1863 г.	1897 г.	1914 г.
Виленская	10,4	12,5	14,0
Витебская	13,0	14,4	17,4
Гродненская	13,9	16,0	18,6
Минская	10,2	10,4	9,9
Могилевская	10,9	8,8	11,9
Смоленская	7,3	7,9	10,3
ИТОГО	12,1	11,5	13,4

Конечно, города, особенно отдельные центры, не остались совершенно неподвижными.

Но это относится не к массе, а к отдельным пунктам. С другой стороны, конечно, понятие города в нашем крае весьма относительно при массе наших местечек, мало отличающихся от сел. Местечко во 2-й половине 19 века немногим ушло от местечка 18 века. Авторы 50-60 х годов охотно описывали древности наших городов, но скромно умалчивали о городе, как центре торгово-промышленной деятельности. Большою новостью было даже в Витебске появление двух и трех‘этажных каменных домов. Да и нужды в них не было, потому что сам Витебск был раскинут на 7 кв. верст.

Перечень немногих каменных домов и лавок весьма занимает тогдашнего историка города Сементовского. Но и он должен признаться, что Витебские дома, даже каменные, двух и трех‘этажные не отличаются изяществом постройки, удобством внутреннего расположения. О внутреннем украшении домов, даже о шпалерах не знали. Везде сыро, темно и неуютно, а главным образом грязно. Мощеных улиц не было или почти не было. Освещение жалкое. Можно себе представить, сколько давали света 220 фонарей на 7 кв. верст. Садов не было и только по несколько деревьев было посажено на Дворцовой площади. Конечно, не было и дач под городом. И только реки украшали наши города, да памятники древности.

Конечно, торгово-промышленное и ремесленное население городов было незначительно.

Многое изменилось в положении городов и во внешнем их облике. Но этим изменениям очень трудно подвести итоги. Массовые данные не помогают делу. Для того, чтобы дать некоторое понятие о внутренней структуре города, мы взяли некоторое число городских пунктов, приняв в основу, что каждый из них является центром района с грузооборотом в 1900 году, примерно, в 7 миллионов рублей. Нам казалось, что такой базис для сравнения является более подходящим, нежели счет по абсолютному числу жителей. Таких городских пунктов нашлось немного. Мы берем для сравнения данные, опубликованные Министерством Внутренних Дел, относящиеся к 1861 году и сопоставляем их с материалами Центрального Статистического Комитета „Города России в 1910 году“. Получаем такие сопоставления в отношении пунктов, имевших в последнее время некоторое торговое значение, конечно, для сопоставления взяты те данные, которые можно сопоставить, а некоторые приведены без сопоставлений.

ГОРОДА	Население об. п. в тыс. 1861 г.	Население об. п. в тыс. 1910 г.	1861 год: число ремесленников в тыс.	1861 год: число фабрик и заводов	1861 год: число лавок и кондитерских	1910 год: Ремесл. заведен.: Число их	1910 год: Ремесл. заведен.: Рабочих в них	1910 год: Фабрики и заводов: Число фабрик и заводов	1910 год: Фабрики и заводов: Рабочих в них	1910 год: Кредитных учреждений	Доходный бюджет гор в тысяч. руб.: В 1861 г.	Доходный бюджет гор в тысяч. руб.: В 1910 г.
1. Вильна	60	181	1,8	39	751	127	2713	91	3886	46	124	2333
2. Витебск	31	101	0,6	45	542	18	108	31	948	15	19,5	1086
3. Минск	27	100	3,5	17	180	47	235	27	1403	23	20,7	522
4. Гомель	17	94	0,2	16	230	5	615	5	630	10	3,5	233
5. Белосток	16	80	0,4	24	206	свед	нет	16	1506	18	9,1	221
6. Брест	21	53	1,0	15	179	200	560	26	456	8	11,5	255
7. Гродно	20	50	0,4	8	204	свед	нет	10	св.н	9	16,3	252
8. Могилев	15	50	1,5	7	942	130	553	6	59	22	40,6	246
9. Пинск	11	36	0,9	9	301	3	34	17	1017	10	5,6	71
10. Бобруйск	16	35	0,3	4	122	—	—	23	587	7	5,0	121
11. Полоцк	15	31	0,3	22	336	—	—	21	126	8	10,2	43
12. Рогачев	3	21	0,06	нет	89	50	75	9	49	6	3,8	45
13. Борисов	6	19	0,05	„	97	2	8	18	1319	5	4,4	50
14. Орша	5	19	0,1	8	111	4	8	1	12	7	4,8	30
15. Велиж	6	15	0,6	53	113	5	175	свед	нет	1	6,7	18
16. Лида	4	15	0,2	5	76	—	—	4	142	4	2,9	45,7
17. Речица	4	12	0,2	нет	59	—	—	6	363	4	0,3	14
18. Мозырь	4	11	0,2	10	51	—	—	4	380	7	—	20,8
19. Дисна	5	7	0,09	2	78	—	—	—	—	1	1,7	269
20. Дрисса	2	5	0,06	4	48	3	6	5	19	3	1,3	8
21. Кнышин	2	4	0,1	13	10	—	—	—	—	1	1,1	1

Эта неуклюжая и неудобная для сопоставлений табличка все же дает возможность произвести некоторые наблюдения. Правда, она охватывает небольшое число городских пунктов, потому что одни из них не подошли под избранные основания, а другие, действительно быстро выросшие (вроде Баранович), нельзя сравнить с данными 60-х годов. Во всяком случае в этой таблице, в которой все же главнейшие города и пункты на лицо, обращают на себя внимание графы роста городского населения. Оказывается, даже крупнейшие пункты выросли в течение полустолетия всего в $2^1/_3$—3 раза, т. е. приближаются к выведенной нами средней; исключений, вроде Рогачева, немного. Данные о городском бюджете очень показательны: они говорят о действительном росте городского благоустройства, тем более, что городской бюджет новейшего времени шел все же на городские нужды, а бюджет 50-60 годов, ничтожный по существу, распылялся на такие расходы, как наем квартир военным и чиновникам, и на другие нужды, не имеющие отношения к городскому благоустройству. Чрезвычайно скромная, даже по числу фабрик, фабрично-заводская промышленность все же значительно усиливается, не говоря о том, что новая промышленность более мощна по числу рабочих, о которых в 60-х годах нет сведений. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что некоторые, маленькие в 60-х годах города, обладали относительно большим количеством лавок, что об'ясняется, вероятно, тем, что и тогда они были центральными торговыми пунктами.

Есть еще один способ проверить наши впечатления относительно роста городов. Это—данные о квартирном налоге. Данные эти надо

считать обладающими большею степенью точности, т. к. они контролировались опытными органами. Статистика квартирного налога дает число—домовладений, число квартир и число облагаемых квартир в губернских, уездных городах и в некоторых местечках. Для наших целей можно получить такую табличку:

	1912				1908				1904			
	Общ. число домовладений в т. т.	Общ. число квартир	Число облагаем. квартир	0/0 облагаем. кв. к общему числу	Общ. число домовлад. в т. т.	Общ. число квартир	Число облагаем. квартир	% облаг. квартир к общему числу	Общ. число домовладен. в т. т.	Общ. число квартир	Число облагаем. квартир	% облаг. квартир к общему числу
Виленская . .	11,2	42,6	7,8	18,3	8,9	26,1	5,7	21,8	7,9	21,7	4,7	21,6
Витебская .	18,6	35,2	13,3	37,7	17,3	32,7	10,7	32,7	16,7	33,3	9,1	27,3
Гродненск. .	16,9	47,1	13,6	28,8	14,7	40,6	9,6	23,64	14,1	46,0	6,9	15,0
Минская . .	19,7	48,9	15,6	31,9	18,7	45,6	12,0	26,3	17,8	38,0	10,3	27,1
Могилевск. .	17,4	26,8	10,1	37,7	17,5	23,7	7,7	32,48	14,9	22,5	5,6	24,8
Смоленская. .	12,5	19,6	7,0	35,7	12,3	19,3	5,7	29,5	12,2	18,5	4,4	23,7
Итого . .	96,4	220,2	67,5	30,6	87,5	188,0	51,2	27,2	83,6	180,1	41,0	22,8

Первое, что бросается в глаза, это то, что количество облагаемых квартир составляет относительно небольшой процент, в среднем приближающийся в 1912 г. к 30%. Это значит, что города и местечки в массе состояли из маленьких особнячков, в которых жили отдельные семьи. Это очень хорошо выясняется, если мы отбросим более или менее крупные города, напр. города с населением более чем в 2.000 домовладений. Из 76 общего числа городов—таких, относительно больших всего 7; они имеют почти половину всех домовладений—45,8 т., две трети всех квартир (66,7%), из которых подлежит обложению лишь одна четверть (25,9%). Это прежде всего означает, что и в больших городах мало больших домов (около 3-х квартир в среднем на 1 домовладение) и что эти домовладения настолько бедны, незначительны по размерам, что податная инспекция при всем, свойственном финансовым ведомствам, усердии, могла обложить только 4-ю часть квартир. Что касается городов, с количеством домовладений менее 2.000, то на 50,6 тыс. всех в них домовладений приходится 73,2 т. квартир, т. е. примерно по $1^1/_2$ квартиры на каждое домовладение; обложению же подлежит 40% всех квартир. Это значит, что в небольших городах семьи всплошную живут в отдельных усадьбах, но усадьбы эти дают относительно бо́льший % квартир, подлежащих обложению, т. е. иными словами, в мелких городах было относительно больше благоустроенных квартир.

С другой стороны, по той же табличке можно сравнить за десятилетний период рост городских домовладений и квартир. В общем, рост этот весьма невелик. Он выразился в 15,3% в 1912 г. по отно-

шению к 1901 г. для всей Белоруссии, если считать по числу домовладений, т. е. по самому надежному признаку, на который финансовая инспекция не могла иметь влияния. Наименьший рост городских домовладений дала Смоленская г. (2,3%) за тот же период, далее последовательно идут: Минская (10,7%), Витебская (11,3%), Могилевская (16,7%), Гродненская (19,8%), Виленская (42,1%). Таким образом, только Виленская г. дала значительный рост городских домовладений. Но это только говорить об удвоении числа домовладений в самой Вильне; остальные же города этой губернии, за исключением разве Сморгони, Лиды и отчасти Ошмян оставались неподвижными. Вообще, весь прирост за это время относится к сравнительно небольшому числу городов. Так, Витебск с 4,9 т. домовладений поднялся до 5,9 тыс. домовладений; Белосток и Брест вместе с 4,2 до 5,8; Минск с 4,6 до 5,5; Бобруйск и Пинск вместе с 4,8 до 5,7; Гомель с 2,6 до 4,3; Могилев же с 3,1только до 3,2 т.; Гродна тоже с 2,0 т. лишь до 2,1; а в Смоленске количество домовладений даже уменьшилось с 2,8 т. до 2,5 т.

Таков бледный фон развития городов в Белоруссии. Единственным утешением было бы только то, что белорусские города в общей массе подымалась таким же темпом, как и города всей Европейской России, домовладения которой выросли в период 1901—1912 тоже всего на 15%. Но это утешение очень слабое, т. к. отдельные районы великорусских и украинских городов дали весьма значительный рост и только замедление роста или даже его снижение в центральных великорусских городах дает в общей массе картину слабого прироста.

Мы рассматривали до сих пор вопросы населения почти исключительно с тех сторон, которые дают понятие о связи населения с экономической структурой страны.

Нами показана и доказана известного рода теснота, которую должен был испытывать земледелец, не расставшийся с экстэнсивными формами хозяйства при условии, когда города не давали места избыточествующему деревенскому населению. При таких условиях можно ожидать отлива населения на сторону, ухода земледельца.

Действительно, переселение в Сибирь из Белоруссии начало играть роль накануне войны довольно крупного экономического фактора. Вот небольшая справка о переселенческом движении из Белоруссии.

Переселение началось с конца 80-х и в 90-х годах. Но в 90-х годах оно было еще незначительно по своим размерам. Так, по данным за 1897 год Гродненская губерния дала 345 душ обоего пола переселенцев, Виленская—768 душ об. п., Минская—916. Но уже и тогда остальные белорусские губернии дали значительный процент переселенцев: Смоленская—1742 души об. п., Могилевская—3602 души об. п. и Витебская—3490. Последние 3 губернии с присоединением Минской и в последующие годы давали все усиливающееся количество переселенцев. Так, например, по министерским данным, за 1908 год число переселившихся в Сибирь из Могилевской губернии составляло 7,6 проц. всех переселенцев этого года. Этот проц. указывает на очень значительное участие Могилевских белоруссов в заселении Сибири. Только Полтавская губерния, из всех европейских губерний России, давала несколько большее число переселенцев. В 1908 году почти 50 тысяч (48,6 тысяч) Могилевских крестьян потянулось в Сибирь. Витебская губерния дала меньше—24 тысячи переселенцев, что составило 3,8 проц. всех переселенцев. Из Минской губернии переселилась 21 тысяча, а з Смоленской—12 тысяч. Остальные 2 губернии

дали незначительное количество переселенцев, например, Виленская губерния только 4 тысячи. Итак участие белоруссов в заселении Сибири в 900-х годах оказалось очень значительным и губернии Белоруссии выдвинулись на первый план, давая 6-ю часть всех переселенцев. Общий результат переселения можно взвесить по тому факту, что из 4650 тысяч всех переселенцев и ходоков в период 1896-1915 годов только 4 белорусских губернии (Могилевская, Минская, Витебская, Смоленская) дали 642 тысячи, что составит более 7-й части всего переселенческого движения в России. Значение этого факта будет понятно, когда мы отметим, что 6 великорусских центрально-промышленных губерний дали всего 66 тысяч переселенцев и ходоков и 6 великорусских центрально-черноземных дали 266 тт. и только шесть густо населенных украинских дали на 200 с небольшим тысяч больше, нежели 4 белорусских губернии.

Если сколько нибудь считаться е народной психологией и если припомнить, что великорусс и украинец—привычные переселенцы в их историческом прошлом, а белорусс тысячелетиями сидел на своей земле то мы поймем, что создавшееся переселенческое движение имело глубокие экономические корни.

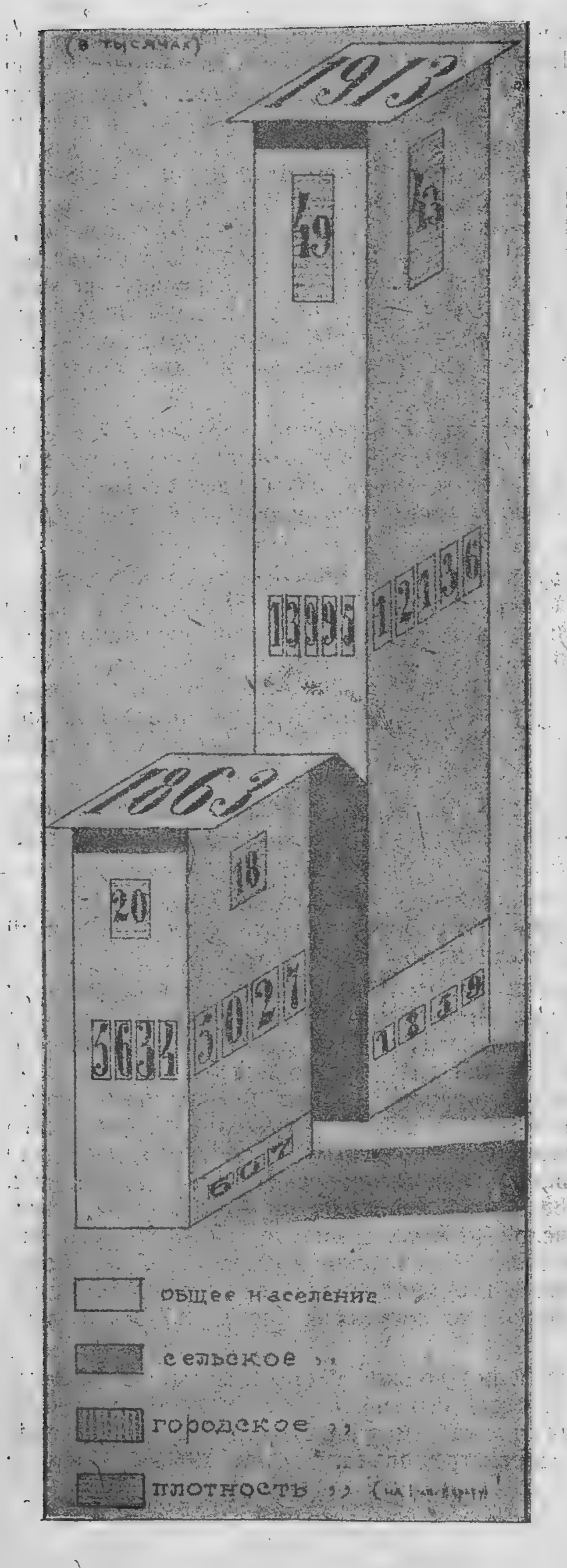
Покончив с наиболее существенными вопросами истории населения, нам представляется небесполезным, в виде заключения, свести итоги сказанного в виде одной общей диаграммы. Она наглядно представляет рост всего населения с 1863 по 1913 г., а также рост сельского и городского. На фоне цифр общего населения и сельского обозначены плотность всего населения и в частности сельского в оба периода. Сельская Белоруссия выступает на этой диаграмме с полной рельефностью. (См. стр. 26).

Конечно, было бы чрезвычайно важно выяснить национальный состав населения. Но полного ответа на этот вопрос не дает даже перепись 1897 г.

В нашей стране вопрос о национальном составе был вообще довольно запутанным и статистика по религиям давала более отчетливый ответ на этот вопрос, нежели статистика племенная.

Оффициальная статистика не желала отчленять белоруссов и украинцев от русских. И наши белоруссы не всегда отличали себя от русских, или от поляков. Перепись 1897 года могла бы дать ответ о количестве белоруссов. Но его она дает только для 5 губерний, т. к. по переписи все Смоленские белоруссы, которых тем не менее половины всего населения, оказались в числе „русских" и дали всего 100 т. белоруссов. Во всяком случае названная перепись дает для Виленской губернии назвавших себя белоруссами 891,9 тысяч душ, об. п., для Витебской — 788,6, для Гродненской — 705,0 для Минской—1633,1 и для Могилевской—1389,8. Если к этому прибавить половину так называемых „русских" Смоленской губернии, то все белорусское население в пределах 6 губерний выразится, примерно, в цифре—6,2 миллионов обоего пола, что составляет почти 0,7 всего населения губерний.

Собственно русское население должно составлять около 1,2 миллионов, причем значительная часть его падает на Смоленскую губернию. Даже в Витебской губернии, где имеются старые старообрядческие поселения, великоруссов зарегистрировано только 198,4 тысячи в

Минской — 194,1 тыс., в Виленской—79.5 тысяч, в Гродненской — 74,1, и в Могилевской всего 61,7 тысяча. Количество евреев перепись дала такое же, как и количество русских—1202,1 тысяча, поляков—423,9 тысяч, литовцев в Виленской губернии 279,7 тысяч, латышей в Витебской губернии—264,1 тысяча, и украинцев в Гродненской—362,5 тысяч. Белоруссы, украинцы, литовцы, частью поляки—это сельское население по преимуществу. Евреи, русские и немцы—это жители городов.

Трудно полагаться на статистику 60-х годов, тем более, что она не носила опросного характера. Она, например, дает половину населения Виленской губернии под именем литовцев, что конечно, является, путаницей с термином „литвин", которым называли себя и белоруссы. В других случаях как будто ее данные не далеки от истины. Мы приведем, во всяком случае, относительные данные о национальном составе населения за 1863 и 1897 годы, имея в виду сомнения, которые внушает эта статистика:

1897 год:

	Поляки	Татары	Евреи	Литовцы и Латыши	Немцы	Русские	Украинцы	Белоруссы
Виленская . . .	8,2	0,9	12,8	17,6	0,2	4,9	—	56,0
Витебская . . .	3,4	—	11,7	17,9	0,5	13,3	—	52,9
Гродненская . .	10,1	0,3	17,4	0,2	0,6	4,6	22,7	66,7
Минская . . .	3,0	0,2	16,0	0,1	0,2	3,9	—	76,4
Могилевская. . .	1,0	—	12,1	0,6	0,1	3,4	—	82,6
Смоленская . . .	0,5	—	0,7	0,2	0,1	50,0	—	50,0

1863 год:

						„Русские".
Виленская . .	15,9	0,2	11,6	52,7	0,2	19,5
Витебская . .	5,3	—	9,1	20,8	—	64,7
Гродненская. .	10,1	0,1	11,1	0,3	0,6	77,7
Минская . .	11,8	0.1	9,8	—	—	78,1
Могилевская. .	2,8	—	13,3	—	—	83,6
Смоленская . .	0,1	—	0,1	—	—	99,8

Для интересующихся мы приведем в относительных величинах и сведения касательно вероисповедного состава за те же 2 периода, приняв во внимание только важнейшие вероисповедания:

За 1897 год:

	Православные	Католики	Иудеи
Виленская	27,71	58,81	19,90
Витебская	61,01	23,99	11,80
Гродненская . . .	57,53	23,99	17,28
Минская	73,54	10,22	15,77
Могилевская . . .	84,53	3,04	11,92
Смоленская . . .	98,46	0,57	0,69

За 1863 год:

Виленская . . .	23,3	63,2	11,5
Витебская . . .	56,9	26,6	9,1
Гродненская . . .	56,8	30,7	11,5
Минская. . . .	80,8	18,5	9,8
Могилевская . . .	94,8	4,0	13,3
Смоленская . . .	98,7	0,1	0,1

Дореволюционная Россия знала деление на сословия. Это деление не имело серьезного экономического и юридического значения, но во всяком случае, для интересующихся мы приведем параллельную справку деления населения по сословиям. Конечно, мы имеем перед собою крестьянскую страну, к которой тонут представители других классов общества.

Состав населения по сословиям на 1000 жителей:

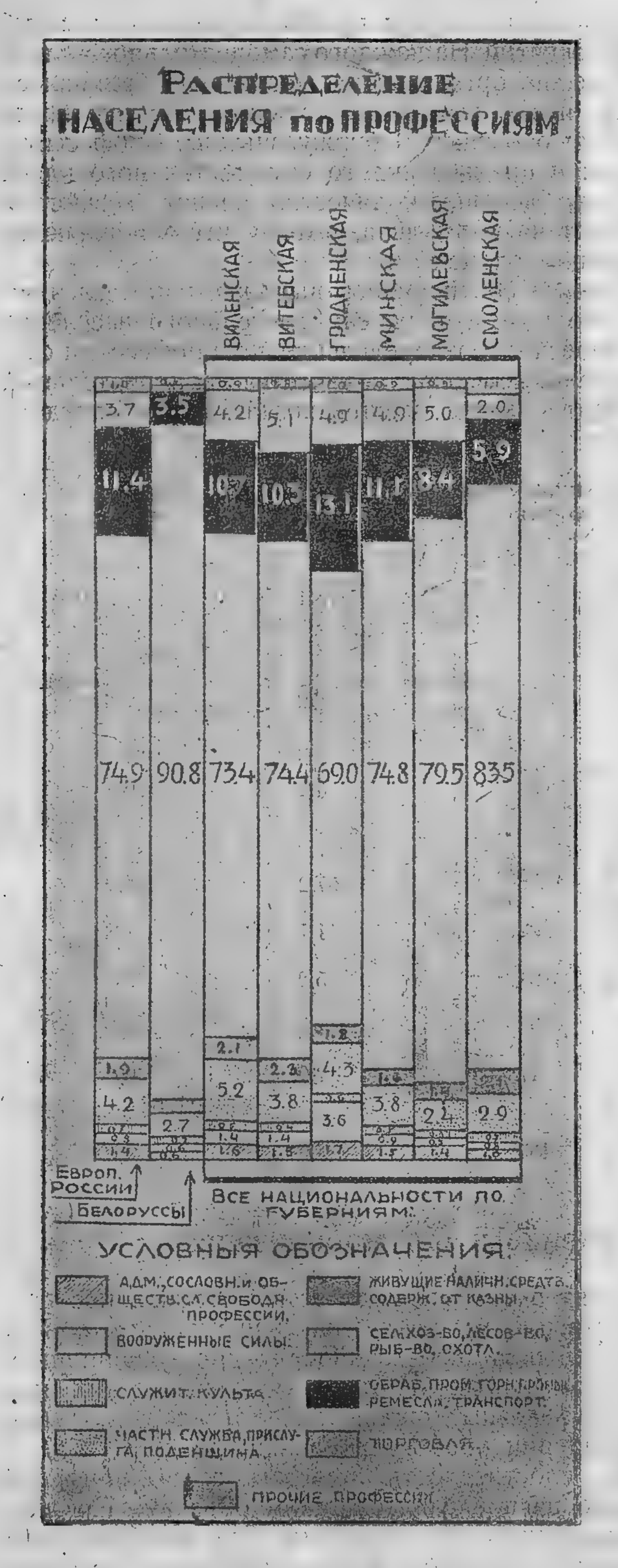
	1897 год.					1863 год.			
	Дворян и чиновников	Духовенство	Почетных граждан и купцов	Мещане	Крестьяне	Дворян потомст. и личных	Духовенство	Мещан и купцов	Крестьян
Виленская	49	1	3	192	752	62,6	3,8	170,8	729,9
Витебская	22	3	5	186	786	36,8	5,1	144,1	781,4
Гродненская	16	2	3	250	725	45,5	4,8	151,1	717,8
Минская	36	3	4	236	718	75,0	8,6	140,7	722,6
Могилевская	16	4	4	173	801	48,6	8,5	140,3	767,8
Смоленская	17	8	6	57	910	18,7	14,9	55,6	869,7

Мы рассмотрели все вопросы, связанные с историей населения. В подлежащих местах нами сделаны заключения и повторять их здесь не приходится. Нам представляется необходимым привести последнюю справку. Эта справка касается профессионального состава населения. Единственная перепись дает ответ на этот вопрос. Это—перепись 1897 года. Она представляет нам Белоруссию в конце 19 века, как страну с преобладающим характером занятий в области сельского хозяйства. Конечно, и вся Россия представляла и представляет собою страну, в которой сельское хозяйство является доминирующим занятием (74,3%) населения. Даже Ост-Индия имеет меньший % населения, живущего сельским хозяйством (66,4%), не говоря о Европейских странах. Германия из страны, производящей хлеб на вывоз (до 80-х годов прошлого века) в 30 лет превратилась в страну, в которой только около трети населения (35%) заняты сельским хозяйством.

Если рассматривать все население 6-ти губерний, то в половине этих губерний (Виленская, Витебская, Минская), % занимаюшихся земледелием приближается к общерусскому %. В 2-х губерниях (Могилевская и Витебская) он несколько выше общерусского среднего и только в одной Гродненской несколько ниже. Но если выделить собственно белорусскую национальность из других национальностей, то оказывается, что почти 91% белоруссов отдают свой труд земледелию, 3,5% заняты в промышленности и транспорте.

Так как справка о разделении населения по профессиям может иметь интерес для читателя и к этим данным нам еще придется возвращаться, то мы приведем ее в форме диаграммы. (См. стр. 29).

Белоруссия является, таким образом, наиболее крестьянской страной. Основной элемент ее населения, белоруссы по национальности, выделяют 91% занимающихся сельским хозяйством. У себя на родине они менее всего приняты были на административной службе в качестве служителей культа, в незначительной мере принимают участие в тор-

говле. Правда, если брать все национальности наших губерний, то % занимающихся несельским промыслом подымается к общерусскому, но это значит, что в администрации, на фабриках и заводах, в торговле и транспорте господствующая роль отводилась в Белоруссии другим национальностям, а не белоруссам.

Мы привели данные о профессиональном составе населения по тем итогам, по которым они обычно комбинируются, в изданиях переписи 1897 г. Но в отношении профессионального состава интересна еще одна сторона—это количество самодеятельного населения и состоящий при нем размер семьи. Уже известный Менделеев обратил внимание на то, что в России на каждого самодеятельного или, как он выражается, на каждого кормильца, приходится относительно бо́льшее количество лиц, относительно бо́льшее количество домочадцев, нежели в других странах, напр., в Соединенных Штатах. Так, в России % самодеятельного населения выражается в 27% ко всему населению (по переписи 1897 г.), а в Соединенных Штатах—в количестве 38% по цензу 1900 года. Для Белоруссии эти соотношения выходят еще менее выгодными, чем среднее для всей России, потому что здесь % самодеятельного населения, по отношению ко всему, со-

ставляет 24%. Но это об'ясняется впрочем преобладанием среди населения сельско-хозяйственных занятий. На каждого самодеятельного члена крестьянского хозяйства, т. е. на организатора хозяйства приходится значительно большее число несамодеятельных членов. Но это вовсе не означает, что эти члены не работают. В буржуазных же профессиях, среди поденщиков, прислуги и пр. на каждого самодеятельного члена семьи приходится значительно меньшее количество членов хозяйства, но эти члены тяжелее падают на кормильца, потому что они являются бо́льшею частью неработающим элементом.

В подробностях, указанные соотношения выражены нижеследующей таблицей. Она дает абсолютные числа самодеятельного населения Белоруссии по занятиям (пересчет и распределение по профессиям сделаны нами), затем относительные числа количества самодеятельных различных профессий и среднее число членов хозяйства на каждого кормильца. Вот эти данные:

	Число лиц, имеющ. самост. занятие в тыс.	% их к итогу	Членов семьи на 1 кормильца
Служащих и лиц свободных профессий .	199	8,4	0,7
Деятельность и служба частная, прислуга, поденщика . . .	217	9,0	0,7
Нетрудовые доходы (капитал, средства казны)	99	4,2	0,8
Сельское хоз-во, рыболовство, охота, лесное дело	1376	57,2	4,5
Промышленность . .	292	11,7	1,8
Торговля	124	5,2	2,8
Транспорт	53	2,3	2,3
Прочие занятия . . .	47	2,0	0,6
Итого . .	2409	100	2,3

III. Землевладение и его мобилизация.

В данном случае нас интересует, прежде всего, формальное распределение земельной собственности между различными категориями владельцев. В общем виде земельная собственность в дореволюционной России находилась в частном владении отдельных физических или юридических лиц, во владении казны, уделов или других учреждений и, наконец, в надельном владении крестьянских обществ.

Вся масса земельной собственности, составлявшая примерно 27 мил. дес., в общей форме распределялась таким образом. Процент частной земельной собственности во все периоды был наиболее высоким в Минской губ., достигая 60—65%, в Могилевской—он был не-

сколько ниже (54—57%), в Витебской и Смоленской он составлял немногим более половины всей собственности (52—55%), в Виленской он был немногим менее половины (46—48%) и в Гродненской снижался почти к трети (46—40%).

Соответственно этому, повышался и понижался % надельной собственности, падая в Минской г. к четвертой части всей земли, подымаясь в других г. до 40% и в Гродненской переходя даже за 40%.

Наибольший % государственных земель был в Гродненской г. (около 15%), затем в Минской и Виленской (11—12%), в Витебской он падал к 5—6%, в Могилевской (2,7—2,9%) и в Смоленской (1,6—2,5) он был незначителен.

Эти общие соотношения всех трех категорий земель установились в эпоху падения крепостного права и только незначительно варьировались в течение последующей эпохи.

Изменения в количественных соотношениях трех категорий земельного фонда в белорусских губерниях происходили вследствие того, что дополнительное наделение различных разрядов мелких арендаторов происходило по частям во всю последующую эпоху и, таким образом, получалось увеличение надельного фонда, в отдельных губ. даже довольно значительное, и уменьшение фонда частного и государственного землевладения, из которых черпалось дополнительное наделение.

О юридической стороне этих дополнительных наделений мы будем говорить впоследствии особо, теперь же нас интересует только факт количественных изменений.

Если взять две такие даты, как 1863 год и 1905 год, то постепенное изменение 3-х основных фондов выразится в следующих соотношениях:

Губернии	1863 г.	1905 год		
		Изменения в фонде над. земель	Изм. в фонде частновлад. земель	Изм. в фонде государств. земель
Виленская	100	0,98	0,77	0,81
Витебская	100	132	0,89	0,65
Гродненская . . .	100	135	0,80	0,77
Минская	100	112	0,95	0,90
Могилевская . . .	100	110	0,86	0,60
Смоленская	100	148	0,72	0,94
По 6 губ.	100	120,3	83,8	92,2

Как видим, повсюду последовало увеличение фонда надельных земель. Виленская губерния в этом отношении не составляет исключения, т. к. некоторое видимое уменьшение в ней надельного фонда об'ясняется перегруппировкой уездов этой губ. с соседней Ковенской.

Познакомившись с историческими перемещениями в различных фондах земель, дадим теперь цифровые соотношения, причем считаем достаточным привести лишь цифры распределения земельного фонда по данным 1905 года, когда обследование дает наиболее точные цифры. Получаем следующую таблицу (в тыс. десятин).

	Частн. собственность			Над. земли		Земли церковные, госуд. и др.	
	Общ. количество зем. соб-ти	К-во десятин	% ко всей зем. собст.	К-во десятин	% ко всей зем. собст.	К-во десятин	% их ко всей зем. собствен.
Виленская	3178	1533	48,2	1279	40,3	366	11,5
Витебская	4054	2134	52,6	1593	39,3	326	8,1
Гродненская	3278	1203	36,7	1517	46,3	558	17,0
Минская	8013	5257	65,6	1947	24,3	810	10,1
Могилевская	4105	2304	56,1	1619	39,5	182	4,4
Смоленская	4761	2634	55,3	1936	40,7	191	4,0
Итого	27389	15065	60,3	9890	34,3	2434	5,4

Эти данные не требуют особых пояснений, они дают количественные соотношения.

Надельная собственность принадлежала одному определенному классу, крестьянству, частная же земельная собственность принадлежала дворянству, за весьма незначительными и случайными исключениями. Такое соотношение получилось после 1861 года.

Но с течением времени в распределении частной собственности произошли весьма существенные перемены. Они заключались в том, что дворянское землевладение постепенно уплывало из рук дворянства и переходило к купечеству, мещанству и крестьянству. Таким образом, все сословия явились участниками владения фонда частной земельной собственности. По наиболее полным данным 1905 г. распределение частной земельной собственности по сословиям владельцев выражалось в следующих данных (в тыс. дес.).

Губернии	Двор собствен.	Крест. част. соб. личн. и тов.	Купеческ. личн. и тов. собствен.	Мещ. личн. и тов. соб,	Лиц дух. звания
Виленская	1244	185	53	43	5
Витебская	1295	364	266	146	1
Гродненская	791	243	0,7	156	10
Минская	4042	484	340	61	2
Могилевская	1402	653	84	160	3
Смоленская	962	936	606	121	3
Всего	9736	2865	1349,7	687	24

Перегруппировка фонда частно-владельческой собственности происходила постепенно в течение последнего полустолетия и притом весьма неравномерно в различных губерниях. В то время, как в губерниях Смоленской, Могилевской, Витебской фонд дворянской земли в весьма значительной мере растаял, в губерниях Минской и Гродненской он держался относительно прочно и особенно крепко дворянские

земли держались в руках дворянства Виленской губернии. В общем, это постепенное расслоение фонда частной собственности представляет довольно значительный интерес. Еще в 70-х, даже 80-х годах дворянские земли держались прочно в руках дворянства, но затем начинается быстрое распыление этого фонда. В общем весь этот процесс может быть представлен следующей сводной таблицей. Частная земельная собственность в эпоху 1877—1905 год дала следующую перегруппировку, выраженную в %% к общему количеству этой категории по каждой губернии:

		% двор. зем.	% купеч.	% крест.	% мещ.
Виленская	1877	94,1	0,2	3,5	2,2
	1887	89,5	0,5	6,8	2,8
	1905	81,2	3,5	12,5	2,8
Витебская	1877	83,5	5,7	2,6	4,5
	1887	82,4	6,6	4,4	5,0
	1905	60,7	12,0	12,1	6,6
Гродненская	1877	86,4	2,6	3,3	4,8
	1887	84,2	2,4	5,4	5,5
	1905	65,0	0,06	20,1	13,0
Минская	1877	93,1	4,3	1,2	1,3
	1887	93,4	2,7	1,4	2,1
	1905	76,6	6,4	4,6	1,1
Могилевская	1877	89,4	3,4	3,3	3,2
	1887	82,3	3,6	8,1	4,8
	1905	60,0	3,6	28,0	6,9
Смоленская	1877	79,8	10,6	6,1	2,8
	1887	61,3	17,8	15,1	4,5
	1905	36,5	23,0	35,1	4,9

Остальная земля принадлежала духовенству, иностранцам и так называемым „прочим“. Таким образом крестьянское землевладение имело 2 фонда, надельной и прикупной земли. В 1905 году фонд надельной крестьянской земли составлял 9800 тысяч десятин, а вместе со всеми прикупками—12765 тысяч десятин. Это был самый крупный земельный фонд, превосходивший почти на 3 миллиона дворянское землевладение и почти в 5 раз больше сравнительно с владением государства и в 10 раз больше,—сравнительно с владением купеческим. Конечно, часть крестьянских земель были „крестьянскими“ только по странностям тогдашней юридической и статистической терминологии, ибо среди собственников из числа крестьян по паспорту были и крупные. Но, относительно, их было немного, они тонули в массе трудовой крестьянской земли.

Но, кроме того, необходимо помнить, что в среде частного землевладения не малую роль играло мелкое землевладение не крестьянское, по сословному титулу.

Мы говорили о размерах землевладения по сословным их подразделениям в хронологических пределах до 1905 года. Но известно, что революция 1905 года побудила дворянство к ускоренной ликвидации своих земель. Эта ликвидация доставила крестьянскому фонду не менее 1 мил. десятин за период 1906-1915 годы, т.-есть, иными словами, крестьянство накануне революции владело фондом надельной и купленной земли в размере не менее 14 мил. десятин (так как прикупки через частные банки не могут быть учтены).

Мы таким образом вошли в вопрос о мобилизации поземельной собственности. Он может и должен быть рассмотрен в двух направлениях. Во-первых, в форме общего движения землевладения, а во-вторых, в специальной форме нарастания крестьянского землевладения.

В первом случае нас будут интересовать не столько самые цифры, сколько темп земельной мобилизации. При этом надо помнить, что соответствующие данные иногда приходится брать порайонно для 4-х белорусских и 3-х литовских губерний, как эти данные своевременно публиковались Рейнботом и Святловским. Таким образом нередко выпадает из обзора Смоленская губерния и входит Ковенская, но это мало изменяет сущность процентных соотношений.

Мобилизация началась сейчас после освобождения крестьян. Она принимает такой характер: прежде всего мы замечаем, что в первые же годы на рынок выбрасывается большое количество помещичьей земельной собственности. В первое же десятилетие после реформы по всем 6-ти белорусским губерниям выброшено на рынок 1,2 миллиона десятин, а в последующие два десятилетия, в каждое десятилетие, это количество более, чем удваивается. 6,8 миллионов десятин, выброшенные на рынок в период 1863-1892 годов, составляют половину (12,8 миллионов десятин) всей помещичьей земли. Разумеется, это очень большой проц. Но уже в следующее десятилетие на рынок выброшено 6 миллионов десятин.

Если рассматривать данные о продаже земли по губерниям, то можно наблюсти некоторые особенности, впрочем, мало отличающие отдельные губернии. Так наибольшая сдержка в поступлении земель на рынок наблюдается в Виленской и особенно в Гродненской губерниях. Это губернии с наиболее устойчивым польским элементом. Напротив, в Смоленской, Витебской и Минской губерниях наблюдается весьма значительное падение помещичьей собственности. Более точное понятие об этом процессе можно получить, если принять сумму продажи в десятинах за 1863-1872 годы за 100 и вычислить проц. продажи за последующие десятилетия. Получаем такую табличку:

Губернии	1863-1872	1872-1882	1883-1892	1893-1910
Виленская	100	107,3	108,0	166,1
Витебская	100	272,5	273,5	366,6
Гродненская	100	93,3	73,9	125,5
Минская	100	383,9	315,5	512,5
Могилевская	100	101,3	14,5	140,4
Смоленская	100	224,8	232,0	222,8

Но интересно вот что: в первые десятилетия появляется на рынке и покупатель из дворянской среды и таким образом продаваемая дворянская земля в эти десятилетия в значительнейшей мере уходит в дворянские же руки. Так, например, к 1893 году только 1 миллион дворянской земли из 6,8 миллионов попал в недворянские руки. Ко-

нечно, в этом надо учесть деятельность русского правительства по водворению русского землевладения в крае, но с другой стороны это указывает и на проявление инициативы в самой дворянской среде. Скупка имений превращалась в ажиотаж, об'ясняемый дешевыми ценами на землю и выгодами от истребления лесной площади.

В самом деле, если взять за последовательный ряд годов проц. дворянских покупок и продаж к общему количеству десятин проданной и купленной земли, то нельзя не заметить, что хотя дворянство и является на рынок крупным продавцом земли, но в то же время оно оказывается и крупным покупателем. Тут, конечно, надо иметь в виду и некоторую особенность нашего района. Продавцами земли выступали, как представители старинного польско-белорусского землевладения, так и новые владельцы из великороссов, т. е. большей частью дворяне из числа чиновничества. Покупателями же земли являлись только дворяне последнего рода. Все это обусловливалось тогдашней политикой правительства.

Вот данные о купле-продаже дворянами земли в %% к общему количеству ее, поступающему на рынок, по белорусскому району (по Могилевской, Минской и Витебской губ., как эти данные приводятся в материалах):

	% проданной дворянами земли.	% купленной дворянами земли.
1898 г.	83,6	48,7
1899	56,5	61,3
1902	82,6	34,4
1903	56,5	50,3
1904	65,6	62,6
1906	60,4	27,7
1907	79,0	33,9
1908	61,8	49,7
1909	57,0	29,9

До 1905 г. никакой последовательности в появлении дворянских земель на рынке не наблюдается. Равным образом и покупка дворянами земли происходит под влиянием ряда рыночных случайностей или, вернее, под влиянием тех льгот, которые успевали получить дворяне-чиновники на покупку земли в нашем крае. После 1905 г., как это естественно ожидать, дворянство нервно выбрасывает земли на рынок и наблюдается сдержка в приобретении ими же земли.

Если возьмем Литовский район, как он именуется в материалах (2 белорусские губернии и Ковенская), то получим такую же картину:

	% проданной дворянами земли.	% купленной дворянами земли.
1898	71,1	44,4
1899	88,9	38,5
1902	77,5	54,1
1903	81,7	50,2
1904	67,7	57,5
1906	83,4	56,6
1907	70,1	48,4
1908	75,3	35,2
1909	73,1	39,0

С другой стороны, на рынке в качестве покупателя выступают купцы, крестьяне и мещане. Купеческая покупка носит явно спекулятивный характер. Купцы долго не держат земель в своих руках, очевидно, вырубают леса, или выжидают цен и перепродают имения. По-

этому цифры купеческих покупок и продаж носят неровный характер и, примерно, каждое десятилетие половина купеческой земли уходит в чьи то другие руки. Конечно, это руки крестьян и мещан—трудового землевладения. Если взять годы наибольшего разгара земельной мобилизации, именно годы 1906-1910, то оказывается, что к исходу этих годов, по всем губерниям, в руках крестьян осталось около полумиллиона десятин (492 тысячи), в руках мещан более полусотни тысяч (55 тысяч), у купечества—202 тысячи десятин, а потеря земли относится к дворянскому фонду (733 тысячи).

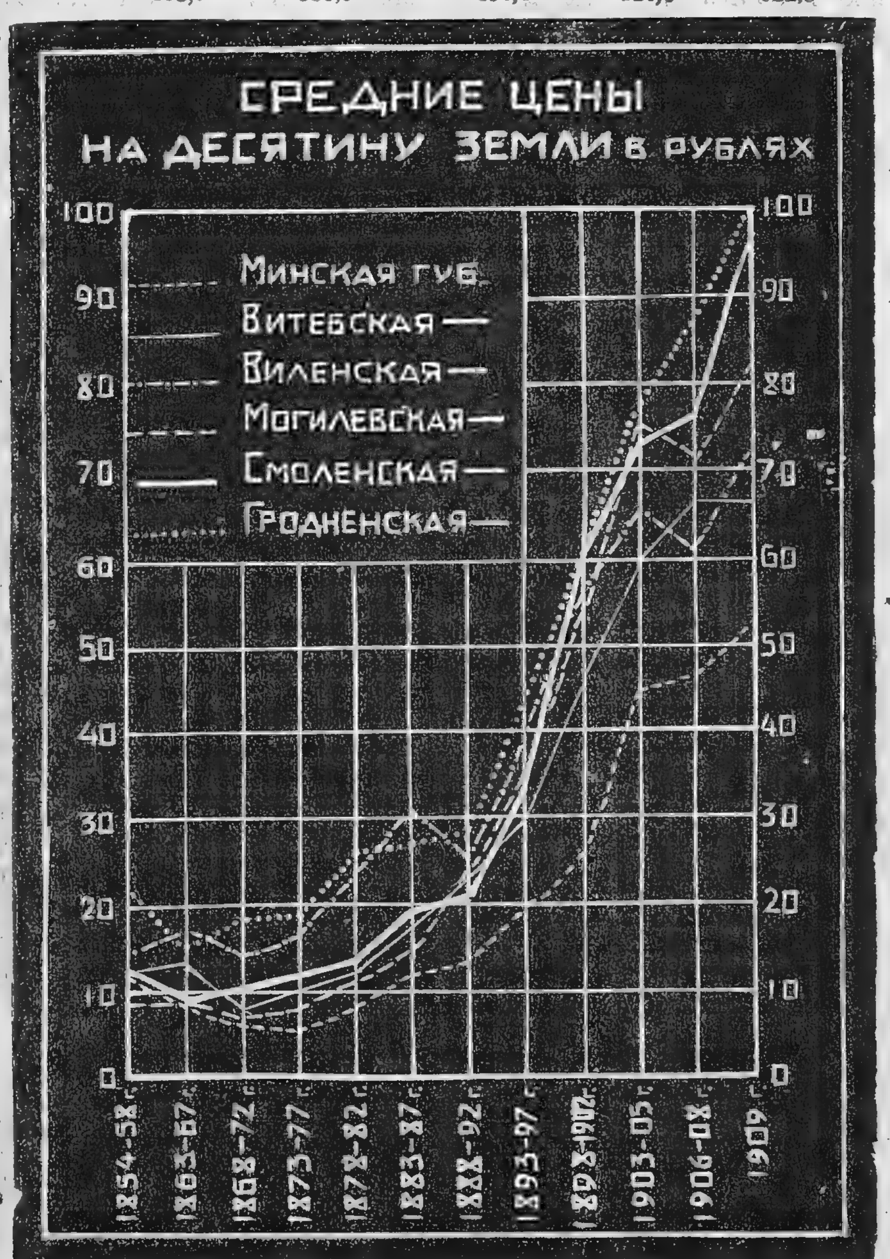
Темпу мобилизации соответствует количество сделок, на землю и рост цен. В общем можно наблюдать следующее явление: по всей белорусским губерниям число сделок купли-продажи за каждое десятилетие почти удваивалось в каждое по следующ. десятилетие сравнительно с предыдущ. Наибольшее количество сделок касается купли-продажи мелких участков размером от 10 до 50 десятин. Однако купля-продажа участков от 50 до 100 десятин неизменяется и даже падает.

Средняя цена земли во 2-е десятилетие поднялась по всем участкам кроме крупных, где она даже несколько понизилась. Так, цена мелких участков поднялась в 5 раз. Рост средних цен на землю при купле мелких участков создает спекуляцию. Ястремский, исследовавший вопрос о мобилизации земельной собственности в Минской губернии, говорит следующее: „Поразительной правильности повышение средней цены земли по мере уменьшения продаваемых участков в связи с увеличением спроса на более мелкие участки со стороны лиц экономически слабых и потому не имеющих возможности диктовать свои условия земельному рынку, создает в западном крае земельную спекуляцию при которой спекулирующие землею лица извлекают большие выгоды распродажею мелкими участками покупаемых ими крупных землевладений. Обыкновенно такая парцелляция земель сопровождается вырубкою ценных лесов и обращением пространств из-под вырубленного леса в сельско-хозяйственные угодья, разрабатываемые мелкими новоселами. Если принять это обстоятельство во внимание, то следует придти к такому заключению, что выгоды земельных спекулянтов на парцелляции еще более значительны, чем можно полагать из сравнения средних цен на землю в разной величины земельных участках, так как средняя цена десятины земли в крупных участках—вместе с растущим на ней ценным лесом, а в мелких—после вырубки леса.“

Рост цен на землю с 1868 года идет непрерывно в белорусских губерниях, но можно отметить следующее интересное наблюдение продаж по сословиям продавцов. Дороже всего на рынке ценились трудовые земли, как крестьянские, так и некрестьянские земли; продаваемые купцами, в некоторые пятилетия стояли ниже на рынке, нежели земли дворянские, т. к. очевидно продавались после вырубки лесов. При покупках наблюдается такое явление. Самые дешевые покупки делались купцами. Очевидно, купец подсиживал продавца и покупал землю дешево. Простое сопоставление средних цен купеческих покупок и продаж говорит о земельной спекуляции, т. к. покупки систематически ниже продажных цен за соответствующие годы. Дворяне покупали землю по средним ценам, высшим, нежели покупали купцы. Крестьяне и мещане приобретали землю по ценам в общем в 2 раза более дорогим, нежели дворяне, и в 2 и даже в 2 с пол. раза платили дороже, нежели купцы, так как в их среде преобладали покупатели трудовых участков.

Но вообще цены на землю росли неравномерно. До начала 80-х годов они нарастали очень медленно, иногда даже падая, сравнительно с 60-ми годами. С 80-х годов, напротив, замечается устойчивый под'ем цен, и в 20 веке даже средняя цена десятины земли является значительно выросшей. В первые десятилетия наиболее низкими ценами отличались Минская, Могилевская, частью Витебская губ. Напротив, Гродненская выделялась наиболее высокой ценой, которая в ряде последующих десятилетий даже снижалась и вновь начала расти только с 80-х годов. Вообще, если принять годы 1854-58 за 100, то под'ем цен в 80-х и в 900 годах выразится в таких цифрах:

	Виленск.	Витебск.	Гродн.	Минск.	Могилев.	Смол.
1883-87	212,6	147,1	117,1	109,1	180,8	172,2
1909	498,9	583,0	451,4	520,0	922,3	918,9

На прилагаемой диаграмме можно видеть в деталях рост цен по каждой губернии.

Если сравнить мобилизацию земельной собственности в белорусских губерниях и лит.-бел. с таким же явлением по всей России, то общий результат сравнения сведется к следующему: как общее правило по всем 47 губерниям Европейской России дворянское землевладение с 1862 по 1911 год уменьшилось наполовину. В Белоруссии же и Литве только, примерно, на 1/4. Следовательно, в исходе отлив дворянского землевладения в наших губерниях оказался слабее, нежели в великорусских и украинских. При этом в черноземной полосе крестьянское прикупное землевладение (18 милл. десятин) почти равнялось в 1911 году дворянскому (19 милл. десятин), в нечерноземной полосе оно было наполовину (12 милл.) меньше дворянского (23,8 миллионов). В Белоруссии и Литве эти соотношения менее выгодны, т. к. крестьянское прикупное землевладение (2,6 милл.) здесь сопоставляло всего около четверти дворянского (9,5 милл.). Это различие об‘ясняется и несколько повышенными наделами у нас и особенно тем, что поляки-землевладельцы, в силу национальных и экономических причин, должны были прочно держаться за свою землю. И кроме того, вообще слабое развитие промышленности не побуждало к переводу земли в акции промышленных предприятий.

Этими внешними условиями об‘ясняется задерживание земли в дворянских руках, а не хозяйственной прочностью частновладельческих имений. Об этом нам придется еще говорить.

Теперь только мы отметим, что в прежней литературе несколько раз подымался вопрос о том, что попадавшие в дворянские руки имения делались достоянием нового поместного дворянства капиталистически прочного, это значит, что на месте рассыпавшихся дворянских гнезд появлялись новые и на этот раз уже прочные организмы. Не вдаваясь в подробности, необходимо отметить, что для белорусских губерний аналогичного явления, несомненно имевшего место в Великороссии и на Украине, не наблюдается. Правда, печатавшиеся материалы не настолько разнообразны, чтобы можно было проследить подобного рода процесс с большою точностью. В белорусских губерниях был ряд условий, в силу которых обставленное капиталами дворянство нового типа—дворяне предприниматели—не стремилось осесть и затратить свои капиталы. Дворяне местные, т. е. поляки или ополяченные белоруссы, привыкшие к сельскому хозяйству своих губерний, не имели права покупать земель, да едва ли они представляли достаточно сильный класс, обладавший наличным капиталом. Великоросса-капиталиста наша природа не тянула к себе. Он покупал имение в крайнем случае потому, что оно ему легко доставалось и, конечно, он не решался в него вкладывать капитал. Поэтому неудивительно, что отсутствие данных, которые можно извлечь из цифровых комбинаций, совпадают с соображениями теоретического характера. Все это указывает на то, что наше землевладение, хотя и было по существу крупным, но оказывалось на деле капиталистически слабым организмом, капитал со стороны в него не вливался.

Характер купеческих и мещанских покупок (мы об‘единяем обе группы) отмечается преобладанием покупок над продажами, и только после 1905 года замечается сдержка в приобретении земли этими элементами, хотя часть земель, особенно в мещанские руки, приобреталась в целях трудового пользования.

Об'единив купеческие и мещанские покупки и продажи, мы для обоих районов, Белорусского и Лит.-бел. получаем следующие погодные относительные цифры:

	Белорусский район		Литовский район	
	Купцами		и мещанами	
	% проданной земли	% купленной земли	% проданной земли	% купленной земли
1898	8,9	27,6	5,5	4,5
1899	7,2	14,9	3,3	33,0
1902	10,2	18,9	4,3	6,3
1903	21,7	13,7	7,8	8,9
1904	14,6	12,8	21,6	5,9
1906	30,8	12,6	7,2	6,8
1907	10,2	7,6	8,9	5,7
1908	7,7	6,9	6,1	5,7
1909	17,2	19,4	2,7	6,7

Крестьянин выступал на рынке не только в качестве покупателя, но и в качестве продавца. Легко догадаться, что % продаваемой крестьянами земли относительно невелик. Но если припомнить, что наряду с трудовым крестьянином покупал и продавал землю паспортный крестьянин, капиталист, иногда покупавший сотни и тысячи десятин земли, промышлявший куплею-продажею земли, как и купец, то станет ясным еще и то, что трудовое крестьянство выпускало землю с большим трудом, чем те крестьяне, для которых купля и продажа земли была торговой операцией. Ниже мы приводим таблицу, которая говорит нам о постепенном росте участия всех крестьян в покупке земли и параллельно с тем проц. покупок и продаж, совершенных единоличными крестьянами. Конечно, надо помнить, что среди крестьянских единоличных покупок, количественно, по числу покупателей, преобладали покупатели трудового типа. Но по количеству десятин купленной и проданной земли преобладают покупатели целых имений или больших участков. Во всяком случае, если об'единить трудовые и нетрудовые покупки и продажи крестьян—личных собственников, то все же получается определенная картина такого рода: крестьянин, как общее правило, стремится покупать землю, с каждым годом развивает свое участие в покупке земель и весьма сдержан в продаже их; напротив, крестьяне, единоличные собственники, принимают деятельное участие не только в покупке земель, но и в продаже их. Конечно, революционная волна 1905 г. повлияла в обратном смысле на участие крестьян в покупке земли, усилив его. Вот соответствующие данные:

БЕЛОРУССКИЙ РАЙОН

	% проданной всеми кр-ми земли к общему итогу всех продаж	% купленной всеми кр-ми земли к общему итогу всех покупок	В том числе единоличных крестьян: % проданной земли	% купленной земли
1898	4,2	14,9	3,3	3,0
1899	3,2	16,3	2,5	4,8
1902	3,6	18,2	2,2	2,9
1903	3,9	30,6	2,8	4,3
1904	4,8	25,2	3,1	3,6
1906	4,9	13,7	2,9	14,7
1907	5,0	18,8	2,5	4,6
1908	9,3	24,3	4,2	11,2
1909	7,9	24,1	5,1	10,1

„ЛИТОВСКИЙ“ РАЙОН

% проданной всеми кр-ми земли к общему итогу всех продаж	% купленной всеми кр-ми земли к общему итогу всех продаж	В том числе единоличных крестьян: % проданной земли	% купленной земли
7,0	33,4	5,5	14,5
4,6	22,1	3,5	9,7
7,4	28,4	6,0	8,6
6,0	33,5	4,8	11,2
5,8	28,6	5,1	10,4
6,1	20,4	5,0	10,5
7,1	25,9	5,6	13,7
11,7	34,6	5,5	17,9
7,1	38,9	6,1	23,2

Подтверждая сказанное, эта таблица в то же время дает проц. роста крестьянских покупок, которые доходят в 900 годах до одной четверти, или даже до одной трети всех земель, появляющихся на рынке.

Теперь обратимся к задолженности частноземлевладения. Рост задолженности свидетельствует об условиях, в которых находилось частновладельческое хозяйство. Накануне раскрепощения,—мы уже знаем, примерно, 2/3 земель были в залоге. Выкупные платежи, повидимому, подправили помещечье хозяйство и к 1885 году % заложенных земель редко превышает 1/4 всех, а в отдельных губерниях значительно падает. Но уже с 90-х годов картина задолженности изменяется, последняя близится к половине всех задолженных земель, а в 900-х годах достигает максимума, 2/3, т. е. подходит к уровню докрепостной эпохи.

В общих цифрах, долг конца крепостной эпохи составлял 61 мил., в 1894 г.—93 мил. и 1912 г.—455 мил. Число заложенных десятин в 1894 году доходило до 13,6 мил., к 1912 году понизилось до 9,2 мил. Для подтверждения сказанного мы приведем проц. задолженности по каждой губернии.

Размеры задолженности частного землевладения:

ГУБЕРНИИ	% отношение состояв. в залоге душ к общему числу креп. в 1859 г.	% отнош. заложен. земли к общ. кол-ву частн. земевладения к 1 янв. каждого года. 1885 г.	1894 г.	1912 г.
Смоленская	69,9	14,1	31,0	53
Витебская	69,0	29,4	47,3	59
Виленская	34,2	19,2	44,7	66
Минская	60,4	28,2	58,0	64
Могилевская	71,0	28,3	47,8	60
Гродненская	58,5	31,5	53,0	68

Соответственно росту цен растет и степень задолженности на 1 десятину заложенной земли. Это явление выражается в следующих цифровых данных:

Степень задолженности землевладения:

ГУБЕРНИИ	На 1 десятину земли падает долга в рублях к 1 января: 1885 г.	1894 г.	1912 г.
Смоленская	12,12	18,04	39
Витебская	10,33	16,35	32
Виленская	17,16	20.76	33
Минская	7,26	9,23	22
Могилевская	7,86	14,95	36
Гродненская	18,61	24,40	42

Мы наблюдали общую картину мобилизации земельной собственности. Теперь нам надлежит специально остановиться на участии в этой мобилизации Крестьянского Поземельного Банка.

В первые годы открытия деятельности этого Банка белорусские крестьяне не особенно охотно стучались в его двери. Это не зависело от политики банка, ибо в первые полтора десятилетия его деятельности, эта политика в общем была весьма благоприятна для развития крестьянского землевладения. Очевидно, белорусские крестьяне были частью удовлетворены своими наделами, а более бедные элементы не находили средств для задатков. С конца 90-х годов мы замечаем уже усиленную деятельность крестьян по скупке земель и увеличению их земельного фонда. Очевидно, назрели соответствующие условия. В общем картина покупок земли при помощи крестьянского банка выражается за весь изучаемый период в следующих цифрах (в тыс. дес.):

ГУБЕРНИИ	1883—1885	1886—1893	1891—1895	1896—1900	1901—1905	1906—1910	1911—1915
Виленская	0,05	6,5	20,3	18,4	19,6	28,3	50,3
Витебская	—	18,6	33,3	44,0	48,9	57,8	88,1
Гродненская	0,05	18,8	22,6	71,4	51,4	67,5	63,1
Минская	—	67,0	70,9	140,8	165,6	74,0	147,7
Могилевская	27,0	93,5	76,6	109,1	112,0	93,7	141,2
Смоленская	37,3	100,2	62,2	128,7	91,8	156,9	192,7
Итого	64,4	304,4	285,9	512,4	489,3	478,2	683,1

Эти цифры прибавляют мало к тому, что мы уже знаем движении землевладения в крестьянскую среду. Можем только добавить, что

и у нас темп крестьянских покупок показывает резкое колебание в революционные 1905—1906 годы. В эти 2 года крестьяне заметно сдерживались покупать землю, не смотря на большое ее предложение на рынке и несмотря на то, что политика банка, после десятка суровых лет эпохи строгого взыскания платежей, повернулась лицом к деревне в целях спасения остатков помещичьего землевладения. Но когда революционные бури утихли и крестьяне не дождались раздела земель, они с новой энергией приступили к скупке помещичьих. Вот в цифрах доказательства этих колебаний белорусского крестьянства:

	Куплено тысяч десятин земли:			
	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.
6 белорусских губений	93,8	63,4	43,3	58,9

Кроме интереса к валовым цифрам крестьянских покупок, для нас существенную важность представляет вопрос о том, какие крестьянские элементы прикупали земли и каково получалось обеспечение землей после прикупки земли. В общем обеспеченность крестьян землею после покупок вырастала примерно в 2 или $2^{1}/_{2}$ раза. Возьмем, для примера, общую сумму крестьянских покупок за время, когда они шли весьма интенсивно, т. е. за 1911—15 годы, и приведем по губерниям среднее количество десятин земли, приходившееся на каждого домохозяина до покупки земли, и то количество земли, которое каждый домохозяин в среднем получил после покупки и присоединения купли к надельной земле. Получаем следующие данные:

	Ср. на 1 домохоз. до покупки	Ср. на 1 домохоз. с прикупн. землей
Виленская	5,6	16,1
Витебская	6,0	19,1
Гродненская	5,8	13,4
Минская	7,3	16,6
Могилевская	8,5	15,1
Смоленская	8,5	15,5

Эти данные не все раз'ясняют нам потому, что среди покупщиков был и известный проц. безземельных и известный проц. обеспеч. землей крестьян.

Но все же, в общем, они уполномачивают предвидеть тот конечный результат, что в покупках принимал главным образом участие крестьянин, имевший уже некоторое земельное обеспечение, близкий к середняку, (по земле) и превращался после покупки в крестьянина, выходящего за пределы середняцкой массы. С другой стороны, заметно стремление крестьян удваивать свои земельные фонды. Так, например, покупавшие землю в 1905—07 годах в 3-х губерниях (Минской, Могилевской и Витебской) до покупки каждый имел в среднем на 1 душу 2, 5 десятин и купили они в среднем на 1 душу по 2,4 десятины. При этом тут же заметим, что одиночки, покупавшие у Крестьянского Банка, были менее мощным экономическим элементом, чем те, которые покупали товариществами. В самом деле, одиночки имели 1,5 десятин на душу и купили только по 1 десятине. В те же годы ряд крестьян купили землю при помощи частных банков.

Среди покупщиков преобладает середняцкий по земле элемент, многоземельных совсем нет, безлошадные почти отсутствуют в среде по-

купателей. Вот данные о распределении земли у покупателей до покупки:

Безземельных было	13,5%
Имевших до 1,5 дес.	20,8 „
„ от 1,5 до 3 дес.	28,2 „
„ от 3 до 6 дес.	24,3 „
„ свыше 6 дес.	13,2 „

Впрочем, здесь замечается сильный уклон в сторону беззем. и малоз. элемента деревни.

Данные о клиентах Банка нельзя суммировать, т. к. в отчетах даются о них неоднообразные сведения; поэтому мы продолжим наши разыскания и подкрепим их еще двумя примерами. Из отчета банка за 1909 год выясняется следующее распределение покупателей по отношению к имеющемуся у них до покупки земельному фонду. Данные приводятся ниже по 3-м литовским и 4-м белорусским губерниям, как это суммировано в отчете.

Оказывается, что из общего числа покупавших хозяев было:

	„Литовские“ губернии	Белорусские губернии
Безземельных	13,7%	7,9%
Имев. до 1½ дес.	6,1 „	2,3 „
„ от 1½ до 3-х дес.	15,3 „	10,7 „
„ „ 3 „ 6 „	29,6 „	29,9 „
„ „ 6 „ 9 „	17,3 „	22,8 „
„ „ 9 „ 15 „	13,2 „	3,6 „
„ „ 15 „ 25 „	3,6 „	6,8 „
„ свыше 25 дес.	1,2 „	1,6 „
В среднем на 1 домохоз.	6,6 дес.	8,3 дес.

Эта табличка указывает нам на то, что на рынке выступает в относительно значительном количестве молоземельный и более или менее середняцкий элемент и частью безземельные крестьяне, в меньшей мере прочный середняк и в совсем ничтожной мере элементы, выходившие за положение середняка. Вся купленная земля между вышеозначенными элементами распределялась так:

	Литовские губернии	Белорусские губернии
Безземельные купили	34,4%	42,5%
Имевшие от 1½ дес. до 6 купили	48,2 „	30,1 „
„ от 6—15 десятин	12,7 „	21,5 „
„ свыше 15 десятин	3,4 „	5,1 „

В общем получилось по белорусским губерниям у безземельных в среднем—27,1 десятина на каждого, а в лит.-бел. губерниях—13,2 десятины, а для всех среднее количество земли получилось на 1 домохозяина—16,0 десятин в белорусских и 8,4 десятины в литбел. губерниях.

Наличие рабочего скота является очень важным моментом, позволяющим крестьянину явиться покупателем земли. В самом деле, поку-

патели банка 1909 года по количеству скота распределялись следующим образом:

	«Литовские» губернии	Белорусские губернии
Без всякого скота	4,4%	3,0%
Без рабочего скота	14,6 „	2,9 „
Имевшие 1 лошадь	48,3 „	29,3 „
2 „	20,3 „	38,3 „
3 и более лошадей	26,5 „	26,5 „

Среднее количество скота на 100 домохозяев:

Рабочего	136 штук	199 штук
Коров	276 „	419 „
Мелкого	454 „	749 „

Таким образом, в общем, покупал землю обеспеченный скотом элемент, могущий вести хозяйство.

Еще более интересные данные мы находим в банковском отчете за 1911 год. Прежде всего здесь выступают в качестве покупателей крестьяне, обеспеченные рабочей силой, ибо 3,4 рабочих обоего пола на каждое хозяйство составляют уже хорошее обеспечение. Затем здесь по всем 6-ти белор. губ. распределение покупателей, по количеству имевшейся у них земли до покупки и по количеству земли после покупки, выражалось в следующих процентных соотношениях:

	До покупки	После покупки
Неимевших земли	11,4%	—
Имевших до 1½ дес.	3,8 »	0,2%
» от 1½ до 3 дес.	11,8 »	1,6 »
» от 3 до 6 дес.	28,4 »	10,9 »
» от 6 до 9 »	22,4 »	18,4 »
» от 9 до 15 »	8,7 »	33,8 »
» от 15 до 25 »	6,3 »	27,8 »
» свыше 25 дес.	1,8 »	13,4 »

В среднем, до покупки на 1 хозяйство, имевшее землю, приходилось 8,7 десятин, а после покупки 16,5 десятин. Покупка дала в среднем на одного безземельного 17,7 десятин, а для всех домохозяев 7,5 десятин всей земли.

И эта табличка уполномачивает нас подчеркнуть, что в общем середняцкие элементы или примыкающие к ним снизу усиленно стремятся к прикупке земли, за ними следует беззем. и многозем. элемент и уже в незначительной мере элемент, имеющий более 15 десятин. Покупка дает даже для безземельных прочное крестьянское хозяйство, весьма ничтожное количество малоземельных, укрепляет середняцкий элемент и некоторую часть середняков переводит в разряд многозем. крестьянства. Покупательная сила низших по земле групп крестьян базируется на возможности вести самостоятельное хозяйство. В самом деле, среди покупавших без рабочего скота было всего 7,3 проц. домохозяев, имевших по 1 лошади—40,6 проц., имевших по 2 лошади—35,6 проц. и имевших 3 и более лошади—22,3 проц. В среднем на 1 хозяйство приходилось у имеющих рабочий скот—2 лошади и 0,1 волов, 3,3 коров и мелкого скота—7,7 штук.

Наконец, остановимся еще на крестьянских покупках 1913 г. Из 21,5 тыс. хозяйств, приобревших в этом году землю, можно считать 21,8 проц. безземельных, или настолько малоземельных, что земля не могла служить основой хозяйства. В этот подсчет мы включаем безземельных в полном смысле и имевших до 3-х десятин земли, причем безземельных в этом числе было 2 тыс. дворов. Группа малоземельных, имевшая от 3-х дес. земли, составляла 26,7 проц. Таким образом, половина крестьян, купивших в этом году землю, представляла собою беднейший по земельному обеспечению элемент деревни. Группа прочного середняка представляла собою весьма значительный элемент покупателей—41,1 проц. И только 10,4 проц. покупщиков принадлежали уже к обеспеченному землей элементу, имея более 15 дес. земли на двор. У всех покупщиков до покупки в среднем приходилось на двор от 6,2 до 10,1 дес. После покупки безземельные в общем оказались группой, перешедшей кверху за середняцкий предел. Так, в самом деле, можно привести следующие погубернские данные. В среднем после покупки, имевшие землю и совсем безземельные были обеспечены в таком виде.

	После покупки имели			Ср. ч. дес. на 1 хоз-во до покупки, у имевших землю
	Ср. ч. дес на 1 хоз-во всей куплен. земли	Ср. ч. дес. у безземельных	Ср. ч. дес. у всех вместе	
Виленская	12,6	24,2	18,4	7,1
	12,2	27,1	18,1	7,5
Витебская	19,8	24,3	25,0	8,7
	11,3	20,6	17,6	8,1
Гродненская	17,1	21,2	22,6	6,2
	7,0	16,0	12,7	6,4
Минская	17,3	24,8	23,6	9,7
	8,6	15,3	16,5	9,1
Могилевская	8,0	15,2	16,3	9,0
	6,0	14,2	14,1	8,8
Смоленская	7,5	19,2	16,9	10,1
	6,4	16,6	14,8	9,2

2 ряда цифр при каждой губернии этой таблички обозначают двоякого рода покупщиков: купивших землю у банка и купивших землю при помощи банка. Для наших целей это несущественно, но так эти цифры приводятся в отчете и общей средней получить нельзя. Во всяком случае эти цифры подтверждают значительность середняцкого элемента среди покупщиков. Почти как общее правило—прикупка удвояет средние наделы; безземельные по среднему количеству купленной ими земли догоняют имевших землю. Даже можно сообразить, приблизительно, какой процент безземельных после покупки приобрел мелкие участки. Так, после покупки у 2,6 проц. было до 3-х дес. земли. Очевидно, в этом числе было известное количество безземельных и, следовательно, в общем среднее обеспечение хозяйства после

покупки станет еще выше, чем то, которое показывает общее среднее число десятин на 1 бывшее ранее безземельное хозяйство. Это значит, что среди безземельных, несомненно, оказывалась некоторая часть состоятельного крестьянства, сразу прикупившего значительные участки. Это подтверждается и дальнейшими данными. Так, после покупки % малоземельных (3—6 дес. на хозяйство) составил 10,5 проц. всех покупщиков, середняцкий элемент по количеству недалеко ушел от середняцкого элемента до покупки, ибо составил 46,2 проц. покупщиков. Это значит, что известная часть малоземельных и безземельных передвинулась в середняцкую группу. Но зато после покупки группа многоземельных крестьян весьма выросла, она в общем учетверилась, ибо дает теперь 40,7 проц. Судя по средней на каждое бывшее безземельное хозяйство, последний элемент должен был войти и в эту группу.

Данная группа покупателей земли опять таки отличается относительной обеспеченностью рабочим скотом В самом деле, только 7,0 процентов покупателей не имели рабочего скота, 23 проц. покупателей имели 3 и более лошади, а однолошадных и двулошадных хозяйств было по 35 проц. Даже средняя обеспеченность всякого скота на двор является достаточной: так, лошадей приходилось 1,7 на двор, волов—2,8, коров—3,2 и овец—8,2. Все предыдущие выкладки позволяют, как нам думается, придти к следующему заключению.

Формально среди покупщиков банка преобладал безземельный, малоземельный (25—30 проц. обоих категорий) и середняцкий элемент и в относительно небольшом числе выступал обеспеченный землей элемент. В общем все элементы покупщиков в достаточной или хорошей мере обеспечены скотом, как рабочим, так и молочным. Простейший вывод сводится к тому, что покупатель из крестьян тянулся к земле для хозяйствования на ней. Гораздо сложнее вопрос о том, преобладали ли среди покупщиков бедняцкие и середняцкие элементы, или же более зажиточные. В другом месте нам придется еще говорить, что земельное обеспечение крестьянского хозяйства, хотя и составляет важнейшую его основу, однако не является единственным показателем дифференциации крестьянства. Среди безземельного и особенно среди малоземельного крестьянства, несомненно, в деревне вырабатывались такие элементы, которые в силу различных условий выдвигались из среды однотипных крестьянских хозяйств заработками, арендой, торговлей и т. п. Это давало таким элементам возможность потянуться к земле или к ее расширению. Этим самым мы хотим сказать, что настоящий деревенский пролетарий все же не мог приобретать земли даже при льготах банка. Поэтому, когда в свое время печать упрекала банковскую политику в покровительстве богатому элементу деревни, то эти упреки имели за собой известного рода основание, несмотря на то, что эти основания трудно элиминировать цифрами по отсутствию соответствующих материалов.

В вопросе о крестьянских покупках земли через содействие банка есть еще одна сторона, которой необходимо коснуться. Это вопрос о том, кто выступал перед Банком в качестве покупателя—единоличный домохозяин, или же коллективы в виде сельских обществ и товариществ. Для Белоруссии, где преобладает исконное подворное землевладение, этот вопрос большого значения не имеет, ибо купленная теми или иными способами земля превращалась крестьянами в подворное владение. Поэтому на формах покупки больше всего отра-

жалась политика Банка. В самом деле, до начала 900-х годов эта политика неизменно благоприятствовала коллективным покупкам. И это отражалось на том, что за период 1883-1895 годы на 664 тысячи десятин купленной крестьянами земли, пришлось всего 19 тысяч, купленной отдельными домохозяевами, а за период 1896-1903 на 803 тысячи десятин купленной земли приходится всего 53 тысячи приобретенной отдельно домохозяевами. Но как только изменилась политика банка, тотчас же исконные привычки белорусса стали брать верх и уже, например, в 1911 г. отдельными домохозяевами куплено 46,8% всей земли.

IV. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ.

Распределение земельной собственности по размерам владений.

Старая дореволюционная статистика не только мало занималась земельным кадастром, но и, приступая к кадастру, вносила большую путаницу в понятия о сущности земельных соотношений. Эта статистика весьма придерживалась сословного принципа в распределении земельной собственности и совершенно не выявляла хозяйственных особенностей землевладения. Надельные земли не связаны с прикупными крестьянскими, в рубрику последних, по паспортному признаку попало нетрудовое землевладение. Трудно сказать, удастся ли со временем установить хозяйственную картину дореволюционного землевладения, но во всяком случае в нашем очерке нам придется следовать по этим формальным и устарелым рубрикам, вводя в них некоторые коррективы.

От прошлого до нас дошло 2 кадастра, результаты которых можно сравнивать между собою. Это—кадастр 1877-1878 годов и кадастр 1905 года, следовательно, перемены в составе землевладения можно наблюдать за 25-летний, примерно, период.

Прежде всего за этот период мы замечаем на валовых цифрах падение среднего размера владений. Так, для Виленской г. средний размер владений в 1877 году был 180 дес., а в 1905—142 дес. Для Минской г., которая дает наибольшее количество крупного землевладения, средний размер землевладений в первом году—471 дес., во втором он пал до 300 дес. В Витебской губ. с 336 дес. средний размер владений понизился до 192 дес., в Могилевской с 204 дес. до 120 дес. и в Гродненской, всегда обиловавшей мелким землевладением, с 95 дес. до 45 дес. Но эта круглая валовая цифра не вполне показательна, т. к. на действительную среднюю влияет и частное трудовое землевладение. Поэтому в данном случае, как и в последующих, где это понадобится, мы будем считать нетрудовой формой землевладения такое землевладение, которое начинается от 100 дес. земли, следовательно, землевладение средне-поместное и крупное. При таких условиях в рубрику трудового в наших подсчетах войдут владения до 100 дес., т.е. все виды мелкого землевладения.

Мы, понимаем, что это довольно грубый прием. Он оправдывается лишь тем, что хозяйства от 50 до 100 дес, не говоря о низших, все же требовали участия личного труда владельцев. С другой стороны к такому разделению нас побуждают, надо признаться, и некоторые технические условия работы.

Во всяком случае, если возьмем только тот вид землевладения, который или совсем освобождает владельца от участия в управлении,

или только делает его организатором, т. е. если возьмем владение в 100 и более дес., то настоящая картина помещичьего землевладения выявится в следующих соотношениях. Как общее правило, мы имеем дело у нас в Белоруссии с крупным землевладением, средние размеры которого в 70-х годах или приближают к тысяче дес., или же превышают ее и притом в отдельных губ. значительно. В 900-х г.г. эта картина меняется. Смоленская губ. переходит совсем в разряд среднепоместных, размеры среднего землевладения в общем падают почти вдвое. Ввиду интереса, представляемого данным вопросом, мы приведем соответствующие погубернские средние:

Среднее количество десятин на одно владение.

	1877 г.	1905 г.
Виленская	737	613
Витебская	1.124	739
Гродненская	945	584
Минская	2.142	1.304
Могилевская	1.247	623
Смоленская	723	453
По Белоруссии	1126	733

Таким образом Белоруссия накануне революции была страной крупного частного землевладения, несмотря на те отрезки, которые получило крестьянство и мелкое землевладение при помощи банков.

В отдельных г.г. эта черта сказывается с особой рельефностью. Наиболее крупные владения встречались в Минской губ., где в 1905 г. 803 владениям принадлежало 4 миллиона дес., т. е. в среднем почти по 5 тыс. дес. на каждое владение. В 70-х г.г.—74 владения в пределах одной только Минской губернии составили каждое в отдельности более чем 10 тыс. дес., почти столько же владений составляло от 5 до 10 тыс. дес.

Вообще в Минской губ. 4,4 проц. всех владельцев принадлежало 3/4 (79 6 проц.) всей частной земельной собственности, считая каждое владение от тысячи дес. В других г.г. картина крупного землевладения несколько слабее. Но все же только в Смоленской губ. крупному землевладению принадлежала 3-я часть земли, во всех других губ. она тянулась к половине, в Гродненской к 40 проц. Это по отношению ко всему частному землевладению, в том числе и мелкому. Конечно, картина опять таки изменится в сторону более крупных средних, если мы отбросим мелкое землевладение до 100 дес. Из 15,7 мил. дес. частного землевладения на долю среднего и крупного приходится 13,2 мил. по всем губ. Вся эта земля составляет 18 тыс. владений.

Интересно было бы проникнуть в те процессы, которые происходили в сфере частного землевладения. Здесь мы однако встречаемся с непреодолимым затруднением, заключающимся в том, что статистические данные говорят не о владельцах, а о владениях и таким образом нельзя учесть количество владельцев, об'единявших то или иное количество владений. Поэтому приходится говорить о дифференциации владений, что, разумеется, не дает вполне отчетливого освещения всего процесса.

Во всяком случае, для всей Белоруссии можно наметить такой процесс. Количество владений от 100 до 500 дес. с 1877 г. поднялось с 61,3 проц. ко всем владениям до 72,6 проц. Относительное значе-

ние количества земли у той же группы выросло с 13,0 проц. до 21.8 проц. Эта группа была самой многочисленной по количеству, но владела всего пятой части земельного фонда. Количество владений следующей группы (от 500 до 1000 дес.) пало с 17,4 проц. до 13,9 проц. за тот же период. Но относительный вес этой группы несколько вырос, поднявшись с 10,7 проц. до 13,3 проц. всего количества земли.

Обе эти группы, численные по количеству владений, составляли всего третью часть земельной собственности. Группа крупного землевладения, свыше 1000 дес., составляла в 1877 г. 5-ю часть всех владений (21,5%) и три четверти всей нетрудовой собственности (76,3%). Ее удельный вес в 1905 г. снизился до 64,9% по количеству земли и до 13,5% по количеству владений. Отсюда ясно, что увеличение земельного фонда низших 2-х групп произошло за счет расслоения высшей группы. Однако, если сравнить числовые данные, то ущерб высшей группы выражался всего в 1,1 мил. дес., количество же владений оставалось почти одно и то же. Верхушка этой группы, владения свыше 5000, дес., составляли 3 ю часть всей земельной собственности (33,1%), между тем как эта группа была ничтожна по своему количеству (1,8% всех владений).

Если сопоставить данные 1877 г. и данные 1905 г., то происшедшие изменения выразятся в таких относительных величинах. Если принять цифры 1877 г. за 100, то изменения в 1905 г. будут такие:

ВЛАДЕНИЯ

От 100—500 дес.		От 500—1000 дес.		Свыше 1000 дес.	
Чис. влад.	Кол. земли	Чис. влад.	Кол. земли	Чис. влад.	Кол. земли
191	171	132	128	101	89

Таков контур панской Белоруссии, выраженный в массовых цифрах. Картина изменяется, если мы присмотримся к отдельным губ. Минская г.—это область крупного землевладения, которое потерпело относительно малый ущерб за весь период. Эта форма землевладения потеряла всего несколько более 600 тыс. дес. и относительное значение ее понизилось всего на 9%, только количество владений увеличилось и, следовательно, уменьшился средний размер владений. В Витебской и в Виленской г. г. оно тоже слабо снизилось. И только в 3-х остальных губерниях относительное значение крупного землевладения дало более резкое снижение. Группа владений от 500 до 1000 д. по всем губерниям дала увеличение количества владений и относительно более слабый прирост земли. Только низшая группа дала более значительные изменения, удвоив количество владений и дав значительный прирост земли. Мы не делаем более детальных сравнений данных 1905 г. с данными 1877 г., потому что эти данные плохо сводимы, ибо площади обследований неодинаковы. Мы только помещаем далее сводную погубернскую таблицу с указанием числа владений и размеров земельной собственности (в т. т. дес.) в оба периода в абсолютных и в относительных цифрах:

	ВЛАДЕНИЯ					
	От 101—500 дес.		От 500—1000 дес.		Свыше 1000 дес.	
	Ч. влад.	Колич. земли	Ч. влад.	Колич. земли	Ч. влад.	Колич. земли
	В тысячах десятин					
Виленская						
1877	1304	303	272	189	262	863
1905	1559	333	295	203	256	747
Витебская						
1877	920	216	283	210	393	1396
1905	1810	379	349	247	364	1238
Гродненская						
1877	678	170	245	170	225	744
1905	1155	274	297	200	194	487
Минская						
1877	1022	241	298	210	587	3684
1905	2419	553	560	389	803	3993
Могилевская						
1877	884	214	294	211	460	1617
1905	2302	512	466	325	409	1140
Смоленская						
1877	2024	488	512	364	479	1328
1905	3827	823	542	374	396	963
Итого 1877	6832	1632	1904	1354	2406	9632
Итого 1905	13072	2874	2509	1737	2422	8568

	Владения от 101 до 500 дес. % влад.	% общ. кол. зем.	От 500—1000 десятин % влад.	% общ. кол. зем.	Свыше 1000 десятин % влад.	% общ. кол. зем.
Виленская						
1877	70,9	22,3	14,8	14,0	14,3	63,7
1905	73,8	25,7	13,9	15,6	12,3	58,7
Витебская						
1877	57,6	12,0	17,7	11,0	24,7	77,0
1905	71,7	20,3	13,8	13,3	14,5	66,4
Гродненская						
1877	59,1	15,6	21,4	15,6	19,5	68,8
1905	70,2	28,5	18,1	20,8	11,7	50,7
Минская						
1877	53,6	5,0	15,6	5,0	30,8	90,0
1905	63,9	11,2	14,8	7,8	21,3	81,0
Могилевская						
1877	53,9	10,4	17,9	10,3	28,2	79,3
1905	72,5	26,0	14,6	16,4	12,9	57,6
Смоленская						
1877	67,2	22,3	17,0	16,7	15,8	60,0
1905	80,3	38,1	11,4	17,4	8,3	44,5
Итого 1877	61,3	13,0	17,4	10,7	21,5	76,3
Итого 1905	72,6	21,8	13,9	13,3	13,5	64,9

Теперь перейдем к вопросу о мелком частном землевладении, размером до 100 д. Прежде всего тут приходится отметить, как это естественно ожидать, относительно значительный рост его. Этот тип землевладения в общем вырос за рассматриваемые периоды на 1 мил. десятин. Количество владений удвоилось, т. е. произошло вообще удвоение, как количества владений, так и количества земли. Средний размер этого типа землевладения больших изменений не представляет. Наиболее мелкое землевладение отмечается в Гродненской г., где оно в оба периода представляет 19,5 д. в ср. В других г. г. средний раз-

мер владений крупнее; в Могилевской с 15,5 десятины в 1878 году он поднялся до 21,8 в 1905 году, в Смоленской с 19 д. до 24,6 д.; напротив, в Минской он спустился с 26,5 д. до 22,4, а в Витебской с 31 д. до 27 д. Составляя около 7-й части всего частного землевладения, эта земля охватывала $^5/_6$ всех владений.

По количеству принадлежащей этим владениям земли, заметно некоторое увеличение: в 4-х г. (Смоленская, Могилевская, Минская, Гродненская) земельный состав ее вырос вдвое. Следовательно, в общем и здесь мы наблюдаем наклонность мелкого землевладения к росту.

Надо и еще познакомиться с одним наблюдением. В этом типе владений преобладают владения более мелкие; на 90 т. всех владений в 1905 г. владений до 50 д. было 80 т.; им принадлежал 1,5 мил. дес., тогда как владениям от 50 до 100 д. принадлежало 719 т. дес.

Для характеристики этого типа владения мы приведем некоторые данные в одной таблице:

	До 50 десятин		От 50 до 100 дес.		Влад. до 50 дес. Ср. размер владений в десят.	Влад. от 50-100. Ср. размер владений в дес-х
	Число владен.	Кол-во земли.	Число владен.	Кол-во земли		
	В тысячах десятин		В тысячах десятин			
Виленская						
1878	5698	97,9	945	77,7	17,1	82,1
1905	7342	143,0	1344	95,7	19,4	71,1
Витебская						
1878	3438	59,8	689	49,3	17,3	71,5
1905	8186	151,4	1657	117,7	18,5	71,0
Гродненская						
1878	11237	94,1	280	27,2	8,3	97,1
1905	22512	187,8	753	53,9	8,3	71,5
Минская						
1878	6451	89,3	756	54,2	13,7	71,6
1905	12599	198,8	1712	123,1	15,4	72
Могилевская						
1878	8518	116,5	637	45,8	13,5	71,8
1905	13106	203,7	1681	120,9	15,8	72
Смоленская						
1878	9821	123,9	1204	86,6	12,6	71,9
1905	16302	264,1	2866	208,3	16,2	72,6
ИТОГО						
1878	45165	581,5	4511	339,8	12,8	74,9
1905	80047	1148,8	10013	719,6	14,3	71,9

V. Правительственная политика по землеустройству отдельных групп трудового населения.

Прежде чем перейти к вопросу о распределении земельной собственности среди крестьян нам необходимо сделать небольшое отступление. Известно, что закон 1861 г. говорил о наделении землею только б. помещичьих, государств. и удельных крестьян. Но в Белоруссии выработались исторически весьма разнообразные градации сельского трудового населения. Поэтому законодательство шестидесятых годов, говорившее только о крестьянах помещичьих, государственных и удельных, не охватывало нечисленных по количеству, но разнообразных по историческому происхождению групп, тоже по существу крестьянского типа. Правда, эти группы не находились в крепостной зависимости у помещиков, отношения некоторых из них к государству были несколько иного юридического происхождения, нежели отношения государственных крестьян. Но все же все эти группы об'единялись единством экономической структуры их хозяйств.

Сущность правительственной политики, по отношению к этим группам, заключалась в постепенном приобщении их к крестьянской массе с наделением землею. С точки зрения экономической, этот процесс способствовал углублению расслоения крестьянства, т. к. наделение этих групп производилось в неодинаковой мере. К таким элементам прежде всего относятся вошедшие в крестьянское сословие старообрядцы и единоверцы.

Это были колонисты 17-го, а частью 18-го века, перешедшие в пределы бывшей Речи Посполитой из-за религиозных гонений. Они отдельными гнездами поселились в Витебской губ., в Могилевской и частью в Минской. Часть их занималась городским промыслом, а часть их села на крестьянские участки, в качестве арендаторов. В общем это был зажиточный и аккуратный арендатор. Их отношения к владельцам земли зиждились на обычае, письменных договоров не было. Но с 1863 года, когда старообрядцы и единоверцы открыто поддержали русское правительство, отношения между ними и помещиками-поляками в значительной мере ухудшились. Началось выселение старообрядцев и единоверцев с арендуемых участков и поднятие арендной платы. Ген.-губ. Муравьев запретил устранять старообрядцев с их арендных участков и вообще подымать с них арендную плату свыше 3-х руб. с дес. Закон 1876 года об'явил старообрядцев и единоверцев, севших на арендуемые земли до 1863 года, бессрочными арендаторами с удержанием тех арендных условий, какими они пользовались. Этот же закон предоставил арендаторам право приобретать арендуемые ими земли в собственность, на льготных условиях и с содействием правительства. Так как выкуп арендаторами земель шел довольно медленно, то закон 4-го июля 1901 года установил обязательный выкуп арендуемой земли. Цена земли определялась капитализацией из 6 проц. годовых арендной платы Ссуду на выкуп давало правительство. Эта ссуда уплачивалась по правилам выкупной операции в течение 49 лет.

Эта небольшая группа, в Минской губернии, например, до 300 дворов, получила наделы от 15 до 30 десятин (50%), частью больше и частью меньше. Следовательно, и эта группа вошла в общий состав крестьянской массы в расслоенном виде.

Более значительную группу в 1672 двора в Минской губернии представляли собою вечные сельские чиншевики. Владение на чиншевом праве—это была старая форма владения, связанная с распространением Магдебургского права. Оно заключалось в том, что чиншевик обязывался нести в пользу владельца установленные законом или обычаем платежи и повинности. Участок находился в его наследственном пользовании и чиншевик имел право пользования и распоряжения участком с согласия владельца.

Во второй половине 19 в., когда нарушены были все крепостные устои и когда вздорожание земли делало невыгодной принудительную для владельцев и дешевую аренду, помещики стали ставить чиншевикам затруднения, удалять их с участков, повышать аренду или переводить в положение срочных арендаторов. Этот вопрос разрешил закон 1886 г., по которому предоставлено в течение 3-х лет чиншевикам войти с вотчинниками в добровольное соглашение о прекращении вечно чиншевого владения посредством выкупа вотчинником чиншевого права, или посредством приобретения чиншевиком в собственность чиншевого участка, или же посредством замены чиншевого владения арендою. Разумеется, от чиншевиков требовались известного рода доказательства. Устанавливался порядок выкупа, фиксировались максимальные цены на землю. Выкуп производился при содействии правительства.

В среднем, надел чиншевиков составлял около 10 дес. на двор, причем однако надел ниже 10 дес. составлял 50 проц. выкупившихся дворов. Таким образом в лице вечных чиншевиков влилась в крестьянскую массу весьма слабо обеспеченная группа крестьян.

Православные арендаторы также составили небольшую группу, влившуюся в крестьянство. Это тоже были арендаторы, поколениями сидевшие на помещичьих землях. По происхождению это были или великороссы или белоруссы. Когда стали обостряться отношения между этой группой арендаторов и помещиками, то министерство вн. д. сочло необходимым наделить их землею, потому что лишение их земли послужило бы, по об'яснению министерства, к созданию контингента сельского пролетариата, что оно считало нежелательным. Впрочем дело об обеспечении этой группы арендаторов землею тянулось до 1893 г., когда закон предоставил всем таким арендаторам, поселившимся на землях владельцев до 1861 г. выкупить арендуемые участки при содействии правительства. Снова получилась небольшая группа крестьян, слабо обеспеченная землею, так как 55 проц. их получило до 10 дес. на двор и только уже небольшие группы больше.

Под именем вольных людей была известна довольно неопределенная группа арендаторов, большею частью выходцев из Австрии, Пруссии и русских губерний. Закон 1864 г. часть этих вольных людей уравнял с крестьянами в наделении землей. Часть осталась неустроенной и только закон 1893 г. предоставил этой последней группе („вольным людам 2-го разряда", как официально они именовались) право выкупить у помещиков землю. Хотя группа эта была невелика, но все же этот выкуп ударил по некоторой части помещиков, так как правилами о вольных людях выкуп производился и в мелких имениях, так что помещику могло оставаться не более 100 д. земли.

К тому же типу, по тогдашней терминологии, сельских обывателей надо отнести евреев-земледельцев, перечисленных в крестьянское

сословие, однодворцев западных губерний из числа шляхты, не доказавшей своих прав. С 1868 года эти разряды были перечислены в городское или сельское сословия, в последнем случае с наделением землею. Витебские панцырные бояре, оставшиеся на окраинах Витебской г. еще со времени Речи Посполитой, указом 1873 г., слиты были с городскими и сельскими сословиями.

Таким образом только к концу 19 ст. различные группы трудового сельского населения вошли в общий состав крестьянской массы.

В общем, землеустройство всех типов сельских обывателей затянулось на целое полстолетие. Общая мысль законодателя заключалась в том, что основанием поземельного устройства служили действительные условия пользования землею во время издания землеустроительных законов, при условии некоторого минимума надельного обеспечения. Все разряды сельских обывателей получили в собственность землю, находившуюся в их пользовании путем выкупа с пособием от правительства. В основу ежегодного платежа был положен принцип уплаты шестипроцентной выкупной ссуды. Основой для оценки земли послужил размер издельной повинности, оброка, чинша или арендной платы. Для бывших помещичьих крестьян была сделана общая скидка в 20 проц. с выкупной суммы, при условии добровольного соглашения крестьян с помещиками, а оброчная подать с государственных крестьян определена была с надбавкой в 10 проц.

Землеустроительные акты зафиксировали то положение в общем, в каковом находились разные категории трудового земледельческого населения в момент издания законов. Таким образом не был учтен рост населения и необходимость земельных прибавок подрастающему поколению.

С другой стороны, в течение первых десятилетий после реформы 1861 года ничего не делалось правительством для поднятия техники земледелия и для создания таких рыночных условий, при которых земельная теснота имела бы меньшую остроту.

Конечно, крестьянское хозяйство применялось к условиям рынка, но с отставанием и медленно, что мало уменьшало недостаток земли при отсталых формах техники.

Затем следует подчеркнуть, что длительный процесс землеустройства проходил при неодинаковых политических взглядах того или иного периода. Он начался при институте мировых посредников, т.-е. при институте, который традиционно поддерживал интересы крестьян и закончился при институте земских начальников. От этого института уже веяло иными политическими взглядами, в общем неблагоприятными крестьянской массе; земские начальники готовы были поддерживать всякого помещика, даже поляка. С другой стороны, и землеустроительная деятельность правительства конца 19 в. уже носила характер подачек предреволюционному настроению крестьянства.

Отсюда понятно, что хотя принципы исчисления выкупных платежей были одни и те же, но размеры их оказывались неодинаковыми, что зависело от способов исчисления аренд и других платежей, а также исчисления удобных облагаемых земель и необлагаемых платежами. Конечно, цены на земли с течением времени росли, но все же высота выкупного обложения должна была тяжело ложиться на крестьянское хозяйства, ибо условия этого хозяйства у устроенных позже были таковы же, как и у устроенных раньше крестьян. Так, например, быв-

шие помещичьи крестьяне Минской г. продолжали платить с десятины удобной земли по 47 копеек, бывшие государственные—по 51 коп., а бывшие православные арендаторы, позже устроенные, платили 204 к., старообрядцы—155 к., чиншевики—173 к. Это среднее, причем реальные размеры выкупных платежей бывших помещичьих и государственных крестьян варьировались по уездам и волостям, в сравнении с погубернской средней, сравнительно незначительно. Между тем позднейшее землеустроение допускало очень значительные вариации, так что, например, Борисовские чиншевики уже платили по 9 р. выкупных платежей. Если даже повышенные выкупные платежи падали на более благоустроенные хозяйства, а не были результатом административного усмотрения земских начальников, то все же высота платежей, вместе со всеми другими сборами и налогами, должна была подрывать крестьянское хозяйство.

С другой стороны пестрота в размерах выкупных платежей, а равно и пестрота в размерах наделов создавали искусственные группировки в крестьянской среде, благоприятствовали развитию кулачества и батрачества. В самом деле, в одной Минской г. на 113 т. крестьянских дворов из всей массы наделенных крестьян разных наименований, о которых имеются сведения, 5 проц. получили наделы до 5 д., т.-е. наделы в наших условиях необеспечивающие крестьяской семьи. От 5 до 15 д. получили 39,9 проц., т.-е. более 113 крестьян получили наделы, на половину обеспечивающие семью. Вероятно, наделы от 15 до 25 д., в общем, можно считать обеспечивающими хозяйство и в Минской губернии почти 40 проц., (39,6) крестьян получило такие наделы. 16.5 проц. крестьянских дворов получили наделы свыше 25 десятин.

Так заканчивалась формальная сторона устроения крестьянского класса.

VI. Распределение земельной собственности среди крестьянского населения.

Теперь мы перейдем к вопросу о распределении земли среди крестьянского населения. Этот вопрос опять таки нельзя рассматривать, благодаря особенностям прежней статистики так, как надлежало бы, т.-к. эта статистика не выделяла трудового землевладения крестьянского и некрестьянского и в массу крестьянского землевладения втягивались формы не трудового землевладения. Эта статистика везде отделяла надельное землевладение от частного, причем свести то и другое для выявления настоящей природы трудового и нетрудового крестьянства землевладения в настоящее время весьма трудно. Поэтому, и нам придется рассматривать параллельно движение надельного землевладения и прикупного.

Законы 60 г.г. создали для б. помещичьих госуд. крестьян такое положение. Если взять простые средние распределения надельной земли, то может показаться, по крайней мере в общих чертах, некоторая обеспеченность крестьян земельными наделами (о хозяйственных условиях мы пока не говорим). Однако, в действительности, некоторая часть крестьянства уже при освобождении вышла недостаточно обеспеченной землей. Надел в 3—4 десятины на душу мужского пола, который наполовину получили крестьяне Смоленской г., почти одна треть крестьян Виленской и Витебской г., четверть крестьян Гродненской, пятая

часть Минской и десятая часть Могилевской, т.-е. в среднем 28,4 проц., крестьян всей Белоруссии, является наделом, необеспечивающим будущих поколений и ставящим данное поколение в положение хозяйства, могущего всегда пошатнуться. Правда, 61 проц., крестьян получили наделы больше 4-х д. на душу, но с другой стороны, пятая часть крестьян Гродненской г. получила еще меньшие наделы; в других губ. низшие наделы дают несколько меньший %. Правда, некоторые губ., выглядят несколько более обеспеченными землей, именно потому, что дают больший процент наделенных свыше 4 дес. на душу.

Так, например, Могилевская в отношении размера наделов находилась в самом благоприятном положении, потому что в ней почти 85 проц. крестьян имели наделы более 4-х дес. на душу. 40-50 проц. было таких крестьян во всех других губерниях. Все это указывает на то, что в общем, приблизительно, 61 проц. крестьян (если взять надел от 4-х и выше десятин) по всей Белоруссии могли считать себя более или менее обеспеченными ,а высшие разряды из них могли считать обеспеченными и ближайшие поколения. Но все же часть крестьян из освобождения выходила или слабо обеспеченной, или даже необеспеченной землей.

Мы подкрепим только что сказанные общие наблюдения одной сводной табличкой, на основании материалов, разработанных в „Влиянии урожаев". Положенный в основу ее материал относится к 1877-8 годам, когда было произведено обследование и уже можно было учесть реальные результаты реформы.

Получаем следующие данные в процентах:

	По всей Белоруссии	Виленская	Витебская	Гродненская	Минская	Могилевская	Смоленская
Получили над. на 1 душу все разряды крестьян (гос., влад. и удел.)							
0—2 дес.	1,3	0,5	0,3	4,4	1,4	0,9	0,8
2—3 »	9,2	10,3	7,4	17,8	12,2	2,9	5,6
3—4 »	28,4	31,9	29,6	25,8	21,3	11,7	48,0
4—5 »	29,7	29,1	33,1	22,0	20,3	45,5	29,4
5—6 »	14,9	13,3	15,1	15,2	17,2	24,4	5.7
6—8 »	10,8	10,6	12,2	10,8	13,1	12,6	6,7
более 8 дес.	5,2	4,2	2,2	3,7	14,4	1,8	3,8
Крестьяне прочих разрядов	0,1	0,1	0,1	0,3	0,1	0,2	—

Таково было земельное положение крестьян в годы, когда прикупка земель только начиналась и когда надел являлся единственной ареной приложения труда и обеспечения крестьянского существования.

Естественно ожидать, что с течением временем, с ростом населения, надельная земля является недостаточным обеспечением для наро-

стающих поколений. Некоторая часть крестьян подвергается обезземелению.

Так, уже в 1893 г. в общем по всей Белоруссии процент безземельных равен 7-8, в частности он выражался в следующих процентных соотношениях по каждой отдельной губернии:

Виленская	9,7 проц.	Минская	8,3 проц.
Витебская	9,7 »	Могилевская	6,7 »
Гродненская	7,5 »	Смоленская	5,6 »

Средние размеры надельной земли на двор с течением времени падают.

Между тем количество крестьянских дворов растет. Этот рост неодинаков в различных губерниях, что об‘ясняется, очевидно, ослаблением прироста и эмиграцией. Он очень низок в Гродненской губ. Так, число крестьянских дворов а 1905 году выросло в этой губернии, сравнительно с 1877 годом всего на 8,4 проц. Примерно, такую же картину мы наблюдаем в Виленской губ., где прирост дворов выразился в 14,4 проц. Но в других 4-х губерниях прирост дворов весьма значителен. Он подымается от $^2/_5$ к половине в Смоленской (43,5 проц.) и в Витебской (48,1 проц.). В Минской он подымается выше двух третей, в Могилевской—свыше 3-х четвертей (87,1 проц.).

Конечно, это увеличение численности крестьянских дворов влечет за собою падение среднего надела на крестьянский двор. Это падение за периоды 1878 год, 1893 год и 1905 год выражается в следующих погубернских соотношениях. При этом необходимо заметить, что для 1893 года приходится брать надел только одной пахотной земли, что, конечно, не дает вполне точного представления о размере падения наделов. Во всяком случае получаем следующую табличку, характеризующую данный вопрос:

	Ср. надел в 1878 г. всей земли	Ср. надел одной пах. земли в 1893 г.	Ср. надел всей земли в 1905 г.	Отнош. над. 1905 г. к ср. наделу 1878 г., принятому за 100
	В десятинах			
Виленская	16,3	14,4	13,0	79,1
Витебская	13,8	9,9	11,5	83,3
Гродненскля	14,9	7,3	16,5	110,7
Минская	17,2	11,9	9,5	55,2
Могилевская	11,9	7,3	8,5	71,4
Смоленская	12,5	7,6	9,0	80,0

Видимое исключение составляет только Гродненская губерния, что об'ясняется, очевидно, дополнительными наделами бывшей шляхты и искони многочисленных там чиншевиков и слабым приростом дворов. Картина распределения надельной земли в позднейшее время, именно по данным 1905 г., выявляется в том смысле, что в наиболее благоприятном положении оказывалась Гродненская губерния, в которой 84,8 проц. крестьян имели наделы свыше 10 дес. В Витебской половина крестьян имела этот надел. В Могилевской и Смоленской около 70 проц. крестьян имели наделы от 5 до 10 дес., в Минской около 2/3 крестьян имели тот же надел. Но с другой стороны, в Могилевской и Минской губерниях около 10-й части крестьян имели наделы менее 5 дес.

Так распределялся почти десятимиллионный надельный фонд Белорусских губерний.

Мы приводим в таблице интересующие нас данные, присоединив к ним и погубернское число крестьянских дворов.

Распределение наделов крестьянской земли в 1905 году.

	Общее число дворов в тыс.	Число дворов, имеющих			В проц. к общему числу дворов		
		До 5 десятин	От 5—10 десятин	Свыше 10 десятин	До 5 десятин	От 5—10 десятин	Свыше 10 десятин
В тысячах десятин							
Виленская . . .	94,4	2,9	29,7	61,5	3,1	31,4	65,2
Витебская . . .	138,6	3,5	65,9	69,2	2,5	47,5	50,0
Гродненская . . .	91,7	4,0	9,5	77,9	4,4	10,3	84,8
Минская . . .	213,9	26,3	132,3	55,3	12,3	61,9	25,8
Могилевская . . .	198,3	19,1	137,6	41,4	9,8	69,3	20,9
Смоленская . . .	215,9	11,1	153,1	51,7	5,1	70,9	24,0
Итого . . .	952,8	66,9	528,1	356,8	7,0	55,5	37,5

Таково распределение надельной земли среди белорусского крестьянства.

Но мы уже знаем, что крестьянин стремился к увеличению этого фонда посредством прикупок. С размерами их мы тоже знакомы. Теперь нам остается об'единить оба земельные крестьянские фонды, надельной и прикупленной земли, в одно целое, чтобы дать представление об общей массе крестьянского землевладения.

В 1905 г. белорусское крестьянство обладало следующим количеством земельной собственности в тысячах десятин:

	Надельной	Купленной	Всего
Виленская	1278,7	184,4	1463,1
Витебская	1593,1	359,5	1952,6
Гродненская	1517,1	243,1	1760,6
Минская	1946,0	484,1	2430,3
Могилевская	1619,3	652,8	2272,2
Смоленская	1936,1	975,4	2881,5
ИТОГО	9890,3	2869,3	12.760,6

Теперь мы можем под'итожить перемены, происшедшие в составе землевладения. В 1863 г. числилось частновладельческой, т. е. тогда исключительно дворянской, собственности 18 мил. дес. В 1905 г. собственно дворянской земли числилось уже 9,7 мил. дес., но прибавилась собственность купеческая и мещанская, составлявшая в общем в круглых цифрах 2 мил. дес. Следовательно, вся частная некрестьянская собственность снизилась до 11,8 мил. дес., т. е., примерно, до 2/3 прежнего состава. За тот же период крестьянская надельная собственность выросла с 8,2 мил. дес. до 9,9 мил. дес. и, сверх того, крестьянами прикуплено 2,86 мил. дес., т. е. вся крестьянская собственность составляла 12,7 мил. дес и, следовательно, крестьяне уже в 1905 г. владели на 1 мил. дес. больше, чем все частные собственники, среди которых были, как трудовые земледельцы, так и нетрудовые землевладельцы.

К сожалению, прикупленную крестьянами землю нельзя связать в одну нераздельную картину распределения в крестьянской среде прикупленной земли с надельной землею. Процесс распределения можно выявить лишь в средних величинах. Оказывается, что общее среднее количество крестьянской земли, надельной вместе с прикупленной на 1 крестьянский двор, владеющий землею, распределялось в 1905 году следующим образом: губернии имели следующее среднее количество десятин на двор:

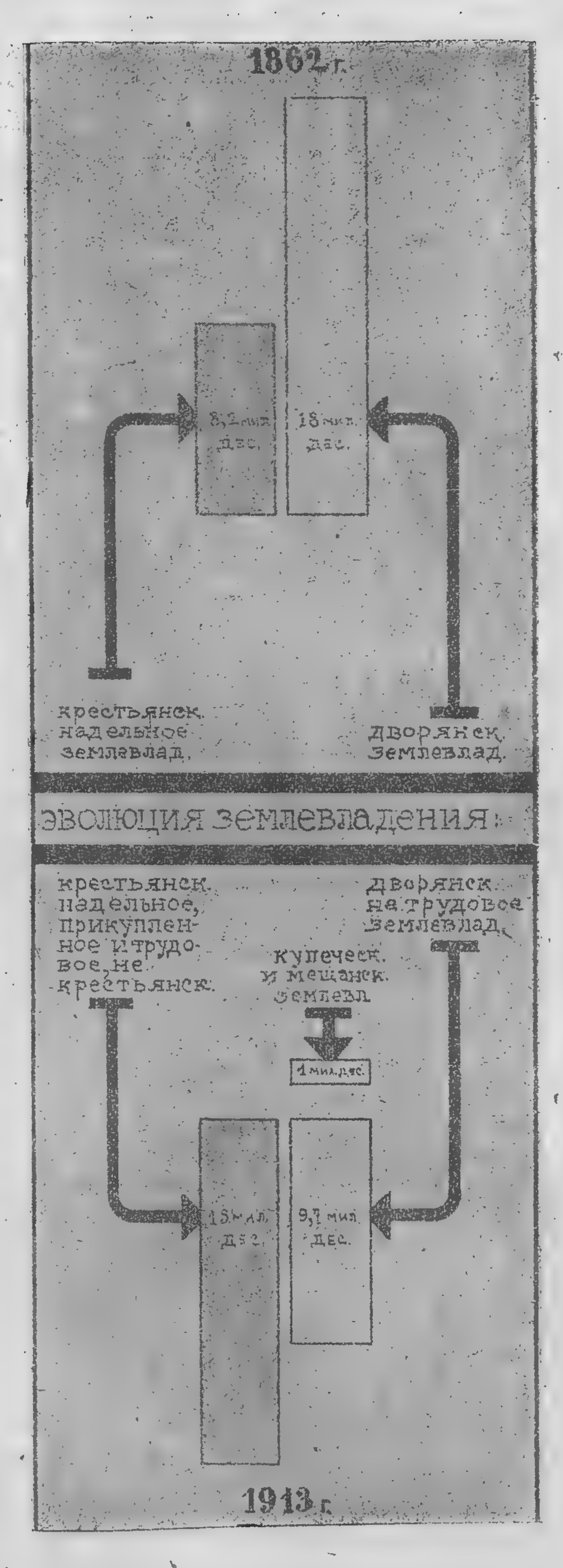
Виленская	15,4 дес.	Минская	11,3 дес.
Витебская	14,0 »	Могилевская	11,4 »
Гродненская	19,2 »	Смоленская	13,3 »

Наше заключение будет просто. За 50 лет тяжелый труд крестьянина и трудового земледельца иных сословных наименований отвоевал, конечно, за плату, и часто за хорошую плату, т. е. путем усиленного труда и лишений, у нетрудового землевладения такое количество земли.

1. Надельной крестьянской . . . . 9.890 т. д.

2. Посредством купли крестьянами и трудов. земледельцами из некрестьянск. сословия, считая такое землевлад. размером до 100 д. . . . . 3.950 т. д.

Всего . . . . 13.840 т. д.

Вследствие перехода земли в трудовую среду нетрудовое землевладение уменьшилось до 11,772 т. д. Таким образом, по размерам своим трудовое землевладение превзошло нетрудовое на 20% Эти цифры относятся к 1905 году и их можно считать довольно точными. Для времени более близкого к эпохе революции, сейчас такого точного подсчета сделать, к сожалению, нельзя. Но судя потому, что уже в 1911 г. в белорусское крестьянство влилось не менее полумиллиона десятин из нетрудового фонда, принимая во внимание дальнейшие прикупки крестьян и прикупки других трудовых элементов, мы не преувеличим, если скажем, что трудовое землевладение к эпохе революции выросло по крайней мере еще на 1 мил. дес. Поэтому будем иметь основание считать, что к началу ликвидации нетрудового землевладения последнее представляло собою фонд примерно в 10 мил. десят. и трудовое, очевидно, доходило до 15 мил. дес. Это конечно, была крупная победа труда над капиталом. Но победа, давшаяся в результате неисчислимых лишений со стороны крестьянства Если комбинировать эту победу в цифрах, то с достаточной вероятностью надо полагать, что с 1863 г. ко времени революции фонд нетрудового землевладения снизился с 18 мил. до 10 мил., а фонд трудового вырос с 8,2 мил. дес. до 15.

VII. Пережитки феодальной эпохи.

Крепостная эпоха создала целый ряд уродливых явлений, отразившихся на хозяйственной деятельности и в послекрепостную эпоху. Эти явления частью были временным отражением эпохи разрыва крепостных отношений, частью—это наследие средневековья застряло в юридической структуре деревни и дожило до революции.

Разрыв крепостных отношений неблагоприятно повлиял на помещичье хозяйство, а крестьянское не сразу оправилось. Прежде всего наблюдается значительное падение помещичьего хозяйства. Последнее не умело справиться с наемным трудом и вести дело капиталистически. Падение помещичьего хозяйства выражается в сокращении посевной площади, в запуске земли под лес.

В Смоленской г., частью в Витебской, по изысканиям Мамошицкого, наблюдения над ростом лесных массивов указывают, что в течение первой половины 19 века дважды пашня запускалась под лес. Один пояс лесов относится к 30—40 годам и появление его об'ясняется остановкой в росте крепостного населения, 2-й пояс относится к 60 годам, когда помещичье хозяйство сократилось, не умея справиться с новыми формами применения труда. По наблюдениям Раевского, изучавшего район Западной Двины и верховьев Днепра в 70-х годах, освобождение крестьян в сильной мере отразилось на помещичьем хозяйстве в смысле упадка его. Посевная площадь уменьшилась, т. к. помещики сократили или прекратили обработку земли, а крестьяне не могли разобрать в аренду оставляемой помещиками земли. Так, общее количество пахотной земли в 1881 году (5328 тысяч десятин) в 4-х губерниях было меньше, чем в начале 60-х годов (7839 тысяч десятин).

В 1887 году количество пахотной земли несколько увеличилось (5716 тысяч десятин). Таким образом пахотная земля в начале 60-х годов составляла 35,8 проц. всей площади, в 1881 году 26,8 проц., а в 1887 г.—27,8 проц. Пахотная площадь 1881 г. составляла 68 проц., а площадь 1887 года—72,9 проц. площади 60-х годов. В Виленской и Гродненской губ. соотношения были несколько иные. В первой, в 60-х годах пахотной земли было 43 проц., в 1881 г.—40 проц. и столько же в 1887 г., так что пахотная площадь в 1881 г. составляла 82,4 проц., а в 1887 г.—86,6 проц. площади 60-х г. По Гродненской г. соответствующие цифры были—41,5 проц.—пахотная площадь занимала в 60-х г., 39,6 проц.—в 1881 г. и 39,7 в 1887 г. Площадь пахотной земли в 1881 г. составляла 87,2 проц. площади 60-х г., а в 1887 г.—91,2 проц.

В структуре помещичьего хозяйства продолжала сохраняться старая отсталость форм хозяйства. Это хозяйство еше не знало пользования трудом при применении капитала. „Капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть"—говорит В. И. Ильин. Создалась переходная система. Хозяйство пользовалось не наемными рабочими, но старалось использовать систему отработок. Это значит, что за аренду земли, сенокосов, за лес крестьянин должен был отрабатывать условленное количество дней. Эта система—пережитки крепостничества. Она казалась выгодной тогдашним помещикам, потому что с внешней стороны как бы не требовала капитала, но в действительности этот остаток средневековья и дорого стоил и не давал возможности ввести улучшенные формы хозяйства. Известный Энгельгардт, потративший много средств и энергии

на проведение опытов в сельском хозяйстве в своем Батищевском имении Смоленской губернии, один из первых перешел от системы отработков к капиталистическому хозяйству и этот переход оказался выгодным и дававшим возможность рационализировать хозяйство.

В 60-х и 70-х г. г. чувствуется в помещичьей среде полное падение интересов к улучшениям в хозяйственной технике, если не считать названных Энгельгардовских опытов. Помещик потерял интерес к устройству сельско-хозяйственных обществ, к сельско-хозяйственной литературе. Тот же Энгельгардт на одном из совещаний в конце 70-х г. г. указывал на то, что в Смоленской и в соседних г. г. очень мало крупных хозяйств. Небольшие хозяйства не могут выписывать дорогостоющих машин и орудий. В хозяйствах нет агрономов. Приказчики и старосты из крестьян являются обычными органами управления помещичьими хозяйствами. Поэтому ни помещик, ни его помощники не могут выбрать какой либо машины или орудия, если оно не подходит к дедовским условиям хозяйства. Вот почему и в Смоленской г. и в Витебской и Могилевской, где появились склады машин, спрос на них был ничтожен.

Помещичье имение 80-х годов, и по способам управления и по технике хозяйства, напоминало еще собою далекую крепостную эпоху.

Натуральный строй господствовал. В хозяйстве деньги употреблялись только для сношения с казной и с внешним миром. Труд оплачивался исключительно натурой, даже батраки, приказчики и управляющие не получали денежного жалованья, а сверх харчей получали хлебом, скотом и пр.

Не переводя продуктов на деньги и не считаясь с рыночной ценой, помещик, по существу, дорого оплачивал все эти услуги. Даже сроковые рабочие работали, или за отработки, или за натуральную оплату.

Считалось самым важным и хозяйственно полезным все запасы производить в имении, на что тратилось много ненужного и, по существу, дорого оплачиваемого труда. Приведу такой пример: все служащие экономии получали довольствие всех видов, в том числе и сальные свечи для освещения, которые делались там же в имении, как это делалось в 18 веке. Конечно, служащие продавали сальные свечи евреем и покупали керосин. И все таки упорно продолжалась выработка этого никому ненужного продукта.

Помещичье имение, даже средней руки, было обременено ненужным персоналом приживальщиков. Это—остатки служившей некогда при пане шляхты, неизвестно почему продолжавшие жить при уже несуществующем панском дворе (потому что и пан часто жил в Варшаве или Петербурге), пользовавшиеся полным соляриумом от двора, иногда и дети их учились в университетах на тот же панский счет. Жаль, что не сохранилось подробных описаний строя таких имений, а еще более досадно, что погибли архивы. В 900-х годах пишущий эти строки пробовал заниматься в Несвижском архиве и с удивлением попал в придворную атмосферу 18 века. Все осталось попрежнему, только кунтуши вассалов Радзивилла заменились длиннополыми сюртуками и придворные не блестели оружием.

Вся эта отсталость помещичьего хозяйства, его рудиментарность, недостаточная напряженность очень хорошо выясняются из соотношений количества земли, находившейся в руках помещиков и площади пользования.

Чем крупнее имение, тем больше замечается падение пахотной площади.

Только в Виленской и Гродненской г. г., в крупных имениях размером свыше 1000 десятин % пашни занимал немногим более 5-й части всей площади. В Смоленской г. он доходил до 4 проц., в Могилевской и Витебской немногим превосходил 8 проц.

Это значит, что крупные имения представляли собою леса и пустыри, поросшие молодыми зарослями. Чем мельче по масштабу имение, тем было интенсивнее пользование его площадью. В тех же 2-х губерниях, имения размером от 500 до 1000 дес. уже имели 30 и 37 процентов пашни, а совсем мелкие владения доводили ее до двух третей. Правда, это только в этих двух губерниях. В остальных 4-х отставание все же было значительным, так что общее впечатление сводится к тому, что мы имеем дело с весьма отсталым помещичьим хозяйством.

Вопрос этот настолько интересен и по существу важен, что мы приводим его в форме нижеследующей таблички, составленной по материалам половины 80-х годов и заимствованной нами из „Влияния урожаев“.

% пашни к общему количеству земли данной группы:

	До 50 дес.	50—200	200—500	500—1000	Сверх 1000	Всего по губернии
Вил. . .	61,1	41,5	35,5	29,7	22,2	29,6
Вит. . .	42,2	28,9	20,4	17,4	8,6	12,8
Гродн. .	66,4	50,4	42,9	37,6	22,2	31,6
Мин . . .	46,0	32,1	30,4	26,1	11,5	14,3
Мог. . .	49,4	30,0	12,3	13,9	8,4	12,8
Смол. . .	28,4	17,0	12,0	8,8	4,2	8,5

Этому отставанию помещичьего хозяйства соответствует задолженность его, о которой мы говорили в свое время. Задолженность свидетельствует об отсутствии наличного капитала, а ряд других ранее указанных фактов—об отсутствии энергии и предприимчивости.

Низкое состояние техники уясняется и еще некоторыми данными, которые можно почерпнуть из цифровых комбинаций, того же обследования 1887 года. Получаем ряд довольно любопытных наблюдений. Прежде всего, из всего количества земли, годной под пахоть, под посевную площадь было занято довольно значительное количество—примерно две трети в каждой губернии. Это очень большое соотношение, свидетельствовавшее о прошлом, о той жадности, с которой помещик, пользуясь даровым трудом, старался возможно больше запахать и засеять земли. Но когда мы присмотримся к тому, как распределялась посевная площадь, то сразу увидим, насколько отстало хозяйство 80-х годов. Прежде всего пар занимал от 36 до 40 проц. посевной площади. Это значит, что под пар отводилась вообще больше, чем 3-я часть посевной площади. С другой стороны пар состоял из пара и залежи, или подсек. В Минской г. целая треть пара была под за-

лежью, в Могилевской—5-я часть и в других губерниях залежь занимала почетное место, за исключением одной Витебской губернии. Но в то же время часть залежи и пара отводилась под сенокосы. Все это значит, что страна не знала правильной паровой зерновой системы, что не было правильного выдела земли под сенокосы, что залежь и подсека имели значительное применение. Все это признаки экстенсивного хозяйства. Этим характеризуется и помещичье, и крестьянское хозяйство. И тем не менее есть все признаки полагать, что крестьянское хозяйство велось интенсивнее помещичьего, за небольшими исключениями.

Трудовой земледелец под посевной площадью имел относительно большее количество годной под пахоть земли, нежели частный землевладелец. Как общее правило, на частновладельческих землях было занято несколько более половины пахотной земли под посевную площадь, в крестьянском же хозяйстве две—трети.

Вот эти соотношения по губерниям:

°|₀ посевн. площ. в 1887 г. к общ. кол-ву пах. земли.

	На над. крест. землях	На остальных		На над. крест. землях	На остальных
Виленская	62,8	54,9	Минская	62,9	55,9
Витебская	61,9	55,9	Могилевская	65,3	58,4
Гродненская	64,4	58,1	Смоленская	61,1	52,4

Это значит, что крестьянское хозяйство почти правильно выдерживало паровую зерновую ситему. Правда, и оно знало некоторый °|₀ залежей и подсек. Но эта площадь в крестьянском хозяйстве занимала, кроме Минской, относительно незначительный проц., т.-е. во всяком случае крестьянское хозяйство стояло технически выше помещичьего. Вот проц. подсек и залежей на крестьянских и на частновладельческих землях. В части губерний ясно видно много заброшенной помещичьей земли, которая официально числится под залежью и под подсеками, пока подсека не превратится в лес. Вот погубернские данные, которые нас интересуют:

Земля под подсекой и залежью в проц.-части посевной площади, которая не занята под посевами:

	На крест. надельн. землях	На остальных		На крест. надельн. землях	На остальных
Виленская	15,3	22,4	Минская	29,8	33,1
Витебская	3,3	11,1	Могилевская	16,8	32,6
Гродненская	10,8	18,1	Смоленская	7,3	27,9

Отсталость помещичьего хозяйства ясна.

До сих пор речь шла о помещичьем хозяйстве и только частью коснулась крестьянского.

Крестьянин вышел из реформы свободным, с землей, которая на первое время могла удовлетворить в громадном большинстве наличное поколения.

Помещик получил капитал, в исходе реформ, но капитал был прожит помещиком, а не вложен в землю. У крестьянина кроме рук и скудного обеспечения скотом не было никакого капитала. На него налегли тяжелые выкупные платежи, что вызывало необходимость считаться с рынком, к которому было мало привычно натуральное хозяйство.

Неудивительно поэтому, что и крестьянское хозяйство в течение первых десятилетий имеет отпечаток скудности. Урожайность земель попрежнему слабая. По свидетельству Раевского, урожай ржи колебался от сам 2 до сам 6 в зависимости от качества почвы; помещичье хозяйство давало немногим более. Посев густой. Трехполье является господствующим и в 70-х годах, многополье редкое исключение. Землю удобряют не часто, а если удобряют, то скудно: поле удобряется по пару в 9 или 12 лет раз, причем навозу кладут явно недостаточное количество—100-150 маленьких белорусских возов на десятину. Вообще в земледелии чувствуется недостаток скота.

По замечаниям Раевского, крестьянин в первое время чувствовал себя обеспеченным, так что аренда помещичьих земель весьма мало развита. Только в Смоленской губернии наблюдался большой интерес крестьянина к аренде. Формы аренды здесь практиковались различные. Наряду с испольной арендой встречается и отработочная. Существовала здесь и форма аренды на „круг", т. е. крестьяне брали участок помещичьей земли с обязательством полностью его обработать за известную плату. Но Витебские и Могилевские белоруссы избегали занятия арендой земли. Только в Инфлянтских уездах среди мелкой шляхты были предприниматели, которые специализировались на аренде товарного типа. Некоторый уклон к аренде чувствовался на юге Могилевской губ., в Гомельском у. Как общее правило, здешние крестьяне избегали найма на работы в помещичьих экономиях, предпочитая мелкую аренду, беря так называемый „кругляк", двухдесятинный участок. Таким образом, там, где проявлялся интерес к аренде у крестьян, там она носила продовольственный харатер.

Связь крестьянского хозяйства с рынком была очень слабой. Как общее правило, хозяйство носит продовольственный характер. Можно указать не более 2-х продуктов, носивших в Подвиньи и северном Поднепровьи продовольственный характер. Так в Придвиньи крестьянское хозяйство проявляет интерес к льноводству, в Поднепровьи— к пеньке.

Наиболее развито льноводство в нижнем Придвиньи, от низовьев до Велижа, хотя более спорадически оно встречалось и дальше. Пенька разводилась преимущественно в Поднепровьи, в Могилевщине во всей Минской и Виленской губ. Пенька носила характер преимущественно огородной культуры. Лен сеялся в яровом клину, преимущественно на лядах, или на дзербачах, т. е. на заброшенных землях.

Стимулом для разведения льноводства и пеньководства являлась близость железных дорог и связь с рынком. С другой стороны, запущенные помещичьи земли считались удобными для льняной культуры.

Надел плохой земли, отсутствие технического уменья с нею обращаться, слабо развитой рынок—таков целый ряд условий, который ставил крестьянское хозяйство в чрезвычайно тяжелое положение. В 70-х годах 2 комиссии были заняты обследованием крестьянского хозяйства. Они рисуют положение белорусского крестьянина весьма мрачными штрихами.

Доклады Комиссии по исследованию положения сельского хозяйства положение Смоленской г. характеризует таким образом. Они отмечают большую разницу между восточными и западными уездами, губернии.

Западные уезды, т. е. белорусские представляют собой чисто земледельческую полосу. Промыслов здесь нет. Отведенный надел не представляет достаточных средств для продовольствия самих крестьян, рабочего и домашнего скота. Положение крестьян далеко не хорошо; лугов и кормовых средств у ник мало; 8 проц. крестьянских дворов не имеют ни одной коровы и 4 проц. ни одной лошади; поэтому урожаи плохи, и хлеб начинают крестьяне покупать с января и даже декабря; крестьяне же, которые имеют хлеб круглый год (и то не своего надела, а с принимаемой земли) составляют такую редкость, что известны поименно в окрестности.

Комиссия отмечает, что заработков у крестьян не много. Спрос на рабочих в местных хозяйствах не велик, цены низкие. Раньше был заработок по извозу пеньки и хлеба из Орловской губернии, но он прекратился с проведением железной дороги; остался подвоз дров и других предметов на станции железной дороги. Отхожие промысла едва начинают развиваться. Так как надельная земля даже не прокармливает земледельца и так как всякого рода заработки незначительны, то, по расчету комиссии, крестьянин, использовав все возможности и заработав столько, сколько по местным условиям это возможно, „не имеет достаточно средств для уплаты всех повинностей и на покрытие домашних и хозяйственных расходов". Отсюда рост недоимочности крестьян, которая, по вычислениям Янсона, для 1872 года была по Смоленской губернии наивысшей по сравнению со всей нечерноземной полосой и дошла до 109 проц. оклада, тогда как даже в бедной Новгородской губернии недоимочность по всем податям составляла 102 проц. оклада, в Петербургской 83 проц., а в остальных губерниях—ниже трети оклада.

В комиссию о преобразовании подушной подати (начало 70-х годов, а „Свод отзывов" вышел в 1877 г) были доставлены сведения только о Рославльском уезде. Эти отзывы говорят о „бедственном" положении Рославльских крестьян, обремененных различными сборами, повинностями и продовольственной ссудой. Этот уезд является наиболее бедным уездом Смоленской г. „составляя как бы продолжение смежных с ним беднейших уездов Могилевской и Черниговской г. и представляя в местностях, к ним прилегающих те, же пески и болота, ту же безысходную бедность крестьян и тот же совершенный недостаток местных заработков". Полевое хозяйство крестьян находится в совершенном упадке. Крестьяне возделывают коноплян-

ники, но за отсутствием навоза эта культура гибнет. Посторонних заработков мало. Девять десятых крестьян не в состоянии отбыть все лежащие на них повинности. Местная земская управа предвидит, что в будущем, вследствие скудости почвы преимущественный доход крестьян должен состоять в подспорных заработках.

Таким образом, Смоленская губерния оказалась самой бедной в среде нечерноземных великорусских, а белорусские уезды этой губернии были самыми бедными в среде уездов той же губернии.

Положение других белорусских губерний, по тем-же источникам, тоже являются неблестящим. В Полесьи крестьянские наделы разбросаны иногда на несколько десятков верст среди болот, так что подъезжать к ним надо на лодках. В Могилевской земли истощены или мало плодородны.

Крестьянские участки оказываются весьма обременены выкупными и земскими сборами. Могилевский крестьянин (по одному расчету) при $4^1/_2$ душевом наделе может продать пеньки или хлеба не более, как 19 рублей, и его денежный годовой расход равен 34 рублям 16 копейкам, в том числе на 9 р. 16 копеек податей. Поэтому самый изворотливый крестьянин впадает в долги, но, кроме того, малейшая неудача, например—недород, падеж скота способны разрушить крестьянское хозяйство. Из этих расчетов, между прочим, видно, насколько незначительна еще была рыночность крестьянского хозяйства, если все покупки нормального среднего хозяйства выражаются годовой суммой в 25 рублей.

Правда, Могилевский крестьянин, кроме надела, мог иметь заработок по сплаву в лесном промысле. Однако заработная плата в этой губернии была весьма низкой (15 к. в день на собственных харчах получал поденщик, а по 12 к. в день оплачивался женский труд), иногда вдвое, втрое ниже других, белорусских же губерний. Отзывы о соседней Витебской г. говорят о том, что во многих местностях этой губернии промысловый заработок и, вообще, труд вне земледелия доставляет преимущественный доход крестьянскому хозяйству. Работа в крупных экономиях и на железной дороге является главным подспорьем крестьян. В Режицком уезде разводят лен.

Данные комиссии о подушных податях в более розовых штрихах характеризуют положение крестьян Виленской и Гродненской г. г. В первой губернии спрос на рабочую силу в фермах помещиков, в лесной промышленности, на железных дорогах и фабриках поглощает достаточное количество свободного крестьянского труда и цены на рабочие руки относительно высоки. В отношении Гродненской г. отзывы указывают на развитой сбыт крестьянских продуктов, идущих в Польшу и на достаточное количество заработков. Но все это благополучие, повидимому, весьма относительное.

Сведения о Минской г. далеко не полны. Во всяком случае, в Априпетских местах недостаток сельско-хозяйственного промысла несколько компенсировался развитием сплавных работ. Но при сплаве леса за 12-13 недель на хозяйских харчах рабочий получал от 12 до 15 р., отрываясь на весь летний период от сельско-хозяйственных работ.

Проф. Янсон, изучавший размеры крестьянских наделов, в связи с лежавшими на них платежами, характеризует северо-западные губернии (по его терминологии) в довольно мрачных тонах. По его сви-

детельству (конец 70-х годов), кроме сплавов в Полесьи, в других губерниях, именно в остальной части Минской, Витебской и Виленской никаких заработков ни заводских, ни лесных нет: „Отхожих промыслов нет нигде в западных губерниях. Из Литовских губерний в отхожие заработки ходили еще на работы при железных дорогах, но в настоящее время мы не встречаем более подобных указаний. С‘емка земли крестьянами, в том виде как в Великорусских губерниях, тоже не в обычае в западном крае“. Помещики, крупные и мелкие, в огромном большинстве случаев, отдают свои имения в аренду мелкой шляхте. Более зажиточные крестьяне земель не снимают, а бедные не снимают по неимению рабочего скота и инвентаря. Вообще крестьянская аренда—редкое явление, несмотря на низкую плату. Отработочная аренда тоже очень редкое явление. В тех уездах, как, напремер, в Новогрудском, где помещики или их арендаторы сами занимались хозяйством, у крестьян единственным заработком является батрацкая служба в экономии. Но цены на рабочие руки в белорусских губерниях были ниже, чем, например, в великорусских. Так, в Могилевской губернии годовой рабочий на хозяйских харчах получал 24-28 рублей, а в Ковенской и Гродненской эти цены подымались до 40-50 р. В Полесьи цены были несколько выше в виду редкости здешнего населения.

Мы собрали ряд штрихов и наблюдений, привели, где можно было, цифровой материал и постарались таким образом выяснить общий колорит сельского хозяйства первой половины изучаемого периода. Однако нам необходимо остановиться еще на двух явлениях, которые опутывали и помещичье и крестьянское хозяйство и служили немалым препятствием к его развитию. Мы говорим о двоякого рода особенностях—о сервитутных правах и чересполосице. Оба явления—остатки средневекового крепостничества. Оба явления имели юридическую санкцию.

Кроме наделов, крестьяне получили сервитутные права, то-есть право выпаса скота на помещичьих землях, а иногда и рыбной ловли. Эти права крестьян искони сложились в условиях крепостного права Белоруссии. При массе помещичьих лесов, крестьяне в крепостную эпоху имели право выпаса в лесах скота, а также право пасти скот на жнивьи. Особым актом 60-х годов было раз‘яснено, что в тех селениях, где крестьяне пользовались сервитутными правами, эти права крестьян должны быть внесены в выкупные акты. Таким образом оказалось, что, например, в Минской губернии 59% крестьянских дворов пользовалось сервитутными правами на общем с помещиком выгоне, на пастьбу скота в лесах, на рыбную ловлю. Точно пользуемое пространство не заносилось в выкупные акты, или по крайней мере не во все акты. Первоначально при одинаковой у крестьян и у владельцев системе хозяйства это право не вызывало больших осложнений, но при переходе к многополью в помещичьих хозяйствах, крестьяне оказались в затруднительном положении, ибо не могли пользоваться выпасами на жнивьи. Улучшение полевой культуры и распространение культуры корнеплодов уменьшают количество прорастаемой на жнивье травы. Дробление помещичьих хозяйств тоже уменьшало возможность фактического пользования сервитутами. Одним словом, уже к исходу 19 века создалось такое положение. Пользование крестьянами сервитутными правами было очень это стеснено, а значение выпасов для крестьянского хозяйства возросло вследствие распашек крестьянских

выгонов и увеличения скота. Вообще говоря, сохранение сервитутов входило в интересы крестьян и, несомненно, наше молочное хозяйство стало в последнее время развиваться благодаря возможности выпасать скот на помещичьих землях.

Суждения местных комитетов по сервитутному делу, когда поднят был вопрос об их отмене, показывают, что помещики очень хорошо сознавали и то, что сервитуты препятствуют рациональному хозяйству и то, что они выгодны для крестьян. Но с другой стороны, помещики боялись, чтобы не пришлось слишком много отдать земли при разверстании сирвитутов. Закон Государственной Думы установил порядок разверстаний и таким образом пал этот остаток средневековья.

Другим сложным остатком крепостничества была чресполосность крестьянской надельной земли с землями и угодьями своих бывших помещиков.

При громадности наших лесов, болот и при обширности помещичьих имений, крестьяне во времена крепостничества распахивали землю на всем обширном просторе, там, где это было удобно. Крестьянин выбирал островок среди болот. Разробки и острова — старое явление, имеющее за собой много столетий. Но худо то, что оно было зафиксировано крепостными актами. Разделы имений между наследниками помещиков и разделы в крестьянской среде с течением времени усилили чересполосицу. Когда в 60-х годах делались прирезки к крестьянским наделам, то снова вырезались куски помещичьей земли и передавались в надел крестьянам.

Неудивительно поэтому что местные комитеты, созванные в начале 900-х годов особым совещанием о нуждах сельско-хозяйственной промышленности, справедливо указывали на хозяйственный вред чересполосицы. Она принимала иногда резко выраженную форму. В Полоцком уезде, например, крестьянские земли, как надельные, так и собственные, были изрезаны на мелкие шнуры. Неудивительно поэтому, что помещики, собравшись в комитеты, признавали чересполосность одним из главнейших тормазов для благополучия населения, одною из существенных причин, препятствующих поднятию сельского хозяйства между крестьянами, связывающей и подавляющей всякое проявление индивидуального почина и инициативы. Виленские члены комитета указывали на то, что чересполосность ставит в зависимость севооборот и сроки работ. Все это, конечно, было вполне справедливо. Вопрос только шел о том, как произвести разверстание чересполосности. Она была вредна для крестьян и для помещиков, но последние побаивались, что всякие реформы, даже добровольное разверстание, дорого обойдутся помещичьему хозяйству. Между прочим, одним из выходов в целях устранения чересполосицы как между крестьянами и помещичьими землями, так и чересполосицы внутринадельной, то-есть такой, которая касалась только одного крестьянского хозяйства, в комитетах указывалось на идею хуторского расселения. Эта идея особенно подробно трактовалась в наших комитетах. Так, например, Витебский комитет довольно подробно указал как на положительные, так и на отрицательные стороны выселения на хутора. Впрочем, этот вопрос уже тогда делался боевым, им тогда интересовались и в Германии, в применении к германскому хозяйству.

Оказывается, что в Ковенской губернии, пример которой не мог не быть неизвестным соседним, выселения на хутора имели уже известного рода практику. В Гродненской губернии в последние три года 19 века 43 селения перешли на хутора. Некоторые селения разверстались только пахотной землей, сохранив выгоны, пастбища и песчаные земли в общем владении. Такие примеры были в Витебской губернии, сначала среди латышей, а потом и среди белоруссов. Даже в Пинском уезде, где разбросанность наделов вызывается исключительными особенностями местной топографии, оказались случаи перехода крестьян на хутора.

Все эти явления для нас интересны в том отношении, что указывают нам на движение в сторону хуторов, происходившее еще до издания известных Столыпинских землеустроительных законов.

Закон 1906 года о землеустройстве вызвал большое оживление в белорусской деревне и она немедленно потянулась с ходатайствами за помощью в улучшении условий землепользования. Так, уже в 1907 г. по 4-м белорусским губерниям 25 проц. дворов обратились с ходатайствами в уездные землеустроительные комитеты, в 1908 году—33 проц., а в 1909 году—даже 42 проц.

Приблизительно та же картина наблюдалась и в 3-х лит-бел. губерниях. Эти ходатайства носили самый разнообразный характер. Согласно закона, они касались разверстания однопланных селений, перехода на отруба, приобретения земель при помощи крестьянского банка, аренды или покупки казенных земель, или, наконец денежных ссуд.

Закон 1906 года о землеустройстве, или так называемое Столыпинское законодательство, появился в бурную эпоху повсеместной крестьянской революции и борьбы правительства с либеральными элементами Государственной Думы. Задачи этого закона и его последующих дополнений и изменений были чрезмерно обширны. Закон имел в виду оторвать крестьянина от общины, создать изолированного фермера, улучшить структуру крестьянского хозяйства. Но он был бессилен удовлетворить жажду крестьян к земле. Мало того, он естественным образом выделял более сильную часть крестьянства, отбрасывая остальную в разряд безнадежных сельских батраков. Таким образом он долженствовал способствовать дальнейшему расслоению русской деревни. Это была его политическая цель. В отношении к Белоруссии его задачи суживались в том смысле, что при господствующем здесь подворном землевладении борьба с общиной не имела значения. Но вопросы разверстания между селениями, разверстания помещичьих земель от крестьнских, вопросы внутриселенного разверстания, наконец вопросы выделения на отруба и на хутора имели большое значение и в белорусских условиях. Исконный подворник-белорусс, связанный с остальной частью крестьянского общества лишь общим выгоном, лесом, охотно потянулся к укреплению земли в личную собственность и к выделению из села либо своего участка, либо даже к выселению на отруба.

Кроме вопроса о разверстании, законодательство имело в виду и ряд других землеустроительных целей. Так уездные землеустроительные комиссии должны были способствовать приобретению Крестьянским Банком частновладельческих имений и через эти комиссии проходили предложения о тех сотнях тысяч помещичьей земли, которые предлагались Банку и которые им приобретались. Надо только при-

помнить, что в первые же 2 года деятельности землеустроительных комиссий поступило в наших губерниях на рынок 1,4 мил. помещичьей земли и большей частью было приобретено Банком.

Уездные комиссии должны были содействовать крестьянам в покупке ими земли через Крестьянский Банк, в их ведении была раздача крестьянам без торгов казенной земли в аренду, продажа крестьянам казенных имений. На комиссии были возложены выдача ссуд при землеустроительстве, безвозвратных пособий, бесплатный отпуск казенного леса. Вообще, с точки зрения власти, желавшей удержаться среди бурного крестьянского моря, закон этот был крупным политическим актом.

Какое направление имел этот политический акт—в свое время хорошо было выяснено Лениным. Последний смотрел на эту реформу, как на очень важный акт борьбы с остатками средневековых форм. Необходимость ломки средневековых форм прекрасно понимал и проповедывал сам Ленин. Но Столыпин и поддерживающее его дворянство затеяло эту ломку не в пользу крестьянской массы, а в целях „превращения массы крестьян в бобылей и кнехтов; насильственного удержания нищенского уровня жизни массы, выделения небольших горсток гросбауэров, буржуазных крупных крестьян, создаваемых неминуемо капитализмом в крестьянской среде“. („Аграрная прог. социалдемократии“). И в других статьях Ленин настаивает на том, что Столыпинская реформа вела к обеднению крестьянской массы и к выделению из нее „мелкой буржуазии“, обрабатывающей землю наемным трудом.

Реформа пока еще мало изучена, но тов. Карпов, недавно посвятивший ей книгу, в результате приходит к следующим выводам. Он признает крупным результатом землеустройства сильное сокращение чересполосицы. Затем быстрый и сильный рост крупного зажиточного крестьянства, рост деревенской буржуазии, „которая до мозга костей была проникнута собственническими инстинктами“; увеличение пролетаризованного и полупролетаризованного крестьянства и уменьшение середняцких хозяйств. Таким образом, предсказание Ленина сходится с тем, что выдвигает новейшая наука.

Только что указанные выводы совпадают с теми наблюдениями о расслоении крестьянства, которые нам придется сделать в след. главе. На основании иных данных можно констатировать рост пролетаризованных и полупролетаризованных крестьянских хозяйств и параллельно с этим снижение процента середняцких и зажиточных. Последнее значит, что буржуазная-крестьянская верхушка, уменьшаясь в количестве, в то же время крепла в крестьянской среде. Столыпинская реформа не была доведена до конца. Но все же нельзя не отметить, что в крестьянской массе, оказавшейся за бортом реформы, она вызвала обостренное настроение и бедняцкий элемент, обойденный Столыпинским законодательством, создал революционное настроение деревни. Необходимо и то обстоятельство иметь в виду, что закон о землеустройстве, поставленный широко на первых порах, выполнялся с обычным замедлением и с обычными колебаниями, когда правительство в эпеху реакции справилось, или считало себя справившимся с революцией. Не вдаваясь в подробности, мы приведем лишь конечные результаты Столыпинской политики в самых существенных ее достижениях, именно в деле землеустройства.

Общинное землевладение у нас большого распространения не имело. Оно зафиксировано было законом в Смоленской губернии и частью в Витебской. Но в последней оно, повидимому, применения никакого не имело, за исключением, может быть, старообрядческих деревень. Однако односельчане связаны были между собою общими выгонами, сенокесами, лесом, чересполосностью владений, общими прикупками. Крестьянство, очевидно, стремилось порвать и эту последнюю связь, когда пользовалась теми статьями закона, которые предоставляли ему право укрепить свои земли на правах личной собственности с выходом на отруба. Вот количество крестьянстих дворов и земли, получивших акты об укреплении наделов в личную собственность:

	Общ. кол-во домохозяев, укрепивших землю в личн. собств., или получивших на это удостоверит. акты.	Проц. их к общ. числу дворов.	Общая площадь в десятинах	Среднее владение на 1 двор
Виленская	30332	21,7	214975 д.	7,1
Гродненская	2	—	52 „	2,6
Могилевская	109405	51,1	843937 „	7,
Смоленская	74777	34,5	570994 „	7,6

Но наряду с укреплением в личную собственность земли, закон закреплял и новые планы землеустройства. Это относилось, как к селениям, так и к отдельным домохозяевам. Очень понятно, что это касалось и наших подворников и потому во всех белорусских губерниях мы видим стремление к новым формам землеустройства. Ниже мы приводим данные о числе утвержденных землеустроительных проектов на 1 января 1916 года, а для Гродненской и Виленской кончая 14-м годом.

	Число домохозяев и мелк. собственников	Проц. их к общ. числу дворов	Площ. земли в десятинах
Виленская	13827	14,6	132187
Витебская	45666	33,8	427455
Гродненская	17170	18,2	121705
Минская	16721	8,4	203045
Могилевская	31139	14,6	318077
Смоленская	41164	19,0	394128

Таким образом, мы видим, что во всяком случае тяга в крестьянской среде к новым формам землеустройства была значительной.

Мы рассмотрели ряд условий, в которых оказалось хозяйство 60-х годов. Среди этих условий мы наблюдали остатки средневековья, крепостничества, на изжитие которых требовался известный период времени.

VIII. Расслоение крестьянства.

Этот вопрос, о котором теперь так много трактуется в современной литературе, к изучению которого применено так много остроумных методов, не может быть, к сожалению, освещен по отношению к

дореволюционной Белоруссии. Поэтому нам придется ограничиться несколькими довольно грубыми сопоставлениями, придется взять то, что дают тогдашние скудные источники.

Прежде всего необходимо отметить одно наблюдение. Расслоенность Белорусского крестьянства—явление историческое. Еще в конце XVIII века, не говоря о более раннем периоде, можно наметить в белорусском селе различные группы крестьян по количеству земли, скота и по другим признакам. Повидимому, то же наблюдается и в первую половину XIX столетия, хотя усиливающееся тягота крепостного права производила нивелирующее действие в крестьянской массе. Выход из крепостной зависимости расчленил крестьянство.

Самый процесс наделения крестьян уже создавал или закреплял сложившиеся в крестьянской среде группировки. Несмотря на, повидимому, достаточный средний надел, из реформы выходили группы с весьма незначительными наделами. Уже разница между земельным обеспечением бывших государственных и помещичьих крестьян устанавливала разделение в общем не в пользу помещичьих крестьян. Но и среди государственных крестьян расслоение было значительно. Так, например, в Минской на 23551 двор б. государственных крестьян оказалась группа 1867 дв. с наделом до 3 десятин на двор, т.-е. с наделом, заведомо необеспечивающим хозяйство. В своем месте (гл. VI) мы уже отметили общие цифры недосточно наделенного крестьянства. Но эти общие цифры еще мало говорят о глубине дифференциации. Необходимо детализировать вопрос. Мы это сделаем по отношению к Минской губ., пользуясь одной из работ Ястремского.

Как и во всей Белоруссии, в Минской губернии в числе б. крепостных отмечается несколько групп: кроме полных хозяев, были огородники (кутники), безземельные и перешедшие в крестьянство из других сословий. Последние 2 категории получили наделы значительно меньшие, нежели категория бывших тяглых крестьян. Так из 83168 надельных дворов, о которых имелись сведения, огородников было 3961 двор, безземельных 9419 и перешедших из других сословий 176. Это будет контингент самых бедных крестьян.

По весьма неполным данным, относящимся к половине надельных дворов, наделы огородников в среднем составляли 0,9 десятин удобной земли на двор, для безземельных 3,2 десятины и для перешедших из других сословий 14,2 десятины. При этом наделы бывших беззeмельных колеблются от 2,6 десятин до 4,5 десятин по уездам, а наделы огородников от 0,3 до 0,4. Наделы этих групп резко отличаются от наделов бывших тяглых крестьян. Последние в среднем получили 18,3 десятины на двор с колебанием от 11,9 до 28,1 десятины.

Но вообще наделы бывших помещечьих крестьян весьма неодинаковы, колеблясь не только по уездам но и по волостям, по селениям и даже внутри селений. Так, например. по всей губернии из 87006 дворов 1302 получили наделы свыше 50 десятин, 8080 получили наделы от 30 до 50 десятин, 6625 дворов получили 25-30 десятин, 13024 дворов получили 20-25 десятин.

Это большие наделы, но основная масса крестьян, половина дворов получила наделы от 10 до 20 десятин; 14277 дворов получили наделы 10-15 десятин и 21902 двора получили наделы 15-20 десятин.

Таким образом 26179 дворов получили средние наделы, 29031 двор— выше средних, и 11796—наделы менее десяти десятин, причем 1462 двора получили менее 5 десятин.

Эта справка углубляет наше понимание расслоенности крестьянского хозяйства. Но, конечно, хозяйственное значение участка любого размера не одинаково должно оцениваться в разные эпохи, ибо в конечном итоге доходность участка, его способность обеспечивать трудовую силу зависит от техники хозяйства и прилагаемого капитала. Не задаваясь пока этим общим вопросом, мы напомним, что уже в 70-х годах, 10,5 проц. всех крестьян имели надел до 3 десятин на ревизскую душу и мы в своем месте указали на недостаточность такого надела в смысле обеспечения данного поколения. Только 5,2 проц. крестьян получили наделы более 8 десятин на ревизскую душу, что уже могло создать контингент зажиточного крестьянства.

Следовательно, поскольку обеспечение крестьянской семьи находится в зависимости от земельного надела, надо полагать, что около десятой части крестьянства сразу же после освобождения попало в положение, которое вызвало необходимость поисков труда где-нибудь на стороне и только приблизительно 20-я часть крестьянства заведомо выходила из норм продовольственного хозяйства.

Но нарастание новых поколений в результате давало в недрах села известный и процент безземельных дворов и мы уже видели, что в общем он составлял от 5,6 до 9,7 проц. в разных губерниях в 1893 г. Наконец, и данные 1905 года говорят о том, что от 2,5 до 4,5 проц. двор. в 3-х губерниях имели надел до 5 десятин, (Виленская, Витебская, Гродненская); в одной губернии 5 проц. (Смоленская) и даже 10 и 12 проц. в остальных 2-х (Могилевская и Минская). Правда, по тем же данным имеется землеобеспеченная группа в 3-х губерниях: в Могилевской губернии 5-я часть крестьян, в 2-х губерниях 4-я (Минская и Смоленская) и остальных более половины имеют наделы свыше 10 десятин.

Мы напоминаем эти цифры и, как видит читатель, очень трудно вывести какой нибудь определенный для всей Белоруссии проц., как мало обеспеченного, так и достаточно обеспеченного землею крестьянства. П. Маслов для Белорусского района считает группу мало обеспеченного крестьянства в 7,9 проц. и 24,8 проц. многоземельного крестьянства. В Литовско-белорусских губерниях—проц. малоземельных не велик—4 проц., и многоземельных—77 проц.

В общем литовско-белорусские губернии относятся к районам, имеющим наивысший многоземельный проц., белорусские губернии приближаются к Новороссийскому району, частью к Средневолжскому. Группа малоземельных сравнительно с другими районами России не велика.

Этот ряд справок, во всяком случае, дает впечатление о необеспеченности землею примерно 8—10 проц. белорусского крестьянства и о том, что в разных губерниях имеется достаточная группа многоземельного крестьянства.

Однако, самый факт обладания землею, различие в ее наделах, свидетельствуя о различных группировках в крестьянской среде, недостаточен для точного их установления. Крестьянин без капитала, хотя бы в виде скота и орудий, даже и с достаточным количеством земли, не, является еще организатором самостоятельного трудового хозяй-

ства. Так, например, оказывается, что в тех губерниях, которые являются с внешней стороны наиболее обеспеченными многоземельным крестьянством. проц. сельско-хозяйственных рабочих является значительным, т. е. здесь имеется значительный проц. сельского пролетариата. Так, в Виленской губернии, по подсчету А. Лосицкого,—22 проц. рабочих среди самодеятельного крестьянского населения. Это значит, что здесь 5-я часть деревенского населения пролетаризована. Если она имеет землю, то не ведет на ней самостоятельного хозяйства. В Витебской губернии таких рабочих 17 проц., в Гродненской менее 16 проц., в Минской —15 проц., в остальных менее 10 проц. Если мы при этом скажем, что из 50 губерний б. Евр. России только 19 имели проц. деревенского прелетариата выше 10, что только в 5-х губерниях,—в 2 Прибалтийских, в Ковенской, в Таврической и Астраханской, проц. пролетариата был выше Виленской губернии, что даже в Петербургской он доходил всего до 18 проц. и в Полтавской до 17 проц., если к этому прибавим, что в 7-ми губерниях этот проц. ниже 17, то для нас станет ясным, что в общем Белоруссия занимала, к сожалению, почетное место среди русских губерний по развитию батрацкого элемента.

То же самое можно осветить и другим способом. В Виленской губернии переписью 1897 года зарегистрировано около 60 тысяч сельско-хозяйственных рабочих (занятых в земледелии 39 тыс, в животноводстве 10,6 тыс., затем в лесоводстве и прочих промыслах). В Минской—около 49 тыс. (33,9 тысяч—в земледелии и проч.), в Витебской губернии—35 тыс. (25,6 тысяч в земледелии), в Гродненской—33 тысячи (26,3 тыс. в земледелии). И эти цифры говорят о значительном контингенте у нас батрацкого элимента.

Тут мы ближе к истине в нашем стремлении определить количественный состав сельского пролетариата. Опять разница настолько резка, что не дает возможности об'единять в один общий проц. это явление всей Белоруссии.

Перейдем еще к одному признаку. Конечно, без рабочего скота не может быть нормального крестьянского хозяйства. Безлошадность (употребление волов у нас никакого значения не имеет) является уже вполне устойчивым признаком для определения пролетарского элемента деревни. Размеры ее не совпадают с количеством сельско-хозяйственных рабочих по губерниям, по очень простой причине, ибо иногда батрачат и те, которые имеют лошадь, но все же по количеству безлошадных крестьянских дворов выделяются губернии с преобладающим процентом батраков.

Вот эти данные по 5 военно-конским переписям. Процент безлошадных крестьянских дворов следующий:

	1882 год	1885 год	1894 год	1899-1900	1912 год
Смоленская	11,2	9,7	10,0	13,3	19,3
Могилевская	10,0	8,8	9,2	11,6	12,8
Минская	28,4	23,5	22,6	21,0	21,3
Витебская	11,6	10,2	11,5	14,5	18,0
Гродненская	26,7	30,0	27,8	25,9	22,2
Виленская	11,7	11,3	10,1	12,4	25,3

В этой табличке вот что еще обращает на себя внимание. Корни относительно большой безлошадности начинаются восьмидесятыми годами, следовательно, имеют связь с крепостной и послекрепостной эпохой. С другой стороны, приблизительно одинаковый проц. безлошадности упорно держится на протяжении первых 20 лет, в общем с уклоном к повышению, за исключением одной Минской губернии. В Гродненской тоже заметен уклон к снижению. В остальных губерниях повышение не велико, вращаясь в пределах одного или одного с небольшим процента. Но последнее десятилетие в исходе своем дает очень крупную перемену. Пролетаризация крестьянства делает большие шаги. Перепись 1899—1900 года дала в среднем проц. безлошадных 163,5, а перепись 1912 г. дает уже 20 проц. Это значительный скачек. При этом в Гродненской губ. она дает абсолютное снижение, повышение в Минской и отчасти в Могил. губ. незначительное, зато в Виленской число безлошадных хозяйств удвоилось, в Смоленской выросло на 1/3 и немногим менее в Витебской. Когда В. И. Ильин выводил по тем же данным обще русскую среднюю безлошадных хозяйств, то для конца 19 века она дала для всей России 24,7 проц. против 16,5 для Белоруссии. Следовательно, в конце 19 в. пролетаризация белорусского крестьянства давала значительно меньший проц. За 10 последующих лет пролетаризация сделала большой успех и приблизилась к обще-русской средней.

Остановимся еще на некоторых деталях данного вопроса. Отдельные губернии представляют собой ряд отклонений от средней, которую можно вывести для однолошадных, двухлошадных и др. категорий крестьянских дворов. Так, например, в Витебской, Минской и Могилевской г. г. количество однолошадных крестьянских дворов выросло с 1893 г. по 1912 г. почти на 10 проц. и немногим менее в Смоленской г (8 проц.) и на столько же в Гродненской. Наиболее слабое нарастание однолошадных отмечается в Витебской г. Среди двухлошадных дворов в Виленской г. замечается значительное падение (на 8 проц.), тоже и в Витебской г. В остальных губерниях изменения не являются столь резкими. Что касается крестьянских дворов высших категорий, т. е. трехлошадных и более, то заметно по всем губерниям весьма резкое снижение относительного количества этого вида крестьянских дворов. Это означает относительное понижение середняцкой и более высшего состава крестьянского элемента.

Если мы возьмем общебелорусские итоги, то и они дадут те же наблюдения. Относительное количество однолошадных дворов увеличивается за счет снижения количества более состоятельных дворов. При этом середняцкая группа, более прочно держится, нежели группы выше ее стоящие. Сказанное подтверждается нижеследующей табличкой, представляющей собою данные для всей Белоруссии:

	1893—4 г.	1900 г.	1912 г.
	% крестьянских дворов к общему числу их:		
Безлошадных . . .	15,2	16,5	20,2
Имеющих по 1 лошади	39,1	42,1	47,4
Имеющих по 2 лошади	25,9	24,4	21,7
Имеющих по 3 лошади	11,8	10,6	7,2
Имеющих по 4 и более	8,0	6,7	3,5

Вся эта перегрупировка в довольно значительный период произошла при следующих обстоятельствах. Количество лошадиного стада у крестьян осталось без изменения (1.567 тысяч в 1893 г. и 1.563 т. в 1912 году).

Но число крестьянских дворов, имеющих лошадей, выросло почти на 20 проц. (с 813 до 975 тыс.). Число безлошадных дворов увеличилось на 68,8 проц. (с 146 до 247 тыс.), число однолошадных увеличилось на 63,9 проц. (с 375 т. на 580 т.). Но число двухлошадных хозяйств выросло весьма незначительно—всего на 6,3 проц. (с 249 т. до 266 т. дворов). Увеличение количества однолошадных дворов было результатом расслоения многолошадных, так как высшие группы дают уже уменьшение относительного количества дворов и чем выше группа, тем снижение резче. В самом деле, трехлошадные дворы дали снижение на 22,9 проц. (с 114 т. на 88 т.), четырехлошадные и высшие группы снизились на 54,2 проц. (с 75 т. до 42). Таким образом, процесс с одной стороны усиливающейся пролетаризации крестьянства, а с другой стороны, процесс разложения и снижения некоторой части более зажиточного крестьянства является несомненным фактом. Это сказывается и на количестве лошадей, принадлежавших различным группам крестьянства.

	1893—4 г.	1912 г.
% лошадей принадлеж. однолошадным дворам	23,9	37,1
% лошадей принадлеж. 2-хлошадным дворам	31,7	34,0
% лош. принад. 3-хлошадн. дворам .	21,8	17,1
% лош. прин. 4-хлош. и более дворам	22,6	11,8

Таковы материалы, которые дают военно-конские переписи по вопросу о расслоении белорусского крестьянства. Мы вернемся еще раз к выводам, вытекающим из только что рассмотренных цифр Теперь же сделаем маленькое отступление.

Читатель может понять, с каким трудом и осторожностью приходится выделять пролетария, середняка и капиталистически ведущего хозяйство крестьянина по такому признаку, как земельный надел, потому что размер земли не всегда говорит о доходности хозяйства, и 3 десятины клубничного поля под городом во много раз превосходят по доходности многодесятинное зерновое хозяйство. Ясно, что когда мы учитываем ту часть рабочей силы, которую крестьянин продает на сторону, то и это не совсем точный признак. Дело в том, что все крестьяне—и необеспеченные землею и обеспеченные пролетарии, и богачи—отчуждают на сторону свою рабочую силу. И даже более того, повидимому, как общее правило, богатый крестьянин отчуждает в меньшем количестве свою рабочую силу, но в то же время продает ее по относительно более дорогой цене.

Это вполне понятно, т. к. продавец рабочей силы, не находясь в крайней нужде, имеет возможность выжидать более дорогого потребителя. Мы не имеем цифр для подтверждения последнего тезиса в отношении всей Белоруссии, но факт отчуждения рабочей силы на сторону богатым крестьянством налицо. Вот пример для Витебской губернии. Здесь, оказывается, все группы крестьянства, малопольные и многопольные принимают участие в отхожих промыслах. С другой стороны, по данным той же губернии, именно обследования 1907 г., явствует,

что факт наличия земли в крестьянском хозяйстве не является доказательством того, что данные хозяйства обрабатывают землю, или что размер посевной площади данного хозяйства соответствует размеру надельной или прикупленной земли.

Мы сначала оба признака соединим в одной табличке для того, чтобы продолжать наши рассуждения.

№№ групп по посевной площади	Размер посевной площади в группе	Общее число дворов в тысячах	% налич. дворов по пос. пл. к общ. числу дворов	Наделы земли на 1 хоз. в дес.	Средн. кол-во купл. земли на 1 хоз. в десятинах	% хоз. имеющ. куплен. землю	% купл. земли к общ. пл. надельной	% хоз. с отхожим. рабочими на промысел
1	**Беспосевные**	16.9	9.9	5.1	0.6	3.7	24.0	70.4
2	**до 1 десятины**	9.9	15.8	2.2	0.2	7.2	11.4	58.1
3	1—2 »	26.0	15.2	4.3	0.4	12.6	11.2	40.3
4	2—4 »	61.6	36.0	6.8	0.8	12.7	12.3	36.7
5	5—6 »	32.4	19.1	10.1	1.4	16.1	15.3	36.7
6	6—8 »	12.7	7.4	13.0	2.8	22.7	23.2	33.4
7	8—10 »	5.5	3.2	15.7	5.2	28.4	36.9	31.7
8	10—15 »	4.3	2.6	19.7	10.1	37.2	61.0	29.0
9	15—20 »	0.9	0.5	23.6	24.5	56.3	146.2	25.5
10	20—50 »	0.5	0.3	20.3	52.9	70.0	408.2	25.8
		170.9						

Начнем с последней графы—с отчуждения крестьянами рабочей силы.

Оказывается, что группы хозяйств, которые в той или иной мере надо причислить к зажиточным, не отказываются от сторонних заработков и в этом принимает участие от 1/4 до 1/3 хозяйств. И это такой масштаб хозяйств, которые в высших группах, даже при многосемейности, не обходятся без помощи наемного труда. У нас нет данных, но это ясно по размерам посева. Середняки (5, 4, 7 группы) немногим более многопосевных заинтересованы в отхожем промысле и это понятно. Основа их труда идет на собственное хозяйство. В таком же положении находится и группа весьма многочисленная, несколько более трети всех хозяев, которая обладает посевом в 2—4 десятины, то-есть посевом, очевидно, выводящим эту группу книзу от середняцкой. Она стремится тоже вкладывать свой труд в собственное хозяйство. Но группа малопосевных уже значительно больше уделяет своего труда на сторону, и больше всего беспосевная, что вполне понятно.

Связь с землею не делает крестьянина непременно хозяйничающим на своей ниве. 10 проц. витебских крестьян, имея землю, не засевают ее и почти 3/4 их труда идет на сторону. Остальная четверть или пропадает, или идет на свое несложное, дворовое хозяйство. Это уже пролетарии. Едва ли чем нибудь от этой 10 проц. группы беспосевных отличается группа, засевающая до 1 десятины. А она составляет почти 16 проц.

Во всяком случае, с какой бы осторожностью ни подходить, все же вырисовывается значительная группа несомненного пролетариата (1 и 2 группы почти в 26 проц.,) огромная группа полупролетариата

(3—4 группы), в 51 проц., более или менее середняцкая группа с очень большим уклоном книзу (5, 6 и 7 группы), 30 проц. и над ней подымается 3-х процентная группа многопосевного крестьянства.

Возвращаясь к нашей таблице о распределении лошадей и, сравнивая только что указанное деление, мы по существу не находим большого различия. 15-ти проц. группа безлошадных дворов вбирает в себя очевидно 10-ти процентную группу беспосевных и часть сеющих до 1 десятины. Деревенский пролетариат с тем, что мы назвали полупролетариатом, то есть первые четыре группы дают примерно 65 проц. пролетариата по посеву, то-есть 2/3 и почти такой же, немногим более, проц, безлошадных дворов и имеющих 1 лошадь. И это совпадает с действительностью. Витебская губерния—одна из беднейших и одна из наименее обеспеченных хлебом Она дает и относительно большой процент крестьянского пролетариата и ничтожный процент зажиточного крестьянства и, как мы видели, относительно большой процент сельскохозяйственных рабочих (17 проц.). Все признаки совпадают и дело идет лишь о некоторых различиях в кадансах пауперизации.

Для других губерний нет таких подробных сопоставлений, да эти подробности и не нужны были бы. Следуя рубрикам В. И: Ильина, то есть об'единяя безлошадные и однолошадные дворы в одну группу деревенских пролетариев, мы в Гродненской губернии снова наблюдаем очень большие группы пролетариата в 2/3 и 3/4. Это те губернии, которые дали наибольший процент сельско-хозяйственных рабочих (22 и 16 проц.). Почти такое-же соотношение наблюдаем в Минской губ. и сразу падение пролетариата заметно в Могилевской губ. и Смоленской. Середняцкая группа выше в последних 2-х губерниях, нежели в остальных.

В общем, если мы сравним группу Белорусских губ. с результатами расслоения крестьянства, выведенными В. И. Ильиным для 49 губерний Европейской России, то большой разницы не получаем—Белоруссия подошла к средней:

	Для всей России	Для Белоруссии
Безлошадные и имеющие 1 лошадь	55,9%	58,6%
С 2 лошадьми	22,1%	24,4%
С 3 и более лошадьми	29,9%	18, %

Только более богатого крестьянства у нас оказалось меньше.

Это сопоставление мы делаем на основании данных 1900 г. Как мы уже видели, последующее десятилетие принесло углубление того же процесса. В самом деле, перепись 1912 г. дает по тем же рубрикам следующие конечные цифры для Белоруссии:

безлошадные и имеющие 1 лошадь	67,6%
с 2-мя лошадьми	21,7%
с 3 и более лошадьми	10,7%

Если сопоставить процентное соотношение крестьянских дворов по лошадиному составу с процентными соотношениями по надельной земле, то с внешней стороны получится как бы противоречие. Губернии с низким процентом дворов, имеющих до 5 десятин надельной земли (Виленская, Витебская, Гродненская), дали нам высший процент

пролетариата. В Гродненской губ. 4,5 проц. дворов имеют надел до 5 десятин и 84,9 проц. имеют свыше 10 десятин Напротив, в Могилевской и Смоленской губ. наиболее обеспеченные дворы едва достигают четверти крестьянских дворов. Однако в этом нет никакого противоречия. Могилевская и Смоленская губ. по земельному и по лошадиному составу наиболее середняцкие. Минская губерния занимает середину. Что же означает это явление в первых 3-х губерниях? Оно означает пролетаризацию и той части крестьянства, которая формально обладает землей, очевидно, сдавая ее более состоятельному крестьянству. Следовательно, в Виленской, Гродненской и Витебской губ. успел сильно укрепиться крестьянин, капиталистически и хорошо ведущий свое хозяйство с помощью наемного труда своих же односельчан, потому что хозяйство, по крайней мер , Виленской и Гродненской губ выше других. Получается то же самое, что можно наблюдать в соседней Ковенской, Эстляндской, Лифляндской губ. Большое количество деревенского пролетариата, сельского батрака, и рядом зажиточный крестьянин, применяющий уже усовершенствованные формы хозяйства. Это значит, что в части Белоруссии происходила капитализация верхов крестьянского хозяйства параллельно с пролетаризацией его низов, нарастал капиталистический фермер. В другой части Белоруссии, что особенно ярко выражено в Могилевской и Смоленской губ., держалось еще продовольственное, натуральное хозяйство, сдвиг в сторону пролетаризации был слаб.

Для доказательства тех же мыслей можно было бы применить ряд других приемов, но это оказалось невозможным по отсутствию у нас соответствующих обследований. Впрочем, кажется, основная мысль доказана.

IX. Подсобные крестьянские промыслы и аренда.

Условия крестьянского хозяйства Белоруссии, расслоенность деревни, ее перенаселенность, создавали широкую потребность в подсобных заработках. Это явление уже отмечают многие авторы, наблюдавшие жизнь белоруссов в первую половину XIX века. Подсобные промысла заключались, главным образом, в лесных промыслах, в работах по сплаву и наконец в ремесленных работах на дому или в виде отхожего промысла. Для примера возьмем хотя бы данные из Памятной книжки Минской губ. за 1897 г. Автор описывает в коротких чертах хозяйство отдельных уездов и отмечает в них подсобные промыслы населения. Так, в 1895 г. свыше 1000 чел. этого уезда были заняты осенью и зимой рубкой и выделкой леса, 300 чел. были заняты подвозкой лесных материалов, 350 уходило в сплав и 1150 было занято по ремонту железно-дорожных линий Кроме того, крестьяне работали в помещичьих имениях Заработок каждого рабочего за рабочий сезон выражался в сумме от 100 до 200 р. за сезон. В Бобруйском уезде заработки были скромные, но характер отхожих промыслов тот же самый. По подсчетам автора цитируемой статьи, в ряде уездов кустарные и отхожие промысла дают населению по нескольку сот тысяч заработка в год. Мы привели эту справку в виде примера, т. к. даже при бедности нашей литературы все же можно было бы собрать достаточно описательных сведений относительно того, что белорусские крестьяне уделяют достаточно времени и сил на внеземледельческие промысла.

К сожалению, эти большею частью довольно неопределенные описательные данные не дают возможности ближе подойти к этому вопросу и уяснить экономическое значение кустарных и других промыслов в хозяйстве белорусской деревни.

И в научной литературе существует большая неопределенность понятия кустарного промысла, на что жаловался еще В. И. Ильин. Неудивительно, что спорадические заметки в памятных книжках и тому подобной местной литературе, даже позднейшие местные обследования не дают возможности выяснить всю сумму экономических факторов, связанных с вопросом о подсобных промыслах. Наши данные страдают вообще большим недоучетом кустарно-ремесленной промышленности и не отличают отхожего заработка, даже профессий, связанных с полным оставлением земледельческих занятий. В силу сказанных причин, выяснение всех этих вопросов встречает непреодолимое затруднение. Можно было бы разве дать географическое распространение отдельных видов промыслов, но это сделано в известном издании Семенова „Россия“, в котором нам пришлось принимать близкое участие. Поэтому последующее изложение дает лишь некоторые и весьма неполные штрихи по существу большого и очень важного вопроса для Белоруссии. Прежде всего, взвешивая исторические данные, специально относящиеся к кустарной промышленности, под которой мы будем разуметь домашнюю крестьянскую промышленность, иногда отчасти связанную с ремесленным промыслом, приходится констатировать, что у нас не выработались условия распространения таких промыслов, которые давали бы предметы широкого экспортного потребления. Достаточное, а иногда даже значительное количество земли в крепостную эпоху держало крестьянина в сфере земледелия, для целей пропитания и отбывания барщины, в сфере тяжелой подводной или сплавной повинности, которую крестьянин отбывал для помещика и в более редких случаях для собственного заработка. Все время крестьянина было распределено и, как ему ни бедно жилось, в нем не могло выработаться навыков кустарного производства на более или менее широкий рынок. С другой стороны, условия натурального хозяйства побуждали крестьянина делать много предметов несложного крестьянского обихода самостоятельно, или способствовали появлению в деревне полуземледельца, полуремесленника, обслуживавшего соседнюю деревенскую округу предметами крестьянского обихода, которые трудно было сделать каждому домохозяину, например: горшок, колесо и т. под. Отсюда, уже в крепостную эпоху складывается в деревне такой тип кустаря, который отдает свое свободное от земледельческих занятий время выработке предметов крестьянского обихода. А этот обиход скромный, и даже бедный, далек от восточных тканей или ковров, даже от затейливой резьбы нашего севера или вышивок Украины.

Это важная особенность наших кустарных промыслов. Эта промышленность представляется нам не имевшей движениия, развития. Может быть количественно с ростом населения, с появлением в селе более зажиточного и капиталистически ведущего хозяйство крестьянина, количество кустарей увеличивалось, рекрутируясь из среды крестьянской бедноты. Но виды и формы промыслов оставались примитивными и неподвижными. Это обстоятельство происходило оттого, что не создавалось условий к развитию кустарной промышленности и к выходу ее за пределы деревенского базара. Тут вина в значительной

мере падает и на общественную инициативу и на правительственную политику. Можно было отдать справедливость прежнему правительству, что по мере роста свободных рук в деревне, оно стимулировало в ней интерес крестьян к разным видам кустарной промышленности в целях удержания крестьянина в обстановке деревни. И развивающаяся фабрика способствовала тому-же (например ткацкое дело и пр.). Но все эти особенности касаются Украины, великорусского центра, севера и других местностей. Обширные мероприятия б. Упр. земледелием и землеустр. ввиде устройства кустарных выставок, кустарных комитетов, показательных школ, все это проходило мимо Белоруссии. Позднее появление в Вильне кустарного комитета, носившего казенный характер, не внесло оживления в кустарное дело. Такая случайность, как основание школы прядения и ткачества в Смоленской губернии княгиней Урусовой или Тенишевой, носит тоже случайный характер и в общем белорусский крестьянин оставался беспомощным в области кустарного производства.

Даже за более раннее время нелегко найти в литературе простые сведения о размерах и характере кустарного производства в Белоруссии. Так например, в прекрасном „Своде материалов по кустарной промышленности“ Мещерского и Мадзалевского (1874) только кое-где мелькают сведения о белорусских губерниях и то только о Смоленской и Витебской губерниях. Но эти сведения краткие и частью относятся к великорусским уездам Смоленской губернии. Поэтому наши сведения о кустарной промышленности в эпоху после раскрепощения очень слабы. Так, мы узнаем о развитии тележного промысла, выработки колес, дуг и саней в Городокском, Суражском, Велижском и Оршанском уездах. Но это уже очень простые крестьянские изделия, доставлявшие крестьянину несколько копеек, а иногда рубль-два за работу целого экипажа. Узнаем о бондарном производстве в Велижском и в Бельском уездах. Деревянные орудия делались в Городокском, Витебском, Суражском, Велижском уездах. Там же делалась деревянная посуда. В Смоленском уезде кое-где встречается корзиночный промысел, встречаются изделия из лыка и коры в Витебской губернии. Выработка холста, тонкого и хорошего - в Брянске и Нареве Гродненской губернии. Там же и глиняная посуда.

Неполный перечень этих скудных производств для нас имеет интерес в том смысле, что и на рубеже 19-20 веков мы встречаем, правда теперь уже более подробные сведения о выработке всех тех же несложных предметов крестьянского обихода.

Кустарные промыслы Белоруссии можно разгруппировать на промыслы по обделке дерева, по обработке металлов, по обработке минеральных веществ, по обработке продуктов животноводства, по обработке волокнистых веществ и смешанного производства. Это все изделия крестьянского обихода, не имеющие художественного значения и не выходящие за пределы деревенской округи.

Так древообделочный промысел состоит в изготовлении телег, возков, полозов, колес, бондарных изделий, домашней деревянной посуды, деревянных земледельческих орудий, приговления лыка и мочалы, решета, корзин, кое-где встречается смолокурение и сидка дегтя. Столярноплотнические и токарные промысла развиты сравнительно слабо и не столько в деревне, сколько в городах и местечках.

Металлическое производство представляет собою обычный кузнечный промысел. Это деревенский кузнец с его грубым изделием. Он распространен повсеместно В восточных уездах Смоленской губернии встречаются кустарно-слесарные мастерские по починке сельско-хозяйственных машин и даже по изготовлению плугов.

Обработка минеральных веществ сводится к гончарному промыслу, развитому повсеместно, и в редких случаях, к производству кирпича, стекла.

Кожевенное производство и скорняжный промысел относятся к слабо развитым. Кустари работают преимущественно по заказу, выделывают крестьянам тулупы, сбрую. Только в некоторых местностях Витебской и Могилевской губерний заметно развитие сапожного промысла. Вообще изделия из кожи еще слабо прививались в нашей деревне, заменяясь лыком или самодельной пеньковой веревкой Овчина для тулупов чаше всего вырабатывалась самим же хозяином, зарезавшим овцу. Ткачество и валяльный промысел весьма развиты, но эти продукты редко поступают на базар. Так, в каждой избе, или почти в каждой встречался ткацкий станок и полотно изготовлялось для домашнего употребления. Выделка шерстяной материи, обычно из шерсти своих же овец тоже является широко распространенным промыслом и тоже продукция идет не на базар, а на одежду семьи. То же надо сказать и про валяльное производство. В Могилевской губернии чаще всего оно практикуется, как отхожий промысел. Делают белорусские шапки и валенки.

Портняжий промысел мало распространен, ибо шитье одежды лежит на обязанности женщин в каждой крестьянской семье.

Мы сделаем краткий набросок тех промыслов, которые встречаются в Белоруссии. Следовало бы подойти ближе к некоторым экономическим вопросам, связанным с кустарной промышленностью. Мы уже знаем, что это дело безнадежно трудное. Поэтому приходится ограничиваться лишь некоторыми эскизами, остановившись на тех губерниях и промыслах, по отношению к которым имеются кое-какие сведения.

Так, по данным 1890 года в Минской г. зарегистрировано 20 тысяч кустарей, почти исключительно мужчин. Они были заняты 25-ю видами промыслов, что указывает на крайне слабую, примитивную дифференциацию кустарной промышленности. Разделения ремесла нет. Один и тот же кустарь делает и колесо и обод, и дугу, и целую телегу. Портной, шьющий тулуп, является и скорняком, а то и седельным мастером. Но как ни случайны цифры, характеризующие количественный состав кустарей, все же из поуездной сводки выясняется, что средний размер крестьянского надела имеет прямую связь с количественным составом кустарей. Так Игуменский, Слуцкий и даже Новогрудский у. у., имеющие наименьшие наделы пахотной земли, дают наибольший проц. кустарей. Правда, этот проц. высок и, например, в Мозырском уезде, но это об'ясняется уже плохою почвою уезда, ибо средний надел здесь довольно значителен. Заработки крестьян-кустарей очень невысоки, в среднем 14,3 рубля в год на каждого рабочего. Промысел является побочным занятием, не требующим оборотного капитала и устройства мастерской. Поэтому на первом плане стоит карзиноплетение, ткачество и т п. Вообще на такие промыслы приходится 80 проц. кустарей. Зато и средний заработок на этих про-

мыслах падает до 10 руб. в год. Некоторые промыслы требуют все же затраты капитала и некоторых приспособлений. В таких случаях уделяется промыслу больше времени и получает больший заработок, например, в гончарном деле на каждого рабочего приходится до 100 р., а в тележном даже до 200 рублей, в кожевенном от 150 до 200 руб., в смолокуренном от 400 до 600 рублей в год, в клееварении—до 500 рублей.

Это указывает на то, что некоторые виды промысла из побочного занятия превращаются в постоянное и в них уже вкладывается некоторый капитал.

Витебская г. подвергалась дважды обследованию, хотя сохранившиеся данные далеко не удовлетворительны.

Так, прежде всего остановимся на данных, относящихся к рубежу 19 20 веков. Виды производства здесь те же, которые и раньше нами были отмечены. Можно прибавить лишь старинный промысел, производство лодок, занимавшее, между прочим, всего 5 дворов и появление чулочниц с вя альными машинами, преимущественно среди еврейского населения местечек. Вообще господствует древообделочная промышленность всех видов (68 проц. по сумме заработка), затем гончарная (30 проц.). Во всех работах принимало участие 2232 крестьянских двора.

Все виды промыслов, как мы знаем, носят характер старинных промыслов. Они имели значение в крестьянском хозяйстве при условии обилия сырья и топлива или даже при условии возможности добывать и то и другое бесплатно. К этому разряду относятся древообделочная промышленность и гончарная. Но кустари уже жаловались на затруднения в корзиночном промысле, „вследствие истребления лесов". На сани, оказывается, материал уже трудно добывать, хотя колесники некоторых мест еше живут тем, что добывают самовольно материал из соседних лесов. Гонка дегтя повсюду падает, в виду дороговизны материале.

Что касается сбыта, то часть кустарных изделий потребляется самою семьею, часть ищет себе рынка. Так, ткацкий промысел, будучи повсеместно распространенным, является все же преимущественно производством для домашних надобностей и только небольшая часть полотна поступает на рынок.

Прежде всего заметим, что в некоторых промыслах деревенский кустарь нередко превращается в деревенского ремесленника, ищущего работы в доме заказчика. В Очерках Никифоровского встречаем шаповалов, которые переезжают из села в село в поисках работы на дому заказчика и из его материала. Есть деревенские шевцы и кравцы, принимающие у себя на дому работу. Но среди них встречаются и бездомники, которые бродят по селам, работают в домах заказчиков на их харчах и их материале.

Работа на заказ и из материала заказчика типична и для других промыслов. Например, на таких условиях большею частью работают чулочницы.

Но, конечно, самый характер преобладающих у нас промыслов указывает на то, что подыскивание сырья должно лежать на кустаре. Так, например, колесники, бондари и другие древообделочники производят предметы из своего материала и продают их на базарах. Горшечники сами развозят свой товар и обычно выменивают его на хлеб

Но за этими примитивными способами меновых операций в ряде промыслов заметно участие скупщика. Он является в деревню поставщиком сырого материала и покупателем готового товара. Не обходится дело без кредита. Скупщик просто покупает печь гончарных изделий и сам развозит их по базарам. Торговцы скупают оптом ободья в некоторых местностях и перепродают колесникам. Из этой характеристики видно, что связь кустаря с рынком носит разнообразный характер, что в ряде производств появляется скупщик, иногда превращающийся в организатора-предпринимателя. В зависимости от этих комбинаций находится и доход, получаемый кустарем.

В среднем доход этот во всяком случае не велик. Он выражается в сумме 44-х рублей на двор и 28 рублей на рабочего.

Земское обследование Витебской г. 1907 г. весьма мало прибавляет к характеристике кустарных промыслов. Оно имеет целью учесть все неземледельческие промысла до таких профессий, как служба в клире, врачебная и пр. включительно. В конечном итоге она дает только некоторые цифровые данные, которыми мы ниже воспользуемся.

Значительно большее значение представляет собою доклад Мусерского о кустарной промышленности Могилевской г., основанный тоже на результатах земского обследования. Он отмечает, что „производство для собственных нужд", производство „для домашнего обихода", судя по анкетным данным, весьма распространены. „Если говорить о промыслах,—пишет автор,—в этом смысле, то оказывается, что некоторыми видами их занято почти сплошь, поголовно, все население данной местности и даже целой губернии". Но следующая ступень развития промысла, когда часть вырабатываемых изделий поступает на рынок, — „уже сравнительно не так часто отмечается в корреспонденциях"; и далее автор передает очень существенное наблюдение: „та высшая ступень кустарничества, когда изба кустаря превращается в настоящую мастерскую с целым рядом отделений... совсем не имеет пока места в нашей губернии" Автор полагал, что Могилевский кустарь „застыл" в своем развитии и что современем в нем проснется творческий дух и художественное чутье. Конечно, все это означает, что при высокой степени натурализации крестьянского хозяйства, не только в Могилевской, но и других белорусских губерний большинство предметов домашнего обихода, требующих ремесленного труда, производилось еще в самом хозяйстве. Однако на ряду с этим существует кустарь, работающий на заказ или даже на рынок.

Вообще существуют разнообразные отношения к рынку и к заказчику, и в хозяйстве кустаря его ремесло играет неодинаковую роль. Так д. Гололобовка (Чаусского уезда), представляет собой „сплошную колесную мастерскую", и крестьяне работают почти круглый год. Качества изделий примитивны. Но уже в Ульяновичах, Сеннинского уезда, тот-же промысел занимает крестьянина только зимою, и кустари работают исключительчо на заказ. Здесь кустари вырабатывают 15 или 40 руб. в год. Район Перянской волости издавна работает зимою, работает на базар. Вообще работа на рынок по выделке колес, оглобель и т. п.—преобладает. Заработок кустаря чрезвычайно разнообразен. То-же отмечается в бондарном промысле. В столярном производстве преобладает система заказа. Токари работают на рынок и на заказ. Даже токари работают в жилой избе. То-же относится и к сундучникам. Выработка дегтя, дающая весьма ничтожный заработок, тоже иногда производится на заказ.

Дерево-обделочный промысел является старым и распространенным промыслом, но корреспонденции полны указаниями на его упадок, ввиду дороговизны или недостатка сырья.

Напротив, обработка льна и пеньки является развивающимся промыслом. Наряду с льно-трепанием идет выработка холста. Появился и канатно-веревочный промысел. Повидимому, то-же можно сказать о суконно-ткацком промысле. Более простые предметы,—по выделке кожи, вроде овчин, делаются на заказ, но кожевники, выделывающие лошадиные и яловичьи кожи, работают на рынок.

Те-же черты замечаются и в других промыслах, так что едва-ли требуется дальнейший перечень.

Видимо, однако, примитивная техника кустарей суживает рынок сбыта при конкуренции фабричных изделий. По крайней мере, в докладе приводится длинный ряд корреспонденций, говорящих о несоответствии изделий вкусам покупателей, и о необходимости придти на помощь кустарю, в целях улучшения его техники. Как общее правило, кустарь работает без кредита и без капитала. Этим затрудняется выход его на рынок. Организации сбыта кустарных изделий нет, отсюда появление скупщиков и спекулянтов.

Конечно, в общей массе кустарные промыслы Белоруссии дают грубые крестьянские изделия. И такой характер их об'ясняется исторически. Однако следует сказать, что и Белорусская кустарная промышленность представляет собою иногда очень эффектные образцы, которые могли бы служить предметом экспорта, если бы на эти отрасли своевременно было обращено достаточно внимания. Мне приходилось когда-то описывать прекрасные узорчатые убрусы и скатерти, делаемые по старинным образцам в Пинском уезде. Крашеные ткани, льняные и пеньковые, частью шерстяные, представляя собой предмет чисто кустарной работы, отличаются изяществом и красотой и могли-бы быть предметом далекого экспорта. Такие ткани известны в Минской округе, частью в Полоцком. К сожалению, выявлением гнезд наиболее эффектных образцов кустарной промышленности в свое время не занимались. Между тем, эти гнезда чрезвычайно любопытны. Так, например, местечко Дрыбин, населенное малонадельным крестьянством, представляет собою знаменитое гнездо кустарей-шаповалов. Этот промысел здесь начал развиваться еще в эпоху крепостного права, и тогда еще дрибинские шаповалы снискали себе широкую известность. Эти шерстобиты делают целый ряд валеных изделий. Как только кончаются полевые работы, почти треть обширного местечка забирает свои несложные инструменты и растекается далеко на юг в Украину и Великороссию. Они работают в крестьянских домах из материала заказчика, там и кормятся. К Рождеству шаповалы возвращаются, а после Рождества только небольшая часть уходит снова на некоторое время. Только очень немногие, уставшие ходить, оседают и занимаются своей работой на дому, сами развозят свой товар по соседним городам и ярмаркам. Но это уже кустари, имеющие возможность вложить в дело некоторый капитал, ибо кустарь выезжает на ярмарку с запасом товара тысяч в четыре. Впрочем, на рубеже XX века этот промысел, по словам наблюдателей, стал приходить в упадок, повидимому, вследствие его технической отсталости, сравнительно с наросшими вкусами потребителя.

Доводилось уже говорить о том, что статистические сведения о занимающихся кустарными промыслами не заслуживает особенного

доверия. Их можно считать преуменьшенными. В последнее время проф. Рыбников в своей книге „Промышленность России“ свел в таблицы все сведения, какие можно было собрать за последнее десятилетие до войны. По Гродненской губернии таких сведений совсем нет. Новейшие сведения по Минской губернии относятся к 1900 году, по другим – к 1910-12 году Но просмотр этих сведений указывает на крайнюю их неполноту. Оказывается, например, что по Минской, Могилевской и Витебской губ. не числится кустарей, делающих сохи, бороны, деревянную посуду, что, конечно, неверно; в Минской и Могилевской отсутствует такой промысел как выработка сетей. Поэтому на эти сведения надо смотреть, как на сведения, представляющие собой известного рода минимум.

Впрочем, ввиду большого интереса, который могут представить и эти неполные сведения, мы представим их в одной сводной табличке (см. стр. 89).

До сих пор речь шла о кустарных промыслах в собственном смысле, т. е. о таких, которые не отрывают крестьянина от земледелия, или отрывают его только на некоторое время. В громадном большинстве случаев кустарное производство есть чисто домашнее производство Оно редко превращается в отхожий промысел. Но недостаток обеспечения землей и наличие незанятого труда в деревне побуждает крестьянина или совсем превращаться в ремесленника, переходить на какую нибудь службу и пр., или же искать временного отхожего промысла. К сожалению, данные, характеризующие, как отток населения из деревни в другие промыслы, так и распространение отхожих промыслов, весьма ненадежны Перепись 1897 г безнадежно смешивает понятие ремесла, кустарного отхожего промысла и других. Поэтому из нее можно извлечь немного надежных цифр. Но даже и по этой переписи, если взять все те рубрики, которые она считает побочными крестьянскими занятиями, то оказывается, что в Смоленской г. 22,9% самодеятельного населения имеют те или другие подсобные занятия наряду с земледельческими, в Могилевской 18,2%, и т. д. Но эти данные не все раз'ясняют, так как торговля и многие виды службы и фабричной работы об'единены в общих рубриках. Эти цифры показывают только % населения из числа сельского самодеятельного или полностью оставившего крестьянский промысел, или только частью.

Конечно, полный выход из крестьянства: переход к торговой деятельности, в интеллигентные профессии и т. д. вполне естественное явление, и напрасно наша старая статистика гонялась за этими паспортным крестьянством и вносила только темноту в вопросы экономического характера.

Отхожие промысла собственно крестьянского населения, как мы уже отчасти отметили, несомненно, были весьма развиты, хотя, как видим, это явление плохо поддается учету. Достаточно сказать, что по той же переписи 1897 г. мы находим 2 прочные графы, характеризующие наиболее типичные отхожие промысла в Белоруссии. Это — лесные промысла (заготовка лесных материалов, рубка и пилка дров, изготовление луба), сплав и возка леса и дров. Количество населения, принимавшего участие в этих промыслах, по этой переписи выражается для Витебской г. в количестве 11 т. ч., для Смоленской в 7 т. и т. д.

	Виленская			Витебская			Минская			Могилевская			Смоленская			Итого
	Всех промышленников	На 1000 всех промышлен.	На 10000 всего сельского населения.	Всех промышленников	На 1000 всех промышлен	На 10000 всего сельского населения	Всех промышленников	На 1000 всех промышлен.	На 10000 всего сельского населения	Всех промышленников	На 1000 всех промышлен	На 10000 всего сельского населения	Всех промышленников	На 1000 всех промышлен.	На 10000 всего сельского населения	Всех промышленников
1. Обр. дерева .	338	335,7	2,3	2.101	336,0	13,9	2117	563,2	10,3	11.009	556,0	56,0	9.635	697,4	48,3	25.200
2. Обр. волокнист. веществ .	500	496,5	3,4	26	4,2	0,2	582	155,0	2,9	3.754	189,6	19,3	1.233	89,3	6,2	6.095
3. „ кожи . .	9	8,9	0,0	1.232	126,8	8,2	143	38,0	0,7	2.140	108,0	11,0	653	47,2	3,3	4.177
4. „ минералов.	160	158,9	1,1	1.475	235,7	9,7	916	243,8	4,5	2.002	101,1	10,3	1.192	86,3	6,0	5.745
5. „ металлов .	—	—	—	1.422	227,3	9,4	—	—	—	658	33,3	3,3	753	54,5	3,8	2.833
6. Изд. из соломы.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	57	2,9	0,3	6	0,4	0,0	63
7. „ из рога и кости . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	49	2,5	0,2	—	—	—	49
Итого	1.007	1.000	6,8	6.256	1.000	41,4	3.756	1.000	18,4	19 800	1.000	101,6	18.816	1.000	69,9	33.162

Но эти цифры совершенно непоказательны и преуменьшены, т. к. в 1898 г. из Витебской г. ушло в отход на всякого рода промыслы 19.000 мужчин и 1.700 женщин; из Минской г. в 1899 г. ушло на ремонт железных дорог 6.000 чел., в Смоленской г. в 1899 г. было взято паспортов на разные сроки 117-ю тыс. лиц обоего пола.

Могилевские губернаторы в 90 годах имели обыкновение сообщать в обзорах о количестве крестьян, занятых в лесных промыслах и в отхожих промыслах. Последние цифры могут отличаться большой точностью, потому что, очевидно, сведения давались по данным о выдаче паспортов. Оказывается, например, что в 1897 году было занято в лесных промыслах 25,5 т. ч., в отхожих — 15,5 т. ч., в 1899 году — 40 т. ч. и 23 т. ч.

Цифры варьировались из года в год, в общем ежегодно около 25 т. уходило в отход, и более 30 т. искали заработка в лесных промыслах. Смоленский губернатор в отчете за 1895 г. говорит, как об отходе на промысел городского населения (до 10 т. ч.), так и об отходе сельского населения. В этом году, например, выдано было 77,5 т. паспортов, в 1897 году—75 т. паспортов.

Некоторые данные позднейшего времени, более точно собранные в общем подтверждают наблюдаемое явление. Так, земское обследование Могилевской губернии 1910 года дает цифру уходящих на сплав в 15 т. ч., чернорабочих и поденщиков—35.000 чел., занимавшихся извозным промыслом 3,8 тыс., грабарей—0,9 тыс., та же перепись дает длинный ряд строительных профессий, которые тысячами должны были извлекать на строительный сезон рабочих из деревни. Эта перепись вообще дает 144,5 тыс. Могилевских крестьян, занимающихся разного рода отхожими и кустарными промыслами. Из них около 20 тыс кустарей в собственном смысле. Остальные—отходники, но все же еще не порвавшие с деревней. Из всей массы в 144 тыс. чел. занято только 30 тыс. такими занятиями, которые отрывают промышленника от земледелия, но все же значительная часть их не отрывается от своего дома и от села. Это цифры. хотя и преуменьшенные, но все же наиболее точно и дельно собранные.

Земское обследование Витеб. губ. 1907 г. отмечает, что из обследованных 170 тыс. дворов (0,8 всех дворов губ.) занималось внеземледельческими промыслами 70 т. дв. или 115 т. чел., среди них чернорабочих и прислуги 41 тыс. муж. и 18 тыс. жен. и 10 т. чел., работающих по сплаву, возке и рубке леса и т. под.

Как ни разношерстны наши сведения и как ни преуменьшены они, все же ясно, что белорусская деревня в довоенное время усиленно искала выхода для приложения избыточествующего в деревне труда. Географически, надо полагать, это стремление резче выражалось в восточной Белоруссии, нежели в западной. Освобождающийся деревенский труд находил себе применение в более грубых и тяжелых профессиях. Главная масса кустарного промысла все еще шла на удовлетворение несложного вкуса деревенского потребителя и не нашла выхода на внебелорусский рынок. Даже более того, замечается некоторая тенденция падения некоторых видов этих издавных промыслов, происходящая частью вследствие уменьшения подходящего сырья, частью вследствие изменения вкусов деревни.

Одним из выходов в крестьянском трудовом хозяйстве, в его борьбе с малоземельем, в его стремлении дать работу труду, незанятому в хозяйстве, является аренда.

Переходя к вопросам аренды, необходимо заметить, что изучение и в Белоруссии встречает целый ряд затруднений. Прежде всего мы встречаемся с необследованностью арендных отношений у нас. В то время как вопросы аренды в пределах средней и южной России весьма занимали исследователей и само правительство, Белоруссия как то оставалась в стороне.

С другой стороны, Белоруссия—страна различных из старинных форм аренды. Чиншевое право, дожившее до начала 20 века, было фактом не только юридическим, но и экономическим. К сожалению, и эти отношения, как и все другие формы старинной аренды, не подвергались изучению с экономической стороны. Правда, у нас вопрос аренды не имел острого значения, но все же интерес к нему с точки зрения юридической и экономической мог бы быть очень значителен.

Вот почему очень трудно характеризовать арендные отношения в Белоруссии в общем их масштабе. Приходится брать некоторые наиболее изученные оазисы, можно заглянуть только в некоторые уголки данного явления.

Так вопрос арендных отношений в пределах Минской губернии можно в некоторой мере представить себе по работам Ястремского.

По данным 1894 года для Минской губернии распространение аренды выражалось в количестве 264 тысячи десятин, т. е. 0,5 % всей частной земельной собственности. Специально крестьянская аренда охватывала 108 т. дес. Средний размер крестьянской аренды 15,8 дес., а арендная плата за десятину 2 р. 73 к. Это относится к тем арендам, договоры на которые заключались в волостных правлениях. Но кроме того арендные контракты заключались по нотариальным договорам. Эти договоры могли касаться и крестьянских аренд, но большею частью характеризуют, очевидно, аренды, заключенные некрестьянами. Но и эти последние аренды, т. е. нотариальные, тоже носят характер приближающийся к полутрудовой аренде, т. е. средний размер арендуемого участка 35,7 десятины, а средняя плата за десятину выше чисто крестьянской аренды и выражается в сумме 3 р. 45 к.

Конечно, суждение о количестве арендуемой земли не вполне точно, т. к. аренды, особенно краткосрочные, заключались и по домашним договорам и без всяких договоров.

Но во всяком случае ряд данных говорит за то, что количество поступающих в аренду земель с течением времени не увеличилось, а уменьшалось. Так, например, министерские данные 1902 года о крестьянской аренде, имевшие в виду как количество формально заключенных сделок, так и число аренд без всяких договоров, дают, приблизительно, ту же цифру—125 тыс. дес. арендуемой крестьянами земли. В аренде было заинтересовано 11 тысяч крестьянских дворов, т. е. приблизительно, 4-5% крестьянских дворов в губернии. Это указывает опять таки на преобладание трудовой аренды, а плата аренды носит почти исключительно денежный характер (за деньги арендовано 94% всей земли). Плата частью урожая—редкое явление (2,7%), столь же редка и отработочная аренда (3%).

Таким образом, для Минской губернии в девятисотых годах цифра около 125 тысяч десятин, приблизительно, то количество земли, которое поступало в аренду крестьянам и аренда носила денежный характер. Наиболее дорогими были аренды мелких участков до 5 десятин. Средние участки от 5 до 10 десятин отдавались ниже, по самым низ-

ким ценам, а на участки свыше 10 десятин арендные цены уже систематически подымаются.

Крестьянская аренда в общем носит долгосрочный характер, т. к. приблизительно около половины арендных контрактов заключается на срок 9 лет и выше. Наименьший % аренд относится к годичному сроку. И еще необходимо сделать одно любопытное замечание. В крестьянской аренде преобладающую роль играет аренда смешанных угодий как по количеству десятин (83 тысячи), так и по количеству арендных сделок, т.-е. крестьянин стремится арендовать, как пашню, так и пастбище.

Но уже выше было высказано замечание, что к началу 900-х годов количество поступавшей в аренду земли в общем уменьшилось. Это значит, что произошло некоторое насыщение крестьянских хозяйств купленной землею, а с другой стороны это означает, что помещичьи хозяйства оправились и начали самостоятельное ведение хозяйства. В самом деле, по данным центрального статистического Комитета, относящимся к 1887 году, в той же Минской губернии аренда охватывала 1 миллион владельческой земли. Эта земля была почти исключительно дворянская (927 тысяч). 6243 дворянских имений сдавали свои земли в аренду. Эти последние данные характеризуют аренду всякого типа и менее всего крестьянскую.

Последняя в то время еще не была развита, и количество выбрасываемых дворянами земель указывает на экономическую несостоятельность помещичьего хозяйства,

Крестьянская аренда в Витебской губернии может быть довольно полно представлена на основании земского обследования 1907 года. В общем тяга к земельной аренде не может быть названа значительной. Обследованием было зарегистровано 28 тыс. арендующих крестьянских хозяйств, т.е. 16,5,% всех хозяйств. С другой стороны крестьяне прочно сидят на своей земле, почему % сдающих в аренду свои земли крестьянских хозяйств невелик (5%). В сдачу поступают крестьянские земли, принадлежащие наиболее слабым по посеву хозяйствам.

Особенность витебской аренды последних годов заключается в том, что аренда носит по преимуществу капиталистический характер. Низшие по посеву группы крестьянства в весьма незначительной мере участвуют в аренде земли; из средних групп арендуют землю не более 12—14% хозяйств, тогда как ¼ и более хозяйств высших групп обладают достаточным количеством надельной или прикупленной земли и в то же время арендуют соседние земли. Отсюда % арендуемой земли к надельной в низших группах ничтожен, т. к. не превышает 8—10%. Напротив, этот % повышается в высших группах, составляя 16—30% к их земле, а группа хозяйств, засевающих от 20 до 50 десятин, имеющая в среднем на одно хозяйство 20 десятин надельной земли и сверх того и около 53-х десятин прикупленной земли, арендует почти 100% (95%) к надельной земле.

Отсюда понятно, что и количество арендуемой земли в хозяйствах низших групп весьма не велико (1,4—4,4 десятины в среднем на хозяйство), в средних несколько больше (5—9 десятины) и в высших группах арендные участки колеблются от 12 до 43 и более десятин.

К тому же типу подсобных промыслов следовало бы отнести рыбные промысла, пчеловодство. К сожалению, нельзя по нашим источникам выяснить количественное участие населения в рыбных промыслах. От-

носительно пчеловодства можно привести лишь данные позднейшего времени. Поэтому трудно судить о том, клонится ли этот промысел к упадку или же эта старинная отрасль еще крепко держится. Во всяком случае, пчеловодный промысел представляет собою чисто крестьянский промысел. Колодные улья резко преобладают над рамочными. На пасеку приходится в среднем десяток ульев с доходом на каждую пасеку 32 р. К сожалению, приходится ограничиваться этими скудными сведениями.

X. Вопросы труда в деревне.

Вопросы труда в деревне—это вопросы бюджета времени крестьянина-работника. Эта проблема начала подвергаться изучению только в последние годы, даже месяцы. В дореволюционное время она не ставилась или, во всяком случае, для выяснения ее не собиралось никаких специальных данных. К изучению белорусской деревни с этой точки зрения подойти весьма трудно, т. к., за отсутствием земства, мы не имеем ответов по целому ряду важнейших вопросов. Однако все предыдущее изложение говорит нам о том, что в деревне всегда накоплялись излишки труда, непоглощаемые земледельческим хозяйством, даже при условии его постепенной интенсификации. Крестьянин искал выхода для применения своего труда во внедеревенских занятиях, или в батрачестве. Избыток труда получался не только в беспосевных и мало посевных хозяйствах, но, без сомнения, и в среднепосевных. Это мы видели на примере расчетов по Витебской г., и там даже некоторая доля многопосевных хозяйств отделяла некоторую часть труда на сторону.

Учесть избыток труда в деревне даже при современных, более тонких способах статистических изысканий,—дело нелегкое. Однако оно не вполне безнадежное, если решиться подойти к вопросу с несколько грубыми и прикидочными выкладками. Все же это дает некоторое представление о том, насколько или пропадало крестьянского труда в деревне, или в какой мере необеспеченные элементы деревни должны были искать работы вне крестьянского хозяйства.

Прежде всего отметим, что известная часть труда землероба бесполезно пропадала, вследствие дефектов землеустройства.

Так, дальноземелье—один из факторов, вызывающих бесполезную затрату труда крестьянина—затрату на его передвижение к его земельным участкам. В данном случае мы воспользуемся цифрами одной из работ проф. Огановского о распределении населенных мест по численности населения в них. Оказывается, что Белоруссия (без Витебской и Гродненской г.г.) занимала довольно невыгодное положение в этом отношении. 28,2% ее населенных мест имели от 501 до 5.000 д. об. пола населения. Это, конечно, уже очень большие деревни и села и, рузумеется, с нивами и лугами, расположенными далеко от места поселения. Если к этому прибавить 3,2% населения, живущего в поселениях с количеством душ от 5 до 10 тыс., то получается впечатление, что 3-я часть деревенского населения Белоруссии жила в условиях значительной сгущенности населенных мест и, следовательно, в условиях ненужной затраты времени и сил на переходы и переезды к полям и лугам. Только Приуральский край имеет приблизительно такие же соотношения. Другие районы нечерноземной полосы находятся в гораздо более выгодных условиях. А с черноземной полосой бывшей

России мы даже не сравниваем, т. к. сгущенность Украинских и Приволжских поселений превышает вдвое даже сгущенность Белорусских. Даже поселения с числом душ от 51 до 500 составляют несколько больше половины всех поселений (55,3%) и только 13,3% населения жило в селениях с населением до 50 душ.

Такой строй села, т. е. большие его размеры, корни свои имеет еще в аграрной реформе 16 столетия, когда дворищные поселения белоруссов искусственно были превращаемы в относительно большие поселения.

Потеря труда при дальноземельи настолько ясна, что этих справок, конечно, весьма грубых, за неимением более точных, пока достаточно. Ясно, что при этом пропадает не только человеческий труд, но и труд животных, число которых непроизводительно увеличивается при дальноземельи. К сожалению, мы бессильны в каких нибудь цифрах выразить размеры чересполосицы, которая также без пользы поглощает труд крестьянина и его скота.

Дальноземелье не только поглощает труд, но оно делает технически невозможным улучшение культуры полей. Унаваживать поле на расстоянии от двора более 3-х верст уже не рентабельно и такое поле выгоднее пустить под серые, грубые хлеба. По расчетам проф. Конрада—1½ клм. от усадьбы—предел для плодосмена и многополья, ибо на дальнейшем расстоянии рентабельность улучшенной техники падает. Все это говорит нам о затрате деревней некоторой доли труда, некомпенсируемой соответственными выгодами.

Но мы уже видели, что наша деревня искала приложения тому труду ее, который не находил применения в земледельческих занятиях. Это происходило от того, что земледелие не поглощало всего труда деревни.

К учету этого избытка труда можно подойти, применив несколько грубые приемы. В начале 90-х годов С. А. Короленко, по поручению тогдашнего министерства, была издана книга о вольнонаемном труде в России, по данным конца 80-х годов. Автор брал довольно грубые прикидки. Он брал для всей России количество взрослых рабочих, равное половине всего сельского населения; он брал сельскую семью в 6 душ обоего пола с 3-мя взрослыми рабочими. Средней нормой, обеспечивающей труд сельской семьи, он брал 15 дес. (крестьянских или частновладельческих удобных земель—безразлично). При обычном трехполи он принимал 2⅓ дес. посевов на взрослого рабочего, а для местностей, где возделываются трудоемкие культуры—2 десятины на взрослого рабочего.

Все это грубые обобщения, но как увидим, вовсе не бесплодные. И соответственный пересчет дает все же известное впечатление. В наших губерниях мы везде встречаем избыток крестьянского труда. Примерно около 40% его не занято. По губерниям этот % выражается в следующих относительных данных:

Виленская	30,5%
Витебская	45,1 »
Гродненская	39,1 »
Минская	33,9 »
Могилевская	41,5 »
Смоленская	38,9 »

Мы, конечно, понимаем, что цифры эти нереальны, страдают преуменьшением. Интенсификация, дальноземелье, чересполосица, мень-

шая интенсивность труда не в летнюю пору—все это поглощало большее количество труда, чем дают эти недочеты. Но как бы мы теоретически не увеличивали его, все же значительное наличие избытка труда является бесспорным фактом. Это нам и об'ясняет тягу белоруссов на сплав, на разработку леса, в чернорабочие, в отхожие заработки и, наконец, к переселению.

К освещению того-же вопроса можно подойти еще и с других сторон—с точки зрения определения трудоемкости сельского хозяйства. Многие авторы к этому вопросу подходили с разных сторон. И как-бы вопрос ни разрешался, все же ясно, что наша наделенность крестьян землею не может поглотить значительной доли труда деревни, имея в виду притом интенсификацию и применение машин. Вот несколько мнений, высказанных в литературе. В. Е. Постников полагает, что крестьянское хозяйство при 3-х работниках на двор, при 3-х парах лошадей и применении машин может обработать при трехпольном севообороте 60 дес., т. е. ровно ту самую норму, которую реально обрабатывает американский фермер. Надо при этом заметить, что наделы переселенцев в Сибирь примерно оправдывают такую норму, т. к. на душу отводилось от 16 до 20 дес. Но тут был запас земли, т. к. машины не применялись. Лубны-Герцик на основании переписи 1917 г. дает при улучшенной зерновой системе на среднее крестьянское хозяйство 27,6 дес.

В другой работе тот же автор, исходя из нормы на 1 крестьянское хозяйство в 15 дес., не вполне поглощающей труд крестьянской семьи, делает пересчет рабочего сельского населения по переписи 1897 г., сообразует количество взрослого рабочего населения с количеством десятин посевной площади 1897 г. и получает для белорусских губерний такой процент неиспользованного труда земледельческого населения по переписи 1897 г.:

Виленская	37,8%
Витебская	38,6 »
Гродненская	41,3 „
Минская	41,0 »
Могилевская	46,5 »
Смоленская	42,0 »

Получается та же огромная цифра неиспользованного деревенского труда, причем за десятилетие, отделяющее перепись 1897 г. от данных, которыми пользовался Короленко, распаханность площади в значительной мере выросла.

И еще одно сопоставление, в котором нам придется опереться— на интересное исследование проф. Литошенко о крестьянских бюджетах по данным 1922-23 годов. Как увидим, хронология тут роли не играет, т. к. дело идет о таких факторах крестьянского хозяйства, которые не могли в значительной мере измениться под влиянием революции.

В приложениях к назв. работе мы находим таблицы, относящиеся к территории неукрупненной БССР. Эти таблицы знакомят нас с годовым запасом времени в различных разрядах крестьянства и с фактическими затратами труда в хозяйстве и вне его. Тут мы имеем де-

ло уже не с гипотетическими расчетами, притом относящимися не всегда специально к белорусскому хозяйству, а с конкретными данными приложения крестьянского труда в условиях Белоруссии и даже имеем дело не с средним крестьянином, а с реальным и дифференцированным крестьянским хозяйством, разбитым на группы по площади посевов.

Прежде всего приведем, для уяснения последующего, некоторые из основных данных. Так, мы дело имеем с следующими группами крестьянских хозяйств, разбитыми по среднему числу десятин посева и по среднему числу работников в переводе на взрослых мужчин:

Группы	Сред. чис. десятин посева на 1 хоз-во	Сред. чис. работников, в переводе на взросл. муж.
I. До 2-х дес.	1,52	2,8
II. От 2,01—4,0	2,94	3,8
III. От 4,01—6,0	4,88	4,5
IV. От 6,01—8,0	6,79	4,5
V. От 8,01 и выше	14,21	4,7
Итого	4,19	4,0

Как обычно, с ростом посевной площади растет и обеспечение ее рабочей силою. В соответствии с этим, растет и годовой запас рабочего времени, который семья может затратить на хозяйство. Если теперь сопоставить конкретно те затраты рабочего времени, которые каждая группа вносит в свое хозяйство, то оказывается, что данное распределение земли в хозяйстве требует всего от 32 до 45% рабочего времени, которое имеется в распоряжении каждого хозяйства. По существу получается соотношение, которое напоминает нам выводы, сделанные еще в 80-х годах в применении к хозяйству в 15 дес. землепользования, если при том принять во внимание, что там был расчет времени на 3 взрослых работника, а по бюджетным данным хозяйство, пользующееся 15 дес. земли, располагает почти 5-ю работниками. Во всяком случае, не вдаваясь в эти сопоставления, мы приведем, по каждой группе, тот процент рабочего времени, который затрачивает каждое хозяйство на ведение всех работ из своего запаса годового рабочего времени:

I группа	32,1%
II „	34,7 „
III „	37,8 „
IV „	45,5 „
V „	39,8 „
Итого	37,3%

Иными словами, около $^2/_3$ рабочего времени не используется крестьянскими хозяйствами в сфере своего-же хозяйства.

Этот неиспользованный труд ищет применения вне своего хозяйства. Малопосевные группы, в силу естественных причин, должны интенсивнее искать применения своего труда, чем высшие группы. Среднепосевные и высшие могут затратить больше времени на свое хозяйство. Получается такая затрата дней труда в году по расчету на одно хозяйство.

	Затрачено дней в году по расчету на 1 рабочую силу: В своем сельском хозяйстве.	Вне своего сельск. хозяйства.
1 гр.	90,2	26,6
2 гр.	95,5	18,2
3 гр.	107,2	9,2
4 гр.	138,3	13,4
5 гр.	149,9	5,7
Итого	106,9	14,6

Как видим, крестьянское хозяйство не находит применения избытку своего труда вне сферы своего хозяйства. Без сомнения, это приложимо не только к послереволюционному 1922-23 году, но и к дореволюционному, вероятно, в несколько меньшей степени, ибо тогда, как мы видели, открывалась более широкая возможность отхожих промыслов.

Но ища полной утилизации своего труда, крестьянство стремится интенсифицировать свои участки, очевидно, в меру возможных для него затрат капитала. Отсюда понятно, что мелкое посевное хозяйство затрачивает на десятину больше труда, нежели среднее и крупное, ведя, например, огородное хозяйство и другие трудоемкие культуры. Данные рассматриваемых бюджетов дают такую скалу понижения затрат рабочего времени на 1 дес. посева в зависимости от обеспечения хозяйства землей:

I гр.	166,2	муж. раб. дней на 1 дес.
II »	123,4	» » »
III »	98,9	» » »
IV »	91,7	» » »
V »	49,6	» » »
В среднем	99,7	» » »

Всеми этими справками мы хотели проникнуть в трудные вопросы бюджета крестьянского времени. Дать какую нибудь точную, отчетливую цифру для дореволюционного времени мы не могли. Но общая сумма приведенных данных свидетельствует о большом избытке труда в деревне, причем создается все же общее впечатление, что этот избыточный труд и в дореволюционное время не находил себе полного применения. Таким образом ясны выводы, которые в нашем изложении сквозили уже и в предыдущих главах, и которые мы постарались лишь подкрепить новыми данными и соображениями.

XI. Распределение земельной площади по угодьям.

Наиболее полное обследование распределения земель по угодьям относится к 1887 году. Оно дает общую цифру земель для всех губерний, в 27 миллионов дес. Данные начала 60-х годов дают 29 миллионов десятин. Но это различие валовых цифр не имеет большого значения.

За первое 25-летие после освобождения крестьян можно наблюдать в распределении земельной площади прежде всего относительное падение пахатной площади, а также уменьшение площади под лесом. С другой стороны наблюдается значительное увеличение площади под лугами и выгонами. Количество неудобной земли в обследованиях различных годов показывается неодинаково, т. к. вообще понятие неудобной земли весьма относительно.

Наибольшее истребление лесов за этот период коснулось Витебской губ. и Могилевской. Общее распределение земель по данным 1887 года заключалось в том, что менее $^1/_3$ всей земли числилось под пахотными землями и более трети под лесом. Наиболее лесистой губернией была Минская, потом Смоленская и Могилевская.

В общем все эти соотношения могут быть выражены в следующей таблице:

Губернии	Распределение в $^0/_0$ земельной площади:									Увеличч. + или уменьшен. — в 1887 г. сравн. с 1865 г.		
	1865 год				1887 год							
	Пахотн. земли	Лугов. зем.	Леса	Неудобн.	Пахотн. земли	Лугов и выгон	Леса	Проч. удоб	Неудобной	Пахотн.	Лугов и выгон	Леса.
Виленская	42,9	14,9	30,0	12,2	40,5	15,9	28,1	2,7	12,8	— 2,4	+ 1,0	— 1,9
Витебская	45,2	4,0	41,8	9,0	29,5	13,9	31,8	7,0	17,8	—15,7	+ 9,9	—10,0
Гродненская	41,3	11,7	27,5	19,5	39,7	19,6	28,7	4,2	12,8	— 1,6	+ 7,9	— 3,8
Минская	24,0	9,6	45,0	21,3	23,5	12,5	40,2	1,9	21,9	— 0,5	+ 2,9	— 4,8
Могилевская	45,7	7,7	27,0	19,6	30,3	13,6	37,1	3,4	15,6	—15,4	+ 5,9	+10,1
Смоленская	38,1	16,4	34,8	10,6	31,2	18,5	38,6	2,4	9,4	— 6,9	+ 2,1	+ 3,8
Итого	37,4	10,4	36,0	16,2	30,9	15,2	34,7	3,3	15,9	— 6,5	+ 4,8	— 1,3

Таким образом, зѐмли, освобождавшиеся от пашни и от леса, шли под выгоны и сенокосы. Получалось более естественное соотношение между количеством пахотной земли и сенокосами, вместе с выгонами. Этим исправлялся тот недостаток, который резко чувствовался в крепостную эпоху и который давал полное несоответствие между потребностями хозяйства в скоте и между кормовыми средствами для скота. В самом деле, если теперь взять соотношение между сенокосной и пахотной землей в оба периода, то получим следующее количество сенокосной для 1865 года и сенокосной с выгонной земли для 1887 года. На 100 дес. пахотной земли приходится луговой и луговой с выгонами:

	1865 год	1887 год
Виленская . .	34,6	39,1
Витебская . .	8,8	47,2
Гродненская . .	28,3	49,4
Минская . .	40,0	53,1
Могилевская . .	16,8	45,5
Смоленская	43,1	59,2

Как мы видим, в ряде губерний картина совершенно изменилась и подошла к нормальным соотношениям при условии трехпольного хозяйства.

Весьма важным вопросом является вопрос о площади пахотной земли. Уже из предыдущей таблички ясно, что в первое 25-летие после освобождения крестьян она имеет тенденции к сокращению. Это сокращение сказывается резко в первое 10-летие после освобождения и темп его несколько замедляется уже к исходу 80-х годов. Так, если возьмем сравнительный размер площади пахотной земли в начале 60-х годов, затем в 1881 и в 1887 годах, то оказывается, что наибольшему сокращению пахатной площади подверглись Могилевская и Смоленская губернии, затем Витебская, где колебания ее особенно резки. Более устойчивой площадь пахотной земли оказалась в губерниях более культурных в сельско-хозяйственном отношении еще в эпоху крепостного права, именно в Виленской и Гродненской губерниях.

Вот данные, характеризующие проц. пахотной земли к общей площади за соответствующие годы:

	Проц. пахотной земли к общей площади		
	В начале 60-х г.	В 1881 г.	В 1887 г.
Виленская . .	43,1	40,2	40,5
Витебская . .	45,2	27,2	29,5
Гродненская . .	41,5	39,6	39,7
Минская . .	24,4	24,1	23,5
Могилевская .	45,7	27,8	30,3
Смоленская . .	38,1	29,3	31,2
Итого . .	37,4	30,1	30,8

Эти соотношения были бы еще более рельефны, если бы можно было с точностью наблюдать соотношения площадей пахотной земли позднейших годов к площади начала 60-х годов. Но это наблюдение не будет вполне точным, т. к. подсчет площадей за разные периоды неодинаков. Мы однако представляем ниже результаты подсчетов, наперед оговариваясь, что цифры не вполне сравнимы. Но надо иметь в виду, что цифры 60-х годов больше цифр 70-х и 80-х, т. е. иными словами, наши относительные цифры дадут некоторое преуменьшение, на все же они чрезвычайно любопытны. В половине 70-х год. площадь похотной земли в Витебской и Могилевской губ., т. е. в губерниях, где крепостное право выжимало от крестьян наибольшее напряжение, нсизилось почти наполовину. В других губ. снижение оказалось не столь резким, но к концу 80-х годов заметно обратное явление в смысле увеличения размеров пахотной площади. В самом деле, если принять площадь начала 60-х год. за 100, то площади пахотной земли 1877 и 1887 год. будут находиться к площади пахотной земли начала 60-х годов в следующих соотношениях:

	Нач. 60-х год.	1877 год	1887 год
Виленская	100	82.4	86.6
Витебская	100	53.6	60.2
Гродненская	100	87.2	91.2
Минская	100	91.3	90.9
Могилевская	100	58.5	63.5
Смоленская	100	67.6	76.4
Итого	100	72.6	77.0

Таким образом, 1887 г. дает уже увеличение пахотной земли во всех губерниях, кроме Минской, сравнительно с 1877 г., причем это увеличение в Смоленской губ. достигает 10 проц., в других оно еще меньше. Все эти данные, которые мы только что рассматривали в цифровых соотношениях, подтверждают нам характеристику хозяйства, с которой мы уже знакомы.

Помещичье хозяйство не справилось с своими задачами при освобождении труда крестьян и пошло на убыль. Это отчасти относится и к крестьянскому хозяйству. Но с другой стороны соотношения между посевным и скотоводческим хозяйством делаются более нормальными.

К уяснению того же вопроса за последующее 25-летие нельзя подойти путем непосредственных сравнений с цифрами предыдущей эпохи, атк как наша статистика позднейшего времени не давала вполне аналогичных сведений, пригодных для непосредственного сравнения. Поэтому мы подойдем несколько иным путем к раз'яснению того же вопроса.

Специальные данные о луговодстве, собранные в начале 900-х годов, дают возможность сделать сопоставление относительно роста площади луговодства, хотя данные 80-х годов не сравнимы с последующими (они не различают покосных земель от пастбищных), но все же общая тенденция может быть установлена. Как мы уже отмечали, в первые тридцать лет после реформы замечается стремление к усиле-

нию площади лугов. Это понятно, потому что количество скота растет. Но уже перед девятисотым годом, наблюдается систематическое снижение площади лугов. Это не отражается на замедлении роста скотоводства и даже на уменьшении сбора сена. Так вся площадь лугов в 1901—1905 год составляла 3342 т. д., а в 1913 г. она снизилась до 3063 т. десятин, т. е. на 8 проц.

По губерниям этот процесс идет не одинаково и наибольший процент снижения замечается в наиболее культурных губерниях.

Вот погубернские данные:

	1901—5 г.	1905—10 г.	1911 г.	1913 г.
Виленская	100	94,7	85,3	78,1
Витебская	100	98,5	94,5	94,4
Гродненская	100	99,3	88,3	85,7
Минская	100	98,4	96,6	97,7
Могилевская	100	99,3	100,7	102,9
Смоленская	100	95,1	86,7	87,1
Итого	100	96,6	92,3	88,3

Снижение площадей идет постепенно и повсеместно, кроме Могилевской г. Но ввиду вышеуказанных явлений, это означает интенсификацию хозяйства, улучшение лугов и рост кормовых трав.

Что касается лесной площади, то сопоставление данных о количестве лесов в 1913 году с размерами лесных площадей 1887 г. дает повсеместно довольно значительный % уменьшения лесной площади. Эти сравнительные данные выражаются в следующих цифрах:

	Площ. лесов в 1887 г.	Площ. лесов в 1913 г.	Увел. (+) или уменьш (—) пл. лес. в 1913 г. в сравн. с 1887 г.
	В тысячах десятин.		
Виленская	990	969	— 21
Витебская	1218	1085	—133
Гродненская	776	803	+ 27
Минская	3102	3258	+156
Могилевская	1553	1049	—504
Смоленская	1863	1248	—615
	9502	8412	—1090

Таким образом, при общем снижении площади лесов во всех губерниях, в 2-х губ. именно в Гродненской и Минской замечается некоторое увеличение.

Несмотря на усиленное истребление лесов, которое в большей мере влияло на их качество, нежели на размер лесной площади, Белоруссия все же еще оставалась лесной страной по преимуществу, особенно сравнительно с другими районами России.

Что касается роста пахотной земли в последнее 25-летие, то ввиду усложнения форм хозяйства и в виду отсутствия прямых цифр для сопоставления, мы в данном случае его рассматривать не будем. Этот вопрос выяснится, когда мы перейдем к изучению посевной площади.

XII. Посевная площадь и урожай.

Крепостное хозяйство отличалось напряжением посевной площади, экстенсивностью земледелия, при котором размеры пахотной земли были весьма велики, т. к трехполье перемежалось с залежью. Послекрепостная эпоха отличается прежде всего сжатием посевной площади и более интенсивной эксплоатацией пахотной земли. Посевная площадь однако не остается одинаковой по своим размерам. Она то увеличивается, то уменьшается в зависимости от рыночных условий. Ее медленное увеличение замечается уже в начале 80-х годов. Конец 19 го столетия дает максимальное развитие посевной площади, после чего опять начинается уменьшение ее размеров.

Вообще движение посевной площади, как в общей ее массе, так и в отдельных культурах, зависит и от потребностей нарастающих поколений и от рынка. Наше хозяйство не отступает от этого принципа.

Для того, чтобы обосновать сказанное, мы приведем, примерно, за 15 лет, средние цены на главнейший местный хлеб—на рожь, причем за 90-е годы мы берем общие средние цены, а за 900-е средние весенние и осенние, чтобы показать размеры колебаний в оба периода.

Получаем следующий ряд цифр (в копейках за пуд.):

1895	53 коп.	1907 . . .	114—130 коп.
1896	52 коп.	1908 . . .	103—127 коп.
1897	66 коп.	1909 . . .	92—104 коп.
1898	68½ коп.	1910 . . .	72—82 коп.
1899	66 коп.	1911 . . .	78—92 коп.
1901—5 . . .	68 коп.—73 к.		

Эта табличка наглядно показывает, как быстро подымались цены и в последние годы началось некоторое снижение их. Соответственно этому строилась и посевная площадь. Или вот еще пример. Цена на картофель в 1896 г. была 14½ копеек за пуд, средняя цена ее за 1901—5 г. была 21 коп. за пуд, а в 1911 г. платили 27 копеек. После некоторого под'ема в 1907 г. тоже 24½ коп. Цена за льняное волокно с 359 копеек в первые годы 20 века поднялась на рубль и более в течение 10 лет, и т. д.

Только что приведенные справки облегчают нам понимание движения посевной площади. Мы уже говорили, рассматривая вопрос о развитии площади пахотной земли, что, после значительного снижения, к концу 80-х годов заметно стремление к развитию размеров запашки. Это стремление развивается весьма значительно к концу столетия, затем заметно колебание и некоторое снижение. Так как это явление

свойственно всем белорусским губ., то мы приведем за ряд годов общие подсчеты посевной площади с показанием тут же происшедших изменений в относительных числах:

	Общее количество посевной площ. в тыс. дес.	% отношение ее к 1881 г. принятому за 100
1881 г.	4911	100
1887 г.	5084	103,5
1893 г.	5490	111,7
1899 г.	6183	125,9
Ср. 1901—5	6120	124,6
Ср. 1906—10	5815	118,4
1910 г.	5911	120,3
1913 г.	5924	120,6

Конечно, темп под'ема каждой губернии был неодинаков, наиболее резко сказывался он в Смоленской г., наименее значительным был в Гродненской г., частью в Минской. Для интересующихся развитием тех же соотношений в губерниях, приведем справку в относительных величинах.

% отношение общей пл. посев. к 1881 г., принятому за 100.

	1899 г.	1913 г.	1916 г.
Виленская	120,9	119,6	—
Витебская	133,9	128,6	142,0
Гродненская	107,3	118,0	—
Минская	116,6	105,1	111,3
Могилевская	137,0	137,2	144,2
Смоленская	117,1	110,8	132,7
Итого	125,9	120,6	

Очень любопытное явление представляет собою 1916 год. Как только подскочили цены военного времени, сразу нашлись запасы неиспользованной еще площади, годной под пахоть, нашлись и рабочие руки, несмотря на то, что от деревни был оторван в значительной мере ее рабочий элемент.

Приспособление к условиям потребительного крестьянского хозяйства и к условиям рынка сказывалось и на выборе хлебов, которые культивировались. Основным хлебом является рожь, которая в общем занимает половину площади посевов. Озимая и яровая пшеница не имеют большого значения в хозяйстве и площадь под ними сравнительно ничтожна. Вторым после ржи злаком является овес, примерно в половину занимающий площадь сравнительно с рожью, ячмень занимает 4-ю—5-ю часть ржаной площади. Затем довольно видную роль играет гречиха, площадь под просом незначительна.

О посевах картофеля ки волонистых мы пока не говорим. В общем получается за период—1881—1913 годы такое распределение посевной площади под зерновыми хлебами в % % ко всей площади:

	Рожь озим.	Рожь яров.	Пшен. озим.	Пшен. яров.	Овес	Ячмень	Просо	Гречиха
1881	47,4	1,2	1,0	1,8	21,5	8,7	—	—
1899	44,8	0,6	1,1	0,6	21,1	7,7	0,4	2,8
1913	49,3[1])	0,6	—	0,6	22,0	8,7	0,4	0,3

Преобладание посевов ржи указывает на то, что потребительские цели в хозяйстве стоят на первом плане.

Но все же, если изучать отдельно движение озимого и ярового клина, то получается общее впечатление такое, которое говорит о преимущественном росте ярового клина. Это значит, что в хозяйстве наблюдается некоторая перегруппировка. При типичном трехпольи мы ожидали бы, что клинья озимый и яровой будут одинаковы. Но, очевидно, картофельная культура, уже в начале 80-х годов побуждала к нарушению чистого трехполья и с течением времени расхождение обоих клиньев делается все более и более значительным.

Это можно видеть на таком сопоставлении. Если взять 1881 г. за 100, то погубернский рост озимого и ярового клиньев в 1899, в 1913 и в 1916 годах выразится в таких соотношениях:

% к 1881 году принятому за 100.

	1899		1913		1916	
	Озимых	Яровых	Озимых	Яровых	Озимых	Яровых
Виленская	123,2	118,8	118,9	120,1	—	—
Витебская	127,4	139,8	137,3	139,2	136,7	158,1
Гродненская	106,3	108,4	107,8	119,1	—	—
Минская	115,3	117,8	79,0	128,6	142,9	154,1
Могилевская	133,7	140,0	138,4	141,0	141,7	155,4
Смоленская	114,7	119,3	122,7	128,4	137,0	152,2

Повсеместно идет наростание ярового клина, разница только в темпе его.

Мало того, необходимо отметить существенную особенность ярового клина.

В нем начинают получать большое значение трудоемкие культуры, особенно картофель. Рост этих культур также должен был разрушать старое трехполье, делать его ненужным, он же, несомненно, вызывал потребность в развитии травопольного хозяйства, что связывалось ростом скотоводства и с развитием удобрения полей.

1) Вместе с озимой пшеницей.

Уже из предыдущего можно было заметить, что посевная площадь, выросши в 90-х годах, сравнительно с 80-ми, в дальнейшем лишь незначительно расширялась, даже сокращаясь в отдельные годы. Очевидно, возможность дальнейшей экспансии уже встречала затруднения, а с другой стороны, успехи техники повышали урожай. За последний период почти в 20 лет посевная площадь выросла, примерно, на 10 проц. и то в самые последние годы. Однако перемещения в пределах самой площади были довольно значительны. Вот данные за 1896—1914 годы, характеризующие колебания площади отдельных культур. 1896 г. принят за 100, затем дается в последующие годы в проц. изменение площади под различными злаками, по сравнению с первым годом.

КУЛЬТУРЫ	1896 г.	1901 г.	1906 г.	1911 г.	1913 г.	1914 г.
Рожь . . .	100	104	101	101,4	108,6	108
Овес . . .	100	103	96,7	96,7	101,6	101,4
Ячмень . . .	100	97	93	99,7	107	108
Гречиха . . .	100	92	80	70,6	67,5	64,5
Картофель . . .	100	119	130	149	163	163,3
Лен . . .	100	108	119	121,6	144	134
Всего . . .	100	104	101	103	110,4	109,6

Было бы очень сложно приводить данные по отдельным губерниям, но изучение соответствующих цифр создает такое впечатление. Под‘емы и снижения размеров площади под рожью в одинаковой мере в общем свойственны всем губерниям. Площадь под овсом и ячменем дает более или менее резкие колебания под‘ема и снижения. Гречиха в Витебской г. почти не имеет значения. Наиболее резкое падение ее сказывается в Виленской и Гродненской г. г. О картофеле и льне нам еще придется говорить.

Итак общее впечатление, которое можно вынести относительно роста посевной площади, сводится к тому, что размеры посевной площади под зерновыми хлебами подвергались значительному колебанию, снижению и под‘ему. Это об‘ясняется не только преобладающим потребительным характером земледелия, конкуренцией картофеля и волокнистых, но и тем, что общая масса собираемого хлеба в общем росла довольно устойчиво и давала таким образом увеличение хлебного продукта. Это значит, что улучшающаяся техника земледелия давала, частью на той же, частью на мало разнящейся площади посева, увеличенный сбор.

Эта тенденция нашего хозяйства должна отражаться и на урожайности.

Правда, нелегко об'единить различные статистические приемы собирания сведений об урожаях, так как на протяжении полустолетия методы собирания сведений менялись. Сначала сведения собирались по принципу количества сбора сравнительно с посевом („сам столько-то"), затем собирались сведения о количестве четвертей с десятины и в последнее десятилетие уже о количестве пудов с десятины. Чтобы несколько идентифицировать эти разнообразные сведения, ниже мы делаем попытку выражения урожайности в пудах с десятины, принимая во внимание за соответственные годы обычную густоту сева и вес четверти. Конечно, полученные таким образом подсчеты дают только приблизительное представление, но все же они оставляют в общем то же впечатление, которое выносит наблюдатель при изучении разрознения статистического материала.

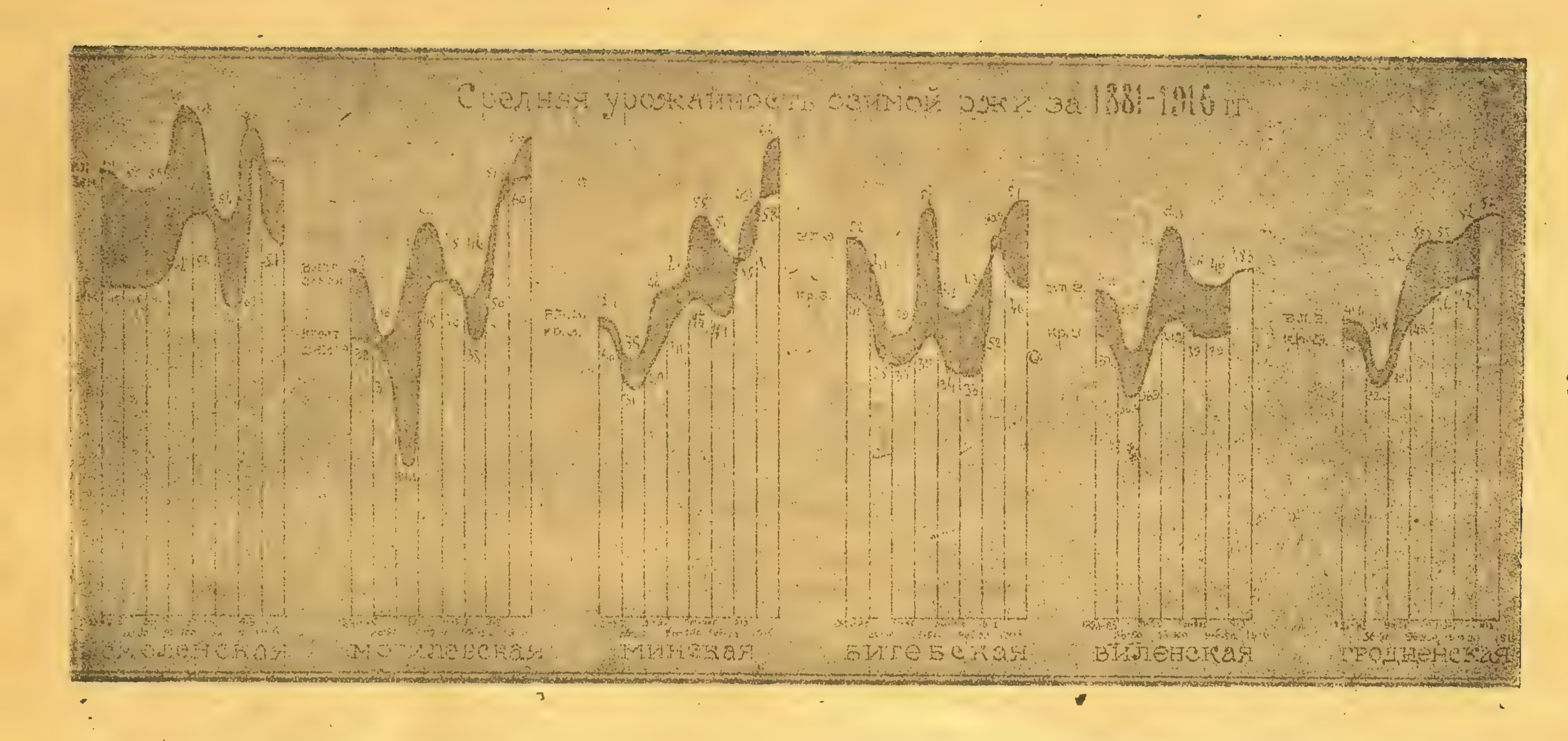
Наши наблюдения прежде всего касаются только истории урожайности ржи, основного белорусского хлеба. Оказывается, что в первые десятилетия после освобождения крестьян урожайность не превосходит докрепостного периода, или, по крайней мере, дает весьма незначительное повышение. Вот относящиеся сюда данные:

Урожай с десятины в пудах:

	1857 г.	Ср. 1857—66	Ср. 1870—1882
Витебская	29	32	37
Минская	33	28	33
Могилевская	32	27	33
Смоленская	32	30	30

Если за основу считать среднюю урожайность 1857—66 г., то семидесятые годы дают повышение сбора с десятины; но данные 1857 г. указывают, что это повышение не является результатом улучшения хозяйства.

В данном случае мы берем общие данные об урожае на владельческих и на крестьянских землях, отчасти по недостатку данных для отделения тех и других, отчасти в предположении, что большой разницы в то время не наблюдалось. Иное дело последующие годы. Тут мы наблюдаем значительное различие урожайности на тех и других землях. Урожай на владельческих землях, как общее правило, значительно обгоняет урожай на крестьянских землях. Последний только в XX веке в общем дает устойчивое повышение. Правда, не все губернии в этом отношении дают одинаковые результаты. Смоленская г. выделяется повышением урожайности, как на владельческих, так и на крестьянских землях. Слабее других Витебская, хозяйство которой дает явное улучшение в последние годы. Середину между обоими названными губ. составляют Минская и Могилевская. Мы представляем результаты наших наблюдений в прилагаемой диаграмме. (См. стр. 107).

Средняя урожайность озимой ржи за 1881-1916 гг.
Могилевская
Минская
Витебская
Виленская
Гродненская

Все это показывает. что наше хозяйство быстрым темпом уходит от скудных урожаев 70-х годов. Различие между урожайностью на владельческих землях и на крестьянских еще остается, но крестьянство в общем стремится догнать владельческое. Хозяйство на надельных землях проявляет большую интенсивность, нежели хозяйство на владельческих. Мы сейчас приведем чрезвычайно показательную таблицу. Если принять среднюю урожайность за 1883—1900 г.г. с одной казенной десятины за 100, то средняя урожайность 1911—1915 г. г. на владельческих и на крестьян. над. землях выразится в таких цифрах:

	Рожь оз.	Пшеница оз.	Ячмень	Овес	Гречиха	Бобы
Виленская влад.	126	120	120	129	107	104
крест.	138	119	156	129	119	106
Витебская влад.	126	118	115	106	113	96
крест.	134	118	113	115	74	94
Гродненская влад.	148	139	151	168	145	133
крест.	154	145	153	170	179	163
Минская влад.	154	145	142	140	140	107
крест.	158	133	134	133	155	131
Могилевская влад.	139	150	142	122	144	111
крест.	150	143	136	117	142	112
Смоленская влад.	131	115	126	112	109	94
крест.	135	—	130	115	139	111

Во всех губерниях урожайность ржи на крестьянских землях развивается интенсивнее, нежели на владельческих. Этого нельзя сказать относительно такого дорогого хлеба, как пшеница. Только в Гродненской г. крестьянские надельные земли превзошли ростом урожайности частновл. В Виленской и в Витебской г. г. интенсивность роста урожайности пшеницы на обеих категориях земель можно считать идентичной. В Минской и Могилевской рост урожайности на крестьянских землях уступает росту ее на владельческих. В Смоленской г. пшеница на крестьянских землях отсутствует. Рожь—наиболее нужный хлеб для полунатурального крестьянского хозяйства. Менее важную роль играет ячмень. В Виленской, Смоленской, частью в Гродненской, рост его урожайности на крестьянских землях идет интенсивнее, чем на помещичьих; в Минской и Гродненской надельные земли значительно уступили помещичьим; в Витебской—разница невелика. По урожайности овса надельные земли везде отстали от помещичьих, за исключением Гродненской г., напротив, гречиха, которая в некоторых губерниях является преимущественно крестьянским хлебом, весьма интенсивно росла на крестьянских землях, превзойдя помещичьи в Виленской, Гродненской, Минской и в Смоленской г. г.

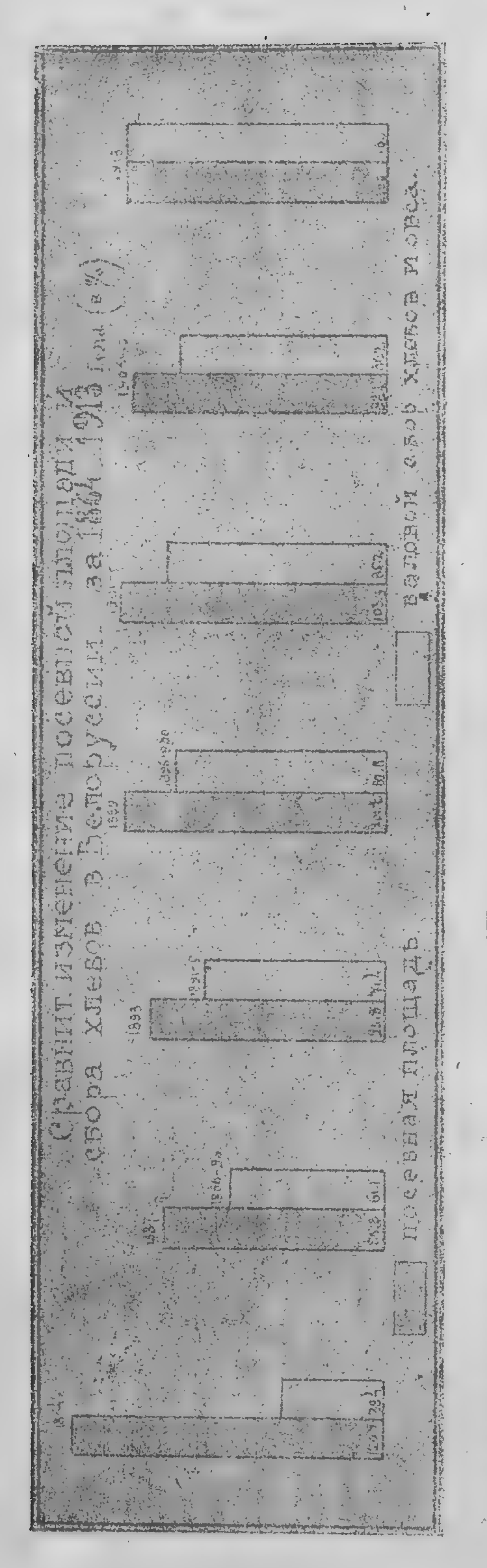
Бобовые в разных губерниях проявили далеко не одинаково интенсивность роста урожайности. Вместе с тем эта табличка говорит нам и об абсолютном росте урожайности. Во всех губерниях на первом месте стоит рожь. 3 из наших губерний проявляют наибольшую степень интенсивности роста урожайности: Гродненская с ее относительно издавна налаженным хозяйством, затем Минская и Могилевская сравнительно более отсталые.

Чтоб исчерпать вопрос, мы представим еще одну, тоже по нашему мнению, очень важную, комбинацию цифр. Крестьянские надельные и владельческие земли дают разницу урожайности. Но интересно проследить, сжимается эта разница или растет. Ответом будут служить следующие цифры. Они составлены так: взято 2 периода средних— 1883—1900 г.г. и 1911—1915 г.г. В том и другом случае средняя урожайность одной казенной десятины на крестьянских надельных землях принята за 100. В %% к крестьянским показана урожайность на владельческих землях, сравнительно с урожайностью на крестьянских, за 1883—1900 г.г. (I) и за 1911—1915 (II):

		Рожь оз.	Пшен. оз.	Ячмень	Овес.	Гречиха.	Бобы.
Виленская	I	128	124,8	140,8	115,9	110,3	121,3
»	II	117	126	108,5	116,2	100	118,4
Витебская	I	124,8	120	116,3	125	111,7	120,5
»	II	117,3	120,7	118,6	115,5	270,5	124,3
Гродненская	I	118,9	116,9	110,1	113,3	111,5	137,3
»	II	114,0	112,5	108,4	111,7	90,3	112,2
Минская	I	125,0	115,9	106,7	107,8	107,0	106,2
»	II	121,8	126,6	112,9	113,2	97,1	86,2
Могилевская	I	119	119,4	112,3	107,9	106,6	117,8
»	II	110,7	125,0	116,9	113,2	108,8	116,3
Смоленская	I	128,7	119,0	124,0	119,7	119,7	131,2
»	II	125,4	—	120	116,3	94,4	116,6

Это вопрос настолько важный, что мы полагаем полезным закрепить его приложением нижеследующей диаграммы и некоторых цифровых справок.

В 60-х годах (средн. 1864—1866) посевная площадь отличалась необыкновенной экспансией, доходя до 7283 тыс. дес. для всех губерний, но она давала только 105,7 мил. продовольственных хлебов и овса. Это значит, что площадь 60-х годов на 20% была выше площади 1913 г. и давала только 38% сбора того же года. Но с сокращением площади сбор увеличивается: 5 мил. дес. посевной площади 1887 г. давали 152 мил. пуд. сбора всех хлебов; 5,5 мил, дес. площади 1893 г. давали уже 178 мил. пуд.; 6 мил. площади 1899 г. дали 206,8 мил. пуд. Это значит, что площадь в 1899 г., сравнительно с 1893 г.

выросла на 1/11, а сбор вырос на четыре десятых. В половине девятисотых годов посевная площадь даже несколько снижается, дойдя в 1906-10 годах в среднем до 5,8 мил. в год, а сбор все же держится, примерно, на том же уровне, давая 200 мил. пуд. Площадь 1913 г. считалась в 5,9 мил. пуд., т. е. она очень незначительно выросла, сравнительно с предшествующим периодом, но она дала сбор в 250 мил. пуд. Если принять валовой сбор продовольственных хлебов и овса на 1000 дес. за 100, то соотношения последующих периодов дадут такой под'ем:

1863 г.	100
Ср. 1886—90 г.	220,0
Ср. 1891—5 г.	244,3
Ср. 1896—99 г.	255,7
Ср. 1901—5 г.	258,8
Ср. 1906—10 г.	260,3
1913 г.	328,1

Вот рельефный показатель постепенных успехов в производстве хлебного продукта.

На прилагаемой диаграмме читатель находит сопоставление площади посевов продовольственных и кормовых хлебов и сбора их за период 1864—1913 г. Она показывает, как мало получал белорусс с громадных посевных площадей и как относительно много он стал получать с сокращаемой им площади.

Мы еще подкрепим общие выводы такими относительными сопоставлениями. Мы примем 1913 г. за 100 и тогда получим для 1864-66 г.г. такие соотношения посевной площади и сбора хлебов:

	Вил.	Вит.	Грод.	Мин.	Мог.	Смол.
% посевной площади	108,5	137,6	108,1	115,4	130,0	140,1
% сбор хлебов	34,1	36,6	25,9	36,9	39,0	83,7

Но когда мы говорим о значительных успехах нашего земледелия, то, конечно, это надо понимать с большой осторожностью. Наша посевная площадь далеко еще не дает того эффекта, который она может и должна давать. Белорусский земледелец еще должен упорно работать над тем, чтобы довести урожайность до тех норм, до которых дошла хотя бы Германия, особенно Пруссия с ее бедными почвами.

Но изучая прошлое, мы прежде всего должны фиксировать наше внимание на том, насколько земледельческое население справлялось с задачей обеспечения нарастающих поколений хлебными продуктами. Мы впоследствии увидим, что Белоруссия всегда была страной, хлебная продукция которой не вполне покрывала потребность в хлебе. Но сейчас нас интересует вопрос о другом соотношении—вопрос о том, в каком соотношении находились рост населения и рост сбора хлебов.

Для более точного учета мы берем основной хлеб Белоруссии—рожь. В то время как с 1881 года по 1913 год, например, в Гродненской г. посевная площадь под рожью увеличилась только на 7,7 проц., сбор ржи вырос на 136 проц. Это наиболее эффектный пример. Но и в других губерниях мы наблюдаем неуклонное превалирование роста сбора ржи над ростом посевной площади. В Минской и Виленской г. за тот же период посевная площадь увеличилась на 14—16 проц., а сбор ржи на 132—138 проц. В Витебской и Могилевской посевная площадь увеличилась на 36—38 проц., а сбор на 85—157 проц. Таким образом даже в постоянно отстающей Витебской г. все же наблюдается большой сдвиг в области сбора основного хлеба. Рост площади прежде всего определяется ростом населения, конечно, в тех странах, где достаточен земельный простор. Однако, если в начале 90-х годов рост посевной площади, хотя и отставал, но был во многих губерниях довольно близок к росту населения; то в 10-х годах 20 века наблюдается полный разрыв: рост населения превзошел рост посевной площади. Но это обстоятельство не могло отражаться на недоборе хлебов прежде всего потому, что сбор ржи в значительной мере превзошел рост населения. И опять та же картина: в 90-х годах в общем рост сбора ржи, хотя и превосходит рост населения, но, например, в Витебской г. население догоняет рост сбора ржи. В других все же расстояние довольно значительное в пользу превосходства роста сбора ржи. В 10-х годах 20 века это расстояние в значительной мере увеличивается. Напротив, если обратиться назад к началу периода, к эпохе начала 60 х годов, то соотношение сбора ржи почти сопадает с ростом населения и только в Витебской г. население в сильной мере обогнало рост ржи. Все это дает нам прекрасную наглядную картину успехов в области культуры основного хлеба, картину того, как население справлялось с

трудностями добывания основного хлеба для прокорма себя и нарастающих поколений. Некоторая часть хлеба для многопосевных должна была принимать рыночный характер. Это предположение основывается как на превосходстве роста сбора ржи над ростом населения, так и на росте стоимости ржи. За 30 лет (1883—1913) цены на рожь увеличились постепенно в 2—3 раза. Под'ем цен не мог не привлекать производителя и не заинтересовывать его тем, чтобы произвести продукта более, нежели это необходимо для целей питания.

В заключение мы приводим таблицу, характеризующую почти за весь изучаемый период все указанные выше соотношения роста посевной площади, населения, сбора ржи и цен.

Соотношение роста посевной площади ржи, роста населения, сбора ржи (за вычетом посева), стоимости собранной ржи, за 1863—1913 годы.

Губернии	Рост посевной площад. ржи			Рост населения				Рост сбора ржи				Рост стоимости ржи			
	1883	1893	1913	1863	1883	1893	1913	1863	1883	1893	1913	1863	1883	1893	1913
Виленская	100	117,3	116,3	71	100	116,3	163,9	66,6	100	221,5	232,2	49,8	100	148	215
Витебская	100	119,6	136,5	66	100	130	162,3	44,2	100	129	185	39,6	100	112	221
Гродненская	100	107,9	107,7	71	100	116,3	160,8	72,9	100	193	236	43,7	100	109	213
Минская	100	106,4	114,6	64	100	124	192	66,5	100	172	248	46,6	100	119	266
Могилевская	100	113	138,6	77	100	122,3	196	64,8	100	152	257	52,4	100	123	313
Смоленская	100	97,4	121,4	88	100	112,3	181	90,8	100	133	211,5	68	100	115	250

Теперь перейдем к корнеплодам и техническим растениям.

Прежде всего необходимо заметить, что Белоруссия утеряла ранее и теряет в последнее время два вида культуры. В 60-х годах тогдашнее помещичье хозяйство тщетно пыталось привить посевы сахарной свекловицы. Это остатки крепостной эпохи. Свекловичные плантации отмечались еще в 70-х годах, но затем исчезли. С точки зрения хозяйственной трудно сказать, насколько эта культура могла бы привиться у нас. Во всяком случае опыты прививки ее были, очевидно, неудачными. В свое время на страницах „Teki Wilenskiej“ велись горячие дебаты о рентабельности у нас свекловицы.

Такой же исход, повидимому, имеет культура табака. Еще в конце 90-х годов в губерниях Виленской, Минской, Гродненской и Смоленской насчитывалось до 50 тысяч табачных плантаций, занимавших, правда, всего до 135 десятин.

В Виленской, Минской и Гродненской губерниях плантации давали с десятины 100 и более пудов, в Смоленской они давали вдвое меньше. Повидимому, эта культура прививалась в 90-х годах довольно удачно, охватывая, как мы видели, довольно большое количество хозяйств. Но затем она стала клониться к упадку. В Минской губернии количество плантаций с 1897 года по 1903 г. пало с 17 до 7 тысяч и после этого года посевы табаку в этой губернии совершенно исчезают. В других губерниях эта культура явно падала в период до начала войны. В Виленской г. с 30 тысяч плантаций в 1897 г. она пала до 7,6 в 1911 г., количество десятин снизилось более, чем втрое, а между тем эта культура здесь получила наибольшее развитие. Интересно, что даже производительность плантаций постепенно падала, давая все уменьшающийся урожай на десятину. В Гродненской г. эта культура была развита слабее, нежели в 2-х предыдущих. Здесь она додержалась до 1914 г., когда статистика зарегистрировала всего 12 плантаций вместо 4 тысяч в 1897 г. В Смоленской г. культура табака всегда была слаба по урожайности, ничтожна по количеству плантаций, хотя еще в 1914 г. здесь отмечено 12 плантаций.

Трудно сказать, в силу каких причин культура табака не удержалась в Белоруссии. Судя по средним размерам плантаций, это была культура весьма мелких, очевидно крестьянских хозяйств.

Культура льна и конопли—старая белорусская культура. Авторы Военно-Статистического Сборника отмечают, что культура льна наиболее распространена в Инфлянтских уездах Витебской г. и весьма незначительна в Витебском и Городокском уездах. В Виленской г. промышленное льноводство в 60 х годах отмечается в Виленском, Свенцянском у. и в местах пограничных с Ковенской г. В Минской г. разведение льна считалось развитым в северо-восточной части—в уездах: Борисовском, Слуцком, в восточной половине Минского и отчасти в Игуменском и Бобруйском за рекой Березиной. В Могилевской г. льноводными уездами считались Сенненский и Могилевский. Только в северной части Смоленской губернии льноводство начало получать заметное распространение в 60-х годах.

Статистические данные о культуре льна подвергались более или менее точному учету только с 90-х годов. Эти данные рисуют нам не только относительно значительное распространение льняной культуры

в Белоруссии, но и быстрый рост ее в отдельных губерниях. Если взять 1896 г. за 100, то по пятилетиям рост посевной площади под льном давал такое увеличение: в 1901 г.—108, в 1906 г.—119, в 1911 г.—121,6, в 1914 г.—134. Таким образом посевная площадь увеличилась на 34 проц., причем наибольший темп увеличения относится к последнему десятилетию.

Однако в отдельных губерниях посевы льна и рост посевной площади увеличились не в одинаковом размере. Наиболее льноводным районом являлась и является Смоленская губ. Витебская г., в 90-х годах не отстававшая от Смоленской, с течением времени снизила размеры своей посевной площади; напротив, Могилевская и Виленская г.г. в значительной мере развили. Все это указывает на то, что в самой Белоруссии льноводные районы распределялись пятнами, преобладая все же востоке. Для сопоставления размеров льняной посевной площади мы даем табличку, в которой в тыс. дес. представляем эволюцию посевной площади под льном:

	1901	1903	1905	1907	1909	1911	1913	1914
Виленская . . .	23,9	22,7	20,2	19,9	17,7	18,4	20,9	18,8
Витебская . . .	53,2	48,0	48,3	54,2	46,0	46 6	52,2	48,3
Гродненская . . .	9,7	10,2	8,9	9,4	9,2	9,2	11,7	9,4
Минская . . .	21,4	24,0	23,3	22,1	21,9	21,3	22,3	20,4
Могилевская . .	23,1	25,0	27,0	28,9	28,4	30,6	34,8	32,5
Смоленская . . .	75,8	79,9	95,3	106,8	96,5	106,9	134,5	127,5
Итого . .	191,5	209,8	223,0	241,3	219,7	233,0	276,4	256,8
В % % . . .	100	109,5	116,4	126,0	114,9	121,5	144,3	134,0

Однако эти абсолютные цифры далеко еще не все говорят. Не мало интереса представляет соотношение посевной площади под льном ко всей посевной площади. И эти данные тоже говорят нам о значительном росте льноводства только в Смоленской губ. В остальных губерниях посевы льна не подвергались значительным изменениям и только в общей структуре хозяйства Витебская губ. дала понижение посевной площади под льном:

% отношение посевов льна к общей посевной площади под хлебами, техническими растениями и картофелем:

	1896	1901	1906	1911	1913	1914
Виленская . . .	1,2	2,4	2,3	2,0	2,1	1,
Витебская . . .	7,6	6,7	6,4	5,7	5,6	5,7
Гродненская . . .	1,3	1,2	1,4	1,1	1,4	1,1
Минская . . .	1,9	1,8	2,0	1,8	1,8	1,6
Могилевская . . .	2,6	2,4	2,7	3,2	3,5	3,3
Смоленская . . .	7,2	8,2	10,7	11,8	13,4	13,0
Всего . .	3,5	3,7	4,1	4,2	4,6	4,3

Изучение роста посевной площади показывает, что она не одинаково росла в отдельных губерниях и, сверх того, линии роста в пределах каждой губ. давали то под'ем, то понижение площади. Это наблюдение должно указывать на то, что размеры посевной площади в той или другой мере приспособлялись к требованиям рынка. Напротив, в Гродненской губернии особенно сильных сдвигов площади не наблюдается, что об'ясняется тем, что здесь льняная культура не имела рыночного значения.

Отчасти по условиям рынка, отчасти вследствие колебания урожайности, сборы льна в волокне и семени также не отличались устойчивостью, давая то резкое падение, то не менее резкий под'ем. Это доказывается нижеследующей табличкой, которая дает за ряд годов валовой сбор волокна по губерниям (в т.т. п.п.) в абсолютных и относительных цифрах по всей Белоруссии:

	1901	1903	1905	1907	1909	1911	1913	1914
Виленская . . .	449	460	441	525	453	451	786	636
Витебская . . .	710	801	874	1 550	1.200	1.025	1.305	845
Гродненская . .	219	235	229	439	291	248	488	711
Минская . . .	514	536	667	1.261	752	717	1.042	603
Могилевская. . .	484	505	654	1.031	830	652	1.091	809
Смоленская . . .	1.807	1.813	2.839	5 568	2.291	2.602	4.410	3.333
Итого . . .	4.183	4.350	5.698	10.374	5.817	5.698	9.122	6.961
В % . . .	100	104	136,2	248,2	141,5	136,2	918,3	166,4

Сопоставление роста сбора волокна с ростом посевной площади говорит о том, что все же последняя отставала от сбора, иными словами, наблюдается в общем устойчивый рост урожайности волокна.

Теперь в таком же порядке и за те же годы представим данные о росте сборов льняного семени:

	1901	1903	1905	1907	1909	1911	1913	1914
Виленская . . .	459	468	486	501	483	503	657	415
Витебская . . .	586	563	651	877	871	854	933	714
Гродненская . . .	279	281	342	353	374	345	499	433
Минская . . .	610	636	724	795	792	830	927	682
Могилевская . . .	591	667	820	842	965	945	959	849
Смоленская . . .	1.478	1 982	2.634	2.263	2.265	2.866	3.219	1.675
Итого . .	4.003	4.597	5.657	5.631	5.760	6.345	7.194	4.768
В % . . .	100	114,9	141,4	140,8	144,0	158,6	179,7	134

И в данном случае мы наблюдаем знакомое нам явление: рост сбора в общем обгоняет рост посевной площади.

Мы уже знаем, что независимо от колебания посевной площади, мы должны предполагать рост среднего сбора с десятины. Так оно было в действительности. Однако если взять средний сбор с десятины с надельных и частновладельческих земель, то картина роста урожайности будет далеко не рельефна. Вот данные о сборе волокна и семени с десятины на всех землях в пудах (цифры Совр. сост. льноводства):

	Ср. 1900—1904		1905—1909		1910		1913	
	Вол.	Сем.	Вол.	Сем.	Вол.	Сем.	Вол.	Сем.
Виленская . . .	17,6	21,8	20,8	26,8	22	31	37,5	31,4
Витебская . . .	16,2	13,0	21,4	16,6	20	18	25,0	17,9
Гродненская . .	24,0	30,2	26,0	37,6	28	35	41,5	42,6
Минская . . .	22,4	29,4	29,7	35,4	29	34	46,7	41,5
Могилевская . .	21,4	31,0	27,0	30,8	22	28	31,3	27,5
Смоленская . . .	23,4	24,4	29,6	24,6	19	22	32,8	23,9

Цифры этой таблички дают показание роста урожая с десятины и уже дают некоторое понятие о его неровности.

Однако действительный рост урожайности льна и размеры его колебаний могут быть поняты только тогда, когда мы возьмем отдельно урожайность на надельных и на частных землях. Для нас это интересно еще и потому, что льняная культура на крестьянских надельных землях, как общее правило, давала большую урожайность, нежели на частных землях. Лен можно считать почти исключительно крестьянской культурой, или вообще культурой трудовых хозяйств. На частновладельческих землях он почти не возделывается и посевы на этих землях—аренда крестьянских и др. трудовых хозяйств. На своих землях крестьяне более тщательно подготовляли участки под лен, тогда как арендуемые ими облоги и другие второсортные земли давали меньший урожай. Этим и об'ясняется более высокая урожайность на крестьянских и надельных землях, в отдельные годы достигающая 50—60 пудов волокна с десятины, т. е. урожаев бельгийских и французских. Мы считаем поэтому необходимым привести данные об урожайности льна на тех и других землях, за более или менее длинный и потому показательный период:

Годы	Виленская		Витебская		Гродненская		Минская		Могилевская		Смоленская	
	Крест. надел. земли.	Частно-влад.	Крест. надел. земли.	Частно-влад.	Крест. надел. земли.	Частно-влад.	Крест. надел земли.	Частно-влад.	Крест. надел. земли.	Частно-влад.	Крест. надел. земли.	Частно-влад.
1896	18,8	18,4	15,7	18,0	20,3	27,2	20,3	16,6	18,0	21,0	18,8	21,0
1898	22,6	21,7	22,3	17,6	22,5	20,2	28,0	23,5	22,1	19,8	25,6	27,9
1900	21,7	16,6	16,7	15,8	20,4	22,5	25,1	20,9	19,4	18,5	15,8	20,5
1902	20,2	17,5	15,5	18,1	28,2	25,5	23,4	23,2	22,4	22,7	24,2	30,5
1904	19,9	14,2	16,5	18,1	26,3	42,3	25,1	21,7	25,7	21,4	24,7	27,2
1906	27,5	22,4	22,3	30,9	24,1	19,5	38,7	37,3	43,1	29,8	43,8	47,6
1908	33,5	46,7	25,0	19,2	46,0	29,6	57,3	47,5	47,3	41,4	57,0	61,8
1910	27,4	26,4	20,0	21,8	29,7	30,2	30,2	28,4	21,8	17,2	18,7	23,7
1912	25,9	32,0	24,2	28,8	46,1	45,0	40,3	26,4	33,5	38,3	34,7	33,0
1914	35,6	28,3	16,8	18,7	67,0	65,7	34,3	36,7	24,3	26,9	26,2	26,0

Хотя предыдущие данные довольно ясно свидетельствуют о росте урожайности льна волокна и семени, мы все-же считаем необходимым еще остановиться на этом вопросе и проанализировать рост урожайности льна-волокна на владельческих и на надельных землях за 2 периода, за 1883—1900 г.г. и за 1911—1915 г.г. Мы приведем, как абсолютные цифры для обоих периодов, так и относительные, причем в последнем случае период 1883—1900 г.г. будет принят за 100:

	Урожай с 1 дес. на влад. землях				Урожай с 1 дес. на крест. землях			
	в п. п.		в относ. чис.		в п. н.		в относ. чис.	
	1883—1900	1911—15	1883—1900	1911—15	1883—1900	1911—15	1883—1900	1911—15
Виленская	23	26	100	113	24	28	100	116
Витебская	24	21	100	87	24	18	100	75
Гродненская	30	42	100	140	31	43	100	139
Минская	27	34	100	126	29	36	100	124
Могилевская	30	31	100	103	30	29	100	96
Смоленская	27	28	100	104	23	24	100	104

Эти цифры указывают даже на падение урожайности в Витебской и Могилевской г.г., свидетельствующее, по сравнению с предыдущими данными, о значительной колеблемости здесь урожаев. В остальных губерниях заметен рост урожайности и в значительной мере параллелизм этого роста на крестьянских и на владельческих землях.

Для сопоставления можно принять урожайность льна на крестьянских землях за сто, тогда получим за два периода такое соотношение урожайности льна на владельческих и крестьянских землях. Мы берем периоды средней урожайности за 1883—1900 г.г. и за 1911—1915 г.г. Оказывается, что уже в первый период урожайность льна на владельческих землях отставала от урожайности на крестьянских (95,8) и во второй период это отставание еще более увеличилось. То же мы наблюдаем в Гродненской губ. (96,7 и 97,6 в оба периода), в Минской губ. (соответственно: 93,1 и 94,4) с тою разницей, что во втором периоде наблюдается несколько меньшее отставание урожайности на владельческих землях. В других губерниях в конечном итоге, во второй период, урожайность на владельческих землях несколько поднялась над крестьянскою, сравнительно с первым периодом: в Витебской г. со ста до 116,6, в Могилевской г. со ста до 106,9. В Смоленской г. в оба периода надельные земли давали урожайность выше урожайности владельч. (соответственно в оба периода: 117,4 и 116,6).

Вопрос о культуре льна мы закончим справкой, которая даст нам понятие о положении этой культуры в Белоруссии, сравнительно с другими районами б. России. Эта справка в общем оставляет выгодное впечатление по отношению к нашему району. Весь Белорусский район, по урожайности льняного семени и волокна, превосходил все другие

районы Европейской России. Для доказательства мы сошлемся на ст. Бляхера („На новых путях“ ч. I), где он берет средний урожай волокна и семени за 1905-14 г. г. и сравнивает между собою различные районы. Сравнение указывает на значительную интенсификацию льноводства у нас:

РАЙОНЫ	Семян п. с дес.	Волокна пуд с дес.
Белорусский . . .	26,0	32,0
Центр.-Пром. . . .	23,8	27,7
Северный	23,1	25,4
Приозерный . . .	17,5	22,1
Приуральский . . .	18,7	24,5

В отношении посевов конопли мы наблюдаем устойчивое падение ее посевной площади и в то же время падение сбора. Вообще значение ее в нашем хозяйстве невелико, и только в Могилевской и Смоленской г. г. посевная площадь ее переходила за 15 т. дес. В общем, с 57 т. дес.. в 1901-5 г. г. площадь под посевами этого растения снизилась до 47 т. в 1911 г., т.-е. иа 19,5 проц., а сбор волокна понизился с 1347,6 т. п. до 1223,9 т. п., т.-е. на 9,2 проц.. Правда, потеря на волокне не соответствует потере на посевной площади. Это значит, что все же заметно улучшение техники. Даже в общем средний сбор волокна с десятины дает устойчивое повышение. Несмотря на это, все же интерес к пеньковому волокну в Белоруссии заметно стал падать. Площадь посевов в 1913 г. снизилась до 43 тыс. дес. без Виленской г. Для полноты приведем погубернские данные о посеве конопли и сборах ее за последние 2 года.

ГУБЕРНИИ	Посевная площадь в десят.	Сбор в тыс. пуд		На 1 дес. в пуд.	
		Семени	Волокна	Семени	Волокна
	1913	1913	1913	1913	1913
Виленская . . .	—	—	—	—	—
Витебская . . .	1350	42	41	31,1	30,6
Гродненская . .	1630	56	50	34,4	30,6
Минская . . .	5083	156	176	30,8	34,6
Могилевская . .	14092	508	449	36,0	31,8
Смоленская . .	21042	994	671	47,2	31,4

Лен и пенька являются, несомненно, рыночными продуктами в крестьянском хозяйстве.

Теперь мы перейдем к культуре одного из корнеплодов, который в нашем хозяйстве имеет огромное значение. Мы говорим о картофеле. Уже в половине 60-х годов Белорусские губернии давали 4 мил. четвертей картофеля, что составляло 25 проц. общерусского сбора. В 1913 году эти губернии дали 309 мил. пудов, что составляет 22 проц. общерусского сбора. В 1913 году посевная площадь под картофелем составляет 23,4 проц. всей посевной площади Европейской России.

Картофель является такой культурой, в пользу которой развивается посевная площадь, частью за счет более слабого развития площади под зерновыми хлебами. В губ. Виленской, Гродненской и Могилевской культура занимает почти одинаковое место. В Минской она значительно более развита, а в Смоленской и Витебской она едва достигает двух третей той площади, которую она занимает в первых губерниях.

В общем площадь под посевами картофеля и сборы его могут быть представлены в следующих данных:

	1881 г.	1893 г.	1901—5 г.		1906—10 г.		1913 г.	
	Площ. в тыс. дес.	Площ. в тыс. десят.	Площ. в тыс. дес.	Сбор в мил. п.	Пл в т дес.	Сбор в мил. п. п.	Площ. в тыс. дес.	Сбор в мил. пуд.
Виленская	55,6	72,8	106	40,0	106	42,6	135,8	51,0
Витебская	31,2	62,8	63	20,6	65	24,9	81,7	25,6
Гродненская	68,7	75,5	99	37,5	105	43,4	127,4	57,2
Минская	85,3	110,8	152	65,0	174	77,6	200,2	94,9
Могилевская	34,7	72,3	104	47,9	113	50,2	131,3	57,0
Смоленская	26,5	55,8	56	25,7	64	26,7	76,8	29,7
	302,0	350,0	580	236,9	627	264,6	753	314,3

Таким образом, в Белорусском хозяйстве картофель занял видное место. Мы видим, что по каждой губернии посевная площадь картофеля выросла с 1881 года не менее чем в два раза, а в некоторых губерниях до 3-раз. Если принять 1881 год за 100, то рост посевной площади под картофелем выразится в том, что в 1893 году она увеличилась в $1^1/_2$ раза (149 проц.). В первые 10 лет XX века она держалась на уровне увеличения примерно в 2 раза (192 проц. для 1901-5 годов и 208 проц. для 1906-10 годов) и накануне войны поднялась в $2^1/_2$ раза (на 249 проц.).

Конечно, этот рост площади под картофелем не только указывает на то, что он занимает важное место в пище и кормах, но и то, что выработка картофеля шла на рынок. Рост посевной площади под картофелем, по отношению к общей посевной площади под хлебами,

техническими растениями и картофелем давал устойчивый рост. Так проц. площади под картофелем к общей площади посева выражался в следующих цифрах:

	1896 г.	1901 г.	1906 г.	1911 г.	1913 г.	1914 г.
Виленская .	8,7	10,3	11,1	12,6	13,9	13,1
Витебская .	7,1	7,4	7,7	8,8	8,8	9,3
Гродненская .	10,8	12,0	14,1	15,0	15,6	15,6
Минская . .	10,5	11,9	13,8	15,8	15,9	15,7
Могилевская .	8,3	10,3	11,4	12,7	13,4	13,6
Смоленская .	5,2	5,9	7,15	7,9	7,6	7.9
Средний проц.	8,5	9,75	11,0	12,3	12,6	12,7

Но важно подчеркнуть то обстоятельство, что на ряду с ростом посевной площади и, следовательно, на ряду с ростом удельного веса этой культуры мы наблюдаем и рост урожайности. Это наблюдение однако относится не ко всем губерниям. Витебская губ. давала весьма неровный урожай и в 900-х годах дает постепенное снижение его. Виленская губ. дает также весьма неровную кривую, без заметного повышения урожайности. При этом в обоих губерниях, вообще говоря, урожай невысок, т. к. держится около 400 пуд. на десятину, спускаясь ниже. Напротив, в Смоленской губ. урожай перешел за 400 д. и при значительных отклонениях стремится перейти 500 пуд. Наиболее устойчивый урожай наблюдается в Минской губ., которая вообще дает относительно высокий урожай. Гродненская губ. дает весьма интенсивную эволюцию урожайности и довольно ровный под'ем ее. Если принять 1896 г. за 100, то урожайность 1914 г. для Витебской г. выразится в 87,0 для Виленской—в 100,6, для Могилевской в 104,6, для Смоленской в 111,7, для Минской в 123,9 и для Гродненской в 132,2.

Т. к. этот вопрос для Белоруссии имеет огромное значение, то мы приведем таблицу погодного среднего урожая с десятины картофеля:

	Виленская	Витебская	Гродненская	Минская	Могилевская	Смоленская
1896	373,4	412,3	373,2	452,1	487,6	440,8
1897	426,5	441,7	358,7	428,5	597,8	486,9
1898	412,7	463,0	425,1	469,9	525,0	580,0
1899	375,5	303,6	237,7	366,5	404,5	436,7
1900	427,0	390,2	436,7	459,1	417,2	382,2
1901	364,5	346,1	339,3	450,3	488,3	490,3
1902	313,9	218,3	356,2	460,1	417,1	333,7
1903	345,2	339,2	325,8	347.4	416,2	477,3
1904	411,5	347,8	309,7	437,9	494,6	458,0
1905	437,1	405,0	503,4	439,2	478,6	522,0
1906	309,9	324,1	381,3	335,9	371,8	391,3
1907	415,1	400,6	390,8	463,9	466,2	357,4
1908	408,5	389,0	411,9	448,7	434,1	376,9
1909	450,0	394.1	434,1	502 5	482,1	341,5
1910	426,6	403,4	450,3	463,0	450,9	540,2
1911	354,2	38[illegible],7	397,2	491,6	486,1	473,6
1912	429,8	393,2	460,0	486,2	504,9	535,7
1913	375,5	313,0	448,7	474,1	434,0	386,5
1914	376,1	359,0	492,8	506,6	510,6	522,0

Эта табличка подтверждает то, что нами выше было сказано о характере развития картофельной культуры. Вообще Белоруссия в значительной мере превратилась в картофельный район. Достижения в деле

культуры картофеля сказываются не только в росте урожайности сравнительно с другими нечерноземными губерниями, но и качеством продукта. Все четверти картофеля, выращенного в Белоруссии (9,5 пуд.), в общем превосходит вес его в других районах, за исключением Польши и Кавказа.

Так как мы ведем речь о различных культурах, то мы закончим наш обзор вопросами луговодства. Соотношение между площадью посева и площадью сенокоса имеет огромное значение. Об этом мы уже говорили в свое время. Здесь нас интересует тот общий вопрос, который красною нитью проходит в предыдущем изложении, именно вопрот об интенсификации хозяйства. Последняя оказалась и на луговодстве. Замечательная черта хозяйства последнего периода заключается в некотором сжатии сенокосных угодий. Это, конечно, имеет связь с расширением посева кормовых трав, но с другой стороны это сжатие не везде сказывается на массе сбора сена или сказывается в меньшей степени по сравнению с уменьшением сенокосной площади. Если взять среднюю площадь лугов и сбор сена за 1901—5 год и сравнить с площадью лугов и сбором сена в 1913 году, то окажется во всех губерниях, кроме Могилевской, некоторое уменьшение площади лугов, но в ряде губерний это падение не отразилось на сумме сборов, в других же губерниях оно довольно заметно:

	В 1913 г. бол. (+) или мен. (—) пл. лугов ср. с 190—5 —в %%	Сбор сена в 1913 бол(+)или мен.(—) сбора 1901—5 г. в %%
Виленская	—4,7	—8,6
Витебская	—5,5	—2,6
Гродненская	—2,4	—6,1
Минская	—1,2	+0,1
Могилевская	+0,8	+1,1
Смоленская	—1,4	+3

Мы воздерживаемся от подробностей, приведения абсолютных цифр и пр., т. к. вообще статистика луговодства едва ли в прежних условиях отличалась достаточной точностью. Важен был бы вопрос, насколько кормовая площадь лугов соответствовала прокорму наличного скота. На этот вопрос, повидимому, надо дать отрицательный ответ. В этом случае мы можем сослаться на статью Дмитриева („На новых путях“), который, исходя из общих средне-русских и черноземной полосы норм, приходит к выводу, что Витебская г. могла давать только 6,4 ф. сильных кормов на одну голову (расчет ведется с переводом сена в датских единицах), в Могилевской г. 5.08 ф., в Смоленской—8,12 ф. Это дневная порция стойлового содержания в зимнее время. Так как нормальный корм в тех же единицах равняется 16 ф. в день, то ясно, что

луга примерно только наполовину обеспечивали прокорм скота. Отсюда понятно возрастающее развитие у нас посева кормовых трав и картофеля для корма скота.

Изменения в посеве различных культур, особенно рост трудоемких культур, указывает и на стремление земледельца к рынку и на то, что некоторые культуры оказываются более рентабельными. Эти общие положения следовало бы подкрепить более точными расчетами.

К сожалению, прежние статистические источники не дают возможности изучить вопрос о культурах с точки зрения их рентабельности. Только относительно льна мелькают некоторые сведения, а иногда, по сравнению с ним, наши источники говорят и о других культурах. Еще в 40-х годах (1843) Война-Куриловский расчитывал, что в Витебской г. десятина льна дает чистого дохода 41 р. 20 к., десятина ржи 11 р., а картофель тогда уже давал 54 р. Тогдашний витебский лен отличался прекрасным качеством и стоял на ряду с лифляндским и курляндским. Льняное семя шло в Англию, Бельгию и Францию, как посевный материал. Несколько позже Зеленский в описании Минской г. (1864 г.) сообщает ряд любопытных сведений о пеньковой и льняной культурах в Белоруссии, говорит о широком экспорте этих культур из Могилевской г. и об относительно слабом участии в этом экспорте Минской г.; в последней льняными районами он считает северо-восточную часть губернии. По его расчетам, притом весьма умеренным, десятина льна давала 46 р. валового дохода (около 40 р. условно чистого), тогда как рожь давала только 13 р. вал. дохода.

Это уже кое-что раз'ясняет нам, ибо дает понятие о рентабельности таких культур, как лен и картофель, по сравнению с культурой основного хлеба.

Для поздн. времени мы встречаем сведения в тех анкетных данных, которые были собраны Департаментом земледелия и сельской промышленности для конца 80-х г. („Сельско-хозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев,“ вып. 3). Здесь имеются расчеты, выраженные в денежной форме, о расходах на десятину, затратах труда, семян и пр. В конечном итоге расчеты эти дают возможность определить стоимость 1 п. продукта и сравнить эту стоимость с ценой его. Мы воспользуемся этими данными, вычтя из расчетов, составленных помещиками, такие расходы, которые или не совпадают с расходами крестьян. хозяйств, или же должны разниться по своему масштабу, таковы расходы на администрацию, которых нет в крестьянском хозяйстве, расходы по погашению инвентаря, по страхованию и земельные платежи, которые по своим размерам разнятся в том и другом хозяйстве. При таких условиях мы получим величины, сравнимые для обоих типов хозяйств. Разница будет только та, что помещик оплачивает рабочего, а крестьянин присоединяет эту плату к доходности от той или иной культуры.

Если мы полученную таким образом стоимость 1 пуда зерна или картофеля сравним с рыночной ценой производителей, то получим сравнительные данные, которые могут характеризовать рентабельность той или иной культуры, т. е. разницу между рыночной ценой и между стоимостью производства (не полной) одного пуда. Если теперь мы сравним полученную стоимость производства одного пуда зерна с ры-

ночной ценою его и выразим это сравнение в проц., то получим, что средняя рыночная цена 1 пуда превышает стпимость 1 п. на:

	Для озим. пшен.	Для ржи	Для овса	Для ячменя	Для гречихи	Для картофеля
Виленская	43,8	23,4	30,0	41,7	36,0	51,3
Витебская	28,0	44,5	36,7	38,5	23,9	68,4
Гродненская	43,8	20,7	25,4	34,3	31,0	40,0
Минская	72,5	29,3	34,8	48,0	19,4	58,0
Могилевская	—	30,6	34,4	51,7	32,0	62,2
Смоленская	—	34,3	32,8	42,2	40,9	56.9

Оказывается, что самой рентабельной культурой в наших условиях является пшеница. Это вполне естественно для района, куда ввозится этот хлеб. Но с точки зрения природных условий культура этого хлеба является роскошью, которая допускалась только в помещичьих хозяйствах. Впрочем, для отдельных губерний разница рентабельности так велика, что это уже указывает на случайность высокого дохода от этого злака. Из других хлебов в общем большую рентабельность дает ячмень, почему и неудивительно, что он у нас был рыночным хлебом. Но сравнительно со всеми другими картофель дает наибольший доход. Этим об'ясняется стремлением как владельческих, так и крестьянских к разведению этой культуры.

Но наши данные относятся к помещичьим хозяйствам и хронологически ко второй половине 80-х годов. Для крестьянских земель соответственно надо понизить коэфициент урожайности—для хлебов, приблизительно, на 25%, а для картофеля на 20%. В ближайшее к эпохе революции время коэфициент урожайности крестьянских полей, в значительной мере, повысился, ввиду сближения урожайности на крестьянских и владельческих землях

К сожалению, мы не имеем данных за этот период. Но нам представляется, что выгодность производства в трудовом хозяйстве должна вырасти в предреволюционное время, а во владельческом хозяйстве пасть. С ростом техники количество рабочих дней для каждой культуры должно увеличиться. Это было полезно для крестьянского хозяйство и обременяло доходность владельческого хозяйства. Руководствуясь исследованиями проф. Билимовича о под'еме товарных цен, мы видим, что напр. плата пешему сельско-хозяйственному рабочему поднялась за 1890—1907 г. г. почти на 44%, тогда как покупная сила ржи увеличилась только на 7,8%, овса—на 2,9%, ячменя—на 14,4%, а пшеницы уменьшилось на 2,0. Таким образом сельско-хозяйственный труд вздорожал в общем значительно сильнее, нежели хлебные продукты. Но все это означает рост доходности в условиях трудового хозяйства.

Было бы очень существенно в наших условиях выяснить рентабельность льняной культуры. К сожалению, анкетные данные конца 80-х годов дают всего три расчета. Эти расчеты показывают, что льняная культура была менее рентабельной, нежели картофель. Так в Лепельском у. она давала на десятину, без мочки и трепки, 30 р.; стоимость трепки

и мочки оценивалась в 6 р. В Борисовском у. доход без трепки и мочки высчитывался в. 18 р. 64 к., почти в такой же сумме—по Могилевскому уезду.

По отношению к льну мы зато имеем весьма полные расчеты в известном издании прежнего министерства „Современное льноводство“. Данные относятся к 1912 г. К сожалению, их нельзя сравнить с данными о рентабельности других культур за отсутствием таковых. Но все же эти данные говорят о значительном под‘еме доходности от льна. Это вполне понятно прежде всего потому, что накануне революции наблюдается под‘ем цен на лен на мировом рынке, а с другой стороны, как мы уже знаем, урожайность льна тоже повысилась. Впрочем, даже не имея данных для сравнения, все же легко заметить, что лен приносил в наших условиях чистый доход, значительно превышающий доход от хлебных злаков, т. к. разница в расходах на обработку пашни и уборку не могла быть значительной.

К сожалению, нельзя сравнить этих данных с доходом от картофеля. Но низкие урожаи картофеля Витебской г. могли даже создавать для льна более благоприятные условия. Мы считаем весьма не бесполезным привести данные, о которых идет речь:

	Могилевск.	Витебская	Смоленская
I. Затрата раб. силы.			
Число дней			
Конных	10,25	5—15	6
Пеших			
Мужских	5	19—51	5
Женских	58	21—50	64,5
Итого	63	69—72	69,5
II. Оценка расходов в руб.			
1. Расходы по возделыванию			
Обработка пашни	9,65	7,15	8,20
Посев и уход за пос.	2,25	2,35	2,80
Уборка урожая и получение семян	10,90	12,80	12,60
Итого	22,80	22,30	23,60
2. Расходы по получ. волокна			
Мочка	3,60	6,20	5,50
Мятье	7,00	7,60	14,80
Трепанье	7,20	10,90	
Итого	17,80	24,70	20,30
Итого расходов на работы	40,60	4,70	43,90
3. Стоимость			
Посевных семян	7,26	8,40	7,85
Всего расхода	47,86	55,40	51,75
III. Оценка доходности в руб.			
Валовая доходность			
От семян	35,64	28.20	31,90
От волокна	69,60	76,32	74,40
Итого	105,24	104,52	106,30
Чистая доходность	57,38	49.52	54,55

К этому следует прибавить несколько замечаний.

В Смоленской губ. наблюдалось значительное колебание чистой доходности; напр., по Сычевскому у. от 52 р. 50 к. до 113 р., по другим у. у от 45 до 84 на дес. Между тем в том же уезде 1 дес. овса давала чистого дохода 8 р.. ржи—13 р., клевера—29 р. и картофеля 28—29 р. Этим и об'ясняется интенсивный переход этой губернии к льняной культуре.

Ввиду большого значения льноводства мы остановимся на некоторых деталях. Белорусское льноводство составляло довольно значительный проц. в общерусском. Так, если взять 25 льноводных губерний, то среди них Смоленская занимала одно из первых мест (10,1 проц. льняной площади всех этих губерний), т. е. здешнее льноводство играло в общерусском такую же роль, как Тверское, Псковское, Вятское, Витебская губ. давала 5 проц., т. е. занимала все же довольно видное место. Остальные белорусские г. г. давали такой проц. площади посева:

Могилевская	2,8	Виленская	2,0
Минская	2,3	Гродненская	1,0

В яровом клину, в Смоленской губ. льняная площадь составляла 19,8 проц. в Витебской г 10,9 проц., в Могилевской—5,2 проц., в остальных уже значительно меньше (Виленская—3,8 проц., Минская—3,3 проц. Гродненская 2,4 проц.).

Занимая во всех белорусских губерниях достаточно большое место, роль его в отдельных губерниях была неодинакова в смысле рыночности. В Гродненской г. посевы льна были относительно незначительны и не развивались, что указывает на то, что эта культура приобрела здесь определенную устойчивость. Здесь лен не имел рыночного значения и, будучи крестьянской культурой, разводился для внутри-хозяйственного употребления. Здесь преобладали посевы мелких участков, иногда грядками. Невелико было его рыночное значение и в Виленской губ., но в Минской г. лен уже имел промысловый характер. Наиболее крупную роль льняная культура играла в остальных 3-х губерниях Здесь даже была развита аренда земель под лен и арендные цены были высоки. В Могилевской г. это особенно относится к Оршанскому и Сенненскому у. у. В Витебской и Смоленской г. г. лен являлся главной крестьянской культурой. О смоленских крестьянах анкеты говорят: „можно сказать, что земледельческое население живет именно льном". Вся обработка льна во всех губерниях производилась самими крестьянами, хотя в Смоленской и частью в Могилевской г. г. уже стали появляться льнотрепальные заводы. Крестьянская анкета из Поречского уезда так об'ясняет: „в нашей местности потому только и занимаются льноводством, что рабочих много и делать им почти нечего. Свою же работу по льну мы не считаем".

XIII. Скотоводство.

Такая страна, как Белоруссия, где скудость почвы требует больших затрат капитала, товарное скотоводство должно бы составлять главнейшую задачу сельского хозяйства. К этому наше хозяйство и шло. Количественно, если сравнить с другими русскими губерниями, Белоруссия не была бедна скотом. Но мы уже знаем, что это был плохой скот и сравнительно с масштабом пашни, его было недостаточно даже для

навозного удобрения. Наше хозяйство не умело или не могло интенсифицировать молочное или мясное хозяйство. Очевидно, и рыночные условия этому мало благоприятствовали. И только к исходу изучаемого периода намечается ряд новых явлений в данном направлении.

Обращаясь прежде к лошадиному стаду, укажем, что общий рост количества лошадей для всех губерний выражался в следующих цифрах:

Количество всех лошадей в т. т.		Колич. лошадей у сельск. населения в тысячах:	
1851 г.	1277	1883 г.	1580
1861	1230	1900	1940
1871	1219	1906	2008
1877-8	1502	1910	2048
		1913	2157

Эти валовые данные, конечно, не в достаточной мере выявляют интенсивность роста. Поэтому мы приведем за несколько лет рост лошадиного стада по каждой губернии в относительных величинах, приняв 1883 год за 100. Мы даем относительный рост лошадиного стада у сельского населения, оговариваясь только, что статистические данные 1864 года относятся ко всему количеству лошадей. Получаем следующие соотношения:

	1864 г.	1883	1900	1906	1913	1916
Виленская	88,5	100	128,3	125,6	157,2	—
Витебская	74,1	100	122,1	110,2	120,7	114.3
Гродненская	62,3	100	128,4	137,7	151,2	165.8
Минская	47,0	100	136,7	149,1	155,6	128.3
Могилевская	83,1	100	122,3	124,0	121,9	122.7
Смоленская	108.3	100	107,2	117,8	126,1	—
Всего	81,1	100	122,1	126,5	130,0	—

Еще более наглядно тот же процесс движения лошадиного стада выясняется в сопоставлении с количеством сельских жителей. Ниже мы даем эти соотношения, оговариваясь, что данные 60-х годов имеют в виду все население губерний, тогда как позднейшие данные касаются только сельского населения. Кстати заметим, что мы пользуемся цифрами и расчетами Центрального Статистического Комитета, Оговорка эта необходима, ввиду общеизвестной разницы различных статистических источников. Получаем следующую таблицу расчета количества лошадей на 100 душ сельского населения, за исключением 1864 года, в котором лошади расчитаны на все население:

	Виленская	Витебская	Гродненская	Минская	Могилевская	Смоленская
1864	19	25	11	13	31	35
1900	18	22	14	20	29	27
1906	16	17	14	18	25	26
1910	17	17	14	7	22	24
1913	18	17	15	16	20	24
1916	23	24	»	26	31	28

Заметим, что по всей России сказывалась относительная убыль лошадиного стада в 70-х и 80-х годах сравнительно с 60-ми, что об'-

ясняется расстройством помещичьего хозяйства и падением гужа в связи с развитием парового транспорта. Но затем хозяйство укрепляется, и мы видим, что белорусс стремится увеличить количество лошадей.

В отношении крупного рогатого скота мы наблюдаем приблизительно тот же ряд явлений. Прежде всего дадим валовые цифры крупного рогатого скота, под которым надо подразумевать почти исключительно коровье стадо, т. к. волы у нас мало употребляются. Получаем по годам следующее наростание рогатого скота:

Всего рогатого скота в т. т. голов		Скота у сельского населения в т. т. голов.	
1851 г.	2064	1883 г.	2478
1861	2268	1900	4192
1871	2093	1916	4109
1877-8	2358	1910	4034
		1913	4317

Тут мы наблюдаем крупное наростание рогатого скота. По губерниям эти соотношения, если принять 1883 год за 100, выразятся в следующих цифрах:

	Виленская	Витебская	Гродненская	Минская	Могилевская	Смоленская
Всего скота 1864	100,6	80,0	73,3	89,2	104,9	144,7
У сел. жител. 1883 г.	100	100	100	100	100	100
1900	229,8	137,9	110,2	205,3	171,8	183,6
1913	219,9	145,9	118,6	215,1	178,2	184,3
1916	—	130,1	—	179,4	181,4	180,1

Таким образом, по всей Белоруссии в 1900 году общее количество рогатого скота, сравнительно с 1883 годом, выросло на 63,1 %, в 1913 году—на 74,2 %.

Несмотря на абсолютное увеличение стада, все же сопоставление с ростом населения указывает на то, что количество скота нарастает более медленнее, нежели количество населения, а поэтому относительные цифры дают уменьшение скота. Это наблюдается с 1900 года. До этого года количество рогатого скота в общем нарастало быстрее, нежели население. После 1900 года замечается, как мы сказали, обратное явление. Вот цифры крупного рогатого скота на 100 душ населения за разные годы изучаемого периода:

	1864	1900	1906	1910	1913	1916
Виленская	33	50	40	36	38	28
Витебская	50	48	39	38	41	54
Гродненская	40	40	34	34	35	—
Минская	45	55	47	42	42	50
Могилевская	42	40	46	32	30	44
Смоленская	45	46	40	33	35	41

Относительно числа овец и свиней, т. е. мелкого скота, мы в общем наблюдаем тот же ряд явлений. Мы сначала приведем цифры роста обоих групп мелкого скота в абсолютных и в относительных величинах.

Получаем такие данные для всей Белоруссии:

	Абсол. кол-во овец, коз в т. т.	Абсол. кол-во свиней в т. т.	% отнош. кол-ва овец и коз к 1883 г. принят за 100	% отнош. кол-ва свиней к 1883 г. принятому за 100
1851	2196	1201	82,2	73,8
1861	2338	1228	87,5	73,3
1871	2221	1372	83,1	84,4
1877-8	2300	1460	86,1	89,6
1883	2671	1627	100	100
1900	4165	2414	174,5	152,6
1906	2677	2098	100,2	128,8
1910	2648	2011	99,1	123,6
1913	3102	2185	116,1	134,2

Что касается отдельных губерний, то Гродненская губ. во весь изучаемый период была губернией с наибольшим количеством овец (от 500 до 600 тысяч), за ней следует Минская губерния, которая с 70-х годов значительно увеличила свое овечье стадо, доведя его с 462 тысяч голов в 1861 году до 785 тысяч голов в 1900 году и снизив до 634 тысяч голов в 1913 году. Повсеместно в России, равно как и заграницей, замечается убыль овечьего стада, т. к. эта экстенсивная форма скотоводства не мирится с интенсификацией хозяйства. И у нас наблюдается то же явление: до 1900 года овцеводство сильно нарастало, но затем начинается снижение его. Впрочем, темп этого снижения весьма относителен. Более точная перепись 1916 года, несмотря на условия военного времени, дает даже повышение количества овец. Так в Витебской губернии в 1900 году считалось 618 тысяч, в 1913—только 476 тысяч, а в 1916 году 917 тысяч. В Могилевской губернии с 625 тысяч в 1900 году количество овец поднялось в 1916 году до 846 тысяч, хотя в 1913 году наша статистика тоже отмечала падение овцеводства в этой губернии. В Смоленской губернии данные 1916 года дают 1382 тысячи овец, что значительно превышает показания 1913 года (629 тысяч) и 1900 года (890 тысяч). Только в Минской губернии перепись 1916 года дала 740 тысяч овец, что превышает исчисления 1913 года (634 тысяч), но зато только в этой одной губернии количество овец оказалось меньше 1900 года (785 тысяч).

Что касается количества свиней, то здесь мы наблюдаем то же явление, что и относительно других видов скота—повышение до 1900 года, затем некоторое снижение, впрочем весьма незначительное, и быстрый под'ем в 1913,—затем в 1916 годах. Относительно отдельных губерний надо заметить, что наибольшее количество свиней отмечается

в Минской, а затем в Могилевской губерниях, но наиболее интенсивный рост количества их наблюдается в Виленской и в Смоленской губерниях.

Соединив обе группы мелкого скота, овец с козами и свиней, мы в относительных числах получим такое их распределение в отношении к населению: на 100 душ сельского населения приходится всего голов мелкого скота:

	1864 г.	1900	1906	1910	1913	1916
Виленская	45	76	48	43	42	66
Витебская	65	75	39	42	49	127
Гродненская	62	64	47	47	48	—
Минская	56	72	51	45	46	92
Могилевская	65	70	46	39	38	115
Смоленская	61	83	61	43	49	125

Мы добросовестно привели цифры разных годов для всех видов скота. Мы выбрали цифровой материал, который, как кажется, должен бы наиболее вызывать к себе доверие. Однако, читатель не мог не заметить весьма значительной неровности и непоследовательности цифрового материала. Действительно, статистика скотоводства в наших губерниях не заслуживает особенного доверия; сведения, очевидно, давались на глазомер. И тем не менее эти сведения в известной степени все же отражают эволюцию скотоводства, несмотря на законность подозрений относительно отдельных цифр.

Есть 2 и даже 3 опорные даты, к которым можно отнестись с доверием.

Это прежде всего цифры 1900 и 1916 годов. Они являются результатом тщательных обследований. Кажется, к цифрам 1864 года, даваемым авторами Военно-Статистического Сборника, тоже можно отнестись с достаточным доверием. Если взять эти 3 опорные даты, то в общем эволюция скотоводства в Белоруссии может быть представлена в таком виде.

Сейчас после освобождения крестьян население старательно развивает количество мясного и молочного скота, вследствие чего мы видим постепенное его нарастание, которое доходит в 1900 году до высоких цифр. Это вполне понятно. В крепостную эпоху,— мы уже хорошо знаем,— жадность к распахиванию почвы отнимала у скота кормовые средства и труд для ухода за ним. Мясное хозяйство не имело рыночного значения. Перегоны скота на большие расстояния без железных дорог были трудны и непродуктивны. Потребление местных городов, жители которых тоже держали много скота, было ничтожно. Во 2-й половине 19 века мы наблюдаем ряд новых условий, которые должны были стимулировать развитие скотоводства. Ввиду

упадка помещичьего хозяйства, это могло относиться преимущественно к крестьянскому хозяйству. Мы уже знаем, что изменились соотношения между посевной и луговой площадью в смысле увеличения последней за счет первой. Заброшенные панские имения, при сервитутных правах, представляли широкую возможность пастьбы крестьянского скота. Появились и стимулы для его разведения. Крестьянское трехполье ведется хотя и примитивно, но старательно. Следовательно, чувствуется потребность в унаваживании. Проведение железных дорог создавало рынок и сам крестьянин, оправившись, все же является потребителем мясных продуктов. И все эти соображения подтверждаются ростом цифр. Однако это, скотоводческое хозяйство еще не носит широкого рыночного характера. Пока оно работает для потребления на месте и, может быть, только в небольшой мере выбрасывает продукты скотоводства на дальние рынки.

После 1900 года начинается относительное снижение количества скота, затем под'ем его к 1913-му году, затем скачек к более точно добытым цифрам 1916 года. Под'ем скотоводства указывает на зарождение мясного и молочного хозяйства, работающего на далекий рынок. Вывоз мяса за пределы Белоруссии приобретает все большее значение. Мало того, наблюдается усиленный ввоз живого крупного скота и лошадей. Лошади требуются, конечно, интенсификацией земледелия, т. к. новые формы хозяйства требуют большего количества труда людей и лошадей. Но крупный рогатый скот нужен не только для разведения, но и для превращения его в мясо.

1916 год, цифрам которого можно верить, несмотря на то, что Белоруссия находилась в полосе военных действии, указывает на сильное развитие скотоводства, окрашивающее хозяйство, как в значительной мере молочно-мясное. Таким образом белорусское хозяйство нащупало выход из векового затруднения. Хлебный баланс складывался не в его пользу. Промышленность не нарастала или, лучше сказать, нарастала в столь слабой мере, что не могла вобрать в себя избыточествующее деревенское население. Леса начали истощаться и даже экстенсивная эксплоатация леса стала превращаться в сильной мере в интенсивную, в фабричную его переработку, что требовало меньшего количества человеческого труда. И, ища выхода, хозяйство начало нащупывать правильный путь—откорм скота и превращение его в мясной и молочный продукт. Это уже дорогой продукт, за который можно купить недостающий хлеб, ситец и орудия.

Теперь нам следует перейти к распределению скота в различных хозяйствах.

К сожалению, это вопрос, на который нельзя дать всестороннего ответа.

Кроме того, мы отчасти уже говорили о распределении лошадиного стада среди крестьян, а с другой стороны нам придется еще вернуться к вопросу о распределении скота между помещичьими и крестьянскими хозяйствами.

Поэтому здесь, в заключение, ограничимся приведением простой справки о распределении скота в среднем на 1 крестьянский двор, взяв для этой цели наиболее достоверные цифры 1900 г. и 1916 г.

На 1 крестьянский двор приходилось голов скота:

	1900 год.				1916 год.			
	Всего скота	Лошадей	Крупного рог. скота	Мелкого	Всего скота	Лошадей	Крупного	Мелкого
Виленская . . .	11,3	1,4	3,5	6,4	6,4	1,1	1,5	3,4
Витебская . . .	10,3	1,5	3,2	5,6	11,8	1,3	3,0	7,2
Гродненская . .	8,9	1,1	2,8	5,0	—	—	—	—
Минская . . .	11,1	1,4	3,2	5.6	9,6	1,5	2,8	5.3
Могилевская . .	10,3	2,1	4,1	5,6	11,3	1,8	2,6	6,9
Смоленская . . .	10,3	1,7	2,7	5,9	11,2	1,6	2,4	7,2

К сожалению, статистические данные о скотоводстве не дают никакой возможности расчленить скот на составные его группы; при этом даже, очевидно, молодняк не учитывается в переписи. Некоторое исключение составляют военно-конские переписи. Однако сельско-хозяйственная перепись 1916 г. дает распределение скота по возрастным группам. Ею уже можно пользоваться для широких научных целей. Она служит прекрасной основой для последующих пересчетов, но, к сожалению, она изолирована, по сравнению с довоенными переписями. Воспользуемся этой переписью, хотя она и не охватывает всей Белоруссии.

По этой переписи количественно преобладает в хозяйстве Белоруссии мелкий скот (34,8 проц. овец и коз и 26,5 проц. свиней ко всему количеству скота), затем крупный рогатый скот (24,9 проц.) и лошади (14,7 проц.). Виленская, Минская и Могилевская г. г. являются наиболее свиноводными г. г. (30 и 33 проц.); в хозяйстве Витебской и Смоленской г. г. преобладают овцы (41,4 проц. и 45,8 проц.). Наибольший проц. крупного рогатого скота дает Минская г. (29,6 проц.), затем Могилевская. Наибольшую обеспеченность лошадьми дает Виленская (18,1 проц.), затем Могилевская (16,3 проц.), Минская (15,3 проц.), Смоленская (14,5 проц.) и Витебская (11,7 проц.).

Среди лошадиного стада преобладает лошадь в рабочем возрасте (82,5 проц.), причем различие по губериям не особенно велико. В стаде крупного рогатого скота 59,1 проц. падает на коровье стадо. Телят до 1 г. 22,5 проц. Но тут начинается большое различие в погубернских данных. Молочное стадо преобладало в Виленской г. (72,2 проц. коров), затем в Витебской (66,5 проц.). Наименьшее коровье стадо встречается в Минской (53.0 проц.) и в Смоленской (54,2 проц.) В этих губерниях относительно велик проц телят и нетелей, что указывает на преобладание мясного характера в здешнем скотоводстве.

Молодняк овечьего стада в весьма большом количестве сохраняется в Смоленской г. (54,5 проц.), в Витебской (56,0 проц.), в остальных он резко падает к 36 и даже к 24 проц. Это указывает на то, что в 2-х г. г. овцеводство носило мясной характер, в остальных экстенсивный. В отношении свиного стада, как общее правило, следует заметить, что $^{2}/_{3}$ его состоит из молодняка. Но в Виленской и Смоленской

г. г. этот проц. подымается, в Минской и Могилевской опускается, сравнительно с средним в 2/3. Это соответственно указывает на более интенсивный и менее интенсивный характер свиноводства.

Распределение скота в среднем на хозяйство представляют такие данные по губерниям:

Голов на 1 хозяйство:

	Лош.	Коров	Овец и коз	Свиней	Раб. скота
Виленская, кр. хоз.	1,1	1,1	1,6	2,2	0,9
все „	1,2	1,2	1,7	2,2	1,0
Витебская кр. хоз.	1,3	1,9	4,7	2,3	1,1
все „	1,3	2,0	4,8	2,4	1,1
Минская кр. хоз.	1,4	1,4	2,3	2,9	1,2
все „	1,5	1,5	2,3	2,9	1,7
Могилевская кр. хоз.	1,8	1,6	3,3	3,5	1,5
все „	1,8	1,7	3,4	3,5	1,5
Смоленская кр. хоз.	1,6	1,2	5,2	2,0	1,3
все „	1,6	1,3	5,2	2,1	1,4
Итого кр. хоз.	1,5	1,5	3,6	2,7	1,2
все „	1,6	1,6	3,7	2,7	1,3

Эти данные говорят нам только о тех хозяйствах, которые владеют скотом. Другим показателем обеспеченности хозяйств скотом служит соотношение количества скота и душ населения, а также соотношение скота и десятин посева. Мы приведем эти данные с расчленением на хозяйства крестьянского и частно-владельческого типа, т. к. в данном отношении частное хозяйство необходимо выделить.

На 100 душ нас. обоего пола:

	Лош.	Кр. рог. скота	Мелкого	Итого голов	На 100 д. посева раб. скота
Виленская:					
Хоз-ва кр-е	22,1	28,8	74,0	124,9	23,8
„ част-влад.	44,3	55,0	76,4	175,7	14,9
„ все	23,0	29,8	74,1	126,9	22,8
Витебская:					
Хоз-ва кр-е	23,4	52,4	129,0	204,8	22,2
„ част-влад.	41,9	108,3	94,7	244,9	16,9
„ все	24,1	54,4	127,1	206,2	21,8
Минская:					
Хоз-ва кр-е	25,2	49,2	94,3	168,7	33,1
„ част-влад.	46,7	74,1	50,6	171,4	17,8
„ все	26,1	50,5	94,1	170,7	31,6
Могилевская:					
Хоз-ва кр-е	30,5	42,1	117,4	190,0	25,5
„ част.-влад.	52,4	98,1	73,5	224,0	43,3
„ все	31,2	44,0	115,9	191,1	26,1
Смоленская:					
Хоз-ва кр-е	28,0	39,6	128,2	125,8	34,9
„ част.-влад.	48,0	101,1	68,4	217,5	20 5
„ все	28,5	41,3	126,6	196,4	33,8
По Белоруссии:					
Хоз-ва кр-е	26,7	44,6	113,4	184,7	32,0
„ част.-влад.	47,3	91,5	70,5	209,3	18,0
„ все	27,4	46,1	112,0	185,5	30,7

В этой таблице, как и в предыдущей, под головой рабочей скотины разумеется 1 лошадь или пара волов. По обеспеченности лошадьми крестьянского хозяйства на первом месте стоит Могилевская, затем Смоленская г. г. Наибольшее количество коров, как на 100 душ населения, так и на 1 хозяйство приходится в Витебской г. по крестьянским и наименьшее в Виленской г. В общем вся Белоруссия по количеству рогатого стада и мелкого скота, особенно свиней, была средней обеспеченности, сравнительно с другими районами дореволюционной России (ср. данные см. в работе А. И. Лосицкого в „На новых путях“). Это стремление к приращению стада, т. е. животноводственный уклон хозяйства стал сказываться, как мы уже отмечали, в последние годы перед войной. Страна становилась на путь вполне рациональный в условиях ее хозяйства.

XIV. Несколько итогов.

Белоруссия уже в эпоху крепостного права была страной, земледелие которой не обеспечивало жителей. И в изучаемую эпоху она не достигла того, чтобы потребление хлебов покрывалось производством. Валовые цифры сбора, интересные сами по себе, мало говорят о том, в какой мере удовлетворялись потребности населения. Во всяком случае рост сборов представляет собою интересное явление. Так, рост сбора всех зерновых хлебов в течение 2-й половины 19 века давал такие абсолютные и относительные цифры для всей Белоруссии:

	Миллион. четверт.	% к 1864-1866 принятому за 100
Ср. 1864—6 г.	15,2	100
Ср. 1870—75 г.	18,6	122,3
1877 г.	20,2	132,8
Ср. 1886-90 г.	20,5	134,8
Ср. 1891—5 г.	24,3	159,8
Ср. 1896—1900 г.	27,3	179,8

Мы знаем, за последние 20 лет 19 века посевная площадь поднялась примерно на 1 четверть, между тем сбор с половины 80-х годов до конца столетия поднялся на 79 проц. Следовательно, сбор обгоняет развитие посевной площади.

Это еще более рельефно выражается в 20-м веке, когда земледелие перестает базироваться исключительно на экспансии площади. Валовой сбор всех зерновых продовольственных хлебов, овса и картофеля в последнее тринадцатилетие перед войной выразился в следующих внушительных цифрах:

	Абс. сбор всех прод. хлебов в мил. пуд.	Относит. сбор. их к 1901-5 г. г. принят за 100	Абсол. сбор овса в мил. пуд.	Относит. сбор. овса к 1901-5 г.г. принят за 100	Абсол. сбор картофеля в мил. пуд.	Отн. сбор. карт. к 1091-5 г. принят за 100
Ср. 1901-5	156,8	100	56,0	100	237,8	100
Ср. 1906-10	143,9	91,8	56,4	100,1	264,5	111,2
Ср. 1911-г.	183,4	117,0	63,7	113,8	301,6	126,8
Ср. 1913-г.	186,3	111,4	73,9	132,0	314,3	132,8
Ср. 1914-г.	171,9	109,6	48,2	86,2	353,4	148,2

Рост сбора всех зерновых однако отстал от рыночных хлебов. Особенно замечателен рост картофеля. Не надо забывать, что его сбор

в начале 60-х годов едва ли доходил до 36 миллионов пудов, если вес тогдашнего картофеля расчитать по низшему весу современного. Почти безошибочно можно сказать, что сборы картофеля за 50 лет выросли в 10 раз, тогда как сбор всех хлебов вырос едва ли наполовину. Точно также быстро рос и сбор овса, который для части хозяйств являлся рыночным продуктом, для другой части кормовым. В последнее десятилетие сбор овса поднялся на 32%. В 1914 г. сбор пал, менее всего росли сборы ржи. Они явно уступали яровому клину. В самом деле, за первые 10 лет 20 века сборы ржи поднялись всего на 12%.

Таков характер общих сборов хлебов. Но теперь нас интересует вопрос, как распределялся сбор хлебов.

Уже авторы Военно-Статистического сборника полагали, что все губернии Белоруссии, кроме Смоленской и частью Гродненской, имеют недостаток хлеба для прокормления наличного населения. Они считали 2½ четверти на наличную душу населения, т. е. примерно 21,75 пуда.

Если взять официальные расчеты Центрального Статистического Комитета, а остаток 60-х годов перевести в пуды, то получим за ряд годов следующую любопытную таблицу чистого остатка зерновых хлебов на 1 душу всего населения за вычетом посева:

	Ср. 1864-66	Ср. 1885-1892	Ср. 1895-1900	Ср. 1902-6	Ср 1908-12	1912	1913
Виленская	10,52	13,73	11,6	11,07	11,64	12,11	10,70
Витебская	13,92	12,20	9,4	7,01	9,10	10,25	10,83
Гродненская	14,27	13,86	11,1	11,20	10,75	12,08	10,29
Минская	13,22	14,59	10,9	11,04	11,42	12,57	12,06
Могилевская	13,14	13,49	9,9	10,42	10,27	11,91	14,30
Смоленская	22,06	17,26	11,9	10,92	9,80	12,28	11,93

Эта таблица ясно показывает, что в течение всего периода местное земледелие не могло выработать столько зернового хлеба, чтобы покрыть им потребность в питании всего населения. Следовательно, всегда требовался подвоз хлеба из других районов, тем более, что винокурение тоже отнимало значительный процент его. Правда рост картофеля в значительной мере должен был покрывать недостаток зернового хлеба. В самом деле, если перевести картофель на рожь, то чистый остаток продовольственно-зерновых хлебов и картофеля на 1 душу населения даст во всяком случае во всех губерниях некоторое превышение даже такой хлебной нормы как 19 пудов на душу населения. Вот этот расчет:

	1912 год	1913 год	Начало 90-х г. (Расчет Мареса с учетом хлеба и картофеля)
Виленская	22,73	21,15	15,0
Витебская	16,35	21,13	15,5
Гродненская	23,63	23,14	19,0
Минская	26,29	25,23	16,4
Могилевская	22,98	23,99	16,9
Смоленская	20,15	16,99	19,3

Прежде всего, необходимо зафиксировать громадный успех, сделанный земледелием за 20 лет: страна может прокормить себя при усиленном питании картофелем, и сверх того остается излишек для скота.

Губернии, которые довели площадь посева картофеля до максимальных размеров, могли пропитать себя. Только Витебская и Смоленская губернии еще недостаточно развили посевы картофеля и поэтому не всегда могли считать себя вполне обеспеченными.

Возвращаясь к нашей таблице остатков на душу населения зерновых хлебов, мы должны подчеркнуть, что в последние 10-15 лет этот остаток более или менее устанавился в различных губерниях. В задачу сельско-хозяйственного населения, очевидно, входит стремление к тому, чтобы по крайней мере не допустить уменьшения этого остатка при нарастании новых поколений. Рост сбора хлебов дает в этом направлении вполне удовлетворительную кон'юнктуру, а рост картофеля или покрывает недостаток хлебов. или создает мост для связи с рынком.

Нами сделаны все те расчеты, которые можно сделать на основании тогдашних статистических данных. Эго очень общие расчеты. Углубить их нельзя и не имеет смысла, потому что сами по себе дошедшие до нас статистические сведения не внушают большого доверия и дают только грубо ориентировочные данные. Теперь, большею частью, принимают цифры сбора хлебов, даваемые Центр. Стат. Комитетом, с поправкой (Прокопович, Струмилин) на 10—13 проц., т. к. данные Комитета считаются преуменьшенными. Все же, и при условии поправки, недостаток сбора хлебов для всего населения очевиден. Размеры этого недостатка в разное время высчитывались различно. Но эти теоретические подсчеты особого интереса не возбуждают. Более основательным коррективом являются железнодорожные и водные перевозки. Конечно, и этот источник не вполне исчерпывающ, т. к. в нем не учитывается большое значение гужевого транспорта. Все же цифра избытка или недостатка хлебов, получаемая от сравнения вывоза и ввоза в пределах губернии, дает более или менее реальную величину. Эгот вопрос нас будет интересовать при рассмотрении вопросов рынка. Теперь же мы воспользуемся подсчетами проф. Челинцева („Перемены в хлебн. продукции России“) избытков или недостатков хлебов на душу населения. Он дает расчеты за 2 периода избытков или недостатков погубернского ввоза и вывоза, среднюю за 1880—1884 г. г. и за 1907—10 г. г., и таким образом можно сравнить 30 летний период. Оказывается, что еще в 80-х г. г. 3 белорусские губернии давали некоторый излишек хлебов. Так, для Гродненской г. он исчислялся в 0,9 п. на душу населения, для Минской—в 0,8 и для Виленской—в 0,2. Недостаток хлеба ощущался для Смоленской г.—в 1,1 п. на душу, для Витебской в 0,4 п. и для Могилевской—0,1 п. В период 1907—10 г. г. уже нет ни одной губернии, которая давала бы в среднем излишек для вывоза на 1 душу населения. Данные перевозок свидетельствуют о подвозе хлеба во все губернии в таком количестве на 1 д. населения: в Смоленскую г. по 3,5 п., в Витебскую по 1,6 п., в Виленскую по 1,4 п., в Гродненскую и в Могилевскую по 1,0 п, и в Минскую по 0,7 п. Эго уже чистый недостаток, исчисляемый на 1 д. населения в среднем и заполняемый посредством привоза хлеба из производящих губерний.

До сих пор речь шла о том, насколько белорусское сельское хозяйство могло удовлетворить хлебной продукцией потребности всего населения. Но это только одна сторона вопроса. Другая сторона его заключается в том, чтобы определить, в какой мере крестьянское хозяйство покрывало своим трудом и на своей земле недостаток хлебных продуктов вообще, как оно справлялось с прокормлением. Основная задача крестьянского хозяйства состоит в покрытии продовольственной нужды, т. е. оно прежде всего рассматривается, как продовольственное хозяйство. Только верхи крестьянства выбрасывают чистый остаток своей продукции на рынок, середина потребляет свою продукцию полностью, за исключением той ее части, которая идет на оплату податей, на покупку сельско-хозяйственных орудий и т. п. Наконец, низы крестьянства, пролетарский и полупролетарский его слой, по существу имеют главной своей задачей потребление, которое они удовлетворяют на клочке своей земли и отчуждением своего труда для сельско-хозяйственных работ в чужих хозяйствах.

Как ни интересны и как ни важны эти вопросы, однако на них мы ответить не в состоянии по недостатку данных и по той путанице понятий, которую допускала прежняя статистика. Последняя упорно держалась разделения земель на надельные крестьянские и на частновладельческие. Но такое разделение уже на рубеже 19—20 века потеряло всякий реальный смысл, ибо на прежних дворянских частновладельческих имениях появился в значительной мере крестьянин и не крестьянин, но тоже ведущий трудовое хозяйство. Крестьянское население уже не кормилось только от своей надельной земли, частью числилось в рубрике частно-владельческой земли. Принимая во внимание все эти оговорки, придется ограничиться несколькими штрихами.

Авторы известной книги „Влияние урожаев" сделали ряд подсчетов для определения продукции тогдашнего крестьянского хозяйства. Их подсчеты относятся к началу 90-х годов, т. е. к тому времени, когда покупка крестьянами земли не имела значения, только начиналась. Следовательно, подсчеты продукции с надельной земли имели реальное значение. Но кроме того, в тех же подсчетах можно найти и материал относительно того, какой корректив вносят в крестьянское хозяйство прикупленные земли и арендуемые.

По подсчетам Мареса в этой книге, для продовольствия населения и скота требуется 154,8 миллионов пудов хлеба и картофеля, переведенного в хлеба. Но крестьянское население Белорусских губерний собирает только 104 миллиона пудов, следовательно общий недостаток кормовых средств для скота и населения выражается в сумме 50 миллионов пудов. Таким образом, совершенно ясно, что крестьянское хозяйство не справлялось с вопросами питания, обладая таким рессурсом, как надельные земли.

Марес в той же статье приводит и подсчеты количества населения, в связи с земельными наделами, обладающего достаточным или избыточным продовольственным пайком и недостаточным. Оказывается, что душевой надел в 5—6 десятин уже не дает членам крестьянского хозяйства нормального пайка в 19 пудов на душу населения. Даже высший надел не всегда дает норму пайка. Разумеется, чем ниже душевой надел, тем больше разница между нормой потребления и производством хлеба. Отсюда понятно, что, по подсчету Мареса, от 85 до 95 проц. белорусского населения разных губерний не обеспечены пай-

ком в 19 пудов хлеба. Расчеты Мареса преувеличены; но во всяком случае все это указывает на значительную пролетаризацию белорусского крестьянства. Конечно, крестьянин искал выхода из создавшегося положения. Он увеличивал посевную площадь и старался прикупить землю, хотя бы путем лишений. Он не обладал ни капиталом, ни знаниями, чтобы интенсифицировать хозяйство. То и другое у крестьянина стало появляться только в последние лет 10—15, и интенсификация хозяйства стала давать уже известные нам результаты.

Мы лишены возможности дать за последние годы подсчеты продукции и ее распределения в недрах крестьянского хозяйства, но ряд признаков говорит за то, что оно успело окрепнуть накануне войны. Конечно, приходится говорить о той части крестьянства, которая избежала пролетаризации, которая вела или середняцкое продовольственное хозяйство или капиталистическое с привлечением в той или другой мере наемного труда. Крестьянский слой в общей массе стал захватывать производство хлебного продукта и сделал в этом направлении большие успехи. В 80-х годах помещичье хозяйство было слабо и расстроено и все же оно давало в общем около трети зерновой продукции, а две трети ее давала крестьянская масса. Те же соотношения мы наблюдаем в количестве сбора овса и картофеля. Все эти наблюдения выводятся за длинный ряд годов, за период 1883—1900 г. г. и, следовательно, характеризуют собою всю 2-ю половину 19 века.

Вот, относящиеся сюда данные (по „Своду“и проч.):

проц. сбор с крестьянских земель в средн. за 1883-1900 год:

	Всех продовольственных хлебов	Овса	Картофеля
Виленская . . .	61,1	61,0	65,4
Витебская . . .	68,8	65,5	71,3
Гродненская . . .	63,3	60,0	67,3
Минская . . .	60,2	55,4	62,4
Могилевская . . .	70,6	68,0	70,3
Смоленская . . .	76,0	77,0	80,8
Итого . . .	66,9	65,1	68,0

Если к этому прибавить, что крестьяне в конце 19 века на арендуемых и на прикупленных землях получали около 15 миллионов пудов хлебных продуктов, то все же и эта поправка мало изменит указанные соотношения.

Но крестьянин добивался увеличения земли и увеличения продукции.

К сожалению, смешно было бы пользоваться данными Центрального Стат. К. для поздн. периода о сборе хлебов с крестьянских надельных земель, т. к. эти земли не соответствовали реальной площади крестьянских посевов. Но перепись 1916 года, расставшись с старыми

статистическими предрассудками, учла посевную площадь, реально находившуюся в пользовании хозяйств крестьянского типа. Оказывается, что белорусское хозяйство крестьянского типа в общем запахивало 90,7% посевной площади. В Смоленской губернии крестьянство обладало 92,9 проц. посевной площади, в Витебской—91,8 проц., в Минской 89,9 проц., в Могилевской—86,9 проц. и в Виленской 88,9 проц. Таким образом, помещичье хозяйство в сильной мере пошло на убыль. Оно удержало за собой только 9,3% посевной площади. Правда, размеры посевной площади не вполне соответствуют сбору, т. к. на крестьянских землях урожай был хуже, нежели на помещичьих. Но все же, как мы видели, теперь это расстояние не было столь значительно, шло сильное сближение урожайности на тех и других землях. Не вдаваясь в подробные подсчеты, мы полагаем, что к исходу изучаемого периода владельческие хозяйства, принадлежащие не крестьянам, едва ли давали более 10-12 проц. сбора хлебов и картофеля. Наши подсчеты дали продукцию хлебов частно-владельческого хозяйства в 11 проц. Если к этому прибавим, что именно картофель был преимущественно крестьянским хлебом, а технические растения—лен и конопля на помещичьих землях никакого значения не имели, то этим самым мы укажем на то, что рыночные растения оказались преимущественно в крестьянских руках.

В самом деле, вот распределение по той же переписи 1916 года посевной площади под картофелем и под техническими растениями между помещичьими и крест. типа хозяйствами:

	Посевная площадь в тысячах десятин			
	Под картофелем		Под техн. растениями	
	Крестьян. х-во	Владельч. х-во	Крестьян. х-во	Владельч. х-во
Виленская (не полная)	17,1	1,6	7,1	0,2
Витебская	69,2	4,3	8,1	2,4
Минская	103,8	10,3	3,0	0,2
Могилевская	79,3	11,2	5,5	1,0
Смоленская	97,6	3,6	15,6	3,1
	367,0	31,0	39,3	6,9

Любопытная особенность этого распределения заключается в том, что правительственная политика весьма поддерживала то помещичье хозяйство, которое производило картофель для перекура на винокуренных заводах. Между тем, все помещичье хозяйство едва добывало для заводов третью часть всего картофеля. Это значит, что крестьянин начал уже своей продукцией обслуживать местные винокуренные заводы, т. е. у нас начинало зарождаться то самое явление, которое хорошо известно в тогдашней Германии, где заводы по переработке

сельско-хозяйственных продуктов в сильной мере оторвались от землевладения и базируются на сырье из фермерского хозяйства.

Даже темп интенсификации собственно надельных земель представляет интерес.

При общем росте посевной площади под важнейшими полевыми растениями (рожь оз., овес, ячмень, гречиха, картофель, лен) с 1896 г. по 1914 г. на 9,6 проц., рост той же площади на крестьянских надельных землях дал тот же проц. (9,5 проц.). Но при этом рост общей площади под льном дал только 34 проц., а на крестьянских землях—45 проц. Это значит, что рост площади под льном был значительно выше на надельных землях, чем на владельческих. В самом деле, площадь под льном на последних выросла всего на 8,8 проц. Иначе дело обстояло с площадью под картофелем. На всех землях она выросла на 63,3 проц., на надельных на 60,8 проц. и на владельческих на 61,1 проц., т. е. между теми и другими землями происходило успешное для надельных земель соревнование.

Теперь выясним, какими скотоводческими рессурсами обладали оба типа хозяйств, т. е. крестьянское и владельческое. Мы будем базировать наши заключения только на 4-х губерниях, частью на неполно описанной Виленской для того, чтобы пользоваться наиболее достоверными данными 1900 и 1916 годов, ибо в последнюю перепись не вошли все губернии. Прежде всего присмотримся к составу лошадиного стада. По данным военно-конских переписей и по обследованию 1916 года

	% лошадей у хоз. крестьян. типа:		
	1900 г.	1912 г.	1916 г.
Виленская	72,6	74,8	92,2
Витебская	76,7	75,8	93,6
Гродненская	69,4	80,8	—
Минская	72,0	73,0	94,5
Могилевская	84,6	83,7	94,4
Смоленская	88,7	86,9	95,5
	79,4	80,0	94,4

Количество рогатого крупного и мелкого скота у крестьян в % к общему количеству:

	1900			1916		
	Крупн. рог. скота	Овец и коз	Свиней	Крупн. рог. скота	Овец и коз	Свиней
Виленская	67,0	81,0	76,1	92,6	97,9	96,1
Витебская	71,1	81,2	80,6	92,8	90,7	96,5
Гродненская	75,8	81,1	87,3	—	—	—
Минская	71,3	75,0	78,3	94,0	99,0	97,7
Могилевская	75,5	85,9	80,1	91,0	98,2	97,5
Смоленская	76,5	91,7	90,2	91,9	99,0	97,4
	72,5	83,1	81,2	94,0	98,4	97,4

Это все значит, что относительно небольшое количество скота принадлежало верхам помещичьего класса. Правда, перепись 1916 года дает такое сочетание для помещичьего хозяйства. В среднем на 1 хозяйство приходится в Витебской губернии—16,4 голов крупного рогатого скота, Смоленской 15,9 голов, в Могилевской—17,0 голов, в Минской—21,2 головы. Но мелким скотом оно не интересовалось и среднее его примерно только вдвое превосходит крестьянское хозяйство.

Мы можем теперь подвести итоги сказанному выше. В крестьянском хозяйстве произошел несомненный сдвиг в сторону его расширения и укрепления. Однако, перепись 1916 года указывает на то, что по крайней мере в области скотоводства намечается некоторое улучшение и в помещичьем хозяйстве. Это вполне понятно, т. к. и помещик потянулся за усилением дохода в той области хозяйства, которая ему больше сулила дохода. Появляется ряд ферм улучшенного скотоводства, молочного и мясного.

По нашему подсчету в Белоруссии все же было до 5 тыс. помещичьих хозяйств нетрудового типа. Это все же была крупная сила, тем более, что материальный базис ее состоял не только в известном % скота и посевной площади, но, главным образом, в обширных лесах и вообще земельной площади.

Белоруссия была страной крупного землевладения и это всегда создавало для крестьянства угрозу укрепления помещичьего хозяйства, а, следовательно, параллельного ухудшения крестьянского. Накануне войны, повидимому, создавалась такая ситуация—помещичье хозяйство стало усиливаться.

В заключение было бы интересно подвести итоги общему росту производства. Это сделано в книге Г. Горецкого о нац. доходе Белоруссии, к которой мы и отсылаем читателя. В общем все зерновые культуры давали в среднем за 1909--13 г. г. доходу на 153 миллиона рублей, тогда как технические культуры и картофель давали 102,4 миллиона руб. Это указывает на огромную роль технических культур и картофеля (66,9% к доходу от хлебов, принятому за 100). Это соотношение в одних губерниях сказывалось резче, в других менее резко. В Смоленской губ. доход от технических культур даже превосходил доход от хлебов (104,1%), в других он колебался от 48,9% (Гродненская губ.) до 72,9 проц. (Могилевская г.) Соотношение доходов разных отраслей можно определить так: скотоводство и зерновая культура давали каждая примерно по 1/3 народного дохода; остальная треть распределялась таким образом, что примерно 1/5 часть всего дохода получалась от технических культур и 1/10 часть—от огородничества, садоводства и пчеловодства. С течением времени наблюдается некоторого рода сдвиг в том смысле, что за период от 1900 г. по 1913 г. несколько падают доли дохода от зерновых культур и от животноводства и наблюдается некоторый рост культур технических. Самыми слабыми губерниями по значению технических культур является Гродненская и Виленская, самыми сильными Смоленская и Минская. Зато Виленская и Гродненская г. г. выделяются относительным значением доходов от животноводства. Мы приведем из книги Г. Горецкого табличку распределения национального дохода от сельского хозяйства в % за 2 периода, за 1900 г. и за 1913 г.

Распределение доходов от сельского хозяйства в %%:

	1900 год.				1913 год.			
	Зерн. культуры	Техничес-кие культ.	Животно-водство	Садов. и огород.	Зерн. культуры	Техническ. культуры	Животно-водство	Садов. и огород.
Виленская . . .	34,5	15,4	39,8	10,3	38,3	17,5	39,2	11,3
Витебская . . .	33,7	13,5	34,3	12,5	30,6	18,7	37,9	12,8
Гродненская . .	38,8	16,1	37,4	7,7	37,1	17,3	37,6	7,4
Минская	34,9	20,1	34,7	10,3	35,4	25,1	29,1	10,4
Могилевская . .	33,7	19,8	33,4	15,1	29,7	20,9	34,5	14,9
Смоленская . .	34,2	21,1	32,3	12,4	27,3	27,0	33,6	12,7
Белоруссия . .	34,6	18,8	35,2	11,4	32,9	21,8	33,8	11,5
Европ. Россия .	48,9	12,9	27,9	16,3	50,7	13,9	26,4	9,0

Если соединить все отрасли хозяйства, то в общем получается, что за означенный период рост национального дохода Белоруссии от сельского хозяйства в 1913 г., сравнительно с 1900 г., поднялся на 26,5 проц. (с 306 млн. р. до 387 м. р.). Этот рост довольно значительный. Но все же общерусский национальный доход рос более интенсивно, ибо дал прирост на 33,8 проц. Мы приведем в абсолютных числах, согласно книге того-же Горецкого, доход в 1900 г. и в 1913 г, по ценам 1900 года доход от всех отраслей сельского хозяйства. Получаем следующие данные:

Губернии.	1900 г. в млн. руб.	1913 г. в млн. руб.	Рост чист. дохода в 1913 г. в % к 1910 г.
Виленская . . .	49	55	13,1
Витебская . . .	44	53	19,7
Гродненская	46	59	27,6
Минская	63	82	29,6
Могилевская . .	47	64	37,4
Смоленская . .	57	74	30,1
Итого . . .	306	387	26,5
Евр. России	2985	3999	33,8

XV. Условия развития техники сельского хозяйства.

Мы много раз говорили, много раз на цифрах показывали наличие сдвига в области сельского хозяйства, указывали на наличие фактов, уясняющих рост продукции его. Конечно, быть может, было бы очень интересно подтвердить эти общие выводы описанием отдельных фактов успехов техники. Но с точки зрения экономической в этом нет особенной надобности. Да и вообще статистика далеко не всегда зарегистровывает технические успехи, за исключением разве специальных обследований, которых у нас почти не производилось. Кроме того, когда мы говорим о наличии новых технических условий, влияющих на селько хозяйственную деятельность, мы этим не хотим сказать, что произошел совершенный перелом в хозяйстве. Мы намечаем лишь начало изменений в благоприятную сторону. Для полного перелома было слишком мало времени и не было таких условий, которые могли бы создать революцию в области сельского хозяйства. Прежнее правительство было слишком осторожно, черезчур берегло казенный сундук и слишком часто металось из стороны в сторону, то поддерживая промышленность и забывая об интересах сельского хозяйства, то, наоборот, устремлялось в сторону крестьянства или земельного дворянства, выбрасывая тому или другому подачки, взамен требуемой поддержки.

При таком правительстве хозяйство могло только нащупывать те или иные пути естественной эволюции.

С нашей точки зрения, нам необходимо при изучении данного вопроса коснуться двух его сторон. Во-первых, необходимо изучить условия, которые задерживали развитие техники и которые отпадали по мере ее укрепления и, во-вторых, реально указать в дополнение к много раз сказанному на некоторые реальные технические улучшения.

Условия, при которых сельское хозяйство может интенсивно развиваться, заключаются прежде всего в умелом приложении труда и в наличии капитала. Само собой разумеется, что дополнительные условия в виде развития рынка и транспорта являются на лицо. Наконец, как известного рода синтез из двух первых положений, вытекает вопрос о мелиорации там, где она нужна, проводимой или правительственными или общественными силами и средствами.

Умелое приложение труда к сельскому хозяйству — это базис его успеха. Уже прошли те времена, когда наивно думали, что сельский труд есть труд грубый и мало интеллигентный, особенно в сопоставлении с трудом городского рабочего. Конечно, в средние века, когда природа сама все давала крестьянину, требуя от него только примитивного труда, а ремесленный рабочий соединял с ремеслом высший художественный вкус и творческую интуицию, можно было говорить о грубости земледельческого труда. Новое земледелие требует от земледельца не только разнобразных технических навыков, но значительной интеллигентности. Земледелец — не придаток к машинам, он руководит машинами. Стальная машина в его руках требует одних навыков, живая машина — скот иных познаний и навыков. Земледелец не только должен уметь наблюдать за природой, мыслить, но и уметь руководить ею, получать от ее даров максимум благ.

Отсюда понятно, что долгое время несший на себе переживания, крепостного права, белорусс не мог проникнуться интеллигентностью

подняться в культурном отношении. Долго царившая безграмотность— вот первая причина, задерживавшая успехи сельского хозяйства.

В одной из работ профессора Кауфмана есть табличка, представляющая собою цифры Саратовской губернии. Крестьянские хозяйства немцев, татар и русских, живущих рядом, различаются по своей структуре, по зажиточности, по доходности. Но в то же время и по количеству грамотных. Немец не потому лучше обрабатывает землю, что он слеплен из другого теста, но потому, что он обладает некоторою интеллигентностью, имеющею за собою несколько поколений. Одним словом, является бесспорным, что нарастание интеллектуальности в крестьянской среде способствует нарастанию его материального благополучия, а с другой стороны материально обеспеченная семья имеет возможность отпускать для учения своих младших членов и тем обеспечивать благосостояние нарастающих поколений. В данных обследования Витебской губернии 1907 года эта связь интеллигентности крестьянской семьи и материального ее благополучия закрепляется очень любопытными цифровыми соотношениями:

Группы по посеву	Проц. грамотных мужчин
1. Беспосевные	29.8
2. До 1 десятины	25.3
3. 1—2 »	25.5
4. 2—4 »	27.5
5. 4—6 »	30.6
6. 6—8 »	34.9
7. 8—10 »	38.6
8. 10—15 »	43.5
9. 15—20 »	46.5
10. 20—50 »	55.7

Совершенно правильные ряды цифр, которые никаких комментарий не требуют.

Если читатель помнит наши замечания относительно состояния хозяйств отдельных губерний, то он мог, вероятно, заметить, что качество хозяйств в Виленской и особенно Гродненской губерниях выше других.

Но уже данные переписи 1897 года дали такое показание, что в Гродненской губернии половина мужчин грамотны, чего не замечается в других губерниях. Вот справка о грамотности или лучше сказать малограмотности белорусского населения по переписи 1897 года, относящаяся притом ко всему населению, как сельскому, так и к более грамотному—городскому:

	% грамотных среди насел. об. п., не считая детей до 9 лет	% грам. мужчин, не считая детей до 9 лет
Виленская	38	46
Витебская	33	40
Гродненская	38	50
Минская	24	34
Могилевская	22	35
Смоленская	23	33
В 50 губ. Евр. России	30	46

Треть или половина грамотных было уже относительно большим успехом, который начал сдвигать белорусса с полосы полной темноты. Мы не имеем таких достоверных данных для позднейшего периода, но, во всяком случае, надо полагать, что условия грамотности и культурности за 10—15 последующих лет значительно подвинулись вперед. Это доказывается простой справкой. Статистический Ежегодник дает за 1914-й год на 1000 человек учащихся во всех школах такое количество:

	В низших школах		Во всех школах	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
Виленская	33,7	11,3	42,9	17,7
Витебская	56,9	25,8	62,5	31,4
Гродненская	73,8	29,7	87,2	39,7
Минская	72,8	25,4	88,7	30,3
Могилевская	84,5	33,1	94,8	37,7
Смоленская	82,5	33,1	87,1	39,4

Женщины еще отстают, но успехи грамотности мужчин представляют собой значительный шаг, сравнительно с 1897 годом. До всеобщего обучения же в некоторых губерниях еще далеко, ибо население школьного возраста составляет около 20 проц. всего населения.

Итак, грамотность, интеллигентность влияет на экономическую мощь хозяйства, но, с другой стороны, экономически сильное хозяйство создает условия для получения грамотности и интеллигентности подрастающим поколением. По мере того, как для белорусса создавались условия перехода от безграмотности к большей и большей грамотности, проявлялось и большее умение в рационализации хозяйства.

В разных книгах, особенно на русском языке, встречаются гимны по адресу американского фермера, его умению работать с машиной, его умению расширять свое дело и т. п. Выходит, как будто далматинец, вдохнув американский воздух, сразу преобразился. Конечно, это не так. Основным двигателем американского фермерского хозяйства является банкир. Это он капитализирует рынок. Это он доставляет машины на фермы, строит элеваторы, железные дороги и т. д.

Десятки лет освобожденный от крепостного ига крестьянин работал без помощи капитала. Рядом с ним сидел помещик, разоряющийся или разорившийся. В деревне капитал был редким и дорогим гостем. С течением времени капитал стал буравить белорусскую деревню. „Капитал,—писал Ленин (IX, 266),—освободил земледелие от феодализма, втянул его в торговый оборот, а вместе с ним в мировое экономическое развитие, вырвал его из застоя и заскорузлости средневековья и патриархальности.“ В б. России были бумажные кредитные мелкие учреждения и реальные. Первые еще заведены были в первую пол. 19 в., но они не сыграли никакой роли. Так до начала 20 века дожили старые волостные и сельские банки, сельские банки бывшего удельного ведомства, образованные

по закону 1859 г., вспомогательно-сберегательные кассы по закону 1840 года, мирские заемные капиталы. Эти остатки старины продолжали кое-где еще существовать; например, в Витебской губернии в начале 20 века было 12 вспомогательно-сберегательных касс с капиталом в 3200 руб. Большее значение имели мирские заемные капиталы: их было 123 в Виленской губернии, 42—в Витебской, 170—в Гродненской, 198—в Минской, 138—в Могилевской и 1—в Смоленской. Все же они выдали ссуд в 1904 г. на 2 миллиона рублей. Но эти учреждения, согласно сложившимся навыкам, кажется, обслуживали большею ча сти крестьян в момент уплаты податей.

Иное дело типы новейших учреждений мелкого кредита—ссудо-сберегательные кассы, ссудо-сберегательные товарищества, кредитные, товарищества и, наконец, сословные учреждения мелкого кредита, земских касс у нас почти не было.

В первые два—три года 20 века они считались в каждой губернии единицами. В 1908 году во всей Белоруссии было 182 ссудо-сберегательных товарищества, в 1911 году их было уже 269. Число кредитных товариществ с 22-х за тот же период поднялось до 98-ми. К этому надо прибавить 745 сословных учреждений мелкого кредита. На 1000 волостей Белоруссии это более, чем по одному кредитному учреждению на каждую волость. Вот для примера сопоставления 2-х годов:

	Число учрежден. коопер. кредита всех видов	Число членов их
1910 год	620	171,0 тысяч
1913 год	664	344,7 „

Это значит, что в 1913 году только 2,8% всего уездного населения были членами кредитных учреждений кооперативного типа. Что касается учреждений сословного типа, то в них записи членов не было, т. к. все сельское общество считалось их членами. Таких учреждений сословного типа было 735 в 1913 г. Каждое учреждение кооперативного типа имело в среднем 488 членов.

В 1901 году 26 ссудо-сберегательных товариществ всей Белоруссии в составе 17 тысяч членов выдали ссуд всего на 647 тысяч руб.

Других кредитных учреждений тогда еше не было, кроме некоторого числа сословных, следовательно можно считать эту скромную цифру выданной всем белорусским крестьянам. В 1911 году 269 ссудо-сберегательных товариществ, состоявших из 120 тысяч членов, при конкуренции других видов мелкого кредита, выдали ссуд на 7 миллионов рублей.

Вообще, оставляя подробности роста, мы приведем последние итоги. По отчетам 1913 года 2046 кооперативных и сословных учреждений мелкого кредита обслуживали исключительно крестьянскую массу. Следовательно, на каждую волость приходилось, примерно, 4 учреждения. Оборотный капитал составлял 33 миллиона рублей, ссуд выдано на 43 м. р. Из всех этих учреждений слабее всего действовали сословные крестьянские учреждения, потому что они не питались капиталами вкладчиков (7 млн. обор.). Следовательно, на долю кооперативных учреждений пришлась выдача ссуд в 36 м. р., что соста

вит немного более 100 рублей на каждого члена кредитного товарищества в год. Это уже ссуда, которая имеет хозяйственное значение, и такая, которая может быть под силу зажиточному крестьянству.

Но этого всего мало. Подробные отчеты кооперативных учреждений дают нам и распределение ссуд, т. е. указывают на цели, которые преследовались при займах. Эти цели следующие: покупка земли, постройка для хозяйственных надобностей, постройка для жилья, улучшение угодий, покупка сельско-хозяйственных орудий, покупка ремесленных инструментов, скота, наем рабочих, уплата аренды, покупка семян, материалов для ремесленно-кустарных изделий и товаров для перепродажи. Просмотр отчетов оставляет впечатление, что в последние гг. некоторые слои крестьянства особенно интересовалась и брали наибольшие ссуды для закупки скота, для найма рабочих, для покупки материалов для ремесленно-кустарного производства и товаров для перепродажи.

Так обслуживали учреждения мелкого кредита крестьянскую массу. Конечно, надо предполагать, что наибольшую выгоду в конце концов извлекали зажиточные крестьяне, но трудно сказать, в какой мере была втянута и масса пролетарского крестьянства.

Однако, надо не забывать, что капитализация крестьянства была шире, нежели только что указанные рамки. Крестьянская мошна в сильной мере поддерживала сельские государственные ссудо-сберегательные кассы.

Рост книжек и рост вкладов в эти кассы возрос только после 1905 г. Вот простое сопоставление—сумм всех книжек и вкладов за 1905 и 1912 годы:

	Число книжек в тысячах	Сумма вкладов в млн. руб.
1905 год	101,3	21,4
1912 год	241,2	52,7

Рост книжек и вкладов идет пропорционально. За 6 лет то и другое увеличилось в 2½ раза. Эти книжки и вклады только крестьянского населения. Это значит, что каждая книжка приходилась в 1912 году на 47 человек, считая, конечно, только сельское население. На 1 книжку приходилось почти 220 рублей вклада.

Конечно, все это уже успех, правда, относительно скромный в сравнении с западно-европейскими странами.

Но этот капитал мог несколько поддерживать только индивидуальное хозяйство. Вопросы мелиорации более крупного масштаба весьма важны в условиях Белоруссии. Наши болота и пески требуют капитала для превращения их в плодородные участки. С точки зрения экономической—это большое дело. Старое правительство занималось осушением болот, работа началась с начала 70 х годов. Площадь Полесья, в котором были разбросаны болота, требовавшие осушения, занимает около 8 миллионов десятин, тут были сотни тысяч десятин непроходимых болотных пространств, не приносивших пользы и создававших нездоровую атмосферу для жителей сухих островов. Работы велись в течение более 30 лет и только на одних казенных землях дали 200 тысяч десятин удобной для эксплоатации почвы. Предприятие оказалось выгодным, потому что даже при казенном управлений каждая десятина осушенной земли давала 9,25 проц. прибыли на затраченный

на осушение капитал. Ясно, что прибыль в частных владениях или в крестьянских была гораздо выше, потому что осушенные болота могли пойти не только под сенокосы и под лес, но и под хлеба и под кормовые травы. Данные, приведенные в отчете экспедиции по осушению болот, свидетельствуют о значительном развитии скотоводства в тех местах, где болота были канализованы и осушены, и об увеличении роста населения. Можно одно только сказать, что все дело осушения велось не всегда достаточно регулярно, а главное, необыкновенно медленно. Понадобилось целых 30 лет, чтобы правительство отпустило бедной стране 4 миллиона рублей на столь важное и необходимое дело. Прежнее правительство щедро (тоже, конечно, относительно) выбрасывало деньги на мелиоративные работы на окраинах, мало давало центру, а еще меньше западной окраине. Даже в последние годы, когда мелиорация в министерство Кривошеина сделалась серьезным предметом забот прежнего правительства, Белоруссии доставалось немного. Ссуды на мелиоративные цели выдавались из разных источников и отчетность об этой работе не была сконцентрирована. Поэтому легко впасть в ошибку при вычислениях.

Но, повидимому, дело надо представлять так, что с 1897 года, когда началась выдача ссуд Главным управлением земледелия и землеустройства, этим учреждением были выданы для белорусских губерний 138 ссуд на сумму в 570 тысяч рублей. Ссуды выдавались на осушение болот в частных хозяйствах, на разведение садов, на росчисть неудобных земель, на постройки, на приобретение скота и т. п. Сюда не входят вопросы осушения и борьба с песками и оврагами. Разумеется, сумма эта ничтожная. Правда, параллельно этим выдачам шло осушение болот и облесение песков. До 1911 года в Минской и Могилевской губерниях было засажено всего около 3½ десятин песчаных пространств. Только накануне войны старое правительство раскачалось: на 1912 год отпущен кредит для белорусских губерний в 764 тысячи рублей.

Этот небольшой эскиз подводит итоги политике бывшего правительства по вопросам мелиорации и интенсификации хозяйства. Ссуды Главного Управления земледелия и землеустройства были выдаваемы как крестьянству, так и частному землевладению. Надо только заметить, что крупные помещики имели возможность кредитоваться в государственном банке и оттуда получать ссуды на земельные улучшения, на покупку сельско-хозяйственных орудий и т. п. Эта сторона дела в наши подсчеты не входит.

Вообще, политика прежнего правительства не отличалась американизмом. Поэтому дело мелиорации почвы и интенсификации земледелия падает на плечи революционного правительства.

Выводы, к которым мы подошли, не только в этой главе, но и в ряде предыдущих, в конце концов сводятся к росту торгового земледелия и внедрению капиталистических отношений в белорусскую деревню. Эти отношения разлагали деревню на зажиточную верхушку и на пролетарские низы. Где возможно было, мы тщательно и на основании источников подчеркивали этот процесс, но мы должны признаться, что для Белоруссии этот процесс разложения не всегда можно проследить, что об'ясняется отсутствием у нас бюджетных и вообще статистических обследований. Но, конечно, у нас процесс проходил так же, как и в остальных частях б. России. Эти процессы капитализа-

ции и расслоения деревни, как известно, впервые были отмечены в литературе в замечательной книге В. И. Ленина о развитии капитализма. Он обнаружил и выяснил этот процесс в самом начале его развития. Он тогда уже указал на особое значение торгового земледелия, которое не только увеличивает собираемые продукты, не только способствует специализации земледелия, но и „земледельческое население раскалывается на сельских предпринимателей и сельский пролетариат". „Основная черта пореформенной эволюции земледелия,— резимируем и наши выводы в применении к Белоруссии, словами Ленина,—состоит в том, что оно принимает все более и более торговый, предпринимательский характер". Происходит процесс „раскрестьянивания" деревни. Прогресс хозяйства, повышение техники земледелия, с одной стороны, выдвигает одни слои, и ухудшает положение других, образует для них „новые виды кабалы". Капитализм в громадной степени расширяет и обостряет среди земледельческого населения те противоречия, без которых, вообще, не может существовать этот способ производства. Но, несмотря на это, земледельческий капитал в России является крупной прогрессивной силой". Капитализм „подорвал вековой застой нашего сельского хозяйства".

Этот процесс, в свое время только намеченный Лениным, в последние годы подвергся обстоятельному изучению в трудах проф. Огановского и многих других. В самое последнее время вышла книга т. Тюменева „От революции к революции", давшая прекрасное обоснование того же процесса на массе фактического материала, к которой мы и отсылаем читателям.

В отношении Белоруссии получалось то наблюдение, которое отмечал еще Ленин. Одним наблюдателям казалось, что деревня богатеет, а другим—что беднеет: „мы знаем,—говорит В. И. Ленин,—что противоположные отзывы относятся к противоположным группам крестьянства". А что касается Белоруссии, то мы должны сказать, что, несмотря на видимое улучшение в положении крестьянства, деревня более беднела, чем богатела. Это доказывается, между прочим, и тем, что национальный доход Белоруссии на душу населения отставал от общерусского (подсчеты Горецкого). Росла материально только деревенская верхушка, буржуазная надслойка: как мы уже показали, в ее руках сосредоточивалась прикупленная земля и рабочий скот, очевидно, в ее руках оставался и капитал; даже заведывание кредитно-кооперативными учреждениями сосредоточивалось в ее руках. До очевидности ясно, что и другие „блага" капиталистического хозяйства не миновали этой верхушки. Тем самым батрак спускался все ниже и ниже.

Закончим наши наблюдения некоторыми деталями, которые дадут нам понятие о сдвиге в области техники земледелия. Тут нам придется прибегнуть к особо сжатой форме изложения.

Надо иметь в виду, как общее правило, что старые формы, особенно в крестьянском хозяйстве, еще не были изжиты, и в последний десяток лет до войны мы наблюдаем борьбу интенсивных форм земледелия с господствующими старинными формами хозяйства. Эта эпоха исканий или капиталов, или уяснения технических преимуществ тех или иных улучшений. Вот, например, какое впечатление оставляет на читателя земское обследование Витебской губернии 1907 года. Трехполье еще преобладает, но уже вошло в обиход и многополье и травосе-

яние 65% хозяйев пользуются плугом, но борона еще простая. Серп еще универсальное уборочное орудие, но у латышей уже коса. Зато унаваживание вошло в норму, дойдя до 800-1200 пудов навоза на десятину. Пробирается и искусственное удобрение, которым однако пользуется не более 5% хозяйств. Но стремление получить рыночное растение, особенно лен, который дошел до 17,8% ярового поля, конечно, должно выталкивать повсюду старое трехполье и приучать к искусственному удобрению. Это маленькая вводная иллюстрация к той эволюции, которую мы наблюдаем.

Но прежде всего нам надлежит уяснить некоторые из технических условий, которые стимулируют модификацию хозяйства в направлении его интенсификации. Весь вопрос сводится к причинам и формам перехода (у нас, конечно, далеко незакончившегося) от трехполья. к многополью.

Важным моментом в истории трехполья является тот, когда экспансия посевной площади в отношении удобных для пахоты земель доходит до известного максимума. Конечно, этот максимум для различных районов весьма неодинаков. Но во всяком случае хозяйство не может безнаказанно захватывать площадь под пахоть. Необходимо сохранение известного количества земли для целей скотоводства, а еще более для охраны оврагов, песков и т. д. Стремление к расширению площади без сочетания с выше указанными условиями привели еще в 80-х годах великорусский центр к так называемому кризису трехполья, выясненному профессором Огановским. Хозяйство истощило почвенные богатства и дошло так сказать, до глухой степени. У нас незанятая площадь была относительно большая, но все же рост земли под пахоть в некоторых районах становился угрожающим.

Так, например, в Витебской губернии в 1887 году приходилось 32 десятины под пашней на 100 десятин удобной земли, в 1912 году—42 десятины, в Виленской те же соотношения с 41 десятины поднялись до 49, в Гроненской с 42 до 44 десятин. Но обе последние губернии были значительно распаханы и дальнейшая экспансия сдерживалась естественными условиями. В Могилевской губернии с 32 десятин на 100 распаханные земли поднялись в 1912 году до 43 десятин, в Смоленской с 31 десятины до 35 десятин и только в Минской с 26 до 31 дес.

Так, по данным „Атласа сельско-хозяйственной промышленности“ оказывается, что в размерах всей посевной площади хлебов с 1895 по 1912 годы, у нас идет 2 параллельных процесса: в одних районах идет более или менее значительное снижение посевной площади (например, в порядке понижающейся высоты % снижения: в Дриссенском, Бельском, Белостокском, Борисовском, Рогачевском, Виленском, Брестском районах), и в других увеличение площади в таком же порядке: в Бельском—Смоленской губернии, Бобруйском, Мозырском, Виленском Смоленском и в других менее значительные перемены). Конечно экспансия пахотной площади в Белоруссии не дошла до тех уродливых размеров, до каких она дошла в Великороссии; может быть, говорить о повсеместном кризисе трехполья у нас было бы преждевременно, но, повидимому, где то за 40 десятинами пахотной площади на 100 десятин удобной земли лежит уже предел для нашего трехполья, дальнейшее расширение площади становится нецелесообразным.

Появление пропашных растений уже является известного рода сдвигом в трехпольном хозяйстве. Конечно, если пропашные растения

вкрапливаются в зерновые культуры небольшим %, то трехполье еще удерживается. Но, например, по расчетам проф. Челинцева появление такой пропашной культуры, как картофель, в размере 6,5% уже нарушает цельность трехполья. В этом отношении белорусские губернии в начале 900-х годов занимали первое место сравнительно с великорусскими, т. е. у нас раньше, чем в остальной России, благодаря картофельной культуре, наблюдается общий отход от трехполья.

С этого преобладания картофельной культуры начинается постепенное отмирание трехполья. Сначала оно принимает формы так называемого улучшенного трехполья, т. е, такого, в котором при внешнем сохранении трехполья в рамки его вдвигаются пропашные культуры и посевные травы.

Белорусская статистика не дает соответственных данных, но, вероятно, ход технических изменений шел таким образом, что они первоначально входили в обиход помещичьих хозяйств. Затем проходили через хозяйства более зажиточных крестьян, докатываясь до малоземельного крестьянства. Впрочем, всякое улучшение сопровождается затратой капитала, и надо всегда помнить, что малоземельное крестьянство весьма охотно стремится к интенсификации своего участка. Это относится и к русскому крестьянству (Пешехонов) и блестяще доказывается на примерах даже парцеллярного хозяйства Дании и Бельгии.

Во всяком случае, в наших губерниях рост площади картофеля, затем травосеяние разрушали трехполье и подводили его к плодосмену. Такое же значение имеет и появление других трудоемких культур, особенно льняной. Если в деле картофельной культуры крестьянское хозяйство должно было конкурировать с помещичьим и вышло победителем из этой конкуренции, то льняная культура, как мы уже знеем, есть наиболее крестьянская.

По самому существу своему культура льна—крестьянская культура. Помещичье хозяйство не могло конкурировать, т. к. льняное волокно, добытое в крестьянском хозяйстве, всегда дешевле стоило, нежели в помещичьем. Оттого и замечалось в льноводных районах такое явление помещики начинают разводить льняную культуру, немедленно к ней появляется интерес у окрестных крестьян. Но тогда цена волокна падает в данной местности, и помещики принуждены сдавать крестьянам в аренду годные под лен земли. Дело в том, что льняная культура почти исключительно берет у крестьянина то время, которое у него свободно от других полевых работ и частью зимнее время. Таким образом, коэффициент полезности ее в крестьянском хозяйстве громаден. Остается принимать только предосторожности, чтобы эта культура не превращалась в хищническую и не истощала бы почвы.

Отсюда понятно, что наше хозяйство с развитыми посевами картофеля и льна, о чем нам уже приходилось говорить, во многих районах вышло за пределы трехполья. Очевидно, последнее сохранялось только там, где условия рынка или распределения посевной площади (дальность расстояния, чересполосица и пр.) делали переход ненужным или нерентабельным.

Этим всем отмечается известного рода сдвиг в сторону интенсификации сельского хозяйства; такой же сдвиг можно наблюдать и в эволюции урожайности. Этого вопроса мы отчасти уже касались, но-

считаем нелишним привести здесь еще одно указание—сравнительный рост эволюции урожайности у нас и в других губерниях Европейской России.

В данном случае мы сошлемся на работы. В Обухова, применившего математический метод к изучению данного вопроса.

В. Обухов дал подсчеты среднего урожая ржи с 1880 г. по 1915 г., причем эволюцию урожайности определил посредством коэффициэнта корреляции. Оказалось, что из 50 губ. Европ. России особенно сильную эволюцию дала урожайность в губерниях Гродненской, Ковенской, Волынской, Минской и Виленской. За этими 5-ю губерниями уже на 11 месте стоит Могилевская, на 17 месте Смоленская и за нею Витебская, вклинивающаяся однако в область сильной эволюции; не только коэффициэнт корреляции, но даже и средняя урожайность показывают сильный рост урожайности в наших губерниях, сравнительно с остальными губерниями Гродненская и Минская г. стоят на первом месте. В первой губернии средний урожай ржи в период 1883—1893 давал 35,1 пуда с десятины, в 1905—1915—уже 54 п., в Минской урожай поднялся за те же периоды с 31,7 до 44,8 п. Это наивысший под'ем, по сравнению с остальными 50 губерниями. Виленская г. заняла 6-е место (с 32,2, до 41,4 п.), Могилевская—11-е место (с 34,9, до 45,1); однако Смоленская стала уже на 17 место и Витебская—на 23-е. Эти сравнения говорят нам, во всяком случае, о том, что белорусские губернии делали относительно большие успехи по интенсификации сельского хозяйства.

Можно и еще остановиться на одном способе сравнения. Когда то еще Бехтеев указывал на невыгодные стороны русского сельского хозяйства в том смысле, что средние колебания урожайности хлебов дают весьма значительные отклонения, не только сравнительно с европейскими странами, но даже с отсталой Индией. Он был совершенно прав, когда говорил о 80-х годах прошлого столетия и когда и белорусские губернии находились в той же полосе неустойчивых урожаев. Иная картина получается, когда мы взвесим колебания урожайности в последнюю эпоху и сравним белорусские губернии с другими губерниями России. И тут чувствуется, что наше хозяйство находилось в полосе роста интенсификации хозяйства. В данном случае сошлемся на сложные вычисления Н. Четверикова („Вестник Статистики“, кн. 14 и „На новых путях“, вып. 5, ч. I).

Этот автор исследует колеблемость урожаев 8-ми хлебов Европейской России. Оказывается, что гречиха обнаруживает наибольшую устойчивость урожая в белорусских губерниях, т. е. как раз в тех губерниях, где посевы ее занимают наибольшую площадь. По отношению к овсу и ячменю наибольшей устойчивостью также отличается Белоруссия, наряду с Польшей и лесистым севером. В отношении колебания урожаев ржи белорусские губернии уступают только прибалтийским. В наших губ. по вычислениям Четверикова коэффициент колебания колеблется от 0,48 до 0,69, между тем как в прибалтийских он колеблется от 0,51 до 0,62. Но это наименьшие размеры колебаний, наивысший же размер доходит до 2,62. Урожаи картофеля у нас отличались наименьшими колебаниями, превосходя в этом отношении даже прибалтийские губернии. Урожаи льна во всей Европейской России подвергались наиболее сильным колебаниям, но белорусские губернии в этом

отношении все же были в более благополучном положении даже в сравн. с льноводными: Ярославской, Псковской и Новгородской г.

Теперь возьмем некоторые характерные частности. На первом плане—вопрос о травосеянии. Во всей России травосеяние началось поздно. До начала 20 века оно имело очень мало применения. По подсчетам профессора Челинцева, в 1901 году в нечерноземной полосе насчитывалось только 14 губерний с травосеянием, а в черноземной—4. Но весьма важно отметить, что тогда уже, если отбросить губернии Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую, хозяйство которых всегда носило особый характер, то на первом месте среди нечерноземных губерний стоят белорусские (в 4-х черноземных проц. трав был незначителен): Виленская с посевом 2,5 проц. всей площади, Гродненская—2,4 проц,, Могилевская—1,2 проц., Витебская—1,7 проц., Минская—2,8 проц., Смоленская—3,1 проц.

Вот еще несколько деталей.

Наиболее подробные сведения по этому вопросу были собраны бывшим министерством земледелия и государственных имуществ и были изданы в 1905 г. Хотя травосеяние давно было известно в нашем крае, тем не менее оно только в начале 20 века начало постепенно получать распространение преимущественно в частновладельческих крупных и средних хозяйствах, в очень малой мере в мелких хозяйствах, частновладельческих и крестьянских. Так в Могилевской г. в крестьянских хозяйствах оно начало вводиться в самом конце 19 века и вообще находилось в зачаточном состоянии. Анкетные данные этой губернии весьма основательно об'ясняют нам причины, которые мешают широкому введению травосеяния. Эти причины по существу повторяются и корреспондентами других губерний и приложимы ко всей Белоруссии. Травосеяние стоит дорого. Лугов еще достаточно. Между тем, доход от плохого молочного скота не компенсирует затрат на травосеяние. Поэтому необходимо одновременно улучшить молочную породу скота и переходить к травосеянию Это, конечно, весьма усложняет задачи хозяйства. Крестьянское хозяйство поставлено еще в особые условия. Это хозяйство страдает малоземельем и чересполосностью. Поэтому крестьяне охотно переходят к травосеянию на купчих землях, где они не зависят от чересполосицы. То же самое отмечается и по отношению к Витебской губернии. Между прочим, падение цен на зерновые продукты в конце 19 века заставило здесь хозяев обратиться к травосеянию и к улучшению молочного хозяйства. В уездах Лепельском, а также в Инфлянтских травосеяние сделало большие успехи, даже и на крестьянских купленных землях. В Смоленской губернии начало травосеяния относится к 60-м годам 19 века, а в некоторых имениях и к эпохе до раскрепощения крестьян. Здесь травосеяние сделало сравнительно большие успехи и даже на крестьянских землях оно охватило значительную часть селений. И здесь крестьянское травосеяние ютится, главным образом, на выделенных полевых участках или на усадебных и огородных землях, потому, что чересполосица и общинное землевладение тормозили развитие крестьянского травосеяния. Наибольшие успехи травосеяние сделало в Виленской и Гродненской губерниях, как мы уже знаем. В Минской губернии в южной части ее травосеяние мало известно ввиду обилия там лугов и выгонов, но в северных уездах оно уже проникло в частно-владельческие и в крестьянские хозяйства. С посевом трав здесь крестьяне стали переходить к 6-типольному хозяйству.

Эти справки, относящиеся к 1905 году, мы закончим сводной табличкой успехов травосеяния за последние 15 лет. Цифры очень поучительны, почему не требуют комментариев, а различие в разных губерниях соответствует напряжению пахотной площади и культуре пропашных.

	1901 г.	1912 г.	191 6 г.
Витебская . . .	100	516.3	443,8
Минская . . .	100	162,6	105,3
Могилевская . .	100	120,0	175,7
Смоленская . . .	100	150,1	282,3
Итого . .	100	180,5	215,7

Белорусский район увеличил травосеяние более чем в 2 раза. Витебская губерния его учетверила. В Минской, вероятно, под влиянием осушения болот, даже видим некоторое понижение сравнительно с 12 годом. Среди других районов бывшей России Белорусский район в общем не отставал от других районов нечерноземной полосы, а если отбросить богатую сенокосами Минскую губернию, то значительно превосходил другие районы. Белоруссия уступала в этом отношении юго-западному и малороссийскому районам с весьма интенсивным хозяйством, но опять таки без Минской губернии она почти догоняла и эти районы. Одним словом, темп перехода белоруссов к интенсивному хозяйству в общем частью не отставал, а частью превосходил другие районы бывшей России.

Травосеяние стоит в тесной связи с переходом к многопольному севообороту. Характер многопольного севооборота не сразу устанавливается и обычно носит весьма разнообразный колорит. Вот почему наше многополье имеет самый разнообразный характер, от 5-ти польного до 12-ти польного севооборота. В некоторых уездах Витебской губернии замечается стремление к введению девятипольного севооборота, но в общем во многих местах правильной плодопеременной системы не введено, есть единичные пробы, но еще вполне не установившиеся. В некоторых уездах Смоленской губернии введено ярославское 4-х поле с 8-ми летним чередованием растений. Ярославский севооборот, исследованный профессором Чаяновым, вероятно, в наших условиях должен иметь большое применение. Но пока можно лишь вынести общее впечатление, сводящееся к тому, что революция застала белорусское хозяйство вообще и в частности крестьянское в такой момент, когда оно постепенно отходило от старых прадедовских навыков и традиций и искало путей к новым формам хозяйств. Это была эпоха опытов, без которых не может обойтись земледельческое хозяйство при переходе его от более простых форм к более интенсивным.

Нет нужды описывать подробности применения многопольного севооборота в разных губерниях. Да это и бесполезно было бы, т. к. дело не в описании севооборотов, а в уяснении их связи с естественно-историческими особенностями каждого района. Для этого нужны

предварительные особые изыскания по агрономической части, которых пока еще нет. Только для Минского района имеется интересная работа т. Макарова, наблюдения которого дают нам в общем картину до военной эпохи. По наблюдениям Макарова, самые интенсивные формы севооборота на западе (Минский уезд), а самые экстенсивные на юге (Мозырское Полесье). Таким образом распространение улучшенных севооборотов идет правильно от центра к периферии.

Вообще центральные места, т. е. местности с более густым населением и с более развитым рынком, окружены и более интенсивной сел.-хозяйственной культурой. Это замечается, например, и по отношению к Борисову, от которого сельско-хозяйственные районы с ниспадающей интенсивностью хозяйства распространяются почти концентрически.

Районом наиболее интенсивного сел. хозяйства является район Минско-Несвижско-Клецкий, хорошо перерезанный железными дорогами, с наибольшей плотностью населения и с наилучшими почвами. Процент сенокосов-выгонов в нем наименьший (все же 45% по отношению к пашне). Полеводство этого района имеет зачатки многопольно травяной системы. По распространению культур и животных этот район характеризуется, как район ржано-овсяно-ячменный, травопольный, молочно-свиноводственный. 2-й район—Логойско-Игуменско-Слуцкий, густо населенный, но уступающий первому району. Травосеяние здесь играет значительно меньшую роль. Интенсивные полевые культуры картофеля, трав и льна все же значительны. Сенокосов и выгонов больше, нежели в первом. Отличается промышленным свиноводством. По культуре район характеризуется, как район ржано-овсяно-ячменный, травопольно-свиноводственный.

3-й район, состоящий из части Борисовского уезда и из южной части Бобруйского, уже малонаселенный район и многолесистый, удален от ж-дорожных станций, почва слабая; полеводство развито слабее предыдущих районов, травосеяние незначительно, повышается % площади под льном. Появляется гречиха.

Он характеризуется, как район ржано-ячменно-овсяно-льняной.

4-й район, сев.-полесский, бобруйско-мозырский. Это район ржано-гречишно-льняно-картофельно-мясной. Население редкое. Район прорезывается только одной железнодорожной линией. Почва песчаная, болотистая, много леса. Луга и выгоны занимают такую же площадь, как и пашни. Травосеяние ничтожно. Из трудоемких культур—лен и картофель. Интенсивность хозяйства замечается в приусадебных полях, а на более удаленных участках хозяйство ведется экстенсивно. Здесь много гречихи, которая мало требовательна к почве.

4-й район южно-полесский, Мозырский,- ржаногречишно-льняной, мясной. Это район мало населенный, с бедными почвами, обильный лесом, лугами и болотами.

Гречиха занимает четверть пашни, лен—4,2%, просо—6%.

Распространение усовершенствованных сельско-хозяйственных машин тоже очень хороший показатель роста техники. И в этой области мы наблюдаем передвижение от старинных приемов к интенсификации земледелия.

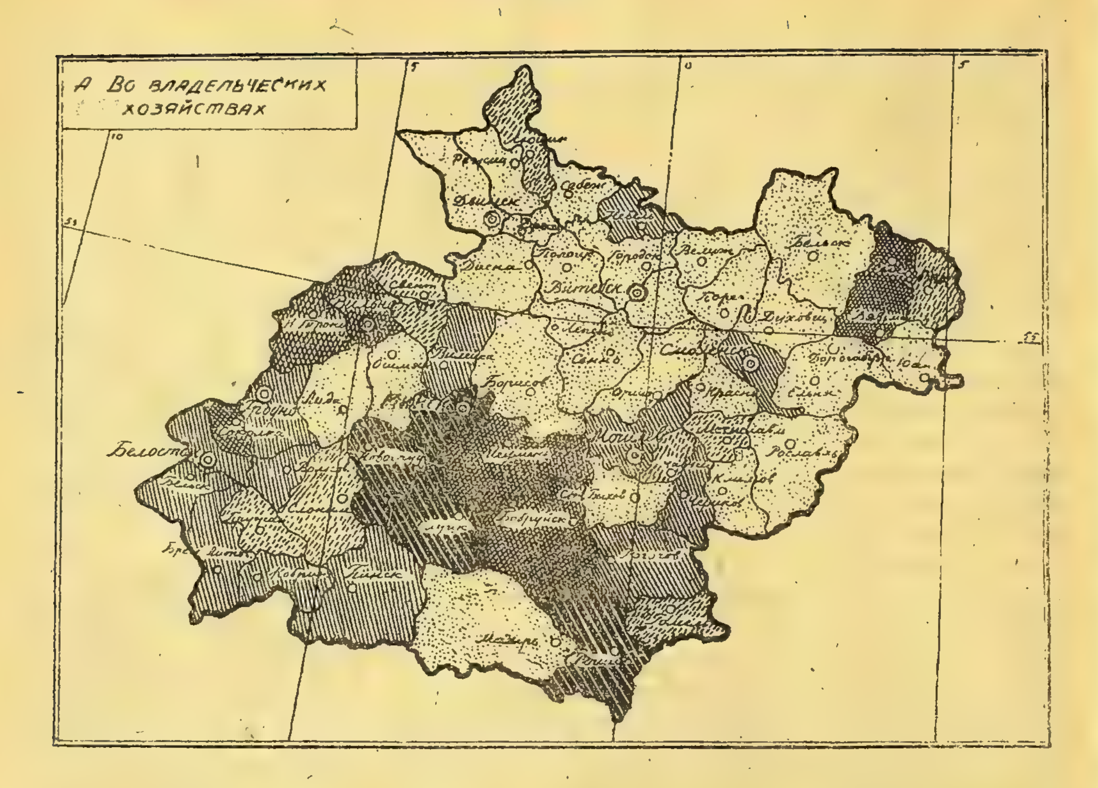
Министерские данные 1897 года, изданные в 1903 году, свидетельствуют, например, о довольно широком распространении усовершен-

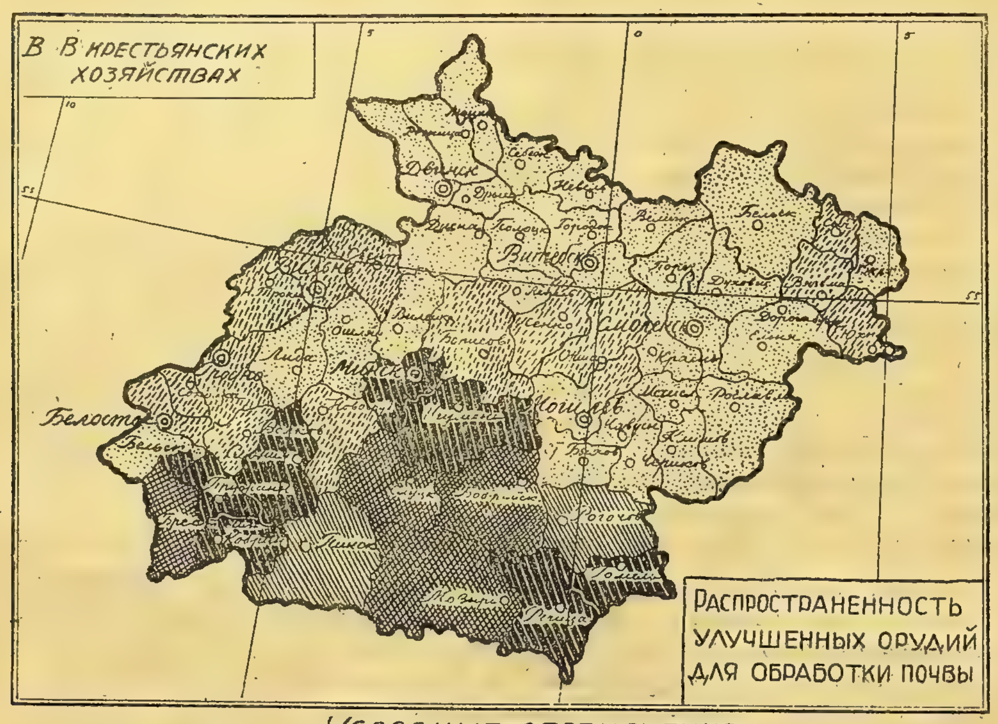
ствованных орудий для обработки почвы на частновладельческих землях губерний Смоленской, Могилевской, Гродненской и частью Минской. В других губерниях эти орудия были еще слабо распространены. В крестьянских хозяйствах эти орудия, как общее правило, встречались тогда довольно редко. В Смоленской губернии, однако усовершенствованные орудия для обработки почвы начали уже вытеснять старую соху. Посев крестьяне производят еще почти исключительно ручным способом. Во владельческих имениях встречаются сеялки. Другие орудия слабо распространены, но борона употребляется железная или с железными зубьями. В Могилевской губернии белорусская соха является господствующей. То же можно сказать относительно Минской губернии, где притом еще преобладает деревянная борона. То же в других губерниях. Напротив, в Гродненской губернии частновладельческое хозяйство тогда уже перешло к усовершенствованным орудиям вспашки и только в крестьянском хозяйстве соха продолжала конкурировать с плугом.

Вообще, еще в последние годы 19-го века распространение у нас улучшенных сельско хозяйственных орудий было весьма слабо. Но это была эпоха, когда хозяйство быстро начинало применяться к улучшенным методам его ведения. Отсюда понятно, что собранные в 1910 году статистические данные дают уже иную картину. Правда, эти данные нельзя сравнить с данными предыдущего периода просто потому, что в этот последний обследование не собирало цифровых данных; но во всяком случае по анкетным данным, по всей сумме наблюдений корреспондентов, в последние годы 19 века чувствовалась большая бедность усовершенствованных орудий не только в крестьянском, но и в помещичьем хозяйстве. Поэтому статистические данные 1910 года свидетельствуют о росте применения машин и не только на помещичьих землях, но и на крестьянских. Последний вывод естественно вытекает из соотношений усовершенствованных орудий к неусовершенствованным (статистические данные того времени не отделяли различных типов хозяйств). Так, соха в 4-х губерниях (Могилевская, Минская, Витебская, Смоленская) составляют только примерно 4-ю часть всех орудий для под'ема почвы. Примерно такую же часть орудий занимает железный плуг и значительно меньшая половина всех орудий приходится на деревянный плуг. Это уже несомненный успех, свидетельствующий о близкой победе плуга над сохой. В числе орудий рыхления почвы старинная деревянная борона занимает ровно половину; другая половина приходится на деревянную борону с железными зубьями и на другие более усовершенствованные типы бороны. Сеялка и жатка еще мало вошли в употребление, но 23 тысячи молотилок и 57 тысяч веялок представляют собою несомненно успех применения машин.

Атлас „Сельско-хозяйственный промысел в России“ (картограмма на стр. 156) дает наиболее густую сеть улучшенных орудий в крестьянских хозяйствах (от 80 до 89 на 100) в районах Речицкого, Игуменского, Брестского и Пружанского уездов, затем менее густая сеть показана в районах Минского, Слонимского уездов (70—79 на 100), еще слабее сеть в районах Бобруйского, Слуцкого, Мозырского уездов.

Как перемежалось улучшенное хозяйство с старыми формами, видно из того, что светлые пятна на картограмме до 10 или до 20 орудий на 100 покрывают Витебскую губернию, районы Виленского и Лидского уездов Виленской губернии. Интересно и следующее. Районы улучшен-

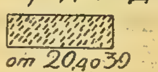

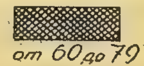
Условные обозначения

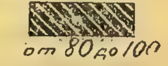
На 100 всех орудий для обработки почвы приходится улучшенных

менее 19

от 20 до 39

от 40 до 59

от 60 до 79

от 80 до 100

ных орудий в владельческих хозяйствах вообще совпадают с районами крестьянского, но можно сделать и обратное наблюдение: Мозырский район в отношении сельско-хозяйственных орудий имеет очень экстенсивное помещичье хозяйство и более интенсивное крестьянское. В Игуменском районе крестьяне относительно применяют больше улучшенных орудий, нежели помещики и т. д. Одним словом, крестьянское хозяйство конкурирует с помещичьим в деле введения технических улучшений.

Вопрос применения усовершенствованных машин и орудий учитывается еще иными способами—производством машин на месте, особенно появлением мелких мастерских, приспособляющих нужные для крестьянина машины, имеющих мастеров для починок, наконец, ввозом машин в данный район.

На все эти вопросы мы в должной мере не ответим, к сожалению. Но все же наблюдения приводят к тому выводу, что местное машиностроение имело довольно широкую клиентуру на месте же и притом развивалось оно довольно быстро. С 50 заводов сельско-хозяйственных машин в 1911 году число их поднялось до 63-х в 1913 году. Производство в первом году выражалось в количестве 820 тысяч пудов и за год выросло более, чем в 1½ раза, дойдя до 1335 тысяч пудов. Заводы эти производили большею частью несложные сельско-хозяйственные орудия. Они выпускали сотни тысяч плугов, усовершенствованные бороны, десятки тысяч молотилок, наконец, машин для приготовления кормов и для прессования сена. Основная клиентура заводов было, очевидно, местное хозяйство, но около полумиллиона продукции их выходило за пределы Белоруссии, что с излишком компенсировалось ввозом в Белоруссию 834 тысяч пудов машин и орудий (1913 год.).

Параллельно с машиностроением внедряются в употребление искусственные удобрения, в детали чего мы входить не будем.

Мы не считаем нужным в заключение нашего очерка повторять основные выводы его, тем более, что и сам настоящий очерк является как бы сводкой, выводом из всего того, что говорилось на многих предшествующих страницах об эволюции нашего сельского хозяйства в изучаемый период. Нам хотелось бы обратить внимание еще лишь на одну сторону вопроса. Мы вполне согласны с товарищем А. А. Смоличем, что весьма неверно было бы об'яснять недостаточное производство хлеба в Белоруссии какими нибудь специфическими особенностями почвы Белоруссии, или же неумением и неразвитостью ее земледельца. В умении приспособиться к рынку, к новым течениям хозяйства Белоруссия являлась одним из передовых районов бывшей России.

Приспособляясь к рынку, белорусс стремился не только к тому, чтобы прокормить себя, но чтобы получить наибольшее количество за свой труд. Если ему не хватало хлеба, он охотно его покупал, ибо Белоруссия находилась на большой дороге, по которой провозились массы дешевого хлеба, и смысл белорусского хозяйства заключался в том, чтобы производством более интенсивных культур не только заполнить недостаток в хлебе, но и получить известного рода излишки. Как только он чувствовал направление рынка, он немедленно приспособлял к нему и свое хозяйство, подходя все к более и более к высшим интенсивным формам его. Если он не сразу стал на этот путь, то ведь он был связан со всей остальной Россией, имея при том свои

местные недостатки. Нужно было время для изжития остатков средне вековья, нужно было наличие условий капитализации хозяйств. Работа шла в стране бедной капиталами, в стране, в которой город весьма в малой мере стимулировал хозяйство, и оно должно было искать выхода своей энергии за пределами района. И белорусс выходил из этих трудностей с большим умением и настойчивостью.

VI. Лесное хозяйство.

Лесное хозяйство близко примыкает к сельскому. О громадном значении лесов Белоруссии мы уже говорили. Нам здесь остается вкратце охарактеризовать политику прежнего правительства в отношении лесного хозяйства.

Лесное хозяйство Белоруссии прежнего времени велось чрезвычайно примитивно. Это в общем процесс хищнического истребления лесов. В Памятной книжке Витебской губернии за 1885 год мы находим такую характеристику лесного дела.

В течение десятилетий хищническое истребление лесов шло усиленным темпом. В 1882 году из площади казенных лесов в 215 тыс. десятин устроенных лесов, т. е. тех, в которых было заведено правильное хозяйство, было всего 44 тысячи десятин. Количество лесов частновладельческих и крестьянских переходило за 2 миллиона десятин, но в губернии считалось всего-на-всего одно устроенное лесное помещичье хозяйство. Только в 2-х помещичьих имениях была надлежаще организована лесная стража. В остальных леса почти не охранялись и не подвергались правильной эксплоатации.

Один из наблюдателей начала 80-х годов передает, что землевладельцы не интересуются лесным делом, продают свои леса на сруб и арендаторы хищнически опустошают леса. Пожары уничтожают лес, потому что обрубленные сучья не вывозятся. С'емщиками лесных дач являются капиталисты и крестьяне. Последние покупают лес не на вывоз за границу, а для подвоза в города и местечки и для переработки. Деревянный кустарный промысел очень развит. Крестьяне же сбывают уголь, дубильную кору и пр.—все, что идет на местный рынок, гонят смолу. В губернии считалось 15 мелких заводов для переработки леса.

Положение немногим изменилось, даже в 900-х годах. Денисов, которому принадлежит обширная монография о лесном хозяйстве, так характеризует лесное дело в нашем крае. „Скупка частных лесных дач сосредоточена в России обыкновенно в западных губерниях, главным образом, в руках немногих крупных лесопромышленных фирм, имеющих развитую агентуру, в лице местных—маклеров и купцов.

Агенты, учитывая затруднительные моменты в положении дел у помещиков и вообще у лесовладельцев, а вместе с тем и конкурируя между собой, выдают авансы под лес, выговаривая себе право той эксплоатации, которая в момент вырубки представится покупщику наиболее выгодной. «Это право делает последнего полновластным хозяином купленной дачи и он производит вырубку того леса, который находит выгодным, тем более, что расчет ведется от вершка и бревна. В результате вырубленными оказываются деревья лучшего пиловочного сорта, молодые сосны и ели, идущие на балансы и пропсы, молодые дубы—на клепки, молодые осины—на спички. Все же, что мало

мальски не удовлетворяет требованию рынка, или изготовка требует больших расходов и больше времени, а равно весь фаут, даже самый незначительный, суковатые вершины и т. п.,—все это остается в лесу и превращается в гниющую массу, гибельную для молодой поросли и оставшегося на корню леса. В Минской губернии некоторые лесные дачи, как, например, в приберезинском районе, сильно опустошены и здесь „процент фаута за последние пять лет возрос на 36 проц., а прирост древесины с 25 проц. упал до 16 проц.“ Довольно серьезный вред лесам приносит и летованье леса, т. е. оставление срубленных деревьев, что оговаривается в договорах. „Оставленные для летованья в коре стволы представляют благоприятную среду для размножения живущих под корою вредных насекомых, которые, не нанося существенного вреда срубленному дереву, т. к. не имеют для этого достаточного времени, угрожают, оставаясь в лесу после очистки коры, целости растущего леса“. Так исчезали и портились вековечные богатства края. Это особенно заметно стало в 900-х годах. Предоставим тому же автору дальше его же словами характеризовать положение лесного дела в Белоруссии.

„В северо-западном районе, самом богатом частными лесами, вырубка идет в усиленной прогрессии, особенно в последнее пятилетие, когда со стороны заграничных рынков стали поступать требования, помимо пиловочного леса, на балансы, клепку и другие материалы для мелкой древообрабатывающей промышленности. По данным Рижского и Либавского биржевых комитетов, значительный процент прироста лесных товаров, наблюдаемый в последнее пятилетие, всецело надо отнести за счет эксплоатации частновладельческих лесов. Высокие цены, взвинчиваемые экспортерами, совершенно сбили с толку владельцев и они спешат с вырубкой своих лесов, которая, по заявлению гомельского совещания, принимает „характер мании“. Не стало и поречских и бельских лесов в Смоленской губернии—свыше 2.000000 бревен ежегодно сплавлялось по Днепру в период 1905-1910 годов. В Приднепровьи „скоро настанет лесной голод“, заявляют местные земства“.

Истребление лесов вызвало со стороны правительства стремление упорядочить лесное хозяйство. В этих целях были учреждены лесоохранительные комитеты, но комитеты не приостановили хищнической эксплоатации лесов.

Вообще правительство преимущественно занималось казенными лесами и лесное хозяйство в частных владениях не подвергалось регламентации.

Лесной устав подробно разработал только вопрос о защитных лесах. Но наши условия не выдвигали необходимости отвода защитных лесов. Поэтому закон только охранял частные леса от опустошительных порубок. Но неопределенность самого понятия об опустошительной рубке давало повод ко всякого рода обходам закона. Это относится как раз к последнему времени, когда рынок стал предъявлять спрос на молодой лес и материал только лучшего качества. При таких условиях лучший лес вырубался, худший оставлялся, причем однако срубленное пространство не подвергалось очистке. В результате надзор за частными лесами, требование от них плана хозяйства и пр. сводились к выполнению простых формальностей.

Главным местом лесных заготовок служил район верхнего Днепра. Главным распределительным рынком был Минск. Сюда с‘езжались лесопромышленники и лесоторговцы главных потребительных центров западной России, Кременчуга, Екатеринослава, Киева, Херсона.

Бассейн Немана имеет большое значение в деле экспорта леса. Лесная площадь этого бассейна охватывала 2689 тысяч десятин: из коих 34 проц. было казенных лесов. Из этого района лес сплавлялся по Неману, по Висле и Западной Двине. В этом районе механическая обработка дерева достигла значительного развития.

О размерах отпуска по Двине и Неману можно до некоторой степени судить по отпуску Рижской и Юрбургской таможен, которые дают следующие цифры отпуска для 1908-9 годов (в тыс. пуд.):

Таможни	Доски, латы шпалы и т. д.		Брусья, балки стропила и т. п.		Бревна сосновые и еловые	
	1909	1908	1909	1908	1909	1908
Рижская	58 396	44.741	9.130	6.994	438	374
Юрбургская	5.314	7.618	23	28	18 152	13.278

Значение этих цифр будет для нас понятнее, если мы укажем, что в 1909 году обоими таможнями было пропущено 22 проц. всего русского отпуска леса.

Лесоохранительные комитеты имели собственно ввиду сберечь частные леса. Казенные леса, занимая огромное пространство, давали казне относительно скромный доход. Так, из казны в 1906 году было отпущено леса на 6464 тысячи рублей. Правда, некоторым группам населения, собственно крестьянскому, казна отпускала лес, так сказать, по благотворительным ценам. Но все это необходимо и вовсе не оправдывает малой доходности лесов. Дело в том, что в правительственной системе эксплоатации лесов имелся целый ряд дефектов.

Прежде всего правительство гналось за дешевизной лесного надзора. Но эта погоня за дешевизной отражалась на результатах лесного хозяйства.

Пруссия имела в 150 раз меньшую лесную площадь, нежели Россия, но ее расход на содержание лесов на 30 проц. выше расхода на содержание лесов всей России. Зато доход прусского королевства от эксплоатации лесов равнялся доходу, получаемому всей Российской империей, и можно быть уверенным, что лесное хозяйство не было хищническим.

Само правительство не считало возможным затрачивать капитал на вырубку леса или на устройство заводов. Оно сдавало леса с публичного торга по краткосрочным контрактам. При сдаче, главной задачей было получить возможно большие цены, а затем делом лесопромышленника было выручать свой капитал разными незаконными способами. Отсутствие долгосрочных контрактов, отсутствие концессионных способов, все это в конечном итоге не увеличивало дохода, а по существу его уменьшало и не давало возможности построить планомерную экономическую политику в области лесопромышленности.

К этому надо прибавить недостатки в системе каналов. Количество их было недостаточно и сами каналы имели недостатки. Фаас, исследователь лесной торговли в России, представляет дело так.

Главной водной системой сплава леса в Германию является система Немана, соединяющаяся с бассейном Днепра посредством Огинского канала, а с другой стороны река Висла, соединяющаяся с тем же бассейном Днепровско-Бугским каналом. Но в этой системе Яцольда, Огинский канал и Щара представляют собою довольно мелководный переход и устарелую систему шлюзов. Верхнее течение Немана изобилует мелями. Отсюда ряд промедлений при сплаве леса и дороговизна сплава, доходящая до того, что транспорт обходится до одной трети стоимости кругляка на рынке Тильзита. Реки Пина и Мухавец часто мелеют и питание водою Днепровско-Бугского канала слабо. Отсюда получалось в торговле такое явление: торговцы избегали срочных контрактов, т. к. могли понести убытки, пропустив сроки, или даже зазимовав в пути. Между тем тяготение лесных массивов, по его же определению, таково: к бассейну Немана тяготеет в Виленской губернии 242 тысячи десятин казенного леса, а в Гродненской—140 тысяч. Около двух третей леса, отправляемого по Висле, дают бассейны Немана и Днепра. В пределах Минской губернии к бассейнам Немана тяготеет 40 тысяч десятин частного леса и около 100 тысяч казенных лесов. Эти леса в Неман попадают через Пину, Яцольду, Уборть и др.

Были невыгоды в лесной торговле, уже независевшие от правительственной политики. Две главные водные артерии имели конечные гавани в пределах Пруссии—устья рек Вислы и Немана. Это, конечно, историческая случайность, отвести которую можно было бы соединением системы Немана с Виндавским портом. Такой проект был, но не двигался.

Хорошо известна зависимость дореволюционной торговой России от Германии. Днепровско-Бугский и Огинский каналы давали системам Немана и Вислы огромный грузооборот белорусского леса. Германия, таким образом, являлась монополистом в деле покупки нашего леса. Этот громодзкий материал не выдерживал железнодорожных перевозок, да и железная дорога привела бы его кратчайшим путем в ту же Пруссию. Между тем немецкая политика заключалась в том, чтобы получать русское лесное сырье, перерабатывать его на своих деревообделочных заводах и далее отправлять внутрь страны или на заграничные рынки. В самом деле, по данным Прусской статистики, более точной, чем русская, в последние годы по Неману сплавлялось в Восточную Пруссию 87 проц. необработанных материалов и только 13 проц. приходилось на тесаный лес, клепку и пиленые сортименты. На нижнем течении Немана и в Кенигсберге появился ряд заводов для переработки древесной массы, целлюлезы и писчебумажных фабрик.

В то время как белорусский крестьянин не находил у себя заработков на родине, прусский рабочий перерабатывал наш молодой здоровый лес—балансы. Район Кенигсберга получал по германским данным на 19 миллионов сырого леса. Только очень решительные меры могли изменить такое положение вещей. Дело в том, что германские тарифы, подтвержденные и русско-германскими договорами, ставили очень серьезные преграды ввозу в Германию поделочного леса.

Пиленый лес, например, облагался 5,46 копеек за 100 кгрм., тогда как круглый лес только 0,91 копейку. Балансы провозились в Германию беспошлинно. Из этого ясно, что без решительных мер, которые должны были бы заключаться в обходе германской границы, дело не могло бы обойтись.

Вообще белорусская лесная промышленность была сильно связана иностранными рынками. В пример можно привести фанерное дело. Оно достигло, особенно в Минской губернии, широкого развития. Русская фанера на европейском рынке получила полное преобладание, но вследствие отсутствия кредита русские фанерные заводы оказались в кабале у Либавской фирмы Лютера. Эта фирма скупала по контракту всю русскую фанеру и держала в своих руках заводчиков верностью сбыта. Вся русская фанера от Лютера поступала на Лондонский рынок и там же распределялась между другими странами. Большой потребительницей русской фанеры была Италия, но итальянские импортеры не могли завязать непосредственных сношений с русскими заводчиками, боявшимися репрессий со стороны фирмы Лютера, без авансов которой они не могли бы обернуться.

Вообще наша лесная торговля страдала очень большими недостатками.

Наши лесоторговцы и лесопромышленники были плохо осведомлены относительно сортимента лесных материалов, употребляемых в тех или других странах. Между тем привычка к определенным сортиментам в строительном и мебельном деле играет огромную роль. Неудивительно поэтому, что наш еловый лес шел в Германию в неотесанном виде вместо того, чтобы в виде определенного типа досок попадать в Турцию или Малую Азию.

Кроме того, лесная торговля была слишком обременена массою посредников. Она начиналась с мелких скупщиков порубочного леса и через несколько этажей только доходила до крупных экспортеров. Несомненно также и то, что жалобы заграничных импортеров на обмеривание, на плохую сортировку имели место.

В послед. время перед войной с этими недостатками русской лесной торговли вступил в борьбу Союз лесопромышленников Северо-Западного района, об'единивший в своих руках ежегодный экспорт леса на сумму в 30 миллионов рублей. Появление этого об'единения в Белоруссии, а равно и некоторых других (например, Союз лесопромышленников Витебской губернии) вызвано особенностями организаций иностранных рынков. Союзы лесного дела в Германии весьма разрослись, об'единились (Союз Восточно-Германских лесоторговцев и лесопромышленников) и на рынке выступали как единая организация. Об'единения бел. буржуазии были ответом на об'единения немецких торговцев и промышленников.

XVII. Фабрично-заводская промышленность.

Шестидесятые годы, являясь продолжением крепостной эпохи, представляют собою весьма бледный фон промышленной деятельности. Громадное значение еще имеет ремесленная деятельность,—ремесленник, работающий на заказ, реже на скупщика и, вероятно, в исключительных случаях, на рынок. Преобладающим типом ремесленника является ремесленник-одиночка. В самом деле, тогдашние статистиче-

ские данные начала шестидесятых годов (цифры „Военно-Статистического сборника“) дают 36 т. ремесленников в городах и местечках, но из них 19 т. мастеров, 9,4 т. рабочих и 7,8 т. учеников.

Соотношение между количеством мастеров, рабочих у них и учеников, указывает на крайне незначительный состав ремесленных мастерских, на преобладание мастеров-одиночек. Наибольшее количество мастеров, их рабочих и учеников данные отмечают в Витебской губ. (8,5 тысяч), затем в Гродненской г. (6,7 тысяч), в Могилевской г. (6,3 тысячи) и Виленской (6,0 тысяч) и весьма незначительное количество в Минской (4,8 тыс.) и в Смоленской (3,6 тыс.). Наибольшее количество мастерских было занято обработкой продуктов животноводства (8,9 тыс.), что имело связь с сельским хозяйством, затем обработкой волокнистых веществ (6,8 тыс.), обработкой дерева (4,3 тыс.), при этом в Гродненской губернии преобладала обработка волокнистых веществ, обработка дерева в Витебской губернии, обработка продуктов животноводства в Виленской и в Витебской губ.

Эта ремесленная промышленность, несмотря на трудность ее статистического учета, в силу чего надо предполагать значительное преуменьшение в показаниях, превалировала над фабрично-заводской промышленностью.

Слабое развитие крупной промышленности, несомненно, давало и впоследствии возможность широкого развития ремесленной промышленности. К сожалению, проследить по сколько нибудь точным данным дело довольно трудное. Семенов в своей „Торговля и промышленность России“ дает данные, относящиеся к 1900 г., по которым в изучаемых губерниях было 120 т. ремесленных предприятий с оборотом в 2,5 млн. руб. Памятные книжки губерний за последующие годы дают, напр., такие цифры: в Витебской г. в 1910 г. числилось 21.879 чел., в том числе 10.206 мастеров, остальные рабочие и ученики, в Минской в том же году 49943 ч., в т. ч. мастеров 28607 чел.

Горецкий, по росту населения с 1897 г., насчитывает для 1913 г. 209 т. ремесленников, причем на Витебскую г. падает 28 т., на Минскую—63 т., на Могилевскую—16 т. и пр. Таким образом цифра в 200 т. ремесленников накануне войны является в общем реальной.

К сожалению, положение ремесленной промышленности далеко еще не выяснено в настоящее время. Дело в том, что у нас весьма была развита работа на магазины и ремесленник попадал в кабалу от хозяина магазина. Рафес в своей истории Бунда приводит такие сведения о соотношениях 90-х годов. В 60—70-х годах „у нас крупной промышленности почти не существовало. Наши ремесленники работали, главным образом, на заказ и размеры производства определялись всецело потребностями местного рынка“. Хотя в еврейской среде тогда уже существовало сильное экономическое неравенство, все-же „резкой противоположности между хозяином и рабочим еще не было“. С падением крепостного права, с проведением железных дорог, начинает расти крупная промышленность. Однако и мелкое производство не отстает: „Начинается процесс капитализации ремесла, выражающийся в вытеснении заказной работы магазинной. Магазин захватывает не только местные, но, благодаря развитию путей сообщения, также и более отдаленные рынки“. Громадное большинство ремесленников попадает в зависимость от мелких и крупных капиталистов. Это означает получение ремесленниками от капиталистов сырья, матери-

алов, заказов, и в то же время обычный процесс закабаления ремесленников. Это означает полное или почти полное исчезновение самостоятельного ремесла, жестокую конкуренцию и крайнюю эксплоатацию. Работа 14—16 и даже 18 час. в сутки делается обычным явлением и ничтожная плата сопровождает положение такого ремесла.

При всем том ремесленник, как и рабочий в огромном большинстве случаев был еврей по национальности, т. е. элемент населения, все права которого заключались в бесконечных запрещениях и ограничениях. Он не мог удалиться за ужасную черту оседлости. Все эти условия, конечно, создавали картину тяжелой эксплоатации.

Таким образом, хотя юридически ремесленник считается в своей мастерской самостоятельным хозяином, но в громадном большинстве случаев он не был таковым фактически. Правда, он эксплоатировал труд подмастерья-ученика, но и сам был об‘ектом эксплоатации. Все эти особенности об‘ясняют нам силу и мощь городского пролетариата в Белоруссии, ибо в деле борьбы с буржуазией ремесленные элементы об‘единялись с фабрично-заводскими.

Теперь перейдем к фабрично-заводской промышленности. Надо заметить, что и эта последняя в начале во многих отношениях мало отличалась от ремесленных мастерских, потому что 22,9 т. фабрично-заводских рабочих (данные 1866 г.) распределялись среди 4018 фабрик и заводов, т. е. каждая фабрика или завод имела в среднем 5,7 рабочих и притом сумма производства каждого фабрично-заводского предприятия в среднем даже не превышала 5 т. рублей (4,8 т.). Картина будет еще яснее, если мы выделим Гродненскую г., промышленность которой тогда уже по числу рабочих составляла 36 проц. всех других губерний, охватывала 41 проц. всего производства и имела 30 проц. всех фабрично-заводских предприятий. Ее промышленные заведения были крупнее заведений других губерний, потому что все же на каждое предприятие приходилось 6,8 рабочих, тогда как в Витебской губернии было всего около 3 рабочих на каждое предприятие. Остальные губернии более или менее приближались к средней по всем губерниям. Но так как, впоследствии мы увидим, некоторые отрасли производства и тогда уже начали получать развитие, то отсюда ясно, что громадное количество предприятий, зарегистрированных тогдашней статистикой под именем фабрик и заводов, были по существу весьма незначительными предприятиями.

Кроме того, эти производства в громадном большинстве случаев имеют целью обслуживать местный спрос, а сырьем для них служит сырье, получаемое в области сельско-хозяйственной промышленности.

Чтобы дать себе отчет в том, что представляла собою в большинстве случаев та производственная организация, которую источники 60-х годов называют фабрикой, заводом, мы приведем такую справку. В Памятной книжке Витебской губ. на 1865 год находится подробный список фабрик и заводов г. Витебска. Их перечислено 56. И даже показана сумма производства—175 т. в год. Но по существу все это небольшие ремесленные мастерские: только 2 фабрики имеют по 8 работающих, 2 по 7-ми, 4—по 6 работающих, 5—по 5 работающих, 7 по 4 работающих, 5 по 3 работающих, 27 по 2 рабочих и 6 по 1 рабочему. Вот 2 синильно-набойных фабрики Булановых, которые занимают, по словам тогдашнего автора, непоследнее место по своему влиянию „на массу Белорусского народа“. Одна из них занимает 2 не-

большие комнатки,—в одной красильня, а в другой склад материалов. Работой занимаются 3 рабочих, в числе их и сам хозяин фабрики. Ш. Берлин в компании с своим братом имеет „фабрику“ по очистке хлопка с 4 рабочими. Кафельный завод Будниковых—старая фирма, существующая более 70 лет. Здесь 6 рабочих станков, 2 обжигательные печи и все 6 рабочих—родственники Будникова. На всех фабриках о механизмах нет еще речи, кроме редко применяемого лошадиного привода.

Судя по всему, хотя подробных данных не имеется, эти мастерские в большинстве случаев работали на заказ. Правда, среди мелких промышленных предприятий, тогда уже выделялось некоторое количество таких, которые имели все признаки фабрично-заводских предприятий в более строгом смысле этого понятия.

В сущности, большой интерес представляет вопрос о масштабе этой части промышленности. Есть возможность учесть ее для времени близкого к половине 60-х годов. „Статистический Атлас главнейших отраслей промышленности“, изданный Тимирязевым в 1873 г., как раз представляет собою сведения, относящиеся к рубежу 60-х и 70 годов. Этот атлас очень неполон, но в нем отмечены предприятия с показанием числа рабочих, причем в большинстве случаев мелкие предприятия, показанные в других источниках, здесь опущены. Во всяком случае, если взять предприятия с числом рабочих не менее 10-ти, то можно себе представить размеры той промышленности, которая подойдет под наименование средней и крупной, равным образом размещение ее и направление.

Оказывается, что во всей Белоруссии было всего 156 (без винокуренных зав.) такого типа фабрично-заводских предприятий с 9451 рабочим и с производством немногим менее 7 млн. р. Однако 2 трети промышленных предприятий (106) принадлежат Гродненской г., причем ей принадлежит (4316) немногим менее половины всех рабочих и более половины суммы производства (4,2 млн.). Отсюда понятно, что вся остальная Белоруссия представляла собою страну со скромным количеством фабрик и таким же числом рабочих. Из остальных губерний наиболее скромная роль принадлежала Виленской (10 предприятий и 752 рабочих), затем идут Минская и Могилевская г. (по 10 предприятий в каждой и с 923 и 945 рабочих), затем Смоленская (15 предприятий и 1123 рабочих) и, наконец, Витебская губ. (6 предприятий с 1392 рабочими). Но по мощности предприятий последнее место занимает Могилевская губ. (16,7 т. руб. на каждое предприятие), затем Виленская (24 тыс. руб.), предприятия Гродненской г. самые мощные—немногим менее 40 тыс. на каждое.

Не трудно предвидеть, что наиболее мощные предприятия Гродненской г.—это по обработке шерсти, в Смоленской г.—стекольное производство (Мальцевские заводы), в Витебской и Виленской—чугунно-литейное и механическое производство, в Минской—свеклосахарные заводы и суконные фабрики Скирмунта. Промышленность Могилевской г. тоже выделяется свеклосахарным производством. Обработкой полотна и пеньки выделялись Смоленская и Витебская г., в Могилевской уже зарождалось писчебумажное производство.

Таков контур промышленности среднего и крупного типа.

Что касается других отраслей производства, то роль их выясняется на основании данных 1866 г. (цифры Военно-Статистического сборника), т. е. данных, обнимающих как крупные, так и мелкие предприятия.

Так оказывается, что промышленность по обработке питательных продуктов представляет собою самую многочисленную группу производств, занимая 35 проц. всех рабочих. Это переработка зерна на спирт и мукомольное производство. Винокуренное производство было распространено во всех губерниях, а мукомольное является наиболее развитым в Могилевской губ., частью в Витебской и в Гродненской губ. Обработка дерева была распространена во всех губерниях в той или иной мере, но экономическая мощь каждого отдельного предприятия была сравнительно ничтожна. Обработка продуктов животноводства выражалась повсеместно в массе мелких кожевенных, сальных и мыловаренных заводов. Тоже надо сказать и о кирпичном, гончарном, стекольном и известковом производствах.

Такова общая картина нашей промышленности в половине 60-х годов.

Таким образом, в шестидесятых годах промышленность была слабо развита. Однако, повидимому, под'ем начала 90-х годов и то грюндерство, в котором принимал участие и частный капитал и само правительство, дали толчек к более живому темпу развития промышленности. К тому времени установилась и железнодорожная сеть в пределах изучаемых губерний (см. Опенгейм „Россия в дорожном отношении“). Но сеть была делом, главным образом, правительства, ибо преследовались прежде всего военные цели. Русские высшие учреждения тогда, по образному выражению проф. Озерова, превратились в игорный дом, куда бежали предприниматели, русские и иностранные, за концессиями. Белоруссия не изобилавала лакомыми кусками, но все же и в ней наблюдается под'ем роста промышленности и торговли. Кратковременный расцвет сменился значительной депрессией начала 900-х годов, которая кончалась, приблизительно, около 1908 г., когда снова начинается промышленный под'ем. Впрочем, в Белоруссии, как увидим, по крайней мере в области текстильной промышленности, депрессия затянулась. В обширной литературе, посвященной этой эпохе (из новейших: Фин-Енотаевский, Балабанов, Первушин, Тюменев и др.), читатель может найти данные, относящиеся ко всей бывшей России. Мы, к сожалению, не могли найти достаточно данных, характеризующих эти процессы в отношении Белоруссии, если не считать отзывов местных газет, оплакивавших в общих выражениях „убытки“ буржуазии. Цифровой материал можно найти, хотя и не полный в б. министерских данных по обложению промышленности и торговли. Можно взять 2 даты: 1889 г. и 1900 г. Темп под'ема промышленных предприятий выразится по губерниям в следующих относительных величинах (стр. 167):

Эта табличка дает указание на то, что Минская губ. наиболее росла, как по под'ему числа предприятий, так и по их обороту. Слабее других оказалась Гродненская губ. по числу предприятий, но не по их мощности. Даже и средний размер каждого отдельного предприятия вырос за указанный период в 3 раза с средней в 9,1 тыс. руб. на одно, до 27,8 тыс.

Сделаем оговорку, что в данном случае мы берем промышленное предприятие—термин в тогдашней статистике более широкий, нежели фабрично-заводское предприятие в собственном смысле. Кроме фабрик и заводов сюда причислялись фотографии, лесные разработки, очевидно раздаточные конторы и пр. В число же фабрично-заводских

предприятий, о которых мы будем ниже говорить, входят только те фабрики и заводы, которые были обложены акцизом и те, которые находились под надзором фабричной инспекции.

	Проц. отнош. 1900 г. к 1889 г., принятому за 100.	
	По числу промышлен. предприят.	По обороту промышлен. предприят.
Виленская	300	586
Витебская	239	582
Гродненская	121	410
Минская	407	1616
Могилевская	172	368
Смоленская	113	732
Итого	219	588

Но вернемся к нашим цифрам: годы всеобщей депрессии дали скромный рост деятельности предприятий. Мы могли только найти у Бурбиса, а равно и в сборнике проф. Яснопольского сводные и не вполне отчетливые данные о неотчетных торговых и промышленных предприятиях вместе *) за 1908 г. и только для 5 губерний. Оказывается, что Виленская губ., сравнительно с 1900 г., даже уменьшила на 10 млн. обороты своих предприятий, почти в таком же положении оказалась Минская губ., размеры оборотов Витебской и Гродненской губернии остались без изменения и только небольшое развитие (увеличение на 3 млн.) замечается в Могилевской губ. Этих данных достаточно для характеристики общего направления промышленности. Теперь перейдем к фабрично-заводской промышленности в собственном смысле и будем наблюдать за ее развитием, имея ввиду вышеотмеченные особенности ее роста.

Если просто сравнивать цифровые данные о фабрично-заводском производстве 1866 г. с данными 1897 г., когда наша промышленность приобрела более устойчивый характер, то под'ем выразится в увеличении числа фабрично-заводских рабочих почти в 2½ раза, с 23 тыс. до 56 тыс., увеличении суммы производства в 3 раза, с 19 млн. до 60 млн., и уменьшении количества фабрик и заводов с 4 тыс. до 2,7 тысяч.

Накануне войны, в 1913 г. мы наблюдаем углубление того же процесса, увеличение числа рабочих до 86 т. чел. и уменьшение числа фабричных предприятий до 2318. Несомненен и рост суммы производства, хотя данные 1913 г. прямого ответа не дают. Однако есть основание предполагать, что сумма производства должна была нара-

*) Оборот акционерных предприятий (всех 29) не показан, поэтому сравнение не вполне точное.

стать быстрее количества рабочих. Новейшие данные относительно суммы производства фабрично-заводских предприятий относятся к 1908 г. и помещены в известном издании, вышедшем под редакцией Варзара. Эти данные дают сумму производства всей белорусской фабрично-заводской промышленности в количестве 106 млн. руб. Но в этой сумме имеется доход в 12,6 млн. руб. от правительственных винных складов. Эту сумму надо извлечь из общей суммы производства, так как склады не входят в отчеты 1913 г. Затем если предположить, что производительность труда рабочих в 1913 г. давала столько, сколько в 1908 г., по каждому отдельному виду производства, то в 1913 г. вся белорусская промышленность должна была давать 120 млн. руб. Таким образом это есть та сумма производства, которую наша промышленность давала накануне революции.

Если теперь мы об'единим все предшествующие данные, то нарастание белорусской промышленности в проц. к 1866 году получит такое относительное выражение:

	Число фабрик	Сумма их производст.	Число рабочих
1866 год	100	100	100
1882 „	92	152	110
1897 „	69	308	248
1908 „	48	420	264
1913 „	58	631	380

Индустриализация страны идет совершенно определенным темпом, причем наблюдается сжатие его в годы депрессии. С грубым приближением можно сказать, что за 50 лет количество фабрично-заводских предприятий уменьшилось вдвое, количество рабочих выросло в 3,8 раза, а сумма производства увеличилась в 6,3 раза. Если исходить из роста в среднем каждого отдельного предприятия, то весь этот процесс выразится в таких соотношениях:

	Среднее кол-во рабочих на 1 фабрику	Сумма производства в среднем на 1 фабр.
1866 год	100	100
1897 „	342	437
1913 „	656	1075

Так это и должно быть. Фабрика укрупняется и производительность ее растет быстрее, нежели укрупнение самой фабрики. С 5,7 рабочих в среднем на 1 предприятие в 1866 году фабрика выросла до 37,4 рабочих, а производство з 4,8 тыс. руб. до 61,6 тыс. руб.

Несмотря на быстро подымающуюся промышленность, Белоруссия все же продолжала быть страной сельско-хозяйственной и в этом отношении отставала от всей России. В 1908 г. производительность ее фабрик составляла только 2,1 проц. производительности всех русских фабрик вместе с горными предприятиями, а число рабочих составляло 2,2 проц. Через 5 лет наблюдается некоторое увеличение указанных соотношений. В 1913 г. на белорусских фабриках и заводах работало 3,5 проц. всех рабочих (соотношение взято без горнозаводских рабочих, но в 1908 г. в Белоруссии работало 2,3 проц. всех рабочих, тоже без горных рабочих). Число фабрик в Белоруссии составляло 10,6 проц. фабрично-заводских предприятий быв. империи (без горнозаводских предприятий); в 1908 г. то же соотношение белорусских фабрично-заводских предприятий к общеимперским (без гор-

ных заводов и заводов военного ведомства) давало 11,5 проц. Так как базис для сравнения нами взят один и тот же, то относительно слабый под‘ем числа предприятий опять таки об‘ясняется их укрупнением.

Говоря об укрупнении и росте промышленности Белоруссии, не должно забывать, что мы имеем дело со страной, в которой весьма была развита мелкая промышленность. Доказательство этому уже представлено в предыдущем изложении в отношении 60-70 г. Но эта промышленность продолжала существовать и в XX столетии, медленно уступая нажиму средней и крупной промышленности. И в начале XX века преобладающее количество оставалось за мелким производством, но с другой стороны чувствовалось падение его, как в числе фабрик так и в числе рабочих. Для доказательства этого положения мы возьмем предприятия, находившиеся в ведении фабричной инспекции, и сравним распределение предприятий за 10-ти летний период—1902—1913:

Процент предприятий и рабочих в них:

Годы	До 20 раб.		От 21 до 50 раб.		От 51 до 1000 раб.		От 101 до 500 раб.		От 500 до 1000 раб.		Свыше 1000 раб.	
	Фабрик	Раб.	Фабрик	Раб.	Фабрик	Раб.	Фабрик	Раб.	Фабрик	Раб.	Фабрик	Раб.
1902	60,0	16,7	26,8	24,3	7,3	15,0	4,7	26,0	0,3	6,8	0,1	10,5
1913	47,6	10,8	32,6	20,6	9,1	16,6	7,3	30,0	0,6	8,0	0,3	8,7

И на этих цифрах рельефно выдвигается процесс укрупнения промышленности. Вся промышленность в общем носит колорит мелкой. Еще в 1902 г. только 17 проц. ее, считая по числу рабочих, может быть отнесено к разряду крупной промышленности. По числу фабрик мелкие заведения с числом рабочих до 50 человек подходят почти к 90 проц. всех фабрично-заводских предприятий. В 1913 г. картина радикально меняется. Процент мелких фабрик снижается, число рабочих в них тоже уменьшается, зато растет относительное число фабрик и рабочих в них среднего и крупного масштаба.

Если разделить фабрично-заводские предприятия на группы мелких, средних и крупных, приняв деления быв. фабричной инспекции, т. е. отнеся к мелким фабрикам заведения с числом рабочих до 100 ч., к средним—от 101 до 500 чел. и к крупным—от 501 и более, то получим следующее выражение соотношений между различными видами промышленности в относительных величинах:

	Мелкие предприятия		Средние предприятия		Крупные предприятия	
	Процент к общему числу					
	Фаб.	Рабоч.	Фаб.	Рабоч.	Фаб.	Рабоч.
1902 год	94,7	56,5	4,7	26,0	0,5	17,4
1913 „	91,8	47,7	7,1	30,0	0,9	21,4

В сущности, накануне революции мелкая промышленность является подавляющей. Но все же заметно стремление средней и крупной усилить свои позиции.

Значение и рост промышленности будет для нас ясней, если мы возьмем сопоставления между количеством рабочих и количеством всего населения и если мы возьмем соотношения суммы производства к числу жителей. Для 1908 г. во всей России на 100 жителей приходилось только 1,43 проц. рабочих, а сумма всей производительности фабрично-заводских предприятий выражалась в количестве 30 руб. на одного жителя. Конечно, это указывает на то, что вся Россия была еще по преимуществу земледельческой страной и весьма отставала от других стран с развитым капитализмом. Но даже и в среде остальных районов России, Белоруссия резко выделялась незначительностью участия ее населения в обрабатывающей промышленности. Вот доказательство только что сказанного:

	На 100 д. населения приходится рабочих	В среднем производст. на 1 жителя в рублях
1866 год	0,39	3,3
1897 „	0,56	6,0
1913 „	0,57	8,0

За 50 лет получились изменения такого рода: количество рабочих в среднем на 1 фабрику выросло в 9 раз и в общем мелкое предприятие с 5,7 рабочих на каждое выросло в среднее 49,7 рабочих на каждую фабрику, но производительность каждой фабрики росла больше, нежели число рабочих, ибо с 4,8 т. выросла до 71,4 т. на каждое предприятие, т. е. в 15 раз. Так, фабрика превращалась в крупное капиталистическое предприятие. Но все же страна попрежнему оставалась земледельческой. Нарастающее население деревни, как мы уже об этом говорили по другому поводу, относительно мало увеличивало кадры фабричных рабочих, ибо проц. их ко вс. нас. остался мало подвижным. Зато наличное количество рабочих давало продукцию в 2½ раза большую. Валовая выработка на одного рабочего росла так: 1866 г.—100, 1872 г.—134,7, 1897 г.—125,5, 1908 г.—199,0. Все эти показатели говорят об известного рода сдвиге в области индустриализации.

Несомненный интерес представляет вопрос о последовавших в изучаемый период изменениях в области различных видов производства.

Некоторые производства появились новые; некоторые существовавшие в начале 60-х г. отмерли. Так, к группе текстильного производства присоединились, в Гродненской г. и частью Минской, заводы по обработке шелка.

Бумагопрядильное производство почти пало в Гродненской г., но зато весьма выросло в Смоленской г. (Хлудовская фабрика с 5½ т. рабочих) и появилось в Минской и Могилевск. Ситценабивное производство, существовавшее в Гродненской и Витебской г., уступило место производству вязаных изделий, чулочному. В производстве питательных веществ существенное изменение заключается в исчезновении свеклосахарных и сахарно-рафинадных заводов. Тех и других в Минской губ. в 1866 г. было 4 с 325 рабочими, а в Могилевской—5 заводов с 846 рабочими, т. е. по тому времени это были крупные производства. В Смоленской г. исчезали (впрочем незначительные) паточные заводы;

появились сыроваренные заводы в Минской и других губерниях. Обработка продуктов животноводства приобрела более разнообразный характер, так как появились заводы салотопенные, мыловаренные, стеариновые, обувные фабрики, перчаточные, по обработке кости, щетины, кишек, пуха. В обработке дерева 60-е годы знали тип примитивных заводов, вроде лесопильных, смоляных, дегтярных. В этой отрасли производства оказались изменения, ибо появились заводы по выработке мебели, токарных изделий, по обработке древесной массы, заводы сухой перегонки дерева. Писчебумажное производство усложнилось появлением наряду с писчебумажными фабриками гильзовых, конвертных, коробочных. В 60-х годах группа химических производств состояла всего из поташных, лаковарных и заводов искусственных минеральных вод. Теперь в этой области появилось крупнейшее у нас спичечное производство. В 60-х годах группа обработки минеральных продуктов заключалась в кирпичном, гончарном, стекольном и известковом производствах. Теперь появились цементные заводы и некоторые другие. Обработка металлов в 60-х годах сопровождалась разработкой железа в Виленской г. Здесь еще сохранились доменные печи и в последнее время. Чугунно-литейные заводы и особенно заводы сельско-хозяйственных машин приобрели значительную прочность.

Таковы изменения качественного состава промышленных предприятий.

Теперь необходимо уяснить количественные изменения и географическое распределение различных отраслей промышленности.

На первый вопрос мы ответим общей сводной табличкой, которая покажет нам постепенный процесс укрупнения предприятий и относительный вес отдельных видов промышленности. Табличка представляет сравнительные данные 1913 г. и 1897 г. с данными 1866 г.; она относится ко всем губерниям и расположена по видам производств („проч. произв.“ опущены):

Виды предприятий	% числа рабочих, занятых в предпр. данного произв. к общ. числу рабоч.			Ср. число рабочих на 1 предприятие		
	1866 г.	1897 г.	1913 г.	1866 г.	1897 г.	1913 г.
1. По обр. волокнист. вещ.	28,2	28,2	24,8	42,5	26,1	65,0
2. Писчебумажное и полигр.	2,3	5,6	8,0	42,0	56,1	69,1
3. По обр. дерева	1,7	12,7	15,6	3,7	28,9	37,2
4. По обр. прод. животновод.	6,6	7,1	4,0	2,7	11,8	28,1
5. По обр. минер. прод.	12,9	14,2	13,7	4,6	36,4	80,4
6. Обр. металлов	5,2	3,7	4,3	30,3	40,3	47,1
7. Химич. производство	1,0	5,7	8,6	20,3	109,7	179,6
8. Табачное производство	0,7	6,4	2,6	6,7	89,8	319,1
9. Обр. питат. продуктов	40,6	15,0	16,5	4,0	6,9	13,1

Сравнивая мощность предприятий за разные периоды, замечаем, что некоторые виды производств, имевшие большое значение в 60-х годах, не только не потеряли его, но в той или иной мере успели развиться. Таковы, например, предприятия по обработке волокнистых веществ. Проц. рабочих, занятых в этого рода предприятиях, снизился, но получилось значительное укрупнение каждого предприятия. В конце 19 века, повидимому, в нашей текстильной промышленности чувствовалась заминка; и по сумме производства, и по количеству рабочих эти предприятия дали снижение, но во второй половине первого десятилетия XX в. вновь замечается под'ем. Предприятия растут в количественном отношении, затем свертываются и к 1913 г. многие мелкие предприятия, повидимому, совершенно исчезают, не выдержав конкуренции. Остаются более сильные и крупные предприятия.

Обработка минеральных продуктов дает тоже картину резкого укрупнения фабричных предприятий и некоторого снижения относительного числа рабочих.

Рост этого вида предприятий, очевидно, об'ясняется ростом стекольного производства.

Область химического производства, благодаря росту спичечных фабрик, получает весьма широкое развитие и является вторым по мощности предприятий.

Деревообделочное производство занимает после предприятий по обработке волокнистых веществ и питательных продуктов наибольшее количество рабочих рук и из весьма слабого производства выросло в крупную отрасль промышленности.

Значение обработки питательных продуктов постепенно падает ср. с 60-ми годами; мы увидим потом, что это падение связано с падением мукомольного производства, но все же относительный удельный вес этого производства поддерживается винокурением. Напротив, рост обработки металлов, после некоторого снижения к нему интереса в конце 19 ст., снова стал подыматься, что об'ясняется развивающейся работой заводов по выработке сельско-хозяйственных машин.

Сравнивая конечные выводы, представляемые данными 1866 г. и данными последующих годов, держась фактических данных, мы должны были отметить относительно слабый рост белорусской промышленности. И, тем не менее необходимо констатировать, что в последние 10-15 лет довоенной эпохи в нашей промышленности наблюдается сдвиг в смысле интенсивного перехода ее к широко-развитым формам капиталистической промышленности. Уже отмеченное выше явление концентрации предприятий, выразившееся в уменьшении числа предприятий и в укрупнении каждого предприятия в отдельности, под'ем новых, или обновленных предприятий,—являются естественным показателем капитализации промышленности. Но оба эти процесса особенно стали сказываться после 1897 года.

Однако, период депрессии в обще-русском народном хозяйстве, закончившийся 1908 годом, не давал повода для быстрого и скачкообразного роста промышленности. И даже после 1908 года в некоторых отраслях промышленности, напр. в текстильной у нас еще чувствовались отголоски депрессий, но в общем у нас намечается быстрый темп под'ема промышленности.

Теперь нам представляется небезынтересным отметить эволюцию, наблюдаемую в отдельных видах производств. Тут мы, между прочим, сталкиваемся с известным явлением нарастания новых предприятий широкого масштаба и отставания старых уже установившихся форм предприятий и видов промышленности. Если новые предприятия возникают в новых районах, они лучше оборудованы и потому более доходны, хотя бы эти предприятия представляли собою уже виды существующей промышленности. Если же зарождались или обновляются и новые формы промышленности, то они опять-таки расчитаны на хорошее ее оборудование и на высокий дивиденд.

Наблюдения над вышеуказанными явлениями дадут нам вместе с тем возможность ознакомиться с отдельными видами предприятий, имеющих наиболее реальное значение.

Мы начнем с производств, которые могли считаться к концу 19 века, установившимися, так сказать представляли собою формы старой промышленности.

В производстве по обработке продуктов питания мы уже видели снижение в течение первого тридцатилетия, выразившееся как в уменьшении абсолютном, так и относительном числа рабочих и в уменьшении числа фабричных предприятий. Оставляя пока в стороне винокуренное производство, данные о котором весьма расходятся в различных статистических изданиях (работающие и неработающие заводы), мы остановимся только на мукомольном и круподерном производстве. Оно и в 60-х и в 90-х г. в этом отделе производств занимало второе место, после винокуренных заводов. Данные 1897 года давали еще для всех губерний 382 предприятия с 1491 рабочими, между тем, данные 1912 г. дают всего 58 предприятий с 310 рабочими 1913 г.—56 заведений с 336 рабочих. Как сейчас видим, эти данные не точны. Они дают только понятие о товарном мукомольи и то весьма неполное. Во всяком случае, они дают картину снижения товарного мукомолья в смысле количества мельниц. Мы полагаем, что эта картина в общем верная. Но к ней надо добавить большое количество мелких мельничных предприятий и в ней надо видеть некоторую неполноту официальных данных. Произведенные в 1903 и 1908 г. г. анкеты дают такую картину мукомольной промышленности в наших губерниях. (См. табл. на стр. 174).

Табачная промышленность 60-х годов представляла собой большое количество фабрик с ничтожным числом рабочих (6,7 рабочих на одно предприятие).

Она значительно укрупнилась в конце 19 столетия, в 1913 году дошла до 319 рабочих на каждое предприятие вместо 89 в 1897 году. Наибольшее значение эта промышленность имела в Гродненской (в 1913 году—8 фабрик с 1484 рабочими), в остальных губерниях она носила менее значительный характер. Если данные 1913 года правильно отражают действительность, то накануне войны в области этой промышленности замечалась некоторая перестройка: увеличилась число фабрик в Виленской (на 6) и в Гродненской (на 3), но это были мелкие производства, очевидно, собиравшиеся конкурировать с более крупными. Тут могла иметь место и спекуляция, имевшая в виду или конкурировать или войти в соглашение с зарождавшимся тогда табачным синдикатом.

Мукомольная промышленность:

ГУБ.	Число мельниц							Перераб. зерна т.п.		
	Всего	В том числе			В т. чис.		Чис. рабочих обоего пола	Всего на учетных мельницах	В т. числе на мельн. I-V разряда	Число тов. мельниц по I-V раз. в 1903 году
		Товарных I-V разр.	Прочих		Имеющ. паров., газ., нефтян. и др. двигатели	Вальцевых				
			С произ. до 20 т. п.	С проз. б. 20 т. п.						
Виленская . .	472	15	411	46	16	17	1065	6765	2890	17
Витебская . .	455	15	340	100	49	8	1160	11820	2458	9
Гродненская . .	2058	22	1921	115	39	66	2915	16116	4070	17
Минская . . .	1221	22	1091	108	83	5	1560	10550	2690	21
Могилевская . .	509	7	476	26	22	7	605	3260	1080	6
Смоленская . .	789	3	672	114	37	25	960	8608	758	1
	5504	81	4911	609	246	125	8265	57120	13938	71

Промышленность по переработке зерна и картофеля, т. е. промышленность винокуренная и пивоваренная, особенно первая, всегда имела у нас большое распространение. В 60-х годах она выражалась в массе мелких заводов, повидимому, не всегда работавших (1800 заводов, 7,7 тысяч рабочих в 1866 году).

Так как эта промышленность была придатком к сельскому хозяйству, именно к помещичьему хозяйству, то она в последующее время оставалась столь же распространенной. Так в 1897 г. было зарегистрировано винокуренных, водочных, дрожжевых 516 заводов с 4144 рабочими и 126 пивоваренных с 988 рабочими. Отсюда ясно, что распространенность этих видов промышленности оставалась весьма значительной и она по своему типу не подверглась большим изменениям.

В последнее десятилетие в области пивоваренной промышленности, которая не была связана непосредственно с сельским хозяйством и опиралась на городской капитал, наблюдается довольно значительное снижение количества заводов при росте их производительности. Так в 1904 году было в Белоруссии всего 92 завода с производством 4,8 миллионов ведер пива, а в 1910 г. уже 86 заводов с производством 7,9 млн. ведер пива.

Заметим, что наиболее распространенным по числу заводов это производство было в Гродненской г., которая имела 33 завода. Но здешние заводы были значильно мельче по масштабу производства (около 40 т. ведер на каждый завод), сравнительно с производством Виленской г. (14 заводов, 223 т. ведер пива на каждый завод) и особенно сравнительно с Смоленской (5 заводов с производством по 275 т. ведер пива на каждый) В Минской оно имело наименьшее значение (467 т. ведер на все 15 заводов.

Винокуренную промышленность различных типов поддерживали в сильной мере льготы по сельско-хозяйственному винокурению, предоставляемые законом.

Этим об'ясняется то обстоятельство, что количество заводов не только не уменьшалось, но росло. В 1903—4 г. г. их считалось во всех губерниях 586, в 1909—10 г. г. 691 завод, а в 1914 г.—707 заводов. В первом из этих годов было выкурено 13,6 млн. вед. спирта. В 1909—10 г. г. 14,4 миллионов ведер, а в 1914—15,4 млн. ведер. Спирт давал весьма значительный отпуск за пределы Белоруссии, т. к. потребление его на месте было относительно невелико.

Так, в 1903—4 г. г. было потреблено на месте 4,3 млн. ведер, т. е. по 0,40 ведра на одну душу населения, в 1909—10 г. г. почти 5 миллионов ведер по 0,42 ведер на человека. Следовательно, весь остальной спирт вывозился за пределы Белоруссии, или шел на технические надобности (остаток, например, в 1910 9,5 миллионов ведер). Надо заметить, что вообще в большей части Белоруссии потребление спирта местным населением было еще ниже, приближаясь к 0,3 ведра на человека, но Смоленская представляет собою в этом отношении исключение—0,57 ведра, что влияет на среднее для всей Белоруссии. И еще необходимо заметить, что потребление спирта в Белоруссии было относительно низко, так как средняя норма для всей России потребления спирта выражалась в 0,62 ведра на человека, т. е. во всей Белоруссии за исключением Смоленской г. потребляли спирта вдвое меньше, нежели во всей России.

Значение этого вида промышленности для Белоруссии будет ясно, если мы отметим, что в Белоруссии было 36 проц. всех винокуренных заводов тогдашней России и Белоруссия производила почти 5-ю часть (18 проц.) всего спирта.

Мы уже говорили о том, что этот вид промышленности был тесно и притом искусственными способами, в целях поддержания частного землевладения, связан именно с этой формой землевладения. Действительно, статистика 1910 г. указывает только на 3 чисто промышленных завода в наших губерниях, на 13 заводов, имевших смешанный характер, и на 661 звод, имевший сельско-хозяйственный характер, т. е. непосредственно опиравшийся в той или иной мере на земельную площадь, прилегавшую к данному заводу.

Изучение производства винокуренных заводов подводит нас к вопросу о количестве хлеба, потребляемого на выкурку спирта и на солод для пива. Понятно, что эти цифры, очень почтенные, весьма выросли с половины 60-х годов. С 1411 четвертей хлеба, т. е. примерно с 120 тыс. пудов, они доросли в 20 веке до следующих размеров, которые мы приводим в погубернском масштабе (См. табл. на стр. 176).

Таким образом, в общей сложности на винокурение идет около 3-х млн. п. хлебных продуктов, около 30 млн. п. картофеля и около миллиона пудов ячменя. Это значит, что на одно винокурение Белоруссия потребляла, примерно, около 10 проц., всего того хлеба, который употреблялся в России для выкурки спирта и немногим менее трети всего картофеля. Но вот два обстоятельства, на которые необходимо обратить особое внимание; это, во-первых, растущее с каждым годом употребление на винокурение картофеля. Растущее потребление кар-

тофеля в этом производстве, заметное даже на этой табличк, т. е. на протяжении весьма короткого времени. Но это общее явление. В 1913 г. потребление картофеля дало уже 36 миллионов пудов. Затем необходимо отметить растущее значение употребления кукурузы. Очевидно, этот хлеб шел на винокурение в зависимости от спроса хлеба на местах, т. е. в зависимости от местных хлебных цен. Если местные цены делают более выгодным подвоз с юга кукурузы, она появляется на наших заводах вместо более дорогого местного хлеба. Это видно, например, из такого простого сопоставления. В 1903—4 г. г. кукурузы пошло на спирт почти 4-я часть всех хлебных продуктов, т. е. 1,1 миллионов пудов. В 1906 г. уже 1,3 млн. п., что дает 3-ю часть всего выкуренного хлеба. В 1909—10 годах кукурузы пошло только 481 тысяча пудов, т. е. 6-й части всех хлебов. Это значит, что наше винокурение и в этом отношении сделало большой успех, начав перерабатывать привозные хлебные продукты.

	Пошло на вино урен. в млн. пуд.						Пошл. на пивоварен. в млн. п.		
	1903—4 г.		1906—7 г.		1909—10 г.		1904	1908	1910
	Хлебн. прип.	Картофель	Хлебн. прип.	Картофель	Хлебн. прип.	Картофель	Ячмень		
Виленская	1,0	2,1	0,8	4,4	0,4	4,3	0,4	0,4	0,5
Витебская	0,2	0,6	0,2	1,1	0,2	0,9	0,1	0,1	0,2
Гродненская	0,3	3,3	0,3	5,7	0,3	5,7	0,2	0,2	0,2
Минская	1,5	6,5	1,2	8,9	0,8	12,1	0,05	0,1	0,09
Могилевская	0,6	4,4	0,6	6,1	0,4	7,1	0,05	0,07	0,1
Смоленская	0,5	0,1	0,5	1,4	0,4	1,3	0,1	0,2	0,2
Итого	4,2	18,0	3,7	27,6	2,4	31,6	0,8	1,1	1,3

Теперь вернемся н нашему обзору отдельных отраслей промышленности.

В такой лесной стране, как Белоруссия, естественно, было бы ожидать развития деревообделочного дела. Однако, способы эксплоатации лесов и целый ряд других условий, о которых мы уже говорили, мало способствовали росту обработки дерева на месте.

Смолокуренные, дегтярные и лесопильные заводы 60 годов большего значения в тогдашней промышленности не имели. Лес, очевидно, вывозился в необработанном виде. К концу столетия мы видим значительный сдвиг в этом направлении, причем на ряду с лесопильными заводами появляются фанерные и другие. По данным 1897 г. эта промышленность занимает уже видное место по числу занятых на них рабочих (7241) и по общей сумме производства (7 миллионов). Данные за 1911 г. указывают на рост, как числа заводов, так и числа занятых в них рабочих. Так, только в лесопильном и фанерном производствах в этом году было занято 8481 рабочих на 290 заводах. Правда, заводы этим были мелкого и среднего калибра.

Данные 1908 года уже дают 7973 рабочих на 215 заводах и сумму производства в 8,5 миллионов. Как только закончился период депрессии, этот вид промышленности стал оживать еще быстрее. Данные 1911 года одних лесопильных и фанерных фабрик дают 290 с 8,5 т. рабочих, а 1913 год—359 предприятий с 13,4 тыс. рабочих.

В области обработки волокнистых веществ всех видов наблюдается некоторая неровность. С 1897 г. по 1910 г. это производство снизилось на 2 тыс. рабочих, но затем поднялось в течение последующих 2-х лет и 1912 год дает почти то же число рабочих (16,5 т.), что и 1897 г. (16,0 т.). В этой области вообще наблюдается тенденция к какой то перестройке. Это производство в десятых годах 20 века снижается в Виленской губ. сравнительно с 1897 г., в Минской губ., очень резко в Могилевской губ. (в данных о Витебской г. за 1897 год, повидимому, опечатка). В Гродненской г. оно в 1910 году снизилось почти на третью часть, количество фабричных заведений уменьшилось в 2½ раза, но затем в 1911 и 1912 г. г. наблюдается быстрый под'ем, заключающийся в том, что эта промышленность перегоняет конец 90-х годов (21 т. раб. в 1913 г.).

В обработке продуктов животноводства исстари на первом плане стояла обработка кожи (кожевенные заводы). К концу 70-х годов в этом производстве замечается некоторое падение сравнительно с половиной 60-х г. г. Затем наблюдается поворот в смысле увеличения количества рабочих и укрупнения каждого отдельного производства (12 рабочих в среднем на каждый завод, что является укрупнением с 2,3 рабочих на заведение в 1866 г.), но вместе с тем уменьшается абсолютное количество рабочих. Так, в 1897 году на всех кожевенных заводах было 2961 рабочих, а в 1912 г. только 2591.

Видимо, эта промышленность переживала кризис около 1910 г., так как в этом последнем году число рабочих было только 2275, а в 1911 г. даже 2041.

В производствах по обработке металлов мы наблюдаем за последние годы довольно существенные изменения. Статистические данные 10-х годов совершенно не говорят о разработке железной руды в Виленской губ. В области этой промышленности мы в последнее время наблюдаем любопытные изменения, указывающие на ее постепенный рост и на принятие ею форм крупной капиталистической промышленности. Число рабочих в 1912 г., сравнительно с 1897 г., увеличилось на 75 проц., а среднее число рабочих на каждое заведение—на 25 проц., т. е. наряду с ростом заводов росло и их укрупнение.

С 1908 г. по 1913 г. число заводов выросло на 40 проц., а число рабочих на 60 проц., а укрупнение каждого предприятия с 46 до 53 рабочих на каждое.

Особенно это явление заметно в той же Виленской и частью в Гродненской.

Химическое производство выражается у нас собственно в одной спичечной промышленности. Это одна из позднейших форм местной промышленности. Она привилась очень удачно и получила весьма быстрое распространение.

В 1897 г. эта промышленность была представлена 12-ю фабриками с 2932 рабочими, т. е. на каждую фабрику приходилось 244 рабочих. Одна фабрика в Могилевской г. давала работу 260 рабочим. Наи-

более мощные фабрики были в Минской губ., их здесь было 3 с 1544 рабочими на всех; в Гродненской губ. в конце 19 века еще не было ни одной спичечной фабрики. Сведения за 1913 год дают почти то же количество спичечных фабрик (14) во всех губерниях, но количество рабочих выросло приблизительно на 1/6 (3425), среднее количество рабочих на 1 фабрику осталось одно и то же, но получилось укрупнение целого ряда предприятий. Единственная фабрика в Могилевской г. увеличила количество рабочих на 100 человек за этот период. В Минской эта промышленность развилась наиболее значительно. Здесь появилось 6 фабрик вместо прежних 3-х; в Виленской губ., в которой эта промышленность не играла никакой роли, осталась одна из двух небольших фабрик; в Смоленской губ. количество фабрик уменьшилось на одну, но число рабочих выросло на 100 человек. Из 6 минских фабрик каждая в среднем имела 331 рабочего. Масштаб производства дошел до 55 мил. пудов спичек.

Наш обзор исторического хода белорусской промышленности мы закончим знакомством с некоторыми данными, характеризующими положение промышленности в каждой отдельной губернии.

Особенности нашей промышленности заключаются в том, что в Белоруссии не выработались, или почти не выработались географические районы преобладания того или иного вида промышленности. Отдельные виды ее появлялись или гнездами в разных частях страны, или же в той или иной мере охватывали всю страну. Это произошло оттого, что в Белоруссии не было особых районов, которые по своим естественно-историческим или топографическии условиям способствовали-бы зарождению, или поднятию тех или других видов промышленности. Гродненский район выделяется своей шерстяной промышленностью, но она появилась вследствие благоприятно сложившихся исторических условий.

Но если брать отрасль текстильной промышленности вообще, то с Гродненским районом конкурирует Смоленский.

То же можно сказать относительно значения писчебумажной промышленности в Могилевской губернии и относительно многих других отраслей промышленности. Таким образом, отдельные районы наметить трудно. С другой стороны, некоторые отрасли промышленности в силу естественных или исторических условий, получили у нас достаточное развитие, так что сама Белоруссия в общем является районом преобладания данного производства. Таковы, например, лесообделочное дело или винокурение. Но в недрах самой Белоруссии каждая губерния представляет некоторые экономические особенности, что и сказывается на большем или меньшем развитии тех или иных отраслей промышленности.

Мы начнем обзор, пользуясь преимущественно данными о количестве рабочих, т. е. наиболее надежным измерителем масштаба промышленности, и будем вращаться в пределах последнего пятнадцатилетия.

Прежде всего интересно обратить внимание на относительную роль каждой губернии. На пространстве полутора десятка лет, с 1897 по 1913 г., произошли некоторые перемены в относительной роли

промышленности отдельных губерний. Выявилось значительное повышение Минской, частью Витебской и Виленской и снижение Гродненской и Смоленской г. Эти перемены можно видеть из следующего сопоставления:

	Виленская	Витебская	Гродненская	Минская	Могилевская	Смоленская
	Проц. рабочих каждой губернии к общему числу их в Белоруссии					
1866 год	10,6	8,3	36,3	15,2	11,5	19,3
1897 „	14,0	8,6	32,7	13,7	13,9	16,8
1908 „	15,4	10,9	23,5	17,3	13,8	19,1
1913 „	16,2	11,2	23,9	19,8	11,6	17,3

Несомненно, представляет собою интерес также и место каждой губернии в Белоруссии по относительному числу фабрик и по сумме производства. Наибольшее количество фабрично-заводских заведений было в Гродненской и в Минской г.г. По сумме производства в 20-м веке на первом плане стоит Гродненская. Вот сводная табличка:

	1913 г.	1908 г.	1897 год	
	Проц. фабрик к общему числу их в Белор.	Проц. суммы производ. к общей сумме	Проц. фабрик к общему числу их в Белор.	Проц. суммы производ. к общей сумме
Виленская	15.3	15,7	12,1	18,1
Витебская	7,2	6,6	10,5	6,8
Гродненская	38,7	24,5	29,3	28,6
Минская	19,1	29,4	17,6	13,8
Могилевская	8,3	12,8	17,3	12,6
Смоленская	11,2	11,4	13,2	20,0

Теперь перейдем к характеристике деталей.

Нам уже приходилось, впрочем, касаться развития отдельных отраслей промышленности в той или иной губернии, поэтому мы суммируем этот вопрос еще таким образом.

Если условиться, что 20 проц. и более всех рабочих, занятых данным производством во всей Белоруссии, уже составляет известную группу промышленных предприятий, выделяющую данную губернию из других, то в 1897 году Виленская г. выделялась по обработке продуктов животноводства, металлов и табачных изделий. В Витебской губ. только химические продукты, спички (30,8 проц.), представляли собою одну только такую группу. Остальные отрасли промышленности представлялись более мелкими. В Гродненской губ. больше 20 проц. рабочих было занято в текстильной промышленности, в писчебумажной, в обработке продуктов животноводства, в обработке ме-

таллов и в табачном производстве. В Минской губ. деревообделочное, металлическое, химическое и обработка питательных продуктов выделялись по % занятых в этом производстве рабочих, Могилевская только по писчебумажному и по деревообделочному производствам, а Смоленская—по текстильному производству, деревообделочному и минеральных веществ.

Если возьмем 1913 год, то получим, применяя ту же мерку, такое распределение промышленности по губерниям. В Виленской остались господствующими те же отрасли промышленности. В Витебской—более 20 проц. рабочих оказались в обработке металлов, минеральных продуктов и продуктов животноводства, т. е. вообще относительный рост этой губернии в промышленности страны поднялся. В Гродненской губ. перемен никаких не замечаем. В Минской—поднялось писчебумажное производство, производство минеральных веществ, роль прежде указанных сохранилась. В Смоленской губ. мы никаких перемен не наблюдаем.

Чтобы дать представление, какие отрасли промышленности в каждой губернии являются наиболее мощными промышленными организмами по среднему числу рабочих, приходящихся на каждую фабрику, мы приведем некоторые сведения; сравнение 1897 г. с 1913 г., кстати, даст нам еще раз более точные понятия о процессе укрупнения фабрик. Если взять среднее число рабочих на каждую фабрику по 1913 г., то только в 3-х губ. (Витебской, Могилевской и Смоленской) это среднее число превзойдет 50 человек, а в 1897 году те же 3 губернии (Витебская, Гродненская и Смоленская) имели несколько более 20 человек в среднем на 1 предприятие. В общем, следовательно, в среднем каждое предприятие не носит крупного масштаба, но в отдельных губерниях, в зависимости от вида предприятий, масштаб их варьируется.

Беря в основу для сравнения данные 1913 г. и выделяя те группы предприятий, которые имеют более 50 человек на фабрику, можно дать такую характеристику промышленности отдельных губерний. Так, Виленская губ. является губернией, в которой преобладают мелкие предприятия: только обработка металлов переходит принятую нами условную норму (70,4 человек на предприятие), текстильное произв. (103 ч.) и обр. минер. (98 ч.). Еще более мелкий тип промышленности в Гродненской губ., которая дает только по обработке химических продуктов (по 56 рабочих) и по табачному производству (по 185 рабочих) число рабочих выше 50 на 1 предприятие. Даже ее текстильная промышленность, по среднему числу рабочих, является весьма скромной (по 39,4 рабочих). Сравнительно с 1897 г. в обоих губерниях получилось относительное уменьшение среднего числа рабочих на предприятие, например, по писчебумажному производству, по табачному, следовательно, развившаяся в этих губерниях раньше промышленность слабо сдвигалась с ее старых форм. По масштабу наиболее крупных предприятий, к двум упомянутым губерниям ближе всего подходит Минская. Имея в среднем в 1913 г. 33,3 рабочих на предприятие по всей губернии, она даже по текстильной промышленности дает 124 рабочих на 1 предприятие, по химической промышленности 294,7 и больше 50 по обработке минералов (70,5) и металлов (51,5). Следовательно в этой губернии уже появился ряд крупных предприятий, при чем в 1897 г. она только в химическом производстве

имела 260 рабочих на 1 предприятие, а на остальных в общем менее 30-ти рабочих. Как видим, здесь получилось значительное укрупнение предприятий.

В остальных 3-х губерниях, процесс укрупнения предприятий мы представим в одной сводной табличке, взяв в основу 1913 г., сопоставив его данные с 1897 г., и приведем только те виды предприятий, по которым в среднем имеется более 50 рабочих на каждое:

	Витебская		Могилевская		Смоленская	
	1913	1897	1913	1897	1913	1897
Текстильное произв.	473	7	136	23	1.236	133
Писчебумажн. „	—	—	135	161	60	18
Обр. минералов	162	32	63	53	95	42
„ металлов	65	65	81	52	—	—
Химическое произв.	121	102	305	88	168	103
Табачное „	87	55	72	20	—	—

В общем мы наблюдаем тот же процесс по отдельным губерниям и в сфере отдельных производств, о котором мы говорили относительно всей Белоруссии. Только этот процесс представляется теперь в более отчетливых формах.

Это—процесс концентрации фабрик. И на новых местах, почти как общее правило, в процессе капитализации страны образуются только крупные предприятия. Мелкие фабрики доживают свой век, а в новом районе вырастают колоссальные фабричные трубы. Сюда приливает капитал. Отсюда и понятно, почему Гродненская или Виленская губ. остаются в тени, даже отстают, а та же текстильная промышленность Витебской губ. и Смоленской принимает формы крупнейших предприятий.

И еще одно сопоставление может иметь значение и интерес. Это—уяснение соотношений между масштабом производства и количеством населения. Непреложное проявление законов экономического развития, собственно закона Маркса о концентрации предприятий, перед нами прошло отчетливо. Капитализация промышленности охватывает страну, но она не успела еще войти в гущу населения. Вероятно, этому способствовала конкуренция других районов. Во всяком случае, население каждой отдельной губернии, как и население всей Белоруссии, о чем мы уже говорили, в весьма слабой мере было привлечено к работе на фабриках и заводах, проц. фабричных рабочих ко всему населению не велик.

Если для всей Европейской России можно считать около 1,43 проц. по отношению ко всему населению, то Белоруссия в этом отношении очень отстала. На этот вопрос отвечает следующая табличка, не требующая особых об'яснений.

	Проц. фабричн. рабочих в губернии к общему числу ее жителей	
	1897 год	1913 год
Виленская	0,48	0,26
Витебская	0,32	0,49
Гродненская	1,1	0,66
Минская	0,41	0,55
Могилевская	0,53	0,39
Смоленская	0,55	0,66

Правда, сумма производства поднялась в среднем на каждого жителя довольно значительно. Но тоже едва-ли можно признать ее большою, во всяком случае, она очень отстает от средней во всей России (около 30 р. в 1908 г.). Вот погубернские данные, из которых видно относительное значение каждой губернии к сумме производства на 1 жителя:

	Сумма произв. в среднем на 1 жителя в рр.	
	1897 год	1908—9 годы
Виленская	6,7	10
Витебская	2,7	6
Гродненская	10,7	12
Минская	4,1	6
Могилевская	5,3	6
Смоленская	5,9	11
Итого	5,9	8

На предыдущих страницах мы рассмотрели ряд данных, характеризующих динамику промышленности. Несмотря на многие недостатки материала, мы постарались извлечь из него, что можно было, и думаем, что все же, в общем, ход развития промышленности выявляется в соответствии с былой действительностью. Конечно, желательно было бы рассмотреть еще многие частности, но они должны найти место скорее в специальных исследованиях. Мы только остановимся еще на 2-х вопросах: мы постараемся выяснить некоторые штрихи, касающиеся рабочих, и затем познакомимся с некоторыми частностями промышленности в ее статическом положении на основании данных 1908 г.

XVIII. Данные о положении рабочих.

Наши источники, статистические сведения, немного представляют данных, по которым можно было бы характеризовать положение рабочего класса на фабриках. Из них можно взять кое что по вопросу о заработной плате и по вопросу о возрастном и половом составе рабочих. Этими данными мы и воспользуемся.

Прежде всего надо помнить, что по вопросу о заработной плате можно сравнить 2 источника—Свод сведений за 1897 г. и минист. обследование 1908 г. Первый источник имеет ряд недостатков. Так, в нем не показана заработная плата для всей промышленности, обложенной акцизом. Есть некоторые пропуски сведений, но они нами учтены. Наконец, в некоторых случаях этот источник показывает, повидимому, нереальную, даже в наших условиях, заработную плату. Поэтому, в общем, данные 1897 г. представляют интерес только как среднее. Затем надо заметить, что оба источника дают общую сумму выплаченной рабочим платы без указаний, сколько времени заводы действовали, за сколько смен уплачено, а число рабочих, повидимому, показывают на отчетное число. Все это значит, что используемые данные, отражая

в общем реальную действительность в массовых данных, не могут считаться показательными в некоторых частностях.

Мы должны ожидать, в условиях нашего края, пониженного уровня заработной платы. Для такого априорного положения есть достаточно оснований. При перенаселенности Белоруссии, известная часть населения ее была зажата в городах и местечках. Конкуренция, борьба за кусок хлеба создавалась ужасная. В нашей промышленности превалировали формы старой промышленности, издавна установившейся. Как общее правило, эти виды промышленности отличаются пониженной заработной платой, тогда как молодые и развивающиеся отрасли промышленности дают и повышенную зарплату рабочим и повышенную прибыль капиталистам (в данном случае мы придерживаемся выводов П. Маслова). Наконец, у нас господствовала мелкая промышленность, в области которой эксплоатация труда, как общее правило, тяжелее падает на рабочего, чем в крупной промышленности. Все эти условия и особенности дают нам ключ к пониманию тех весьма пониженных норм оплаты труда, которые у нас существовали. Наконец, наши источники случайно относятся к таким годам, когда понижение платы ощущалось в общегосударственном масштабе. Так напр., проф. Первушин в своей книге о кон'юнктуре 1897 г. причисляет к годам понижения заработной платы и номинального, и реального; тоже и относительно 1908 г. проф. Билимович в своей книге о под'еме цен говорит об искусственном понижении предпринимателями заработной платы в 1908 г., вследствие депрессии. Это уже общеизвестный факт.

Теперь обратимся к данным, характеризующим масштаб заработной платы.

В 1897 г. средний уровень заработной платы выражался всего в 147,8 руб. в год на рабочего. В 1908 г. он поднялся до 185,1 руб., тогда как в общегосударственном масштабе он возвысился до 243 р., т. е. средняя плата у нас была ниже на 31 проц., т. е. примерно составляла только $^2/_3$. Наиболее низкая заработная плата была в производстве питательных продуктов, обложенных акцизом (крестьянский труд на винокуренных заводах). Низка была плата также в производствах продуктов питания, не обложенных акцизом. Но и в общегосударственном масштабе работа в пищевой промышленности оплачивалась наиболее низко (в среднем—155 р.); тут понадобилось большое количество чернорабочего труда и сравнительно мало квалифицированных рабочих. В химической промышленности также плата была очень низкая, вероятно, тоже вследствие поглощения ею большого количества чернорабочего труда; впрочем положение рабочих на спичечных фабриках вообще было очень тяжелым. В отношении отдельных губерний можно только заметить, что заработная плата в производствах, обложенных акцизом, была наиболее низкой в Минской г., чем, очевидно, об'ясняется то, что в этой губернии было наибольшее количество винокуренных заводов, в расчете на дешевый крестьянский труд. Оплата же труда в химической промышленности в общем низка в тех губерниях, где преобладала спичечная промышленность (Минская, Могилевская, Смоленская, Витебская г. г.) и резко повышалась часто более чем вдвое в тех 2-х губерниях (Гродненская и Виленская), где преобладало красильное, аппретурное производство и др., требовавшие высоко квалифицированного труда.

Сравнительно с предыдущими 3-мя видами производств, известный под‘ем оплаты труда, по данным 1908 г., замечается в деревообделочном и писчебумажном производствах. Здесь плата ниже в тех губерниях, где преобладают лесопильные заводы и более примитивные формы деревообделочной промышленности; но напр. в Виленской г., где преобладали мебельные мастерские, плата выше средней; за ней идет Минская г., где тоже начал развиваться этот вид производства. В писчебумажном производстве высшая оплата труда тоже наблюдается в Витебской г., частью в Минской, что, очевидно, об‘ясняется развитием здесь выработки разных изделий, для которых картон и бумага являются сырьем.

Почти в одинаковой мере оплачивался в среднем труд рабочего по обработке минеральных веществ и по обработке волокнистых веществ. Но, конечно, он оплачивался ниже, нежели в среднем по всей тогдашней России. Напр. текстильщики у нас получали 197 р., общерусская средняя—211 р.

Только 3 производства у нас оплачивались относительно удовлетворительно,—если приближение к обще-русскому среднему можно считать удовлетворительной оплатой (в общем эта оплата неудовлетворительна). В табачном производстве труд оплачивался в 220 р., на заводах по обработке продуктов животноводства в 241 р. и в металлическом производстве в 258 р. Насколько наша заработная плата отставала, можно судить по этому последнему примеру: в общерусском масштабе средняя оплата труда металлиста выражалась в 329 руб. У нас же оплата его труда только немногим превосходила средний уровень, тогда как обычно этот высококвалифицированный труд хорошо оплачивается. Наилучше металлисты оплачивались в Гродненской г., Виленской и Минской потому, что заводы и мастерские Гродненской губ. требовали высококвалифицированного рабочего по выработке заводских частей, в Виленской—вследствие развития сельско-хозяйственного машиностроения, частью захватывавшего и Минскую губ.

В обработке продуктов животноводства наилучше оплачивалось, как общее правило, дубление кожи. Поэтому средняя оплата этого вида производства оказывается наиболее высокой в Минской и в Виленской г.

Таково распределение заработной платы по производствам и частью по губерниям.

Мы уже знаем, что сравнительно с 1897 г. заработная плата в 1908 г. поднялась на 25 проц. В той или другой мере повышение платы наблюдается во всех производствах. Не показательно только падение заработной платы в химическом производстве, т. к. данные 1897 г. не дают оплаты труда в спичечном производстве. Нельзя сопоставить также между собою и других производств, обложенных акцизом. Но в общем, в производствах, которые не обложены акцизом, везде наблюдается повышение оплаты труда—наиболее высокая в писчебумажном, частью в текстильном и относительно невысокая в других производствах. Ниже мы предлагаем эти данные в обсолютных величинах и в относительных, принимая 1897 за 100.

Данные о росте оплаты труда:

Ср. оплата труда 1 рабочего	Вол. вещ.	Писчебум.	Дерев.	Пр. животнов.	Минерал.	Металл.	Химич. *)	Табач.	Пищев. пр., не обл. акц.	Пищев. пр., обл. акц.
1897 г. . .	131,8	114,8	125,3	196,8	179,3	216,3	182,8	—	133,1	—
1908 г. . .	197,1	205,6	175,2	240,9	198,2	258,3	151,8	220,3	158,9	137,0
1908 к 1897-му .	149,5	178,1	139,8	122,4	110,5	119,4	—	—	119,3	—

В дополнение к сказанному мы также присоединяем и таблицу, дающую среднюю годовую оплату труда одного рабочего по производствам и по губерниям (стр. 186).

Повышение заработной платы, в общем, небольшое. Значение его еще станет менее значительным, если мы припомним, что как раз рассматриваемый период охватывает эпоху забастовок, борьбы рабочего класса за уменьшение рабочего дня и за поднятие заработной платы, борьбы, которая, как известно, велась и под флагом политическим. Но и этого мало.

Необходимо поставить вопрос о том, является ли это повышение реальным или только номинальным. История цен у нас еще не изучена, да и плохо представлена источниками. Поэтому не вдаваясь в излишние детали, полагаем вполне возможным в данном случае сослаться на общерусские условия. По табличке, которую мы находим у проф. Первушина, разница цен 1897-1908 г. г. выражается в 35 проц., т. е. цены повысились, примерно, на 1/3 за это десятилетие.

Значительно раньше вышедшее исследование проф. Билимовича подводит к тому же выводу. Большой разницы в ценах между условиями нашего местного рынка и общегосударственными не было. Получаем вполне определенный вывод, сводящийся к тому, что к 1908 г. произошло понижение реальной заработной платы на 10 проц. или около этого,—поскольку мы применяем общерусские цены к местным условиям.

Теперь перейдем к другому вопросу, который мы можем несколько выяснить с помощью наших данных—к вопросу о половом и возрастном составе рабочих.

Данные 1908 года дают значительное применение женского труда, и довольно сильно развитое применение труда малолетних.

Наиболее значительным применение женского труда наблюдается в текстильной и химической промышленности, затем в табачной. Труд малолетних в наибольшем ходу в химической промышл. и в производствах по обработке минеральных веществ, причем здесь сильно развито применение труда девочек. Как общее правило, наблюдается усиление применения женского труда и труда подростков на фабриках в 1913 г. Этот год дает значительно больший проц. работающих женщин, малолетних вообще, и особенно девочек, сравнительно с 1908 годом. Обо всем этом хорошо свидетельствует прилагаемая

[1]) В 1908 г. в химической пром., не облож. акцизом, труд рабочего оплачивался 259,9 р., а в спичечном произв. только в 144,1 р.

Средняя годовая оплата труда 1 рабочего по производствам:

	Виленская		Витебская		Гродненская		Минская		Могилевская		Смоленская	
	1897 г.	1908 г.	1897 г.	1908 г.	1897 г.	1908 г.	1897 г.	1908 г.	1897 г.	1908 г.	1897 г.	1908 г.
1. Обр. вол. вещ.	136,4	169,6	53,6	137,3	151,8	253,9	112,2	99,4	45,0	164,7	121,2	150,2
2. Пр. писчебум.	149,7	261,8	102,7	153,5	65,5	161,6	112,1	233,6	160,0	201,9	148,7	137,4
3. „ деревообд.	188,8	235,8	167,4	183,2	106,5	162,8	162,3	178,8	81,7	139,9	112,0	166,3
4. Обр. животн.	247,6	260,2	178,2	235,0	181,2	218,5	182.6	330,8	166,2	102,4	125,9	210,3
5. „ минерал.	232,0	187,9	194,5	223,2	260,7	174,9	221,6	215,0	144,4	180,9	175,5	199,7
6. Пр. металлообр.	329,8	298,4	123,7	134,7	219,2	360,9	195,5	254,8	174,5	198,0	235,1	120,9
7. „ химич. пр..	85,9	263,8	48,1	168,6	125	362,5	133,3	136,1	200	198,6	—	114,1
8. „ табачн.	—	182,5	—	183,2	—	247,3	—	253,7	—	84,3	—	164,2
9. Обр. питательн. пр., не обл. акц.	183,8	205,7	134,4	258,8	132,7	138,1	136,1	180,3	94,3	62,7	145,3	214,7
10. Пит. пр., обл. акц.	—	154,3	—	126,3	—	132,1	—	106,9	—	150,7	—	168,7
Среднее	277,4	—	131,7	—	158,3	—	170,9	—	101,3	—	134,7	—

ниже таблица. Если однако мы возьмем более длительный период, то отмеченная тенденция выявляется с особенной резкостью. Повидимому, впервые с 1887 года можно найти сведения о распределении рабочих по возрастам и по полу. Это касается только производств, не обложенных акцизом. Оказывается, что в конце 80-х годов применение труда подростков было еще весьма незначительным. Напр. машиностроительная и металлургическая промышленность совсем не знает труда подростков и женщин, а 900-ые годы дают в этой отрасли промышленности быстрое наростание женского и детского труда. То же можно сказать относительно тогдашней, впрочем слабо развитой, химич. промышленности. В общем тогда только на суконных фабриках и на стекольных заводах применялся женск. и детский труд. На стекольных заводах напр. работает 10 проц. женщин и 13 проц. подростков ко всему числу рабочих. На суконных фабриках мы встречаем уже 31 проц. женщин, а подростков только 3,3 проц.

Данные в погубернском масштабе не дают большой разницы в применении труда женщин, при сравнении 1913 г. с 1908 г. резко однако выявляют тенденцию охвата фабрикой детского труда, проц. которого быстро подымается в этот период.

Прилагаемые ниже 2 табл. дают детальные подтверждения только что высказанных обобщений.

Распределение рабочих в отдельных группах производств по возрасту и полу:

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАВЕДЕНИЙ ПО ГРУППАМ ПРОИЗВОДСТВ	Проц. отнош. всех женщин к общему числу рабочих		Проц. отнош. всех малолетн к общ. числу рабочих		Проц. отнош малолетн. мужчин к общ. числу мужчин		Проц. отнош. малолетн. женщин к общ. числу женщин	
	1908 г.	1913 г.	1908 г.	1913 г	1908 г.	1913 г.	1908 г.	1913 г.
Обработка волокнистых веществ	51,0	61,7	2,5	16,1	2,6	15,9	2,5	16,2
Писчебумажное производство	35,4	31,2	5,7	15,2	4,7	11,5	7,6	23,6
Деревообделочное производство	15,8	14,3	1,8	9,7	1,3	8,4	4,4	17,8
Обработка животн. продукт.	3,5	11,1	2,3	9,1	1,9	7,1	12,3	25,1
Обработка минеральных веществ	17,9	21,1	12,4	25,9	10,6	21,0	20,4	44,3
Обработка металлов	8,1	19,7	2,4	14,9	2,2	11,0	4,9	30,8
Химическая промышленность	52,7	55,4	3,7	27,4	3,4	19,6	3,9	33,6
Табачное производство	70,1	17,1	0,3	5,6	0,7	2,9	0,06	18,7
Обработка питат. вещ., не облож. акциз.	16,6		1,8		1,0		6,8	
Обработка питат. вещ., облож. акциз.	14,2		0,2		0,2		—	

Распределение рабочих в губерниях по возрасту и полу:

НАЗВАНИЯ ГУБЕРНИЙ	Проц. отнош. всех женщин к общему числу рабочих		Проц. отнош. всех малолетн. к общ. числу рабочих		Проц. отнош. малолетн. мужчин к общ. числу мужчин		Проц. отнош. малолетн. женщин к общ. числу женщин	
	1908 г.	1913 г.	1908 г.	1913 г.	1908 г.	1913 г.	1908 г.	1913 г.
Виленская	24,0	н.св.	3,3	н.св.	2,8	н.св.	4,9	н.св.
Витебская	33,0	31,9	5,3	19,6	5,4	15,2	5,1	28,9
Гродненская	34,2	н.св.	0,9	н.св.	0,6	н.св.	1,5	н.св.
Минская	27,0	28,9	3,9	19,0	3,6	12,5	4,8	34,9
Могилевская	26,1	26,8	3,5	11,5	3,4	9,4	4,1	17,0
Смоленская	35,1	34,6	5,4	13,4	4,5	11,0	6,9	18,0

XIX. Несколько деталей.

В этой главе нам хотелось бы подвергнуть рассмотрению некоторые вопросы, характеризующие промышленность в ее статическом положении. Это можно сделать только на основании обследования 1908 г.

Прежде всего интересно было бы определить мощь нашей промышленности, выраженную в затраченных на нее капиталах. Однако от тогдашней статистики нельзя ожидать на этот счет никакого ответа. Остается возможность производства некоторых подсчетов, которые могут дать хотя бы приблизительное представление об этом предмете. Тов. С. Струмилин („Плановое хозяйство", 1925 г., № 2) на основании данных, отсутствующих в наших архивах и библиотеках, сделал попытку дать расчет основного капитала русской промышленности и затем дает среднее на одного рабочего. Пользуясь этими расчетами, мы можем дать самый бледный контур капиталов, вложенных в нашу промышленность. Другого способа, сколько мы понимаем, не имеется. Т. к. капиталистическое общество знало еще цену земельной собственности, то мы представим двоякий расчет—расчет капитала с учетом стоимости земли и без учета таковой. Получаем табличку: она дает распределение капиталов по производствам и по губерниям (стр. 189).

Еще раз повторяем, что это есть их капитал, вложенный в стоимость земли, зданий и средств производства. Земля не подвергается изнашиванию. Но здания и средства производства—изнашиваются и в общем около 30 проц. приходится сбрасывать на износ машин с затраченного капитала. Размеры оборудования еще более тесно связаны с количеством рабочих, чем общие затраты на фабрично-заводские предприятия. Поэтому, если мы знаем затрату на оборудование, которая приходится в среднем на одного рабочего, то это будет довольно верное определение того капитала, который вложен в эту часть производства. Пользуясь тем же методом, мы получаем следующие данные, как по производствам, так и по губерниям (стр. 190).

ГРУППЫ ПРОИЗВОДСТВ	Основной фонд промышлен. без земли (в тыс. р.)							Тот же фонд с учетом стоим. земли (в тыс. р.)						
	Виленская	Витебская	Гродненская	Минская	Могилевская	Смоленская	Всего по группам	Виленская	Витебская	Гродненская	Минская	Могилевская	Смоленская	Всего по группам
Обработка животных продуктов. .	1076	646	593	143	112	127	2697	1225	736	675	162	128	144	3070
Обработка дерева . . .	640	255	395	2572	830	1261	5953	1140	454	704	4584	1480	2249	10613
Обработка волокнист. веществ .	1586	1531	8887	404	1159	6717	20284	1716	1636	9854	452	1245	7289	22192
Обработка минеральных веществ .	1654	856	713	1172	1041	1251	6687	1907	987	822	1352	1200	1443	7712
Бумажн. произв. и полигр. .	1377	750	562	598	1877	1033	6197	1753	955	716	761	2391	1316	7894
Обработка металлов . . .	776	890	777	427	357	103	3330	826	948	827	455	3808	110	3547
Произв. пищев. и вкус. . .	4144	1897	5353	4453	3665	3297	22808	5186	2373	6698	5572	4586	4125	28540
Химическое произв . . .	191	1133	64	4080	1035	930	7434	213	1265	72	4555	1155	1038	8298
Пр-во и перед. физ. с и водосн. .	—	179	—	—	—	279	458	—	177	—	—	—	282	459
ИТОГО. .	11443	8137	17345	13849	10075	15000	75850	13968	9532	20376	17894	12565	17997	92325

Стоимость оборудования в белорусской обрабатывающей промышленности за 1913 г. т.т. в т. рублях:

ГРУППЫ ПРОИЗВОДСТВ.	Стоимость оборудования по губ.						ВСЕГО по группе
	Виленская	Витебская	Гродненская	Минская	Могилевская	Смоленская	
Обработка волокнистых вещ. . .	928	879	4698	218	680	4045	11448
Механическая обработка дерева .	356	142	220	1430	462	701	3310
Обработка минеральных веществ	518	268	223	367	326	392	2096
Обработка животных продуктов	323	194	178	43	34	38	810
Обработка металлов	431	495	432	238	198	57	1852
Производство бумаги и полиграф.	874	476	357	379	1190	655	3931
Обработка пищев. и вкусов. вещ.	187	859	2425	2017	1660	1494	10334
Химическ. производство . . .	92	549	31	1976	501	4504	3601
ИТОГО . . .	5401	3862	8565	6669	5052	7834	37383

Мы, таким образом, получили приблизительное исчисление затраченного в промышленности капитала. Трудно сказать, насколько это приближение далеко от истины. По нашему мнению, ряд отраслей бел. промышленности равнялся по стоимости оборудования и пр. среднему типу общерусской. Только такие отрасли, как обр. волокн. веществ, обр. минеральн. вещ. (простое стекло, кирпичные заводы), и обр. металлов должны были отставать по вложенному в них капиталу от общерусской средней, т. к. наш тип относительно мелких и средних предприятий там сочетался с гигантами.

Количество силовых установок тоже может дать некоторое понятие о масштабе промышленности. Данные 1908 г. отвечают на этот вопрос. Мы приведем данные о числе механических двигателей (паровых, внутреннего сгорания, водяных и пр.) и о числе лошад. сил в них.

	Вол. вещ.	Бумажн.	Дерев.	Жив. пр.	Минер.	Металл.	Химич.	Пищ. вещ не обл. акциз.	Пищев. вещ, обл. акцизом	Табачн.
Числ. мех. двигател.	150	138	242	49	109	61	29	166	768	31
Ч.4 пар. лош. сил	10577	6099	8322	513	880	1560	927	4225	19702	454

Это значит, что вся промышленность в общем располагала 1743 механ. двигателями и 43259 лош. сил. Т.-к. погубернский подсчет может также представить известный интерес, то мы даем и его:

	Виленская	Витебская	Гродненская	Минская	Могилевская	Смоленская
Число мех. двиг.	308	132	422	391	276	214
Ч. пар. лош. сил	5928	4364	8834	8388	7035	8710

К этому надо прибавить 12 мех. двигателей на 2-х электрических и одной водопроводной станциях с 5870 лош. сил. Если судить по количеству лош. сил., то разница между тремя губ. незначительна, и только Могилевская, Виленская и Витебская в нисходящем порядке дают падающее количество лошадиных сил. Что касается отраслей промышленности, то наибольшее количество лош. сил принадлежало наиболее развитым, т.-е. обработке волокнистых веществ и питательных продуктов, обложенных акцизом; затем идет деревообделочное производство и др.

Вся эта промышленность поглощала топлива на 5358 т. руб. Это поглощение топлива распределялось таким образом:

В тыс. руб.

Губернии	Тверд. мин. топливо (камен. уг., антрацит кокс)	Жидк. мин. топ. (мазут, нефть, керосин, бензин)	Древесн. топливо (дрова, уголь)	Торф	Отбросы разные	Итого
Виленская	48,2	16,4	767,8	21,7	59,2	913,3
Витебская	18,8	3,2	543,7	12,0	13,9	591,6
Гродненская	149,2	18,1	887,9	15,6	51,3	1122,1
Минская	18,9	9,4	886,8	19,2	38,1	972,3
Могилевская	140,4	1,9	833,2	42,5	16,5	1034,5
Смоленская	12,5	2,2	701,8	3,9	3,8	724,2
Итого	388,0	51,2	4621,2	114,9	182,8	5358,0

Как естественно было ожидать, наиболее применялось древесное топливо (86 проц.), затем идет каменный уголь (7 проц.) и остальные виды топлива, в том числе и торф, составляют весьма скромную долю в работе промышленности.

Топливо—одна из составных частей оборотного капитала, вкладываемого в предприятие. Другими такими частями являются сырье и материалы, наем помещения, плата, уплачиваемая рабочим и разные накладные расходы. Наши данные представляют нам довольно определенные цифры годовых расходов промышленности на сырье и материалы, за наем помещений и двигательной силы и плату рабочим. Это в общем составляет 71 млн. р. или 86,4 проц. ко всей сумме годового производства*). Надо только иметь в виду, что эта сумма в

71 млн. не является полностью оборотным капиталом, т.-к., конечно, капиталист в течение года уже выпускает продукты производства и, следовательно, капитал делает оборот. Трудно определить в наших условиях оборачиваемость капитала в промышленности. Вероятно, надо считать его оборачиваемость не менее 3-х раз в год, применительно к оборачиваемости капитала в мелкой и средней промышленности довоенной России; значит, в качестве оборотного капитала промышленности оперировало 20—25 млн. р.

Наибольшее поглощение капитала дает расход на сырье и материал, который в большинстве отраслей промышленности составляет от половины до трех четвертей всей суммы производства, или, что почти то же, оборотного капитала. Только в бумажной промышленности этот расход относительно меньше и в обработке минеральных веществ, т. к. здесь сырье имеет малую ценность и, наоборот, топливо и заработная плата выдвигаются на первый план. Вторую по значению статью расхода составляет плата рабочим. Она является наиболее высоким расходом в производстве по обработке минералов, металлической промышленности, затем в химической, в обработке волокнистых веществ и в деревообделочной. В производствах по обработке питательных веществ плата рабочим имеет наименьшее значение в затратах капитала, ибо здесь на первом плане стоит удовлетворение фабрики сырьем и отчасти топливом.

Расходы на топливо составляют всего 6,3 проц. от суммы производства, наиболее вырастая в производстве минеральных веществ, в производстве продуктов питания, обложенных акцизом и в писчебумажном. Наем помещения и двигательной силы составлял наименьшую статью расхода, приближающуюся к 1 проц. В денежной форме расходы на сырье и материалы выражались в сумме 53,4 млн. р. На заработную плату—11,7 млн., за топливо—5,4 млн. р. и за наем помещения—1,2 млн. р. Прилагаемая таблица дает представление обо всех этих расходах в относительных величинах.

Главнейшие расходы по производству в проц. к с. произв.

	Сырье и материалы	Топливо всякое	За наем помещ. и двиг. силы	Плата рабочим
1. Пр. волокн. вещ.	59,8	3,9	2,5	17,1
2. » бумаги	39,4	10,0	1,7	14,1
3. » дерева	56,0	2,0	1,1	16,4
4. Обр. минералов	22,0	18,9	1,1	32,4
5. » металлов	47,5	4,6	2,9	23,7
6. » пит. вещ., необл. акцизом	72,6	3,1	1,6	4,5
7. » жив. прод.	75,4	1,3	0,5	12,0
8. » химич. прод	52,5	5,8	0,5	19,5
9. » пит. вещ. об. ак.	79,9	11,2	0.6	6,3
10. Табачн. пр-во	60,3	1,6	0,6	12,4

*) Многие фабриканты не показали платы за наем помещений, очевидно, потому, что в анкете показывались только реальные расходы; поэтому мы восстановили по средним на 1-го рабочего.

Совершенно реальный интерес может представить, сколько в наших условиях приходилось рублей в среднем на каждого рабочего, по определенным производствам, на покупку сырья, оплату топлива и наем помещения. Оказывается, что по средней на одного рабочего на первом месте, по стоимости сырья и материалов, стоит обработка питательных веществ, необложенных акцизом (2.531 р.), за ними идут питательные производства, облагаемые акцизом (1.716 р.). В обработке продуктов животноводства на каждого рабочего приходилось сырья на 1507 р. в среднем. Это все производства, в которых каждый рабочий перерабатывал наибольшее количество сырья. К этим производствам в некоторой мере примыкает табачное (1.072 р.) В остальных производствах, в среднем, каждый рабочий перерабатывал сырья на значительно меньшую сумму, примерно, в половину меньшую, а в стекольном и кирпичном производствах сырье стоило на одного рабочего совсем немного (134 р.). В отношении топлива наибольше приходилось на одного рабочего в производствах, питательных продуктов, облагаемых акцизом, затем в бумажном производстве, в обработке минералов, в производствах питательных продуктов, необложенных акцизом. Расходы на наем помещений варьировались в зависимости, очевидно, от местоположения, в городах или вне городов, фабрик, наконец от того устройства, которое требовала каждая фабрика.

Так, наиболее дорого оплачивались помещения в производствах питательных веществ, необлагаемых акцизом, конечно, потому, что это городские производства, и даже по преимуществу производства городских центров. Текстильное производство, писчебумажное, металлические заводы, требовали хорошо оборудованных помещений и достаточного простора, почему и помещение на каждого рабочего стоило довольно дорого. Все эти данные в деталях можно видеть на прилагаемой таблице.

В среднем на 1 рабочего приходится:

	Сырья и материал.	Топлива	За наем помещ.
1. Пр. волокн. вещ. .	687,0	45,0	28,8
2. „ бумаги . .	568,9	144,3	24,8
3. „ дерева . .	666,1	24,6	11,9
4. Обр. минералов .	133,8	115,0	7,2
5. „ металлов . .	502,5	49,2	30,7
6. „ пит. вещ., не обл. акцизом . .	2530,8	108,1	56,2
7. „ жив. прод. .	1507,7	26,4	11,6
8. „ хим. пр. . .	408,6	45,5	4,2
9. „ пит. вещ., обл. акцизом . .	1716,3	240,5	14,6
10. „ табачн. пр. .	1072,4	18,9	11,4
	855,8	86,6	21,2

Мы познакомились с составом основных расходов, идущих на производство. Здесь мы не говорим о заработной плате, потому что этого вопроса мы касались в предыдущей главе. Сырье и материалы, топливо, наем помещений, плата рабочим—основные расходы. Наши ис-

точники дают нам цифры суммы производства. Под этим понятием надо разуметь ту сумму, которую фабрикант выручил или может выручить в течение годового оборота за произведенный им готовый продукт. Правда, это показание не вполне точно определяет в денежной форме результаты производственной деятельности. В эту сумму посчитаны и полуфабрикаты, идущие в дальнейшую переработку. Гриневецкий пробовал было в своей работе отсчитывать сумму, падающую на товары, идущие в дальнейшую переработку. Но такой глазомерный отсчет едва-ли допустим, даже во всероссийском масштабе. Проще оставить суммы производства в том виде, в каком дает ее источник. При том для нашей цели такой вычет и существенной роли не играет. Для нас важно знать, что капиталисты нашего края считали, что они получили или могут получить за всю свою продукцию в круглых цифрах 86 млн. рублей и что они затратили в год 72 млн. рублей Разница между последней затратой и суммой выручки и будет то, что называется валовой прибылью. Она составила следовательно 14 млн. р., или 16,6 проц. От этой валовой прибыли еще надлежит сделать ряд отчислений, чтобы получить ту часть ее, которая идет в пользу класса капиталистов. Тут уже отчисления делать не так просто. Тут надо выключить расходы, идущие на наем служащих, расходы, связанные с страхованием рабочих, оплатой врачебной помощи, с устройством школ, разного рода мелкие расходы, далее расходы по оплате труда самого фабриканта и членов его семьи, принимающих участие в производстве и управлении, уплата податей и проценты за заемный капитал. Расход по управлению в акционированных производствах, которых у нас было впрочем очень мало, отдельно не выступает, т. к. имеются расходы по правлению. Но зато в единоличных и особенно мелких предприятиях труд хозяина, конечно, подлежит оплате. Вот почему очень трудно эту валовую прибыль распределять и высчитать так, чтобы отчленить чистую прибыль. Гриневецкий рекомендовал считать чистой прибылью две трети валовой, но при этом он не учитывал оплаты труда хозяина, на что обращает внимание т. Струмилин. Принимая во внимание мелкий характер нашей промышленности и сильную конкуренцию между промышленниками, у нас, можно полагать, прибыль могла иметь пониженный масштаб, при чем для мелких и средних заведений из нее следовало бы еще высчитать оплату труда хозяина. В общерусском масштабе, по подсчетам Гриневецкого, валовая прибыль составляет 10 проц., а заработная плата—16 проц. суммы производства. В условиях Белоруссии весьма трудно определить размеры прибыли.

Такое определение потребовало бы специальной работы и, кажется, с не большим расчетом на успех. Мы сделаем, что можно. В статистико-экономическом сборнике Яснопольского имеются сведения о количестве предприятий, сумме оборота и сумме прибыли всех неотчетных предприятий торговых и промышленных за 1909 г. Тут неудобство то, что приходится брать цифры торговых и промышленных предприятий. Но неудобство это не так велико, т. к. и среди торговых предприятий встречалась масса мелких, подобно тому, как это мы наблюдаем по отношению к промышленным предприятиям. Поэтому эти цифры все же дают некоторое представление о прибыли к обороту в предприятиях обоего вида. Высший проц. прибыли дает Гродненская г. (10,4), затем Виленская, Могилевская (8,3), Минская (6,4) и Витебская (5,6). Это прибыль к годовому обороту, а не к затраченному капиталу. Это

значит, что ее надо по крайней мере утроить, т. к. капитал должен был обернуться не менее 3-х раз в год. Это значит, что белорусская буржуазия в общей массе все же получала относительно большой доход.

Правда, каждое предприятие в отдельности в среднем было очень мелким, так что прибыли на каждое отдельное предприятие в среднем приходится от 0,7 до 0,9 тыс. руб., а оборот на предприятие выражается от 7,6 р. до 12,5 т. р. Все это говорит о преобладании мелкого предприятия.

Наконец, для нас может представлять интерес и размеры продукции на 1 рабочего. Здесь мы ограничимся приведением тех данных, которые можно составить на основании пересчетов ЦСУ Союза (Труды, т. XVIII), сделанных для г. г. Витебской и Гомельской по данным 1913 г. Эти данные, очевидно, приложимы для значительной части восточной Белоруссии. Получаем следующие средние на 1 рабочего по производствам:

	Средняя на одного рабочего в руб.				
	валов. продукции	чистой продукции		валов. продукции	чистой продукции
1. Обр. минералов	771	491	8. Обр. шерсти	2000	666
2. „ металлов	1881	1026	9. „ шелка	2000	1000
3. „ дерева	1677	694	10. „ льна и пеньки	1315	579
4. „ хим. произ.	4156	1269			
5. Пр. пищевых прод. и напитков	5041	2375	11. Обр. смеш. волок. вещ.	1750	750
6. Обр. прод. жив—ства	2933	800	12. Обр. бумаги и полигр. произ.	1925	875
7. Обр. хлопка	2000	600	13. Электричество и водоснабж.	4500	4000
			Всего	2139	987

Теперь нас будут интересовать некоторые детали отдельных производств. Начнем прежде всего с волокнистых веществ. Прилагаемая таблица № 1 выясняет роль различных видов обработки волокнистых веществ в погубернском масштабе, поскольку это уясняется числом рабочих, фабричных заведений и двигателей. Прибавим некоторые сведения, не входящие в таблицу. Обработкой хлопка было занято в Смоленской г. 112562 прядильных веретена и 2528 крутильных веретен при 1596 ткацких станках. Фабрики по обработке шерсти имели такую мощность: в Гродненской г. работало 96911 прядильн. веретен и 2690 крутильных при 1710 ткацких станках. В Минской работало 2180 веретен при 60 станках. Обработкой пеньки и льна было занято 1400 веретен в Витебской г. и 1368 в Могилевской.

В наших губерниях обработка волокнистых веществ, главным образом, за исключением шерсти, заключалась в подготовке полуфабриката. Так в обработке хлопка Смоленская фабрика давала только суровые ткани (111 т. п.), Могилевская фабрика также давала небольшое количество пестротканных материй (11 т. п.) Обработка шелка

сводилась к выработке небольшого количества плюша (2,5 т. п.), ничтожного количества ленточного товара и затем (в Гродненской и Минской г. г.) в подготовке утка и основы, которые, очевидно, куда-то отправлялись. Обработка льна тоже не доводилась до конца. Большею частью производились только первичные работы. 19 смоленских, 3 могилевских льнотрепальных заводов давали лен чесаный, трепаный и немного пряжи. В Могилевской г. встречаем 7 мелких пенькотрепальных заведений. Большая Витебская мануфактура давала 57 т. п. чистой льняной пряжи, 69 т. очесочной, 2,4 т. п. ниток. Незначительное количество пряжи давала Могилевская мануфактура (16 т. п.). Там же при 4-х пенькотрепальнях производилось 5,8 т. п. канатов, а в Смоленской г. 5,2 т. п. Отделочное производство тоже было очень слабо и только Витебская г. давала 480 т. п. бельевых пуговиц, а Гродненская 147 т. п. шерстяных и 22 т. п. шляп. Только обработка шерсти стояла относительно выше и давала большое количество готового фабриката, преимущественно тяжелых тканей—сукно, трико, драп, одеяла и пр., напр. Гродненская г. давала 277 т. п. В Виленской г. вырабатывалась преимущественно шерстяная вата, в Минской и Витебской шерстяное производство было совершенно незначительно.

Перейдем теперь к бумажному и полиграфическому производствам. Как мы хорошо знаем, первое производство у нас имело широкое распространение. Характер этого производства, его расчленение на писчебумажное, древесно-массное и на другие и удельный вес каждого из отдельных частей производства можно видеть на прилагаемой таблице № 2. Мощностью специальных машин выделяется Могилевская фабрика, в которой показано 8 бумажных машин с общей шириной сит 406 дюймов, тогда как 7 виленских фабрик имели всего 5 машин с общей шириной сит в 256 дюйм. Наибольшее количество цилиндрических машин для картона встречаем в Витебской г. (13) и в Могилевской 6. По характеру производства большим разнообразием отличались виленские фабрики. Они давали наибольшее количество бумаги: бумаги „разной“ —114 т. п., печатной—67 т. п., цветной всякой—44 т. п., мундштучной —36 т. п. и пр., затем они давали сравнительно немного картона (32 т. п.). Витебская фабрика давала чрезвычайно разнообразный ассортимент бумаги: цветной—64 т. п., обойной—37 т. п., мундштучной —32 т. п., печатной—15 т. п., писчей—5 т. п. и пр.—25 т. п. Могилевские фабрики были крупнее и сосредоточеннее держались определенного ассортимента фабриката. Они давали 467 т. п. бумаги разной и 191 т. п. печатной. Затем давали картон. Минские фабрики давали обои (2155 т. п.), бурую бумагу (63 т. п.). Фабрики гильзовой бумаги были сосредоточены в Гродненской г. (296 т. п.), затем в Виленской 108 т., в Минской—98 т., в Витебской—10 т. Виленская и Гродненская г. г. давали большое количество переработки бумаги в конверты (160 т. п.). Полиграфическое производство у нас большого значения не имело и ограничивалось собственно типографскими изделиями.

Деревообделочная промышленность была представлена, главным образом, лесопильными и фанеропильными заводами. Столярное производство и бондарное имело уже сравнительно второстепенное значение. Это все хорошо уясняется на прилагаемой таблице № 3. Остается познакомиться с мощностью специального механического оборудования этой промышленности. В виду большого значения ее у нас мы приведем соответствующие данные в таблице:

ГУБЕРНИИ	Число заведений	Число пильных станков рамных	Общ. число разных станков: строгальн. с круглыми и ленточными пилами, токарных и. т. п	Число специальн. станков: для клеенки, спичечной соломки, древесной шерсти и т.п.
Виленская . .	21	23	91	88
Витебская . .	11	15	33	17
Гродненская .	28	34	70	8
Минская . . .	77	114	348	91
Могилевская .	27	38	101	55
Смоленская . .	47	60	132	17

Прежде всего заметим, что у нас все же преобладала выработка сырья и полуфабрикатов. И по весу и по стоимости, на первом плане стоит производство досок, большей частью из хвойных пород и в меньшей мере из лиственных; в Минской г. в значительной мере была развита выработка досок из твердых пород. В Минской г. разрабатывалось около 11 млн. куб. фут. разных пород на доски, в Смоленской—3,7 млн куб. фут., в Могилевской—1,2 млн. куб. фут,. в Виленской—2,3 млн. куб.фут. и в Витебской—823 т. куб. фут. Минская г. давала большое количество фанеры (21 млн. кв. фут.), и изделий из фанеры (ок. 3 млн. штук). В Смоленской г. наблюдаем достаточно значительное развитие токарных изделий, в Минской—сапожных шпилек, в Витебской—спичечной соломки.

В разработке минеральных продуктов на первом месте стоит стекло. Подробности представлены в таблице № 4. Число печей и других приспособлений видно из следующей таблицы:

Губернии	Число действующих стеклоплавильных печей		Число обжигательных печей разного рода	
	Горшечных	Ванн непрерывного действ.	Периодического действия	Непрерывного дейст.
Виленская . .	5	1	12	9
Витебская . .	1	2	24	2
Гродненская . .	3	—	15	16
Минская . . .	9	2	14	11
Могилевская . .	2	1	73	5
Смоленская . .	4	3	18	9

Таблица № 1

РАЗРЯДЫ ЗАВЕДЕНИЙ ПО РОДАМ ПРОИЗВОДСТВ	Число заведений	Сумма производства и выручка по заказам в тыс. руб.	Число рабочих при заведениях и вне их.	Число паровых котлов	Двигатели	
					Число их	Число сил
Виленская губ.						
а) По обработке хлопка	2	326,3	70	1	1	12
б) „ „ шерсти	3	225,1	108	3	4	41
в) „ „ шелка	—	—	—	—	—	—
г) „ „ льна, пеньки и джута .	—	—	—	—	—	—
д) „ „ смешан. мат. и волокн. вещ.	3	473,9	619	3	5	80
ИТОГО . . .	8	1025,3	797	7	10	133
Гродненская губ.						
а) По обработке хлопка	1	36.2	25	1	1	15
б) „ „ шерсти	191	8704,2	7150	94	105	4219
в) „ „ шелка	4	1156,4	487	3	5	162
г) „ „ льна, пеньки и джута .	1	9,1	9	—	—	—
д) „ „ смешан. мат. и волок. вещ.	5	336,1	260	3	3	45
ИТОГО . . .	202	10242	7931	101	114	4441
Смоленская губ.						
а) По обработке хлопка	2	5259,5	5038	17	10	4213
б) „ „ шерсти	—	—	—	—	—	—
в) „ „ шелка	—	—	—	—	—	—
г) „ „ льна, пеньки и джута .	20	699,5	753	—	1	12
д) „ „ смешан. мат. и волок. вещ.	1	5,7	13	—	—	—
ИТОГО . . .	23	5964,7	5804	17	11	4225

Таблица № 1 (продолж.

РАЗРЯДЫ ЗАВЕДЕНИЙ ПО РОДАМ ПРОИЗВОДСТВ	Число заведений	Сумма производства и выручка по заказам в тыс. руб.	Число рабочих при заведениях и вне их	Число паровых котлов	Двигатели	
					Число их	Число сил
Витебская губ.						
а) По обработке хлопка	—	—	—	—	—	—
б) „ „ шерсти	2	69,3	65	—	1	10
в) „ „ шелка	—	—	—	—	—	—
г) „ „ льна, пеньки и джута .	1	1286,5	1054	6	2	900
д) „ „ смешан. мат. и волок. вещ.	2	127,0	267	—	1	10
ИТОГО	5	1482,8	1386	6	4	920
Могилевская губ.						
а) По обработке хлопка	1	622,6	488	2	2	214
б) „ „ шерсти	—	—	—	—	—	—
в) „ „ шелка	2	13,1	17	—	—	—
г) „ „ льна, пеньки и джута .	11	515,7	669	3	4	520
д) „ „ смешан. мат. и волок. вещ.	—	—	—	—	—	—
ИТОГО . . .	14	1151,4	1174	5	6	734
Минская губ.						
а) По обработке хлопка	—	—	—	—	—	—
б) „ „ шерсти	1	145,7	236	4	3	88
в) „ „ шелка	1	23,8	117	—	1	35
г) „ „ льна, пеньки и джута .	—	—	—	—	—	—
д) „ „ смешан. мат. и волок. вещ.	—	—	—	—	—	—
ИТОГО . . .	2	169,5	353	4	4	123

Таблица № 2

РАЗРЯДЫ ЗАВЕДЕНИЙ ПО РОДАМ ПРОИЗВОДСТВ	Число заведений	Сумма производства и выручка по заказам в тыс. руб.	Число рабочих при заведениях и вне их	Число паровых котлов	Двигатели	
					Число их	Число сил
Виленская губ.						
а) Древесно-массн., механич. (древотерочн.)	5	165,4	156	5	8	600
б) Писчебумажн. (отлив бумаги и картона)	3	990,1	367	7	11	595
в) Пр. изделий бумаги и картона	7	331,2	224	—	8	42
г) » папиросных гильз	3	35,7	36	—	3	10,25
д) » полиграф., ксилограф., цинкогр. и т. п.	15	513,5	422	1	34	71,75
ИТОГО	33	2035,9	1205	13	64	1319,0
Гродненская губ.						
а) Древесно-массн., механич. (древотерочн.)	—	—	—	—	—	—
б) Писчебумажн. (отлив бумаги и картона)	—	—	—	—	—	—
в) Пр. изделий бумаги и картона	5	207,7	257	1	1	5
г) » папиросных гильз	6	89,1	151	1	6	18
д) » полиграф., ксилограф., цинкогр. и т. п.	3	53,7	85	—	3	16
ИТОГО	14	350,5	493	2	10	39
Смоленская губ.						
а) Древесно-массн., механич. (древотерочн.)	1	51,6	80	3	2	225
б) Писчебумажн. (отлив бумаги и картона)	7	621,6	669	13	16	646
в) Пр. изделий бумаги и картона	—	—	—	—	—	—
г) » папиросных гильз	—	—	—	—	—	—
д) » полиграф., ксилограф., цинкогр. и т. п.	4	68,1	155	—	11	11,5
ИТОГО	12	741,3	904	16	29	882,5

Таблица № 2 (продолжение)

РАЗРЯДЫ ЗАВЕДЕНИЙ ПО РОДАМ ПРОИЗВОДСТВ	Число заведений	Сумма производства и выручка по заказам в тыс. руб.	Число рабочих при заведениях и вне их	Число паровых котлов	Двигатели	
					Число их	Число сил
Витебская губ.						
а) Древесно-массн., механич. (древотерочн.)	5	155,5	166	6	10	600
б) Писчебумажн. (отлив бумаги и картона)	1	602,7	397	3	5	790
в) Пр. изделий бумаги и картона	1	4,0	14	—	—	—
г) » папиросных гильз	1	3,7	11	—	1	2
д) » полиграф., ксилограф., цинкогр. и т.п.	3	55,5	68	—	1	8
ИТОГО	11	821,4	656	9	17	1400
Могилевская губ.						
а) Древесно-массн., механич. (древотерочн.)	—	—	—	—	—	—
б) Писчебумажн. (отлив бумаги и картона)	3	3215,0	1595	19	18	2360
в) Пр. изделий бумаги и картона	—	—	—	—	—	—
г) » папиросных гильз	1	1,8	8	—	—	—
д) » полиграф., ксилограф., цинкогр. и т.п.	2	21,9	39	—	—	—
ИТОГО	6	3238,7	1642	19	18	2360
Минская губ.						
а) Древесно-массн., механич. (древотерочн.)	2	114,1	106	4	4	415
б) Писчебумажн. (отлив бумаги и картона)	1	130,6	98	3	2	200
в) Пр. изделий бумаги и картона	4	221,5	130	2	5	576
г) » папиросных гильз	1	25,6	12	1	1	2,5
д) » полиграф., ксилограф., цинкогр. и т.п.	6	200,9	177	—	4	22,5
ИТОГО	14	692,7	523	10	16	1216

Таблица № 3

РАЗРЯДЫ ЗАВЕДЕНИЙ ПО РОДАМ ПРОИЗВОДСТВ	Число заведений	Сумма производства и выручка по заказам в тыс. руб.	Число рабоч. при заведениях и вне их	Число паровых котлов	Двигатели	
					Число их	Число сил
Виленская губ.						
Лесопил., фанеропильные и резаной фанеры	17	984,4	435	17	16	573
Паркетные, столярно-строительные, столярно-мебельные, изделия из фанеры, гнутая мебель, биллиарды, учебные пособия, счеты и т. п.	3	86,1	117	—	1	6
Производства: бондарное и бочарное, токарное, сапожных шпилек, спичечной соломки, коробок, древесной шерсти, пробки и изделий из прутьев, луба, драни, мочалы и соломы	3	280,0	301	3	2	155
ИТОГО	23	1350,5	853	20	19	734
Гродненская губ.						
Лесопил., фанеропильные и резаной фанеры	24	630,6	429	24	26	973
Паркетные, столярно-строительные, столярно-мебельные, изделия из фанеры, гнутая мебель, биллиарды, учебные пособия, счеты и т. п.	3	13,0	38	1	3	34
Производства: бондарное и бочарное, токарное, сапожных шпилек, спичечной соломки, коробок, древесной шерсти, пробки и изделий из прутьев, луба, драни, мочалы и соломы	3	22,9	60	—	—	—
ИТОГО	30	666,5	527	25	29	1007
Смоленская губ.						
Лесопил., фанеропильные и резаной фанеры	42	1343,4	1261	47	49	1416
Паркетные, столярно-строительные, столярно-мебельные, изделия из фанеры, гнутая мебель, биллиарды, учебные пособия, счеты и т. п.	3	55,5	99	4	3	76
Производства: бондарное и бочарное, токарное, сапожных шпилек, спичечной соломки, коробок, древесной шерсти, пробки и изделий из прутьев, луба, драни, мочалы и соломы	2	392,3	322	4	5	112
ИТОГО	47	1738,2	1682	55	57	1684

Таблица № 3 (продолжение)

РАЗРЯДЫ ЗАВЕДЕНИЙ ПО РОДАМ ПРОИЗВОДСТВ	Число заведений	Сумма производства и выручка по заказам в тыс. руб.	Число рабоч. при заведениях и вне их	Число паровых котлов	Двигатели	
					Число их	Число сил
Витебская губ.						
Лесопил., фанеропильные и резаной фанеры	7	314,2	199	9	8	331
Паркетные, столярно-строительные, столярно-мебельные, изделия из фанеры, гнутая мебель, биллиарды, учебные пособия, счеты и т. п.	1	40,0	56	1	1	7
Производства: бондарное и бочарное, токарное, сапожных шпилек, спичечной соломки, коробок, древесной шерсти, пробки и изделий из прутьев, луба, драни, мочалы и соломы .	2	140,3	120	2	3	190
ИТОГО . . .	10	494,5	375	12	12	528
Могилевская губ.						
Лесопил, фанеропильные и резаной фанеры	24	652,8	901	26	29	918
Паркетные, столярно-строительные, столярно-мебельные, изделия из фанеры, гнутая мебель, биллиарды, учебные пособия, счеты и т. д	—	—	—	—	—	—
Производства: бондарное и бочарное, токарное, сапожных шпилек, спичечной соломки, коробок, древесной шерсти, пробки и изделий из прутьев, луба, драни, мочалы и соломы .	3	145,9	206	3	3	106
ИТОГО . . .	27	798,7	1107	29	32	1024
Минская губерния						
Лесопил., фанеропильные и резаной фанеры	62	2247,6	2035	75	72	2618
Паркетные, столярно-строительные, столярно-мебельные, изделия из фанеры, гнутая мебель, биллиарды, учебные пособия, счеты и т. д.	4	1056,2	921	11	9	490
Производства: бондарное и бочарное, токарное, сапожных шпилек, спичечной соломки, коробок, древесной шерсти, пробки и изделий из прутьев, луба, драни, мочалы и соломы .	12	160,1	473	13	13	237
ИТОГО . . .	78	3463,9	3429	99	94	3345

Таблица № 4

РАЗРЯДЫ ЗАВЕДЕНИЙ ПО РОДАМ ПРОИЗВОДСТВ	Число заведений	Сумма производства и выручка по заказам в тыс. руб.	Число рабочих при заведениях и вне их	Число паровых котлов	Двигатели	
					Число их	Число сил
Виленская губерния						
а) Пр. стекольных изделий	4	670,9	1233	4	5	46
б) „ керамических и гончарных изделий, изразцов и каменной посуды.	2	65,0	91	1	1	20
в) „ извести, алебастра, мела, каменотесные и проч.	2	144,2	123	1	1	25
г) „ кирпичное и черепичное . . .	12	23.33	445	—	12	21
ИТОГО. . .	20	903,43	1892	6	19	112
Гродненская губерния						
а) Пр. стекольных изделий	3	146,0	344	2	2	48
б) „ керамических и гончарных изделий, изразцов и каменной посуды.	5	68,8	93	1	5	30
в) „ извести, алебастра, мела, каменотесные и проч.	—	—	—	—	—	—
г) „ кирпичное и черепичное . . .	16	179,3	379	2	18	46
ИТОГО. . .	24	394,1	816	5	25	124
Смоленская губерния						
а) Пр. стекольных изделий	6	682,9	1036	3	5	42
б) „ керамических и гончарных изделий, изразцов и каменной посуды.	2	79,0	101	1	1	16
в) „ извести, алебастра, мела, каменотесные и проч.	1	19,5	11	—	—	—
г) „ кирпичное и черепичное . . .	9	126,7	284	4	6	72
ИТОГО. . .	18	908,1	1432	8	12	130

Таблица № 4 (продолжение).

РАЗРЯДЫ ЗАВЕДЕНИЙ ПО РОДАМ ПРОИЗВОДСТВ	Число заведений	Сумма производства и выручка по заказам в тыс. руб.	Число рабочих при заведениях и вне их	Число паровых котлов	Двигатели: Число их	Двигатели: Число сил
Витебская губерния						
а) Пр. стекольных изделий . . .	2	440,0	757	2	2	22
б) „ керамических и гончарных изделий, изразцов и каменной посуды.	2	81,5	96	2	1	85
в) „ извести, алебастра, мела, каменотесные и проч.	—	—	—	—	—	—
г) „ кирпичное и черепичное . . .	6	46,0	126	2	7	42
ИТОГО . . .	10	567,5	979	6	10	149
Могилевская губерния						
а) Пр. стекольных изделий . . .	3	366,0	466	—	2	2
б) „ керамических и гончарных изделий, изразцов и каменной посуды.	15	240,7	459	—	14	29
в) „ извести, алебастра, мела, каменотесные и проч.	—	—	—	—	—	—
г) „ кирпичное и черепичное . .	5	74,7	266	7	8	173
ИТОГО . . .	23	681,4	1191	7	24	204
Минская губерния						
а) Пр. стекольных изделий . . .	6	673,8	978	5	5	102
б) „ керамических и гончарных изделий, изразцов и каменной посуды.	4	46,3	57	1	5	27
в) „ извести, алебастра, мела, каменотесные и проч.	1	8,1	10	—	—	—
г) „ кирпичное и черепичное .	11	246,3	296	1	9	32
ИТОГО . . .	22	974,5	1341	7	19	161

Таблица № 5

РАЗРЯДЫ ЗАВЕДЕНИЙ ПО РОДАМ ПРОИЗВОДСТВ	Число заведений	Сумма производства и выручка по заказам в тыс. руб.	Число рабочих при заведениях и вне их	Число паровых котлов	Двигатели	
					Число их	Число сил
Виленская губерния						
а) Пр. кожевенное, лакированной кожи, ремней, заготовок сапожных и всяких других	37	3574,4	1553	11	21	279
б) „ мыловаренное и свечное . .	3	33,3	15	—	—	—
в) „ кишечно-моечное, кишечно-струнное, альбуминное, воскобойное, восковых свечей, обработка волоса, пуха, пера и щетины . . .	—	—	—	—	—	—
ИТОГО . . .	40	2607,7	1568	11	21	279
Гродненская губерния						
а) Пр. кожевенное, лакированной кожи, ремней, заготовок сапожных и всяких других	70	1140,7	864	—	12	23
б) „ мыловаренное и свечное . .	—	—	—	—	—	—
в) „ кишечно-моечное, кишечно-струнное, альбуминное, воскобойное, восковых свечей, обработка волоса, пуха, пера и щетины . .	—	—	—	—	—	—
ИТОГО . . .	70	1140,7	864	—	12	23
Смоленская губерния						
а) Пр. кожевенное, лакированной кожи, ремней, заготовок сапожных и всяких других	6	459,8	148	2	4	46
б) „ мыловаренное и свечное . .	2	16,9	7	—	—	—
в) „ кишечно-моечное, кишечно-струнное, альбуминное, воскобойное, восковых свечей, обработка волоса, пуха, пера и щетины . .	1	275,8	30	1	—	—
ИТОГО . . .	9	752,5	185	3	4	46

Таблица № 5 (продолжение).

РАЗРЯДЫ ЗАВЕДЕНИЙ ПО РОДАМ ПРОИЗВОДСТВ	Число заведений	Сумма производства и выручка по заказам в тыс. руб.	Число рабочих при заведениях и вне их	Число паровых котлов	Двигатели	
					Число их	Число сил
Витебская губерния						
а) Пр. кожевенное, лакированной кожи, ремней, заготовок сапожных и всяких других	10	922,0	493	3	3	92
б) „ мыловаренное и свечное	2	54,5	17	—	—	—
в) „ кишечно-моечное, кишечно-струнное, альбуминное, воскобойное, восковых свечей, обработка волоса, пуха, пера и щетины	2	570,7	432	2	2	13
ИТОГО	14	1547,2	942	5	5	105
Могилевская губерния						
а) Пр. кожевенное, лакированной кожи, ремней, заготовок сапожных и всяких других	24	111,9	144	—	4	5
б) „ мыловаренное и свечное	—	—	—	—	—	—
в) „ кишечно-моечное, кишечно струнное, альбуминное, воскобойное, восковых свечей, обработка волоса, пуха, пера и щетины	1	8,5	20	—	—	—
ИТОГО	25	120,4	164	—	4	5
Минская губерния						
а) Пр. кожевенное, лакированной кожи, ремней, заготовок сапожных и всяких других	3	276,0	109	1	1	20
б) „ мыловаренное и свечное	3	324,0	66	1	2	35
в) „ кишечно-моечное, кишечно-струнное, альбуминное, воскобойное, восковых свечей, обработка волоса, пуха, пера и щетины	2	83,2	33	—	—	—
ИТОГО	8	683,2	208	2	3	55

Таблица № 6

РАЗРЯДЫ ЗАВЕДЕНИЙ ПО РОДАМ ПРОИЗВОДСТВ	Число заведений	Сумма производства и выручка по заказам в тыс. руб.	Число рабочих при заведениях и вне их	Число паровых котлов	Двигатели	
					Число их	Число сил
Виленская губерния						
Пр. химическое, красочное и фабрикатов из нефти	2	267,8	60	3	3	29
Спичечное производство	1	12,5	35	—	1	10
Сухая перегонка дерева	—	—	—	—	—	—
ИТОГО	3	280,3	95	3	4	39
Гродненская губерния						
Пр. химическое, красочное и фабрикатов из нефти	1	70,0	32	1	1	16
Спичечное производство	—	—	—	—	—	—
Сухая перегонка дерева	—	—	—	—	—	—
ИТОГО	1	70,0	32	1	1	16
Смоленская губерния						
Пр. химическое, красочное и фабрикатов из нефти	—	—	—	—	—	—
Спичечное производство	2	218,0	434	2	2	47
Сухая перегонка дерева	1	34,3	28	1	1	40
ИТОГО	3	252,3	162	3	3	87

Таблица 6 № (продолжение)

РАЗРЯДЫ ЗАВЕДЕНИЙ ПО РОДАМ ПРОИЗВОДСТВ	Число заведений	Сумма производства и выручка по заказам в тыс. руб.	Число рабочих при заведениях и вне их	Число паровых котлов	Двигатели: Число их	Двигатели: Число сил
Витебская губерния						
Пр. химическое, красочное и фабрикатов из нефти	3	183,2	78	2	5	25
Спичечное производство	2	225,6	436	1	2	100
Сухая перегонка дерева	1	88,0	49	—	—	—
ИТОГО	6	496,8	563	3	7	125
Могилевская губерния						
Пр. химическое, красочное и фабрикатов из нефти	1	6,0	4	1	1	4
Спичечное производство	1	201,1	364	2	2	70
Сухая перегонка дерева	1	446,3	150	8	1	100
ИТОГО	3	653,4	518	11	4	174
Минская губерния						
Пр. химическое, красочное и фабрикатов из нефти	2	170,0	138	1	3	45
Спичечное производство	6	1010,4	1892	8	8	445
Сухая перегонка дерева	—	—	—	—	—	—
ИТОГО	8	1180,4	2030	9	11	490

Таблица № 7

РАЗРЯДЫ ЗАВЕДЕНИЙ ПО РОДАМ ПРОИЗВОДСТВ	Число заведений	Сумма производства и выручка по заказам в тыс. р.	Число рабочих при заведениях и вне их	Число паровых котлов	Двигатели	
					Число их	Число сил
Виленская губ.						
Завод. переработка металлов и машиностроен., исключая пр. землед. машин	6	396,7	230	3	10	417
Производство земледельческих машин, лопат, кос, вил и серпов . . .	2	269,4	231	2	3	269
Ремонтные мастерские	—	—	—	—	—	—
Пр-во разного рода метал. изделий, не поименованных особо. . . .	5	160,2	185	1	5	69
ИТОГО . .	13	826,3	646	6	18	755
Гродненская губ.						
Завод. переработка металлов и машиностроен., исключая пр. землед. машин	4	573,3	515	3	8	179
Производство земледельческих машин, лопат, кос, вил и серпов . . .	3	37,6	63	2	3	70
Ремонтные мастерские	5	11,1	18	—	5	17
Пр-во разного рода метал. изделий, не поименованных особо	4	268	51	—	3	25
ИТОГО . .	16	890	647	5	19	291
Смоленская губ.						
Завод. переработка металлов и машиностроен., исключая пр. землед. машин	1	7,0	10	—	1	30
Производство земледельческих машин, лопат, кос, вил и серпов . . .	4	15,1	46	—	—	—
Ремонтные мастерские	1	7,2	30	1	1	7
Пр-во разного рода метал. изделий, не поименованных особо . . .	—	—	—	—	—	—
ИТОГО . .	6	29,3	86	1	2	37

Таблица № 7 (продолжение)

РАЗРЯДЫ ЗАВЕДЕНИЙ ПО РОДАМ ПРОИЗВОДСТВ	Число заведений	Сумма производства и выручка по заказам в тыс. р.	Число рабочих при заведениях и вне их	Число паровых котлов	Двигатели: Число их	Двигатели: Число сил
Витебская губ.						
Завод. переработка металлов и машиностроен., исключая пр. землед. машин	3	42,4	69	3	3	23
Производство земледельческих машин, лопат, кос, вил и серпов . . .	2	122,2	49	—	—	—
Ремонтные мастерские	1	5,9	6	1	1	8
Пр-во разного рода метал. изделий, не поименованных особо	4	501,0	617	3	4	116
ИТОГО . .	10	671,5	741	7	8	147
Могилевская губ.						
Завод. переработка металлов и машиностроен., исключая пр. землед. машин	3	314,4	209	2	5	213
Производство земледельческих машин, лопат, кос, вил и серпов . . .	—	—	—	—	—	—
Ремонтные мастерские	3	36,0	54	3	3	21
Пр-во разного рода метал. изделий, не поименованных особо	2	13,3	34	—	—	—
ИТОГО . .	8	363,7	297	5	8	234
Минская губ.						
Завод. переработка металлов и машиностроен., исключая пр. землед. машин	4	309,7	282	3	4	69
Производство земледельческих машин, лопат, кос, вил и серпов . . .	—	—	—	—	—	—
Ремонтные мастерские	2	27,6	69	1	2	21
Пр-во разного рода метал. изделий, не поименованных особо	1	12,6	5	—	—	—
ИТОГО . .	7	349,9	356	4	6	90

Основная масса вырабатываемого стекла—было стекло второстепенного качества. По количеству штук посуды и бутылок судить о размерах производства трудно. Витебская г. выбрасывала много полубелого бутылочного стекла; Могилевская от нее в значительной мере отставала; совсем уже скромное количество бутылочного стекла выходило с заводов Минской и Витебской г. г.; с заводов последней, однако, выпускалось значительное количество посуды; за ней шла Гродненская г. и потом уже Минская. Разработка песка давала значительный эффект в виде выработки изразцов, фабрики которых были во всех губерниях: выработка 6 млн. штук, из которых 3-я часть приходится на Могилевскую г., указывает на сбыт за пределами Белоруссии.

Обработка продуктов животноводства (таб. 5) собственно сосредоточивалась почти исключительно в кожевенных заводах. Вот размеры производства дубленого товара в тыс. штук:

Губернии	Число заведений	Подошвенный	Мостовье (полувал)	Юфть	Конина крупная	Конина мелкая	Выросток
Виленская . . .	37	79,6	—	1,3	65,1	86,4	—
Витебская . . .	10	24,9	1,0	26,3	6,5	1,0	1,8
Гродненская . .	70	18,6	—	1,4	51,3	41,3	13,5
Могилевская . .	17	0,2	0,2	4,8	1,0	1,2	—
Смоленская . . .	4	5,9	0,4	26,1	0,7	2,0	2,1

В Минской г. наш источник показывает в 3-х заведениях выработку гамбургского товара (6,2 т. п.), заготовки (94,5 т. п.). Затем, в Виленской—выработку сафьяна (5 т. п.), лайки и замши (115 т. п.), заготовки (122 т. п.), гамбургского товару (24 т. п.), того же товара в Витебской г.—32 т. п. Щетинное производство, затем обработка — волоса, пуха, пера имели значительное развитие в Витебской, Минской и Могилевской г. г.

На химическом производстве не приходится особенно останавливаться. Таблица № 6 дает соответствующие данные. О масштабе производства можем прибавить, что наибольшее количество ящиков спичек давала Минская г. (372 т.), а затем идет Витебская г.—82 т., Могилевская г.—76 т., Смоленская губ.—62 т., Виленская г.—4 т. Остальные производства и по количеству выработки и по сумме производства большого значения не имеют.

Обработка металлов была уже нами охарактеризована в своем месте. Таблица № 7 дает детали. Кроме земледельческих машин в наших губерниях не выработалось определенных видов металлической промышленности. Каждый металлический завод—в общем мастерская разных изделий без особой специализации. Впрочем, можно было бы указать на довольно развитое производство проволочных гвоздей в Виленской, Могилевской, Гродненской губерниях. Довольно значительна работа по скобяному и замочному товару (Виленская). Вообще,

разнообразие изделий указывает на то, что заводы брались за всякую работу починочного, дополнительного характера. Только земледельческие орудия и машины выделяются. Так, известный виленский завод давал 31 т. п. кос, вил, серпов, лопат. Заводы выпускали следующее количество штук земледельческих машин: 2 Витебские более 13 млн., Виленские, Гродненские и Смоленские по пол миллиона штук.

Теперь переходим к последнему разряду—вкусовых и питательных веществ. Начнем с табачных изделий (таблица № 9). Гродненская г. давала 258 т. п. табаку, 114 т. п. сигар и 6184 т. сотен гильз. Во всех остальных губерниях производство было менее значительно. В Вилен, ской г. оно достигало 106 т. п. табаку, в Смоленской—68 т. п., в Минской—40 т. п. и в Витебской—93 т. п.; в Могилевской табачное производство не имело значения.

Таблица № 8

НАЗВАНИЯ ГУБЕРНИЙ	Число заведений	Сумма производства и выручка по заказам в тыс. руб.	Число рабочих при заведениях и вне их	Число паровых котлов	Двигатели	
					Число их	Число сил
Виленская	8	608,2	395	1	10	97
Витебская	3	432,0	161	2	3	33
Гродненская	8	2581,0	1352	4	7	235
Минская	6	219,5	147	1	5	39
Могилевская	2	16,9	89	—	1	6
Смоленская	4	217,2	148	2	5	44

Производство питательных веществ, не обложенных акцизом, сводилось к мукомольному производству, хлебопекарному, к крахмально-паточному и к переработке молочных продуктов (табл. № 9). Здесь конечно, могут иметь значение только мельничные установки. Мы представляем их в одной общей таблице:

Губернии	Число заведений, показавш. оборудование	Число жерновых поставов (пар жерновов)	Общ. длина поперечников (диаметров) всех пар жерн. в дюймах	Число пар вальцов	Общ. длина всех пар вальцов в дюймах	Число крупных поставов
Виленская	7	17	819	33	1107	5
Витебская	6	15	773	12	288	4
Гродненская	37	82	3324	77	1975	25
Минская	10	17	812	30	721	5
Могилевская	8	19	939	18	547	8
Смоленская	8	20	957	1	18	7

Таблица № 9.

РАЗРЯДЫ ЗАВЕДЕНИЙ ПО РОДАМ ПРОИЗВОДСТВ	Число заведений	Сумма производства и выручка по заказам в тыс. руб.	Число рабочих при заведениях и вне их	Число паровых котлов	Двигатели: Число их	Двигатели: Число сил
Виленская губ.						
а) Мукомольное и крупяное пр.	7	347,9	160	4	9	383
б) Пр. макарон, вермишели, хлебопекарное и кондитерское	3	641,3	308	2	3	110
в) „ сыроваренное, маслодельное	2	575,2	62	3	8	81
г) „ крахмала и патоки	2	24,5	18	2	2	26
д) „ кваса и пр. искусствен. минеральн. вод, шипучих напитк., скотобойн. и др. завед., относ. к этой группе	2	103,1	26	—	1	2
ИТОГО	16	1692	574	11	23	602
Гродненская губ.						
а) Мукомольное и крупяное пр.	39	771,4	191	14	49	1010
б) Пр. макарон, вермишели, хлебопекарное и кондитерское	3	48,2	43	—	2	18
в) „ сыроваренное, маслодельное	—	—	—	—	—	—
г) „ крахмала и патоки	17	266,3	157	13	16	224
д) „ кваса и пр. искусствен. минеральн. вод, шипучих напитк., скотобойн. и др. завед., относ. к этой группе	—	—	—	—	—	—
ИТОГО	59	1085,9	391	27	67	1252
Смоленская губ.						
а) Мукомольное и крупяное пр.	7	152,4	49	6	9	213
б) Пр. макарон, вермишели, хлебопекарное и кондитерское	—	—	—	—	—	—
в) „ сыроваренное, маслодельное	18	3799,5	490	16	12	820
г) „ крахмала и патоки	—	—	—	—	—	—
д) „ кваса и пр. искусствен. минеральн. вод, шипучих напитк., скотобойн. и др. завед., относ. к этой группе	1	16,5	5	—	—	—
ИТОГО	26	3968,4	544	22	21	1033

Таблица № 9 (продолжение)

РАЗРЯДЫ ЗАВЕДЕНИЙ ПО РОДАМ ПРОИЗВОДСТВ	Число заведений	Сумма производства и выручка по заказам в тыс. руб.	Чис. раб. при завед. и вне их	Число паровых котлов	Двигатели	
					Число их	Число сил
Витебская губ.						
а) Мукомольное и крупяное пр. . .	6	279,4	45	5	8	197
б) Пр. макарон, вермишели, хлебопекарное и кондитерское . . .	3	63,4	63	—	—	—
в) „ сыроваренное, маслодельное .	3	504,7	57	3	3	58
г) „ крахмала и патоки . . .	2	16,0	5	—	—	—
д) „ кваса и пр. искусствен. минеральн. вод, шипучих напитк., скотобойн. и др. завед., относ. к этой группе	—	—	—	—	—	—
ИТОГО . .	14	863,5	170	8	11	255
Могилевская губ.						
а) Мукомольное и крупяное пр. . .	9	457,0	165	7	10	367
б) Пр. макарон, вермишели, хлебопекарное и кондитерское . . .	—	—	—	—	—	—
в) „ сыроваренное, маслодельное .	1	162,0	18	1	1	35
г) „ крахмала и патоки . . .	8	140,1	120	7	8	148
д) „ кваса и пр. искусствен. минеральн. вод, шипучих напитк., скотобойн. и др. завед., относ. к этой группе	3	181,2	445	4	4	48
ИТОГО . .	21	940,3	748	19	23	598
Минская губ.						
а) Мукомольное и крупяное пр. . .	10	37,7	61	8	10	348
б) Пр. макарон, вермишели, хлебопекарное и кондитерское . . .	1	52,3	24	1	1	32
в) „ сыроваренное, маслодельное .	5	312,5	72	2	5	56
г) „ крахмала и патоки . . .	3	305,4	72	3	3	44
д) „ кваса и пр. искусствен. минеральн. вод, шипучих напитк., скотобойн. и др. завед., относ. к этой группе	—	—	—	—	—	—
ИТОГО . .	19	707,9	229	14	19	480

Таблица № 10

РАЗРЯДЫ ЗАВЕДЕНИЙ ПО РОДАМ ПРОИЗВОДСТВ	Число заведений	Сумма производства и выручка по заказам в тыс. пуд.	Число рабочих при заведениях и вне их	Число паровых котлов	Двигатели: Число их	Двигатели: Число сил
Виленская губерния						
Винокуренное и дрожжевое	101	2391,1	812	105	103	1527
Спиртоочистительное	3	205,7	38	6	3	38
Пр. водок и ликеров	—	—	—	—	—	—
Пивоваренное и пиво-медоваренное	16	1399,2	481	6	14	287
Медоваренное		—	—	—	—	—
Казенные винные склады	4	2487,2	145	7	7	66
ИТОГО	124	6483,2	1476	124	127	1918
Гродненская губерния						
Винокуренное и дрожжевое	103	2257,2	891	97	119	1296
Спиртоочистительное	2	85,2	19	2	2	17
Пр. водок и ликеров	—	—	—	—	—	—
Пивоваренное и пиво-медоваренное	30	875,6	261	3	16	88
Медоваренное	24	33,5	31	—	—	—
Казенные винные склады	6	2723,4	213	10	27	100
ИТОГО	165	5974,9	1415	112	164	1501
Смоленская губерния						
Винокуренное и дрожжевое	64	1143,4	525	69	65	954
Спиртоочистительное	2	61,1	17	3	8	40
Пр. водок и ликеров	1	25,0	7	—	—	—
Пивоваренное и пиво-медоваренное	6	853,7	257	6	11	144
Медоваренное	—	—	—	—	—	—
Казенные винные склады	9	4416,1	447	19	11	122
ИТОГО	82	6499,3	1253	97	95	1260

Таблица № 10 (продолжение)

РАЗРЯДЫ ЗАВЕДЕНИЙ ПО РОДАМ ПРОИЗВОДСТВ	Число заведений	Сумма производства и выручка по заказам в тыс. пуд.	Число рабочих при заведениях и вне их	Число паровых котлов	Двигатели	
					Число их	Число сил
Витебская губерния						
Винокуренное и дрожжевое	43	577,6	306	44	45	616
Спиртоочистительное	2	63,8	19	5	1	12
Пр. водок и ликеров	1	16,7	10	—	—	—
Пивоваренное и пиво-медоваренное	14	481,3	213	5	8	73
Медоваренное	—	—	—	—	—	—
Казенные винные склады	6	2774,0	240	10	9	107
ИТОГО	66	3913,4	788	64	63	808
Могилевская губерния						
Винокуренное и дрожжевое	141	2584,6	1325	145	145	1590
Спиртоочистительное	4	113,9	36	5	7	68
Пр. водок и ликеров	—	—	—	—	—	—
Пивоваренное и пиво-медоваренное	5	223,4	113	2	5	42
Медоваренное	—	—	—	—	—	—
Казенные винные склады	7	2994,6	271	14	3	21
ИТОГО	157	5916,5	1745	166	160	1721
Минская губерния						
Винокуренное и дрожжевое	208	4430,4	1711	194	209	2857
Спиртоочистительное	8	145,4	50	8	1	12
Пр. водок и ликеров	—	—	—	—	—	—
Пивоваренное и пиво-медоваренное	16	266,3	93	1	6	41
Медоваренное	23	32,8	42	—	—	—
Казенные винные склады	8	4192,4	355	15	13	58
ИТОГО	263	9067,3	2251	218	229	2968

Наши мельницы давали, главным образом, ржаную муку, что вполне понятно. Мы уже замечали, что этот отдел весьма неполно был представляем статистическими данными. Поэтому остановимся только на производствах более крупного значения. Крахмальное производство давало 156 т. п. крахмала в Гродненской г., 67 т. п. в Могилевской, 17 т. п. в Минской и 14 т. п. в Виленской; патоки вырабатывалась в Минской г.—105 т. п., частью в Витебской—6 т. п. Маслобойное производство в Смоленской г. давало 612 т. п. льняного и конопляного масла, в Витебской—всего 73 т. п., в Могилевской—28 т. п., в Минской—12 т. п., в Виленской—71 т. п. Мясные консервы больше всего разрабатывались в Минской и Витебской г. г.

О винокуренной промышленности и отраслях ее мы уже говорили.

Ограничиваемся приведением табл. № 10.

XX. Вопросы рынка.

Торговля Белоруссии в раннее время определялась ее географическим положением и направлением местной промышленности, собственно сельско-хозяйственной промышленности. Речные системы определяли направление грузов. Оттого торговые пункты выдвигались в связи с речными пристанями. Торговля носила частью передаточный характер, частью чисто местный. Направление грузов к устью Двины и Немана из великорусских и южнорусских районов давало возможность торговцам белорусских городов принимать участие в комиссионной торговле, или в самостоятельной скупке хлеба, льна и пеньки. Кроме того, те же города – пристани являлись распределителями дальнейшего направления продуктов. Так выдвигались: Пинск, Шклов, Гомель, Могилев, за ними Витебск и Полоцк. Из Шклова шла, например, большая закупка хлебных грузов и переработка их на Шкловских мельницах. Пинск сосредоточивал в своих руках распределение хлебных грузов, лесных, мануфактуры. Ряд пунктов создается в качестве центров местной торговли, Свержень, Столбцы и др. Хлебная торговля особенно была бойкой и в то же время мелкой по своему масштабу, потому что хлеб подвозился и для самой Белоруссии и для передачи в пограничные порты. На мелких базарах Белоруссии много появлялось мелких продавцов и мелких покупателей. Это—торговля местным крестьянским хлебом, который выбрасывался на рынок либо от избытка, либо от недостатка. Характер белорусской торговли однообразен уже в течение нескольких веков. Это—масса мелких скупщиков, комиссионеров.

Белорусский город, даже и в начале 2-й половины 19 века, представлял собою массу мелких лавок, подвалов, столов, ларей, где сидели по существу мелкие-же торговцы. Любимый тип торгового предприятия—это галантерейная лавочка с массой всевозможных предметов. Шинки и другие питейные заведения были очень распространены. В Витебске, например, одно питейное заведение приходилось в 1863 году на 87 душ обоего пола. И среди многих сотен витебских лавочек и магазинов, по словам Сементовского, не было ни одного, сколько нибудь порядочного, магазина. Если к этому прибавим массу мелких ярмарок, местечковых и сельских мелких базаров, то мы исчерпаем характернейшие черты белорусской торговли.

Структура ее, в отношении местного торга, мало изменилась до конца изучаемого периода. Но связи Белоруссии с другими районами

и характер белорусского вывоза с течением времени, как дальше увидим, подверглись изменениям.

Появление железных дорог изменяло исстаринное направление торговли. Это, впрочем, особенно относится к Риго-Орловской дороге. Грузы стали обходить Двину, направляясь к той же Риге другим путем.

Участие мелкого комиссионера и скупщика теряло свое значение. Белорусский рынок должен был приспособляться к железнодорожным линиям, так как эти линии проводились вне связи с белорусскими торговыми интересами.

Как известно, план русской железнодорожной сети заключался в том, чтобы подвести к Балтийским портам из центральных и из заволжских районов хлебные грузы, с другой стороны, железные дороги преследовали связь столиц с Польшей, военные и стратегические цели.

Развитие железнодорожной сети имело у нас следующий ход. В конце 50-х и до 1865 г. выданы были концессии на постройку: Риго-Динабургской ж. д. (1858 г.), Брест-Граевской (1860 г.), Динабурго-Витебской (1863 г.). После 1865 г.: Орловско-Витебская ж. д. (1867 г.), Московско-Смоленская (1869 г.), с 1870 г.—Московско-Брестская ж. д., Либавская ж. д. (1869 г.), с 1877 г.—Либаво-Роменская ж. д., Киево-Брестская (1870 г.), вошедшая в состав Юго-Западных дорог; Жабинско-Пинская (1882 г.), Вильна-Ровенская (1894 г.), Лунинец-Гомельская (1886), Белосток-Барановичская (1886), Брест-Холмская (1887), Гомель-Брянская (1887), Ораны-Олита (1895—9), Беловежская (1897), Витебск-Жлобин (1902), Седлец-Полоцк-Бологое (1907), Гродна-Мосты (1907), Нарва-Псков-Полоцк (1916).

Следить за перипетиями слабо развивающейся мелкой местной торговли Белоруссии было-бы в кратком очерке довольно бесполезной задачей. С нашей точки зрения, наиболее существенным вопросом является вопрос о том, поскольку население было втянуто в рыночные отношения к исходу изучаемого периода. На этот вопрос можно ответить при помощи материалов о рынках, которые мы находим в многотомном издании Семенова-Тяньшаньского „Торговля и Промышленность России“ в 1900 году. Переработка этого материала в применении к Белоруссии дает такие результаты.

Оказывается, что во всех белорусских губерниях было зарегистрировано 35,308 торговых предприятий с годовым оборотом в 270 миллионов рублей, что составит 7,6 тысяч рублей в среднем на каждое торговое предприятие. Уже это среднее говорит о довольно скромном масштабе торговых предприятий. В самом деле, в отдельности, по губерниям, это среднее, иногда значительно снижается, например, в Могилевской (6,4) и в Гродненской (6,1) губ. Наибольший средний масштаб торговых предприятий приходится на Витебскую губ. (9,1 т.), затем на Виленскую (8,9), с средней сближаются торговые обороты предприятий Минской и Смоленской (по 7,6 т.).

Отдельные губернии далеко не одинаково принимали участие в этом скромном товарообороте. Наиболее крупное участие принимала Виленская губ. по размерам торгового оборота, а Гродненская—по количеству торговых предприятий. Наиболее скромная роль выпадала в том и другом отношениях на Могилевскую губ. Вот данные, которые

характеризуют процентное отношение числа предприятий и торгового оборота каждой губернии к общим итогам по Белоруссии:

	Процент общего числа предприят.	Процент общего торгового оборота
Виленская	16,4	19,6
Витебская	15,4	18,4
Гродненская	20,3	16,2
Минская	18,5	18,0
Могилевская	13,0	11,0
Смоленская	16,6	16,4

В нашем источнике все торговые предприятия разбиты собственно на 6 рубрик и на 7-ю рубрику смешанных предприятий. Рубрика смешанных предприятий и предприятий по продаже продуктов питания оказываются самыми скромными по среднему масштабу предприятий. Напротив, предприятия по продаже земледельческих и растительных продуктов, а также лесных являются в среднем наиболее крупными. Вот какое распределение представляют средний оборот торговых предприятий по видам их для всей Белоруссии:

Предприятия по прод. земледельч. и растительным прод.	15,3	т. р.
„ „ прод. животноводства	10,8	„ „
„ „ лесных продуктов	17,0	„ „
„ „ ископаемых и метал.	12,0	„ „
„ „ мануфактуры	10,1	„ „
„ „ питательных продуктов	7,7	„ „
„ „ смешанных	4,4	„ „

Наши губернии друг от друга не отличаются разнообразием таких условий, которые создавали-бы резкие отличия в направлении торговли от направления торговли в соседней губ. Поэтому различные виды торговой деятельности распределяются более или менее однообразно в пределах различия в 5—10 проц. по каждой отдельной губернии, при чем значение той или иной губернии в размере торгового оборота не всегда совпадает с значением ее по количеству торговых предприятий и наоборот. Впрочем, можно отметить следующие особенности отдельных губерний. Например, по количеству торговых предприятий, по продаже земледельческих и растительных продуктов и по размерам торгового оборота особенно выделяется Смоленская губ., где торговый оборот этого вида занимает почти 1/3 торгового оборота этого же вида всей Белоруссии. Этот вид торговли имеет почти такое-же значение в Могилевской и Витебской губ., но уже в губерниях Гродненской, Минской и Виленской он значительно ниже.

Торговля продуктами животноводства играет более крупную роль в г.г. Гродненской и Витебской, частью в Виленской.

Лесная торговля доминирует в Минской губ., в Виленской, Гродненской, значительно ниже в Витебской и весьма не высокое место занимает в Могилевской и в Смоленской губерниях.

По торговле мануфактурой в Белоруссии выделялась Гродненская губ., Минская, частью Виленская и даже Витебская; торговля мануфактурой имела малое значение в Могилевской, особенно в Смоленской г.г., по сравнению с другими белорусскими губ.

Для того, чтобы читатель мог нагляднее представить себе относительное положение каждого вида торговли и роль в ней каждой отдельной губернии, мы приводим следующую таблицу:

Предприятия по торговле	Виленская		Витебская		Гродненск.		Минская		Могилевск.		Смоленск.	
	Процент к общему числу в Белоруссии											
	Пред.	Торг. обор.	Пред.	Торг. обор.	Пред.	Торг. обор.	Пред.	Торг. обор.	Пред.	Торг. обор.	Пред.	Торг. обор.
1. Земл. и растит. продукты	11,4	11,3	17,0	28,3	18,3	9,2	12,0	8,1	16,8	13,9	24,1	31,2
2. Пр. животн.	15,1	22,3	20,6	15,2	20,2	25,6	15,4	14,2	15,2	9,5	13,2	9,1
3. Лесные	21,1	25,5	17,5	15,2	25,5	21,9	18,0	26,7	8,0	4,5	9,0	6,1
4. Ископ. метал.	15,8	27,3	19,9	17,8	23,5	14,2	21,6	23,2	12,2	8,8	6,7	8,5
5. Мануфактуры	17,9	19,2	16,8	20,1	20,8	17,3	22,0	22,0	14,5	11,4	7,7	8,4
6. Питательн.	18,3	17,9	13,9	13,9	16,0	14,0	19,3	19,0	15,2	13,5	17,1	20,9
7. Смешан.	16,7	21,2	15,1	15,1	21,5	17,8	17,4	18,1	11,0	10,4	18,9	17,0

Теперь мы перейдем к некоторым наблюдениям, характеризующим каждую губернию.

Относительно крупным масштабом предприятий выделяются губ. Виленская и Витебская. В первой такие предприятия как лесной торг, торг ископаемыми и металлами доходят в среднем до 20 тысяч рублей годового оборота. Витебская губ. выделяется по обороту предприятий по торговле земледельческими продуктами. В Минской губ. наиболее крупной торговлей является лесная, в Смоленской — торговля земледельческими продуктами. Очень любопытно, что Гродненская губ. отличается относительно слабым масштабом предприятий. Выделяется несколько только лесная торговля, предприятия которой достигают 15,7 тысяч рублей годового оборота. Даже мануфактурная торговля здесь представлена более слабым предприятием, нежели тот же род торговли в других губ. Самыми слабосильными предприятиями отличается в общем Могилевская губ., в которой достигают 10 тысяч оборота только 2 рода предприятий—по торговле земледельческими продуктами и лесными.

Гораздо больший интерес представляет место различных видов предприятий в пределах той или иной губернии.

В пределах соседних Витебской и Могилевской губ. предприятия по торговле продуктами земледелия стоят на первом месте по обороту (25 и 17 пр. общего оборота губерний). Затем видную роль играют предприятия по мануфактуре—23 и 22 проц. В Могилевской губ.

еще довольно видное место занимают предприятия по торговле продуктами питания. Все остальные виды торговли носят менее значительный характер. Оборот лесной торговли, сравнительно с оборотом общим в обоих губерниях, весьма слаб, ниже всех других видов торговли. В Витебской губ. он достигает—4,1 проц., а в Могилевской только 2,1 проц. общего оборота. Торговля продуктами животноводства, ископаемыми и металлами тоже занимает весьма скромное место (5,5—6,5 проц.).

В соседней Смоленской губернии торговля продуктами земледелия составляет почти $^1/_3$ торгового оборота (30,6 проц.), торговля продуктами питания стоит на втором плане (20,6 проц.) и мануфактура на третьем (10,7 проц.). Лесная торговля занимает последнее место (1,7 проц.). Во всех этих случаях мы не принимаем во внимание смешанных предприятий, так как физиономия их не ясна, и притом они дают небольшой процент.

По торговому обороту в Минской губернии на первом плане стоит торговля мануфактурой, составляющая $^1/_4$ всего оборота (25,9). Это естественно, ввиду превосходства этой губернии населением. Хотя Минская губ. по лесной торговле занимает самое видное место в Белоруссии, однако сравнительно с другими торговыми предприятиями губернии, эта торговля занимает всето 7,5 проц. оборота и 2,0 проц. всех предприятий. Торговля продуктами питания занимает 17,8 проц., торговля ископаемыми и металлами 8,8 проц., торговля продуктами земледелия 7,5 проц. и продуктами животноводства 5,4 проц,

Распределение торгового оборота по видам предприятий Виленской и Гродненской губ. имеет много общего. Оборот мануфактурных предприятий стоит на первом плане (20,6 и 22,7 проц.). Затем следует торговля продуктами питания (15,0 и 12,0 проц.), продуктами земледелия (9,2 и 10,0 проц.), почти в таком же соотношении находится торговля продуктами животноводства. По лесной торговле обе губернии стоят сейчас же после Минской (6,5 и 6,8 проц.). В Виленской губ. торговля ископаемыми и металлическими изделиями относительно более развита (9,6 проц.), нежели в Гродненской (4,0 проц.). Весьма большой интерес представляет собою вопрос о тех каналах, по которым весь товар собирается для вывоза, или привезенный распределяется среди населения, то есть вопрос о рынках. В этом обмене принимают участие не только города, но и все наши многочисленные местечки и даже некоторые села. Но каждый рынок в отдельности, за немногими исключениями, отличается весьма скромными размерами оборота. Во всей Белоруссии можно насчитать только 23 рынка, годовой оборот которых превышает 500 тыс. руб., затем идет ряд местечек и городов с совсем ничтожным количеством предприятий и такой же суммой торгового оборота. Только продукты земледельческие, то есть, главным образом, хлебные базары, выделяют еще некоторое количество местечек и городов (22) с оборотом более 100 тыс. руб. Наконец лесные продукты и мануфактура выделяют по 16 рынков с оборотом от 30 до 200 тыс. руб.

Вот подсчет главных артерий сбыта и покупки товаров. Все остальные базары носят совсем мелкий и незаметный характер.

Но даже и те 23 города, которые отличаются более крупным оборотом, с свыше полумиллиона рублей, состоят из массы мельчайших предприятий. Сколько нибудь крупные фирмы тонут среди сотен

мелких торговцев. Достаточно сказать, что в 7 городах средний годовой оборот на каждое отдельное предприятие менее 10 тыс. руб.; 8 городов имеют оборот с 10 до 20 тыс. руб. на каждое предприятие. И среди этих последних городов встречаются крупные торговые центры, такие как Брест (19,3 тыс.), Белосток (17,4 тыс. руб.), Гродна (12,6) и среди них Сморгонь с ее годовым оборотом на каждое предприятие (11 тыс. руб.) и с общим оборотом в 827 тыс. руб. Насколько мелки отдельные предприятия, можно судить по тому, что самые крупные предприятия находились в Минске с средним 33,7 тысяч рублей на каждое, далее по среднему обороту идут предприятия Витебска (25,3), затем в 4-х городах по 22 тысячи на предприятия (Смоленск, Вильна, Двинск, Рославль) и в Гомеле по 21 тыс. руб. на предприятие. Вильна, имеющая слабое промышленное значение, выделяется среди городов по годовому обороту (22 млн. руб.). Это крупный рынок по мануфактурно-галантерейным товарам, по железоделательным, по лесному и по продуктам животноводства. Почти в том же порядке располагается рынок Минска. Впрочем так как перечень городов, имеющих наибольшее торговое значение и даже относительный вес тех или других товаров, которыми характеризуется рынок, могут представлять значительный интерес, то мы приведем в одной общей таблице перечень важнейших городов и характеристику их рынка в цифрах.

ГОРОДА	Сумма оборотов в т. т. руб.	Средний оборот в т. т. руб.	ГОРОДА	Сумма оборотов в т. т. руб.	Средний оборот в т. т. руб.
Вильна	22764	22,6	Пинск	1917	13,9
Минск	14939	33,7	Режица	1623	12,2
Двинск	10238	22,3	Невель	969	9,5
Витебск	9412	25,3	Бобруйск	955	6,7
Брест	7281	19,3	Слоним	922	5,1
Белосток	6297	17,4	Орша	864	8,2
Гомель	5195	21,2	Слуцк	831	4,7
Смоленск	4857	22,9	Сморгонь	827	11,0
Гродна	3695	12,6	Велижь	777	9,5
Могилев	2796	9,9	Лида	770	10,2
Рославль	1945	22,3			

Эта таблица говорит об относительном значении торговли каждого города. На первом плане стоит Вильна, обороты которой далеко превосходят другие города, даже Минск. Эту таблицу трудно суммировать, да, вероятно, и не нужно, т. к. она имеет интерес сама по себе. Надо только прибавить, что эти цифры не отражают всего оборота каждого торгового центра, т. к. в них не вошли смешанные предприятия и предприятия мелкого масштаба. Но вот, что еще интересно. Среди важнейших торговых городов Белоруссии преобладают старые центры. Немногие города можно назвать новыми в смысле роста их торгового влияния, к числу новых надо причислить, например, Двинск, Гомель, Лиду, Режицу. Все остальные ведут начало своего крупного значения по торговле, по крайней мере, от 18 века, а для большинства из них значение торгового района удаляется в глубь веков.

Наше заключение к этому обзору торгового оборота будет несложно. Участников торговли в Белоруссии множество. Рынков много. Но ни предприятия, ни рынки, за исключением весьма немногих впрочем, не носят крупного масштаба. И участие населения в торговле еще выражается в очень слабой мере. Во всей Европейской России, за вычетом столиц, приходилось 65 рублей в среднем торгового оборота на каждого жителя. Это тоже небольшая сумма. Но Белоруссия, особенно ее Полесская часть, имела самый слабый товарооборот, который достигал всего 22 на каждого жителя.

Весь предыдущий анализ торговли относится к данным 1900 г. Желательно было бы представить в той или иной мере динамику торговли. Министерские данные, которые можно сопоставить с данными 1900 г. („Статистич. результаты процентн. раскладочного сборов") нам известными с конца 80-х г. г.; к сожалению, эти данные не были опубликованы для предвоенного времени, или их нет даже в столичных библиотеках, куда мы обращались. Поэтому мы можем дать сопоставление данных 1889 г. с данными 1900 г. Эти данные очень интересно сопоставлять с данными о росте промышленных предприятий за тот же период. Оказывается, что оборот промышленных предприятий за указанный период вырос на 488 проц., как мы уже знаем; число промышленных предприятий выросло на 119 проц. В среднем размер каждого промышленного предприятия вырос в 3 раза. Торговые предприятия росли более скромным темпом. Так, оборот торговых предприятий вырос на 110 проц., число торговых предприятий выросло только на 24 проц. И средний размер оборота на каждое предприятие с 4,5 т. руб. поднялся всего до 7,6 т. р, т. е. даже не удвоился. Наибольший под'ем по числу предприятий дает Виленская г. и наиболее слабый Гродненская. Зато по росту оборотов предприятий на первом месте стоит Гродненская и на последнем Виленская; таким образом в последней росло количество мелких предприятий. Для целей дальнейших сопоставлений мы считаем достаточным привести таблицы числа предприятий и их оборотов (стр. 225-226).

Если рассматривать средние обороты предприятий, то в общем преобладала мелкая торговля. По числу предприятий значительное снижение дали предприятия по торговле продуктами питания. Все остальные виды торговых предприятий дали рост, приблизительно, в $1^1|_2$—2 раза. И по обороту, предприятия по торговле продуктами питания дали некоторое уменьшение оборотов, тогда как все остальные виды предпритий дали рост.

Мы уже заметили, что темп роста оборотов и количества промышленных предприятий оказался значительно более высоким, нежели темп роста оборотов и количества торговых предприятий. Однако, абсолютные числа дают иную картину. В то время как весь оборот промышленных предприятий в 1889 г. составлял всего 15,4 млн. р. и вырос в 1900 г. до 90,9 млн. р., оборот торговых предприятий в первом году представлял собою крупную сумму в 128,5 млн. р. и вырос во 2-м году до 270,3 млн. р. Таким образом, в 1900 г. оборот торговых предприятий в 3 раза превосходил оборот промышленных предприятий. То же соотношение остается и для периода перед войной. Это доказывается процентным соотношением сборов промыслового налога с торговых и промышленных предприятий по отношению к общей сумме сборов. Это выясняется по следующей погубернской табличке.

Число торговых предприятий.

Разряды / Губернии	1900 г. I Земл.	II Жив.	III Лесн.	IV Ископ.	V Мануф.	VI Пит.	VII Смеш. хоз.	Всего	1889 г. I Земл.	II Жив.	III Лесн.	IV Ископ.	V Мануф.	VI Пит.	VII Смеш. хоз.	Всего	Итог 1900 г. к 1889 г. принятому за 100
Виленская	333	259	157	242	1.033	1.064	2.823	5.911	165	122	55	92	377	3.203	379	4.393	134
Витебская	494	354	130	305	966	810	2.399	5.458	278	223	33	191	587	2.754	277	4.343	125
Гродненская	531	346	189	360	1.198	933	3.631	7.188	232	175	116	138	510	4.266	672	6.109	117
Минская	350	265	134	332	1.266	1.124	2.948	6.419	117	14	159	107	223	4.366	237	5.223	122
Могилевская	490	261	62	187	836	885	1.872	4.593	332	107	32	109	561	2.380	258	3.779	121
Смоленская	701	226	69	104	445	997	3 197	5.739	457	104	48	73	232	3.384	122	4.420	129
Итого	2.899	1.711	741	1.530	5.774	5.813	16.870	35.308	1.581	745	443	710	2.490	20.353	1.945	28.267	124
Ср. оборот на 1 предприятие в тыс. руб.	15,2	10,8	18,3	12,1	9,8	7,6	4,3	7,6	11,6	5,8	11,6	6,0	5,6	2,4	16,3	4,5	

Обороты торговых предприятий (в тыс. руб).

Разряд / Губернии	1900 г.								1899 г.								Итог 1900 г. к ит. 1889 прин. за 100
	I Земл.	II Жив.	III Лесн.	IV Ископ	V Мануфакт.	VI Пит.	VII См. хоз.	Всего	I Земл.	II Жив.	III Лесн.	IV Ископ	V Мануф.	VI Пит.	VII См. хоз.	Всего	
Виленская	4.910	4.746	3.473	5.079	11.045	8.117	15.778	53.148	1.223	746	607	1.003	2.696	8.821	17.130	32.226	165
Витебская	12.640	2.932	2.064	3.328	11.565	6.185	11.236	49 950	8.011	1.667	236	1.149	3 553	9.051	3.903	27.571	181
Гродненская	4.085	4.767	2.995	2.649	9.983	6.244	13.219	43.942	480	467	938	350	1.529	5.574	3.174	12.513	343
Минская	3 624	2.648	3.643	4.319	12.656	8.475	13.475	48.840	1.439	191	2.253	443	1.667	7.432	3.414	16.841	289
Могилевская	5.185	1.764	623	1.635	6 565	6.246	7.786	29.804	1.467	578	147	549	2.591	8.201	2.325	15.858	188
Смоленская	13 805	1.696	828	1.599	4.681	9.320	12.667	44.596	5 868	742	1.001	777	2 109	11.056	1.935	23.489	190
Итого	44.249	18.553	13.626	18.609	56.495	44.587	74.161	270.280	18.489	4.391	5.183	4 273	14.145	50.135	31.882	128.499	210

% промыслового налога к общей сумме его:

	С торговых предприятий:		С промышл. предприятий:	
	1908	1912	1908	1912
Виленская .	74,9	75,0	25,1	25,0
Витебская.	81,2	81,1	18,8	18,9
Гродненская .	78,3	77,6	21,7	22,4
Минская . .	72,0	72,3	28,0	27,7
Могилевская .	68,5	65,0	31,5	35,0
Смоленская .	75,5	73,4	24,5	26,6
Итого . .	74,0	74,4	26,0	25,6

Эта табличка говорит нам о том, что капитал в торговле значительно преобладал над капиталом в промышленности, даже и накануне войны, несмотря на более убыстренный темп развития промышленного, сравнительно с развитием торгового капитала. Это наблюдение подтверждается и ростом основного промыслового налога. С 1900 г. по 1910 г. сумма основного промыслового налога с промышленных предприятий поднялась с 180 т. р. до 237 т. р., а за тот же период она оказалась относительно меньше выросшей с торговых предприятий, поднявшись с 1246 т. р. до 1361 т. р. По числу, торговые предприятия за последнее десятилетие, повидимому, не давали убыстренного роста. Так, число выбранных гильдейских свидетельств за десятилетие с 1900 по 1910 г. даже несколько снизилось (с 3424 до 3379). И только свидетельства низших разрядов дали рост (с 61 т. до 74 т.).

Рост капитала в торговле и промышленности должен был сопровождаться известного рода скоплением средств в местных кредитных учреждениях. Этот вопрос не может быть изучен во всей широте и мы можем представить лишь некоторые материалы. Прежде всего, укажем на местные источники скопления денежной массы. Они были скромны, т. к. капитал столичных банков конкурировал с капиталом местных банков. Так, в наших губерниях действовало 61 общество взаимного кредита, при чем до 1900 г. количество обществ было ничтожным (открыто 11). В период от 1900 до 1906 г. открыто всего 8 обществ, и остальные этого типа банки открылись, уже начиная с 1906 г. Последнее десятилетие дает известного рода рост обществ взаимного кредита. В самом деле, 14 обществ взаимного кредита в 1902 г. имели весьма скромное число членов (5512), обладали капиталом 1,7 мил. р. и имели вкладов на 3,5 млн. р. В 1913 г. число членов выросло в 4,6 раза (25.721), вклады выросли в 6 раз (21,1 млн. р.), капитал—в 3 раза (5,2 млн. р.) За десятилетие рост можно бы признать внушительным, но цифры свидетельствуют о том, что общества взаимного кредита далеко не охватывали всех, занимающихся торговлей и промыслами, и вообще представляли собою довольно скромное явление. 531 ссудо-сберегательное и кредитное товарищества с 261 т. членов и 3,1 млн. р. основного и запасного капиталов, кроме 3-х городских кредитных обществ, дополняют картину кредитных учреждений мест-

ного происхождения. Эта картина, впрочем, не особенно радужная если помнить, что мы говорим о стране с населением более, чем в 14 млн. Скромность относительных цифр будет видна из следующих сопоставлений. Вся сумма сбережений, хранящихся в местных кредитных учреждениях в виде вкладов, текущих счетов и процентных бумаг, в 1905 г. выражалась в цифре 168,7 млн. р. Она выросла к 1910 г. до 236,7 млн. р., из которых 96 млн. р. падают на вклады в сберегательные кассы, 119 млн. р. хранились в процентных бумагах, остальные распределяются среди обществ взаимного кредита и других кредитных учреждений. Эти цифры не вполне соответствуют всей массе народных сбережений, т. к. в них не входят текущие счета отделений столичных банков, тогда как процентные бумаги, хранящиеся в последних, учтены. Таким образом, все же эту сумму можно признать суммой, в достаточной мере определяющей размер сбережений. Прежде всего оказывается, что в среднем на 1 жителя приходилось всех видимых сбережений весьма скромное количество:

Губернии	1905 г.	1910 г.
	(в рублях).	
Виленская	21,4	25,6
Витебская	13,3	18,1
Гродненская	13,0	18,9
Минская	11,0	15,4
Могилевская	9,9	12,3
Смоленская	20,9	23,7

Правда, в последние годы под'ем шел быстро, но он касался больше сбережений, приливавших в государственные сберегательные кассы (к 1914 г. уже 137,5 млн. р.); сбережения в процентных бумагах давали незначительное наращение. Но, кроме того, необходимо обратить внимание вот на какое обстоятельство. Основная масса сбережений, очевидно, не имела целей промышленного накопления для ее обладателей. Несомненно, средства, стекавшиеся в сберегательные кассы, были средствами пассивными для населения. Очевидно, то же надо полагать и по отношению к тем, которые помещали свои сбережения в процентные бумаги. Наиболее живое отношение к промышленности и торговле имеют, конечно, текущие счета, но они составляли очень скромную цифру (8 млн. р.) среди сбережений.

Всем этим нам хотелось бы сказать, что, несмотря на известного рода рост вкладов и капиталов, последний имеет относительно скромный размер. Кроме того, основная масса сбережений не шла на пополнение местного торгового и промышленного капитала, ибо вклады сберегательных касс и процентные бумаги поддерживали, очевидно, торгово-промышленную деятельность где то за пределами Белоруссии. Бывшие же у нас акционерные общества незначительны и бумаги их не были в числе гарантированных, а, следовательно, и не принимались в банки на хранение.

Чтобы несколько ближе ознакомиться с техникой торговли, а вместе с тем и с происходящими в ней переменами, мы остановимся только на

одном из видов торговли, именно на хлебной торговле, которая имела у нас громадное значение и которая подвергалась обследованиям.

Местные рынки не имеют по хлебной торговле крупного значения. Можно считать не более 22-х станций, получающих 500 тысяч пуд. хлебных грузов (Брест, Белосток, Вильна, Витебск, Минск, Смоленск и другие). Но и эти крупные пункты, являясь потребительными пунктами или распределительными, притягивают к себе по преимуществу не хлеба местного района, а хлеба из отдаленных районов. Минск, например, притягивает к себе не более 9 проц. всех поступлений хлебов из близ лежащих местностей, т. е. из пределов Белоруссии. Могилев получает всего около 5½ проц. из ближайшего района, в который входят уже и небелорусские губернии. И при этом главнейший хлеб, поступающий из ближних районов, это овес. Это значит, что городское население Белоруссии питалось не белорусским хлебом, но хлебом, поступающим из других районов. Такая важная водная артерия, как Неман потерял значение артерии, по которой хлеб вывозился в Пруссию. Еще около 1890 г. Юрбург получал около пол миллиона хлебов, но в начале 900-х годов этот приток хлеба в Пруссию прекратился совершенно. По Неману проходил только хлеб, предназначенный для местного потребления и, напротив, из Юрбурга в Ковно стал подыматься с нижнего течения хлеб, т. е. из Германии. То же самое относится и к Западной Двине, по которой, особенно через Поречье, ранее сплавлялся хлеб из великорусского центра к Риге. Конечно, Двинское направление было только экспортным направлением, тогда как Неманское направление указывает на то, что отпуск хлеба за границу даже из западных белорусских губерний прекратился. Припять и среднее Поднепровье получили характер артерий, снабжавших внутренний рынок украинским хлебом, при чем Мозырь оказался наиболее крупным пунктом по распределению хлебных продуктов.

К исходу изучаемого периода мы в области хлебной торговли наблюдаем те же явления, какие установились сейчас после раскрепощения.

Торговля хлебом не носит крупного оптового характера, требует сравнительно мало посредников. Это об'ясняется прежде всего тем, что производительные рынки лежат недалеко; с другой стороны, тем, что скупка хлеба у крестьян быстро переносит скупленный хлеб в склады оптовика или розничника. Осенью повсеместно в Белоруссии наблюдалась одна и та же картина. Сейчас после жатвы и молотьбы крестьяне или расплачиваются хлебом со своими должниками, или по мелочам, по мере нужды, всего по несколько пудов, вывозят на базар. На каждом базаре продавец встречает довольно устойчивую цену, ввиду солидарности скупщиков, распределяющих между собою районы. Помещик продавал хлеб у себя в имении или скупщику, или непосредственно приказчику мукомола. В ноябре излишки крестьянского хлеба распроданы, а за излишками часто распродано и необходимое количество для потребления. Поэтому к весне цены повышаются, так как крестьянин принужден уже мукой покупать необходимое ему количество хлеба.

Теперь в нашу задачу должно войти изучение последнего этапа в вопросах рынка. Это изучение товарооборота Белоруссии, как одного района с другими районами. Это измеряется водными и железнодорожными отправками и получениями. Если взять чисто белорусские

районы по книге „Торговля и промышленность России в 1900 годах“, которой мы уже не раз пользовались, то получим, что наш отпуск состоял в значительной мере из лесных продуктов, чистый вывоз которых доходил до 262 миллионов пудов. Это громоздкий и дешевый товар. Затем в отпуск входили продукты питания, которых отправлено за пределы Белоруссии 1.339 т. пудов. Это уже переработанные продукты, куда входят мясные продукты, яйца и т. п. Ввоз в Белоруссию состоял прежде всего из продуктов земледельческих. Это хлебные грузы в количестве 23 млн. пудов.

Это, главным образом, тот хлеб, который не достает Белоруссии. 24 мил. пудов ископаемых и металлов ввозились в страну, в которой отсутствуют ископаемые и слабо развито металлическое производство.

Наконец, Белоруссия получала большое количество мануфактуры, 1102 тысячи пудов.

Естественно, прибытие хлебных грузов продолжалось и даже увеличивалось. Так, например, в 1908 году было ввезено в $2^1/_2$ раза больше хлебных грузов, чем хлебный ввоз 1898-1902 годов. По расчетам А. А. Смолича, на каждого жителя больше всего привозилось в Витебскую и Смоленскую губернии (несколько более 3-х пудов, затем в Виленскую и Гродненскую (2,32-2,49 пудов) и меньше всего в Минскую и Могилевскую) (1,14-1,27 пудов). Наряду с пшеницей, городским хлебом, увеличивается поступление ржи—деревенского хлеба. Уменьшается передвижка овса, что указывает на то, что этот хлеб задерживается в пределах производительных районов для кормовых целей. Импорт муки в сильной мере превышает импорт зерна. Так, пшеница почти целиком поступает в муке, и таже 1913 год дал значительное превышение отпуска хлеба в зерне над его получением. Это значит, что белорусс предпочитает отправлять свой хлеб в зерне, может быть под влиянием цен на международном рынке за границу, и заменять его привозной мукой, что вполне совпадает с отмеченным нами явлением падения у нас мукомольного дела.

Отсылая читателя за подробностями по ввозу и вывозу Белоруссии к работам А. А. Смолича и т. Бурбиса, Ждановича и Горецкого, мы укажем только на некоторые последние этапные пункты, характеризующие рынок Белоруссии.

Накануне войны в значительной мере подымается вывоз из Белоруссии более дорогих товаров. Так, например, вывоз льна увеличился на одну треть за последние 10 лет. Быстро стал увеличиваться вывоз коровьего масла, сыра, яиц, частью на внутренний рынок, частью прямо за границу, живой и битой птицы. В отношении скота наблюдается превышение ввоза лошадей над их вывозом (на 2,4 т. штук в 1912 году), что, конечно, является положительным явлением. Еще в 1909 году вывоз скота был довольно значителен (30 тысяч штук), затем он снижается и 1913 год дает превышение (на 7 тысяч штук) получения скота над вывозом его. На это указывает, в виду растущего вывоза мяса, на привоз скота для выкормки. Из хлебных продуктов за пределы Белоруссии идет в большом количестве картофель (1,6 миллионов пудов в 1913 году).

В переработанном виде идут за пределы Белоруссии такие продукты сельско-хозяйственной промышленности, как спирт (2 миллиона пудов), невыделанная кожа (0,4 миллиона), крахмал (0,2 миллиона). Вы-

воз лесных продуктов снижается: в 1911 году их вывезено в половину меньше, чем 1900 году. Но это весьма положительное явление. Теперь за пределы Белоруссии лесной товар идет по железным дорогам, а внутри передвигается по речным системам и, если нас не вводит в заблуждение статистика водных грузов, то, например, Минская губерния начинает отпускать по водным каналам меньше леса, чем получать его. Это все означает, что лес подвергался переработке, конечно, и в таком виде выдерживал железнодорожный фрахт. Так, следовательно сельское хозяйство доминировало и в деле торговых сношений с другими районами, но оно вывозило товар в переработанном виде.

Из других отраслей промышленности серьезное значение имели вывоз писчей бумаги, стекольных изделий и терпентина.

Кроме хлеба Белоруссия ввозила предметы обрабатывающей промышленности или сырье для переработки. Очень любопытно, например, что железных изделий ввозилось в 3 раза меньше, нежели железа и стали не в деле. Из металлических изделий серьезное значение начал приобретать вывоз сельско-хозяйственных машин и орудий (539 тысяч пудов в 1913 году) наряду с их ввозом (834 тысячи пудов в том же году). Это значит, что наши заводы нашли себе клиентуру за пределами Белоруссии. Напомним, что Виленский завод кос—старое, весьма распространенное по всей России производство. Растущий ввоз каменного угля и нефтяных продуктов тоже надо отнести к весьма положительным явлениям. Белоруссия получала около 3-х миллионов пудов керосина, т. е. 0,2 пудов на душу населения. Она ввозила более 9?0 т. п. шерстяных тканей, 813 тысячи пудов хлопчатобумажных тканей. Наконец, из товаров массового потребления в Белоруссию ввозилось 2.9 миллионов пудов сахара и сахарного песку.

Белоруссия пользовалась 3-мя рынками, сбыта и покупки товаров: Великороссии, Украины и Польши. В настоящее время может представлять интерес, в какой мере Белорусский рынок зависит от соседнего польского. Не вдаваясь в подробности, отметим одно, весьма важное обстоятельство: Польша служила очень крупным потребительным или транзитным рынком белорусских товаров, но сама ввозила в Белоруссию немного, например, всего около 4-й части шерстяных материй, и примерно такую же пропорцию хлопчатобумажных. Она ввозила около 5-й части сахару-рафинада и около 3-й части сахарного песку всего импорта Белоруссии. Одним словом, для Польши белорусский рынок был важным рынком получения товаров и сбыта своих фабрикатов. Но Польша для Белоруссии имела меньшее значение, так как шедший в Польшу белорусский товар поступал в значительной мере за границу, а шедший из Польши в Белоруссию товар мог быть заменен украинским и великорусским. Как это ни странно, но даже дешевый и близ лежащий Домбровицкий уголь в Белоруссии уступал Донецкому углю. Следовательно, расходы по фрахту оправдывали подвоз угля с Дона: из 25 миллионов пудов Украина давала 22 миллиона.

Заключение.

Мы рассматривали вопросы белорусской экономики по отдельным элементам ее. Такой прием нам казался естественнее, ввиду относительно небольшого исторического периода, охваченного нашим исследованием, не дающего резких граней. Однако, пройденный белорусским хозяйством 50 летний путь в историческом разрезе не является идентичным и имеет подразделения. В нашем заключении нам представляется целесообразным отчленить в историческом разрезе основные моменты, пройденные хозяйственной эволюцией.

Мы полагаем, что исследованный период делится на три части, которые условно хронологически можно распределить так. Эпоха 60—80 г. г.—эпоха полного бытованья остатков крепостного права в условиях падающего помещичьего хозяйства и первых попыток самостоятельного ведения крестьянами своего хозяйства. Продукция местной промышленности не имеет значения. Эпоха 80—900-х г. г.—эпоха первых сдвигов в недрах полуфеодального хозяйства, переходная. Наконец эпоха 900-х годов, последнего полутора десятилетия,—это эпоха убыстренной капитализации сельского хозяйства, борьбы с остатками средневековья. Этот процесс охватывает и промышленность, стремящуюся изжить формы мелкого производства и принять формы капиталистической индустрии. В общем, процесс экономической эволюции не был закончен и в условиях социально-политической жизни не мог быть завершен. Конечно, мы понимаем эти подразделения условно—так, как их понимал В. И. Ленин,—в смысле сосуществования в реальной действительности различных форм хозяйства,—от примитивно-натурального до высоко-индустриального, но, разумеется, отдельные периоды окрашиваются преобладанием тех или иных форм.

Крестьянское хозяйство первого периода характеризуется прежде всего восстановлением нормального, даже сравнительно убыстренного роста населения, что означает оздоровление его после гнета крепостной эпохи. Повидимому, чувствуется некоторое насыщение крестьянского труда полученной землею (слабость развития аренды). Однако, это хозяйство исключительно продовольственное. Натуральные формы его решительно господствуют. Техника примитивна. Но все же, в крестьянском хозяйстве она имеет тенденцию к более тщательному использованию основного рессурса продукции. Не удивительно поэтому, что на крестьянском хозяйстве лежит отпечаток бедности, отмечаемый всеми наблюдателями. Оно немногим еще разнится от крепостной эпохи с ее суррогатами вместо хлеба и курными избами. В эту эпоху помещичье хозяйство резко падает. Оно подверглось, несмотря на отличие национального состава помещиков, в связи с последствиями восстания, тем же формам депрессии, разорения, как и великорусское, неумевшее сравниться с применением вольнонаемного труда. Впрочем, в условиях тогдашнего хозяйства, в условиях отношений между поме-

щичьим двором и селом, труд еще не получил форм свободного вольнонаемного труда. Остатки феодализма господствуют, выражаясь в отработках и т. п. И помещичье хозяйство лишено капиталистических форм, оно носит характер натурального. Даже обмен между городом и деревней еще продолжает носить характер натурального (расчеты натурой, продуктами, трудом и т. п.).

В промышленности на месте господствует ремесленник. Если исключить (а это справедливо для данного периода) Гродненский район с его, в случайных условиях зародившейся промышленностью, то можно говорить о полном отсутствии фабрично-заводской промышленности. Крестьянский обиход удовлетворяется работой преимущественно членов своей же семьи (когда то я описывал подобное хозяйство 90-х г. г.), в крайнем случае с помощью деревенского ремесленника (кузнец, горшечник). Помещичий двор еще не расстался с обычаем опираться или на деревенского ремесленника—полуземледельца или даже на дворового ремесленника. Феодальные порядки еще господствуют. Более широкий вкус удовлетворяется соседним полуземледельческим местечком или городом такого же характера, но имеющим административное значение. Города слабо развиты, в них часть хозяйств ведет еще полунатуральный характер. Часть населения работает на окружающих город полях, другая держится подвозом запасов из деревень. Несложные нужды городского класса обслуживаются ремесленниками, или тем, что тогда называлось фабрикой, т. е. по существу мелким ремесленным предприятием. Правда, у некоторой части горожан, у присланных из Великороссии чиновников, в панских дворах нарастают вкусы и потребности, неудовлетворяемые местной промышленностью. Для удовлетворения этих потребностей служит капитал, работающий в Варшаве, Лодзи или Москве. Он распространяет свои изделия через многочисленных мелких торговых посредников. Местечковый базар, масса местечковых ярмарок, мелкая ремесленная торговля удовлетворяют этим потребностям. Тот же ремесленник—торговец выкачивает из села или из панского двора продукты для экспорта за пределы Белоруссии. Этими продуктами было грубое сырье. Необделанный лес, хищнически истребляемый, удовлетворял пана в деньгах и наращал капитал будущей торгово-промышленной буржуазии. Это был главный предмет отпуска. К нему можно было бы прибавить переработку хлеба в спирт в целях отпуска. Крестьянское хозяйство свои несложные нужды в деньгах удовлетворяло, повидимому, преимущественно выбрасыванием на рынок льна и пеньки. Эти продукты производились для рынка, ибо нельзя считать продававшегося крестьянами на рынке хлеба рыночным производством, когда этот хлеб продается осенью, под влиянием нужды в деньгах, и покупается или берется взаймы весною, о чем мы имеем массу свидетельств от того времени.

Таков контур этого первого периода, еще мало отличимого от далекого средневековья.

Где то на грани 80-х и 90-х г. г. чувствуется перелом. Приведенные нами в своем месте подсчеты Мареса и другие соображения указывают на наростающую недостаточность в питании сельского населения. Падает земельное обеспечение на один крестьянский двор. Урожаи дают прерывистость и неравномерность. Появляется нужда в привозном хлебе. Наросшее сельско-хозяйственное население выяв-

ляет большой проц. труда, неиспользуемого сельско-хозяйственным промыслом. В крестьянском населении чувствуется тяга к отходу, к отхожим промыслам. И этот излишний в сельском хозяйстве труд находит себе достаточное применение частью на месте, частью далеко на шахтах. Единственное богатство страны—леса подвергаются убыстренной разработке и, повидимому, более целесообразной. Теперь уже масса крестьянства находит приложение своего труда, особенно в отхожих лесных промыслах (ссылаемся на прекрасный материал в памятных книжках Минской г. 2-ой половины 90-х г. г.). Волна всероссийского грюндерства докатилась до белорусской деревни, затронула ее. В ней почувствовалось веяние капитала. В условиях отхода, деревенской торговли, как общее правило, связанной с ростовщичеством, зарождается тот самый крестьянин, который, не имея земли или обладая ничтожным наделом но имея скот, стучится в двери банка для того, чтобы здесь получить привычное для него материальное обеспечение—участок, достаточный для хозяйства, а иногда и с излишком. В этих условиях вырабатывается крестьянин, приобретающий иногда и сотни десятин, т. е. выходящий за пределы трудового хозяйства. В земледельческом хозяйстве начинается также перестройка. Цены на земли быстро подымаются, приобретая спекулятивный характер. Хотя поляки—землевладельцы принуждены по неэкономическим причинам держаться земли, однако расстройство хозяйства, соблазн обладания наличным капиталом, обремененность долгами землевладения толкает их к выбрасыванию земли на рынок. Правительственная политика пользуется этим для водворения „русского" землевладения. Как общее правило, это землевладение было нездорового типа, спекулятивное. Но среди земельных спекулянтов пробирался к земле и капиталист в целях орошения ее капиталом, заводивший капиталистическое хозяйство взамен старого феодального.

Промышленность этой эпохи дает значительный прогресс. В среднем, и торговое, и промышленное предприятие носит еще мелкий характер. Но общий размах развития сказывается весьма сильно и рост идет преимущественно за счет предприятий промышленного характера. Данные 2-й половины 90-х г. г. уже говорят нам о значительном сдвиге в области индустриализации страны. Теперь уже можно говорить о зародившейся промышленности Белоруссии.

Последние 15 лет, т. е. третья из намеченных нами эпох, являются продолжением и углублением происшедшего сдвига в хозяйстве страны.

Основные черты хозяйственной эволюции, обрисованные нами в этой книге, в их конечном исходе не новы в отношении ко всей территории б. России. Они новы постольку, поскольку нами детализированы на примере Белоруссии. Мы наблюдаем процесс внедрения капитала как в сельское хозяйство, так и в промышленность. Это звено того самого процесса, который в свое время так прекрасно и научно был выдвинут и обоснован В. И. Лениным в его знаменитой книге о развитии капитализма в России, составившей эпоху в нашей экономической литературе (это мы стремились доказать в особой работе). Последующая литература и особенно новейшая развила и подтвердила эти выводы. Из многих следует только припомнить хотя бы работы проф. Огановского и особенно вышедшую недавно книгу А. Тюменева „От революции к революции" (с последней мы познакомились только к исходу печатания нашей книги). В общем мы присутствуем

при процессе капитализации хозяйства, усиливающемся к исходу рассматриваемого периода. Это начало процесса борьбы с пережитками средневековья, феодальных порядков, начало отмирания натурального типа хозяйства с его отработками, трехпольем и пр.—вот путь этого процесса. Это тот самый процесс, который в наших условиях завершен и только мог быть завершен Октябрьской революцией.

Прежде всего деревня перестраивается и рыночные отношения в ней начинают занимать превалирующее значение. Известная часть крестьянских хозяйств работает на рынок. Отсюда относительное падение озимых посевов, отсюда рост посевов технических растений и особенно картофеля. В связи с этим стоит явно выражающийся животноводственный уклон хозяйства. Одним словом, создаются предметы, нужные для рынка, взамен ряда других предметов, приобретаемых на рынке же до прикупки привозного хлеба включительно. Все эти вехи индустриализации нами тщательно отмечены в своем месте. Тяга к земле, т. е. к увеличению ее размеров в известной части крестьянства усиливается. Проявляется отчетливое сознание огромного значения технических улучшений. Интенсификация хозяйства на наших бедных почвах делает бесспорно крупные шаги, отсюда и сознательное стремление к уничтожению чересполосицы и пр. Все это нами, кажется, развито в достаточной мере.

Но вот на какую сторону процесса необходимо обратить внимание. Прежде всего, в области крестьянского хозяйства нельзя говорить о единстве типа этого хозяйстве. Очевидно, рыночными отношениями проникалась прежде всего та часть крестьянских хозяйств, которая вырабатывала избытки продукции, и затем та часть хозяйств, которая, в силу недостаточной обеспеченности землею, продавала свой труд. Обе группы имели оживленные сношения с рынком. Конечно, оставалась прослойка хозяйств продовольственного типа с полунатуральным хозяйством. Это означает пауперизацию известной части деревни и нарастание и укрепление ее верхушки. Итак деревенские отношения характеризуют батрак, пролетарий или полупролетарий, и кулак, потребляющий труд батрака. Хотя наши данные очень скудны (отсутствие специальных обследований), но нами это по мере возможности прочно выяснено.

Отсюда, при впечатлении общего колорита роста деревни, ряд фактов говорит нам в то же время об ее обеднении. Это естественный процесс капитализации. Отсюда наблюдавшееся нами замедление прироста населения. Отсюда рост переселения, уносящего, как это доказано многими исследователями, наиболее энергичные силы деревни, рост отхода на дальние заработки; замедленный рост городской промышленности неспособен поглощать освобождающийся труд деревни.

По внешним признакам крестьянство вбирало в свой хозяйственный оборот все большую и большую часть средств производства, в виде земли, посевной площади, скота. Но, очевидно, эти блага изливались на зажиточного крестьянина, капитал которого давал ему возможность дальнейшего наращения. И тем большая разница образовывалась между сельской буржуазией, как классом, и сельским пролетариатом. Это был дележ благ между буржуазией, выходящей из крестьянской же среды, и между помещиками. Нам думается, что не следует переоценивать уступок со стороны землевладельческого класса. Если потомки старинной шляхты теряли способность к дальнейшему наращению благ, то все же, частью в старой помещичьей среде, частью в

землевладении новой формации появлялись очаги сильной эксплоатации. Все же в старой панской Белоруссии был очень силен владельческий элемент. Все эти условия представляли угрозу для пролетаризованной части деревни. Она не могла расчитывать на поддержку старой власти. Как известно, последняя строила свои планы укрепления власти на крупной буржуазии и на том типе „хозяйственного мужичка“, который являлся деревенским эксплоататором. Отсюда ее стремление поддержать „крепкое“, т. е. капиталистическое землевладение; отсюда специфическая окраска деятельности крестьянского банка, столыпинская реформа, даже приемы агрикультур-технических улучшений. Да и более того, в направлении хозяйства, власть была далека от широкого размаха, который мог бы докатиться до беднейшей части села.

В нашей работе есть один пропуск, который мы сознательно обошли, потому что к вопросу надо подойти рядом сложных методов для его уяснения. Это вопрос о бюджете, который должен составить особое исследование. Но мы здесь считаем нужным привести несколько справок о том, в какой мере старое правительство удовлетворяло культурные нужды населения Белоруссии. Эта справка поможет нам с совершенной отчетливостью уяснить наше утверждение, насколько белорусским губерниям мало уделялось внимания в деле культурного и хозяйственного строительства.

Не будем вдаваться в подробности. Перед нами таблица из известной книги проф. Яснопольского о географическом распределении расходов. Данные относятся к концу 80-х и началу 90-х годов. Вот несколько примеров культурных и государственных расходов по губерниям на одного жителя. В 1893 г. по мин-ву государств. имуществ, т. е. на мелиорацию, агротехнику и пр., расходовалось в среднем на душу: по Витебской г.—по 4 коп., по Могилевской и Смоленской—по 8 к., по Виленской и Гродненской—по 11 коп. и по Минской—по 16 к. В том же году, по мин-ву народного просвещения, в разных губерниях от 10 к. (Витебская, Могилевская) до 21 к. (Виленская, где был учебный округ). По системе государственного кредита от 12 до 56 к.—в разных губерниях.

Интересно, что на народное просвещение в этом году тратилось относительно меньше, чем напр. в 1887 г. (результаты политики Александра III), в котором наименьший расход на одного жителя был в 15 к. (Гродненская и Минская), в остальных даже выше, а в Виленской—27 к.

Расходы 1893 г. по системе государственного кредита были уже шагом вперед, сравнительно с 1887 г., ибо в последнем на меры хозяйственной политики расходовалось меньше 1 к. на жителя. Правда, пути сообщения в расходной части стояли довольно высоко. В 1887 г. в Могилевской г. на пути сообщения затрачено 67 к., но в других губерниях во много раз меньше: в Витебской--9 к., в Гродненской—7, в Минской—6 к., в Смоленской—3, а в Виленской даже 0,2 к. Таковы были расходы на досмотр наших рек, речных каналов и шоссе и на железнодорожное строительство. Правда, в 1893 г. расходы на пути сообщения в некоторых губерниях поднялись. Если в Смоленской губ. они выражались еще в 4-х к. на жителя, в Могилевской—в 6 к., в Витебской—в 7 к., то в Гродненской поднялись до 32 к., в Виленской до 268 к., а в Минской до 283 к. Это в период уже развитой сети железных дорог. Однако, в эти годы церковь стоила правительству

довольно дорого, ибо на нее расходовалось от 19 до 30 к. в разных губерниях в 1887 г. И далее, расходы на военные нужды выражались уже в нескольких рублях на жителя.

Итак, культурные и хозяйственные нужды обще-государственным бюджетом удовлетворялись в весьма слабой мере. В 80-х и 90-х годах земств не было, жалкие городские сметы немногое могли прибавить к расходам на культурные и хозяйственные нужды. И в конце XIX в. любое правительство понимало уже значение этих нужд. Но еще поразительнее вот что:—и накануне войны, когда правительство, казалось, должно было бы более внимательно относиться к хозяйству и культуре, все же удовлетворение этих нужд носило более, чем скромный характер. Достаточно сказать, что в среднем, по мин-ву народного просвещения, расходовалось только 56 к. (в среднем по Европ. России—68 к.) на 1 жителя, по управлению земледелия—всего 50 к. (по Европ. России—55 к.), на систему государств. кредита—0,7 к., по Европ. России—2 к. В то же время на органы мин-ва внутр. дел расходовалось 84 к., а на церковь—29 к. Только пути сообщения давали более высокий расход в 221 к. (по Европ. России—299 к.). В этих цифрах великолепно сказывается тогдашняя политика. Конечно, на военное ведомство расходы тоже были большие—273 к. и на органы мин-ва финансов (218 к.), т. е. на выжимание податей и сбора акцизов. Правда, у нас в это время уже было молодое земство. Здесь не приходится останавливаться на вопросе о том, почему местные земства мало благоприятствовали под'ему культуры среди белорусского населения. Но достаточно сказать, что, например, в 1912 г. Минское земство ассигновало на нужды народного просвещения смешную цифру—всего 14,6 т. р., на все мероприятия, связанные с агрономией,—всего 39,6 т. р., на ветеринарную часть—4 т. р., только на медицинское и дорожное дело смета перевалила за 200 т. р.

Правда, 1912 г.—последний год упрощенного земства. С 1913 г. и в 1914 г. направление земской деятельности изменяется в сторону значительного под'ема агрикультур-технической работы. Но, конечно, оживление земства не имеет отношения к политике правительства, а с другой стороны, оно вовсе не говорит об устремлении к поднятию крестьянского хозяйства. Агрономические пункты, ветеринары и пр. нужны были и стремящемуся подняться помещичьему хозяйству, что представляло собой уже угрозу бедняцкому элементу деревни.

Возвращаясь к основной нашей задаче, мы должны еще раз подчеркнуть, что в эту третью эпоху нашего хозяйства, в эпоху, в значительной мере окрашенную последствиями революции 1905 г., мы наблюдаем превращение крестьянского натурального хозяйства в хозяйство рыночное. Но падение отработков ставило и помещичье хозяйство в необходимость перехода к капиталистическим формам или к ликвидации. Первый тип хозяйства становился угрозой для деревенских пауперов, второй—обогащал деревенскую буржуазию. У нас получилось то же, что и в остальной России. Земля оказалась в руках зажиточного крестьянства, а обедневшие слои его лишались возможности вести свое хозяйство даже на арендованной земле. „Концентрация наделов,—говорит А. Тюменев,—и банковской (дворянской) земли в руках верхнего слоя крестьянства образовала, таким образом, базис для развития крупного капиталистического хозяйства; одновременная массовая пролетаризация крестьян-пауперов создавала готовые кадры

наемных рабочих; наконец, прекращение исключительного господства ростовщического капитала в деревне и вытеснение его кредитной кооперацией толкали его на производительное помещение". В то же время рынок начинал представлять соблазнительные перспективы обогащения. Все это давало общий фон под'ема хозяйства, стремления его к улучшению техники мелиорации и т. д., но в то же время и к расширению применения наемного труда. В деревне ясно ощущалось присутствие резервной армии наемного труда, размеры которой продолжали увеличиваться и даже начинали пугать тогдашнюю администрацию.

Одновременно с тем вырастал и класс городского пролетариата.

В области промышленности мы замечаем в этот последний период весьма значительные перемены. В общем, это эпоха убыстренной индустриализации Белоруссии. Это явление выражалось в весьма разнообразных формах. Как ни грубы данные, которыми мы пользовались, все же нам удалось показать процесс отступления мелкой промышленности перед крупной. Крупный капитал стал проникать в промышленность и стал давить на мелкую. Отдельные виды ее (спичечная, бумажная, частью текстильная) принимают формы крупных предприятий, продукция которых далеко выходит за пределы Белоруссии. Концентрация промышленного капитала выступает с особой рельефностью.

В смысле географическом наблюдается известного рода перемещение. В течение многих десятилетий важнейшим очагом промышленности была Гродненская г. Теперь появляются очаги крупной промышленности в вост. Белоруссии, особенно подымаются Витебщина и Минщина. Промышленность на новых местах имеет более крупные формы.

В структуре промышленности наблюдаются все те условия, которые обычно сопровождают убыстренный темп индустриализации страны. Мы наблюдаем рост рабочего класса, рост вырабатываемой продукции на каждого рабочего и т. п. Все это нами в своем месте выяснено.

По материалу, на котором базируется эта промышленность, она все же носит характер промышленности, перерабатывающей местное сырье. Однако, замечается тенденция развития и промышленности, перерабатывающей привозное сырье. Очевидно, к дешевому рабочему был смысл подвезти сырье. Правда, этими попытками не следует особенно увлекаться, но все же сельско-хозяйственное машиностроение, повидимому, начинало закреплять здесь свои позиции. Можно указать и на робкие попытки, правда, небольших по размеру, предприятий по переработке нефти, хлопка и даже шелка. Крупный капитал в эти последние не шел, но мелкий делал попытки. Все это слабая тенденция, которую необходимо однако отметить. К этому надо прибавить, что Гродненская шерстяная промышленность тоже пользовалась привозным сырьем.

Рост промышленности создавал рост рабочего класса. Но кроме фабрично-заводских рабочих, в собственном смысле, у нас был весьма значительный слой рабочего в ремесленной мастерской, или даже хозяев этих мастерских, попавших в сферу эксплоатации крупного капитала. Работа на магазин получала огромное распространение, капитал охватывал своими щупальцами городского и местечкого ремесленника и превращал его в своего слугу. Это порождало формы самой тяжелой эксплоатации труда.

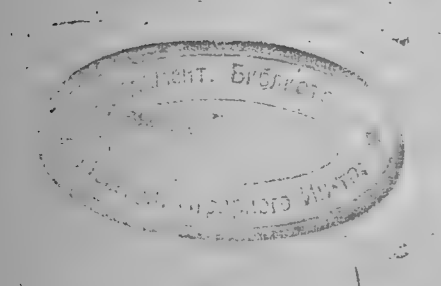
Положение городского пролетариата было очень тяжелым в материальном отношении, которое в наших условиях еще усугублялось специфическими особенностями правительственной политики. Все эти условия сплачивающим и воспитывающим образом воздействовали на подготовку классового самосознания в городском пролетариате и подготовляли неизбежный взрыв. В этом случае вполне можно согласиться с А. Тюменевым, который так об'ясняет создавшуюся ситуацию: „Ход событий и прежде всего возникновение мировой войны и та обстановка, в которой эта война протекала,—сделал новый революционный взрыв неизбежным и в значительной мере ускорил его наступление. А т. к. гегемоном в этой второй революции стал пролетариат, не только прошедший хорошую революционную школу, но и получивший уже достаточное классовое воспитание и подготовку, так как революция вспыхнула в обстановке мирового хозяйства, в значительной мере уже подготовившей осуществление коммунистических идеалов, то провозглашение коммунизма являлось не более, как неизбежным концом новой революции". И городской пролетариат в белорусской деревне в изобилии нашел—в двух третях ее пролетарского состава поддерживающий ее элемент, ждавший только руководящих указаний для общего устремления к осуществлению коммунистических идеалов.

Все хозяйств. развитие Белоруссии точно также неизбежно подготавливало социальный взрыв. Накапливались противоречия, как в деревне, между крестьянством и помещичьим землевладением, так и в городе, между трудом и капиталом. Гегемоном в революции, которой суждено было снести феодальные отношения в деревне, равно устранить эксплоататорскую верхушку города, стал неизбежно городской пролетариат Белоруссии, нашедший себе союзников в лице беднейших слоев крестьянства.

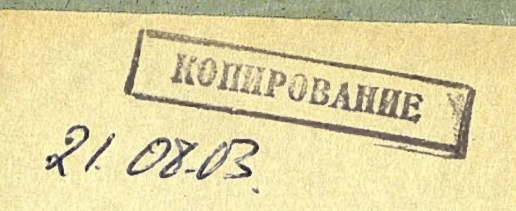
ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие — *стр.*

I. Наследие крепостной эпохи 1
II. Население 8
III. Землевладение и его мобилизация 30
IV. Землевладение. Распределение земельной собственности по размерам владений 47
V. Правительственная политика по землеустройству отдельных групп трудового населения 53
VI. Распределение земельной собственности среди крестьянского населения . 56
VII. Пережитки феодальной эпохи 62
VIII. Расслоение крестьянства 73
IX. Подсобные крестьянские промыслы и аренда 81
X. Вопросы труда в деревне 93
XI. Распределение земельной площади по угодьям 97
XII. Посевная площадь и урожай 102
XIII. Скотоводство 125
XIV. Несколько итогов 133
XV. Условия развития техники сельского хозяйства . . . 142
XVI. Лесное хозяйство 158
XVII. Фабрично-заводская промышленность 162
XVIII. Положение рабочих 182
XIX. Несколько деталей 188
XX. Вопросы рынка 218
Заключение 232

Цена 2 р. 50 к.

КОПИРОВАНИЕ
21.08.03

